

К63.5 (2)
9 37

Николай Ядринцев

**Сибирские
иностранцы**

Николай Михайлович ЯДРИНЦЕВ

Сочинения

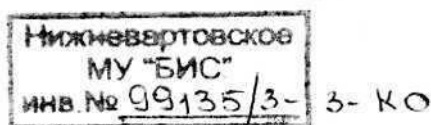
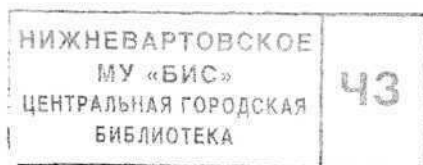
Под редакцией С. Г. Пархи.мовича
Составитель Ю.Л. Мандрила

Николай Михайлович
ЯДРИНЦЕВ

Том второй

Сибирские инородцы,
их быт и современное положение

Этнографические и статистические исследования
с приложением статистических таблиц

Тюмень, 2000

Я 32 ЯДРИНЦЕВ Николай Михайлович

Сочинения: Т.2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 336 с. — (Краеведческая б-чка журн. «Лукич»)

Книга «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» — переиздание работы известного ученого, общественного деятеля и писателя Н.М. Ядринцева.

Адресована всем, кто интересуется историей края, Сибири.

© Мандрика Ю.Л. (составление), 2000.

© Пархимович С.Г. (комментарии), 2000.

© Кухтерин А.С. (иллюстрации), 2000.

© Издательство Ю. Мандрики (оформление), 2000.

ISBN 5-93020-076-9

ISBN 5-93020-077-7 (том II)

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос

Несколько лет тому назад автор этого исследования имел возможность произвести наблюдения над бытом и жизнью инородцев Западной Сибири. Наблюдения его начались в 1878 и 1880 гг. с Алтайского горного округа, находящегося в пределах Томской губернии. В эту местность автор был командирован в качестве исследователя по поручению Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества в Омске. Район этот избран был самым наблюдателем как древний центр и исходный пункт устро-алтайских племен, где типы, нравы, обычаи инородцев сохранились в большой чистоте; затем он перешел к изучению быта инородцев и других местностей. Неоднократные поездки по всей Сибири до Иркутска в 1886 и в 1888 гг. дали возможность автору дополнить свои наблюдения. При изучении положения и быта инородцев Западной Сибири, кроме того, автор настоящей книги пользовался особенно благоприятными условиями. Находясь на государственной службе в Западной Сибири, автор был командирован к Комитету для избрания мест оседлых поселений в степях Западной Сибири с целью привлечения кочевых племен к оседлости. Затем он участвовал в работах другого Комитета, учрежденного генерал-губернатором Западной Сибири, а именно по пересмотру проектов уставов для привлечения инородцев к воинской повинности. В этих Комитетах сосредоточены были подробные сведения о числе и положении инородцев всей Западной Сибири. Автор занялся при Комитетах разработкой существующих статистических сведений. В качестве этнографа им пересмотрена была и вся предшествовавшая литература об инородцах, а сношения с официальными лицами и учреждениями помогли дополнить материал по мере надобности.

Изучая инородческий вопрос в Сибири, исследователь убедился прежде всего, что, несмотря на описание быта

инородцев многими путешественниками, начиная с Георги¹ и Палласа², несмотря на разные монографии и статьи, появившиеся в ученых и периодических изданиях, материал этот далеко не сведен в одно целое, а в самом изучении склада инородческой жизни остается еще многого желать.

Посвятив особое сочинение исследованию культуры урто-алтайских племен, автор рядом с этим остановился и на современном положении инородцев, судьба которых заслуживает особого внимания.

При рассмотрении жизненных условий инородческих племен весьма видную роль играет вопрос о том, увеличиваются ли или уменьшаются инородцы, иначе — вопрос о вымирании инородцев. Факт вымирания инородцев засвидетельствован в разных отдельных случаях учеными и путешественниками. Об этом уже говорили путешественники прошлого столетия Гмелин³, Паллас, то же подтвердили Кастрен⁴, Миддендорф⁵ и другие. В отдельных монографиях об инородцах приведены многочисленные примеры, как, напр., у Шапова, Шашкова и др. Тем не менее точного научного статистико-экономического исследования в отдельности по племенам не было сделано, не было выяснено также, в силу каких причин вымирают инородцы. Есть ли это вымирание неизбежный закон, тяготеющий над известною расою, или его порождают случайные неблагоприятные условия, с устранением которых прекращается и вымирание? Об этом существуют разнообразные суждения.

Исследуя быт наших инородцев, нам хотелось выяснить, во-первых, самый факт прибыли, прироста или уменьшения, вымирания инородцев среди различных племен. Мы видели в литературе только отдельные ссылки и отрывочные указания, между тем как здесь важно точное статистическое исследование. Относительно некоторых племен, исчезших совершенно, напр., омоков, аринцев, котов, ассанов и т.п., трудно восстановить что-либо; о них только мельком упоминают путешественники. Во время завоевания Сибири и до половины прошлого столетия кочующим племенам не велось счета. Но с 1763 г. (переписи Щербачева) уже начали вестись окладные списки инородцев и мы можем следить

Сноски, имеющие цифровую нумерацию, принадлежат автору комментариев и помещены на С. 321. К словам, обозначенным астериском (), имеются примечания автора, которые помещены внизу страницы. — Прим. издателя.*

прибыль или убыль инородческого населения. Затем весьма важно было сопоставить факты вымирания с теми изменениями, которые произошли в жизни инородца, чтобы определить причины этого и в то же время выяснить те условия, при которых совершается как прирост, так и вымирание. Современная картина экономического быта инородцев может объяснить многое. Поэтому в настоящем исследовании мы собрали всевозможные данные о современном положении инородцев. Нам казалось, что это единственный научный базис, на котором может быть рассматриваем инородческий вопрос, а затем делаем выводы. До какой степени вопрос этот нуждался в разработке, служит доказательством следующий факт. На международном конгрессе ориенталистов в Петербурге, в 1876 году, был поднят вопрос о том: увеличились или уменьшились сибирские племена со времени завоевания Россией Сибири. Вопрос этот, интересовавший ориенталистов, не мог быть разрешен учеными отделениями, так как точных исследований по этому поводу не оказалось. Наше исследование — первая попытка восполнить этот пробел. Нет сомнения, что детальное изучение отдельных племен и специальные этнографические исследования дадут еще более данных. Этнографические и антропологические экспедиции, предпринимаемые по инициативе ученых обществ, как столичных, так и местных, будут в данном случае в высшей степени важны. К этому должны присоединиться компиляции и собрание сведений об инородцах, заносимых разными путешественниками и учеными. Такие своды и монографии издаются чаще на иностранных, чем на русском языке. Наконец, очень важно изучение культуры и быта инородцев. Сделанные нами попытки по исследованию культуры устро-алтайских племен открыли нам массу таких фактов, которые освещают историю инородцев совершенно с новой стороны, как и способности племен. Не имея возможности доселе издать этих материалов, мы ограничиваемся одною главой и общими выводами.

Изучение культуры инородцев весьма важно и для разрешения практических вопросов их жизни. Рядом с вопросом о существовании инородцев выдвигается и другой, не менее важный, о культурных их способностях, или о способности их воспринимать высшую культуру и цивилизацию. Рассматриваемый поверхностно, он приводил ко многим противоре-

чиям и отрицал у инородческих племен способность к общечеловеческому развитию; однако нельзя было не заметить, что такие приговоры были преждевременны. В этой области также требуются проверки. Подобные приговоры могут быть произносимы только на основании изучения тех стадий, которые переживают инородцы, на основании их истории, при изучении их быта, языка, культуры и точном исследовании умственных способностей, так или иначе выражающихся в жизни. Но таких опытов в точном научном значении сделано очень мало. Исследование современного быта инородцев должно помочь и административным задачам их управления. Сборники обычного права начали собираться еще во времена Сперанского⁶ (Сборник, изданный Самоквасовым); с тех пор делалось несколько попыток. Нам известен почтенный труд покойного князя Кострова, составленный по программе отделения этнографии Императорского Географического Общества. К сожалению, труд этот, касающийся инородцев Западной и отчасти Восточной Сибири (Енисейской губ.), остается до сих пор неизданным.

Устав об инородческом управлении 1822 г., выработанный Сперанским, указал основы этого управления сообразно обычаям, степени развития инородцев и сообразно их быту, но с тех пор прошло много времени и устав этот требует пересмотра и переработки. По исследованию обычного права инородцев автором доложен был реферат в С.-Петербургском Юридическом Обществе. В инородческом управлении возникает все резче вопрос административно-политический, касающийся гражданского полноправия инородцев и гарантий закона в применении к ним; затем нынешнее положение их возбуждает вопрос духовного развития и просвещения инородцев и тех племен от них, которые уцелели и продолжают существовать. Нет сомнения, что если им будет доступно развитие, если они выкажут способности, то не могут быть отрицаемы для них и общечеловеческие права, и блага высшего человеческого существования. Все это вводит инородческий вопрос в ряд вопросов общечеловеческих, заслуживающих особенного внимания. В них лежит не только «to by or no to by» (быть или не быть) инородческого существования, вопрос жизни и смерти целых племен, но и вопрос о восприятии в высшую человеческую среду младших бра-

тьев, историческое и культурное развитие которых отстало и было замедлено.

Нам кажется, что фактические данные и статистико-экономическое исследование, сделанное нами относительно некоторых племен, дают некоторые данные к разрешению этих вопросов, так русская публика весьма мало имеет понятия о племенах, населяющих Сибирь; научная же классификация алтайской группы народов хотя и установлена со времени Кастрена, но, по мере дальнейших исследований, подвергается поправкам и изменениям в отдельных группах, поэтому мы сочли нужным приложить особую статью с критическим обзором существующей классификации и группировки сибирских племен.

Не можем не указать в то же время на весьма важное значение исследования инородческих племен Сибири для антропологии, истории культуры и истории человечества вообще.

В антропологическом отношении, по физическим признакам, алтайская группа сибирских инородцев принадлежит к желтой монголообразной расе, но в ней заключаются все дальнейшие переходы от желтой расы к белой арийской. Это заметно как в классификации отдельных племен, так и в смесях каждого племени. В алтайской группе мы видим манджурскую народность тунгусов, затем монголов, бурят, монголообразных тюрков, якутов, алтайцев, телеутов, киргизов и переходные типы от них черневых татар*, кочинцев, сагайцев (народности как бы смешанные с финнами), далее саянскую группу сойотов, кайбалов и самоедов, как бы переходную от монголов к финнам, наконец, чистых тюрков, татар Западной Сибири и бухарцев. Затем следует группа финнов, потомков угров, в лице вогулов и остяков. Соединение этих групп: манджурской, монгольской, алтае-саянской, тюркской и финской, постепенные их переходы и смешения представляют величайший интерес для антрополога и могут при изучении внести немало света к пояснению всех переходов от желтой к белой расе, или от монголообразной к арийской и индо-германской. Может быть, некоторые данные дадут весьма важный материал к истории образования и смешения рас.

При изучении инородцев автор занимался антропологическими исследованиями у алтайцев и черневых татар. Результаты измерений опубликованы в списках Московского общества естествознания и антропологии.

Еще любопытнее история культуры среди племен, изолированных от европейского влияния. Изучая быт звероловов, рыболовов, скотоводов, кочующих среди степей, гор и лесов, исследуя племена полуоседлые и осевшие, мы можем видеть все переходы от бродячего быта к оседлому. В этом отношении инородческие племена Сибири иллюстрируют нам целую картину постепенного исторического развития. Самая история и происхождение сибирских племен на севере Азии, благодаря научным исследованиям, все более разъясняется. Ими интересуются одинаково ориенталисты, лингвисты, историки и археологи.

Многие сведения о северных племенах сохраняются в китайской истории, которая потребует, конечно, критической проверки и сравнения с тюркскими, монгольскими, арабскими и персидскими историками и географами. Подобные исследования были под силу только многосторонним ориенталистам, как Клапроту⁷, Абель-Ремюза, Шопу⁸, Григорьеву⁹ и другим. Первая попытка Клапрота возобновить истории этих племен (см. *Asia Poliglotta* и *Tableaux Historique de l'Asie*) останется гениальным памятником в этом воссоздании прошедшего.

Новейшие археологические исследования на юге Сибири, собрание многочисленных древностей в музеях, особенно в Минусинском музее, где собраны богатейшие коллекции бронзового века, отысканные древние надписи, писанные на камнях, помогут восстановить картину жизни и быт северных азиатских племен*. Археологические изыскания в Сиби-

В связи с изучением инородческого вопроса автором настоящего сочинения опубликованы и археологические исследования: см. «Древние памятники и письмена в Сибири». Н. Ядринцева. Литературный сборник, изд. «Восточного Обозрения» 1885 г., стр. 456. «Отчет о поездке в Восточную Сибирь в 1886 г. для обозрения местных музеев и археологических работ». Н.М. Ядринцева. Записки Императорского Русского Археологического Общества, кн. III, стр. II-XXVI. Исследование о древностях и курганах в Алтае из путешествия 1880 г. в записках Московского Археологического Общества. Затем на археологическом съезде в Москве в 1890 г. представлены рефераты: «Следы азиатской культуры в скифских древностях» и «Распространение каменных баб в Южной Сибири и сходство их с южно-русскими». В 1889 г. совершено автором археологическое исследование в пределах Монголии и открыта древняя столица монгольских ханов Кара-Корум с древними памятниками и надписями, причем заслужили внимания письмена подобно руническим; ранее они открываемы были в вершинах Енисея (см. *Inscriptions de l'Enisee*, изд. Финляндского Археологического Общества. Гельсингфорс). Эти надписи подлежат дешифрованию и указывают на распространение каких-то тюркских племен от Монголии до Енисея и далее до Тарбагатай.

ри, начавшиеся с прошлого века, исследование могил, курганов, каменных баб (намогильных статуй), тянувшихся из центральной Азии к югу России, усевающих новороссийские степи, указывают на путь передвижения азиатских племен в Европу. Очень может быть, что наука скоро разъяснит нам историю загадочных скифов, как и происхождение гуннов. Северные азиатские племена, несомненно, составляют звено между азиатскими и европейскими народами; нет никакого сомнения, что сибирские инородцы, отброшенные к северу, являются остатками народов, которые когда-то совершали передвижение из центра Азии на запад и часть их, может быть, сохраняет черты древнейших аборигенов Азии*. Южная Сибирь, сибирские низменности и степи, когда-то была обширною ареною передвижения народов из Азии в Европу. Таким образом, история этих племен есть часть общечеловеческой истории, и чем более европейские ученые и исследователи изучают эти племена, тем более широкое поле открывается пред их глазами, тем более интерес к ним увеличивается. Исследуя быт наших инородцев, мы не могли не отнестись поэтому к инородческому вопросу горячо; делая с своей стороны свои вклады, мы питали робкую надежду, что эти вклады послужат столь же на пользу отечественной науки, сколько и для интересов общечеловеческого знания.

Автор

К племенам, упоминаемым китайцами в древнейшие времена и населявшим северную Монголию и часть Сибири, принадлежат хунну (знаменитые гунны, по мнению одних, были монголы, по мнению Клапрота — финны, по другим исследованиям — уйгуры-тюрки). Кидане и нюечжи, завоевавшие Китай до монголов, племена манджурские с Амура, джурджени, обитавшие там же, древние тюрки, тукюз, обитавшие в Алтае, они же «дулга» по Иоакинфу. Государство тюрок (тукюз) в VIII в. простиралось от Байкала до Персии; часть тюрок перешла на сев. Сибири и к ним же принадлежат якуты. Баргуты жили около Байкала (Царство Баргу по Марко Поло), хакасы (древние киргизы), было тюркское племя, обитавшее в нынешнем Минусинском округе, юечжи на Иссык-Куле (по Клапроту, геты), усунь (арийское племя), обитавшее также на Иссык-Куле, затем саянские племена, из которых выделились самоеды. К остаткам древних аборигенов Сибири принадлежат егисейцы или енисейские остяки, язык которых загадочен, а также исчезнувшие коты, ассаны, кайбалы, обрусевшие ныне. Финны также обитали на юге в Саянах и в Алтае. Китайцы указывают на передвижение многих племен с юга на север к Сибири, среди которых играют видную роль белокурые племена «красные чиди», усунь, юечжи и др.

Современная классификация утро-алтайских племен

Всем изучающим инородцев в Сибири, конечно, интересно и даже необходимо знать, к какой расе, племени и ветви они относятся по физическим признакам и языку.

Несмотря на то, что точной антропологической классификации здесь доселе не установлено, благодаря недостаточному еще изучению сибирских племен, тем не менее некоторые ученые, начиная с Георги и Кастрена, пробовали установить определенные группы и классификации, и в общем все тюркские, монгольские, финские и тунгусские¹⁰ племена получили название *алтайцев*, по месту исхода их. Эта классификация сохраняется и доселе, хотя этнографы, лингвисты и антропологи расходятся в частностях.

Чтобы указать на группы, согласно современным антропологическим и лингвистическим исследованиям, мы решились познакомить с классификацией известных европейских ученых Фридриха Мюллера и Оскара Пешеля, но так как они касаются более лингвистических признаков, то мы в добавление познакомим с классификацией тех же племен антрополога г. Деникера. С своей стороны мы не можем не приложить к этому своих критических замечаний и поправок, которые вытекают из более близкого знакомства с группами сибирских инородцев.

Отдавая полную справедливость учености и авторитету упомянутых классификаторов, мы должны сказать, что каждый из этих классификаторов старался установить деление на основании своих признаков и представлений о расовых группах, пользуясь собранными этнографическими и антропологическими данными для своих целей. Характер этих классификаций и распределение племен зависело от того, что принимали за основание антропологи при делении на группы и, как видно, Фридрих Мюллер держался строго

лингвистических признаков, хотя совершенно не мог игнорировать племенных или расовых особенностей.

Оскар Пешель обращал внимание на происхождение, историю племен и принимал во внимание скорее этнографические группы, Г. Деникер желал внести разделение племен и сделать опыт классификации на основании антрополого-физических признаков. Насколько удовлетворяют эти классификации действительности, было целью нашего рассмотрения. Несомненно, все они принесли услугу и все могут быть приняты во внимание, дополняя друг друга, но при одном условии приведения их к некоторому согласию.

Классификацию Ф. Мюллера мы рассматриваем на основании недавно изданной в Вене этнографической карты. Uebersichts Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von der angrenzende Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Muller von Vinzen. v. Haard. Wien 1887.

Г. Гаард с замечательным трудолюбием исполнил карту Азии, внося в нее 120 имен и отведя место устро-алтайским и монголоидным группам.

Исследование г. Деникера носит название: Essai d' une classification des races humaines posee uniquement sur les caracteres physiques par M.I. Deniker. Paris 1889.

Классификация азиатских племен ученого Ф. Мюллера и Гаарда обнимает прежде всего группу монголоидных (Mongolen), подразделяя ее на *уральцев*, *алтайцев*, *японцев-корейцев*, *индо-китайцев*, *мон-анамитов* и др., с подразделением на говорящих многосложными и односложными языками. Алтайская группа принадлежит к первой.

1. *Уральцы*. *Самоедская группа*, куда включены *самоеды* и тюркизированные уральские поколения Западной Сибири.

В этой группе, не совсем понятно, Ф. Мюллером, а затем Гаардом причислены к самоедам тюркизированные уральцы. Если это отуреченные финны, то как финны они должны были войти в следующую группу. Самоедское же племя по типу ближе, как известно, к саянцам и сойотам. Это доказали исследования Кастрена, Радлова и др. Поэтому, если самоедам суждено составить группу, то она должна быть соединена с сойотами, затем с карагасами, камасинами, обруселыми кайбалами, исчезнувшими тубинцами, котами, аринцами, ассанами и енисейцами или енисейскими осятками¹¹. Последние отнесены Ф. Мюллером к группе *арк-*

тических гиперборейцев, группе сборной или сбродной, куда вошли юкагиры, гиляки и камчадалы, нумалло и айны.

Между тем родство кайбалов, котов, ассанов и енисейских остяков с самоедами, кроме этнографического сближения, может подтверждаться и географическим распределением по пути от Саянов по Енисею к северу и по пути выхода на Обь.

Самоедский тип составляет, кроме того, звено между монголами Средней Азии и финнами.

Оскар Пешель, руководясь Кастреном, вносит самоедов в *алтайскую группу*, а родину их признает в Саянах и отмечает совершенно верно родство с сойотами, карагасами, камасинцами и кайбалами. По языку ближайшими родственниками самоедов являются народы финской ветви, говорит Пешель; при этом самоеды ближе всего к болгарскому отпрыску. Родство остяков с самоедами выводит Пешель также из того факта, что самоеды избегают браков с остяками, если родовые имена у них одни и те же. «Весьма возможно — говорит он — что при будущей классификации народов, самоеды не будут являться обособленной ветвью алтайского народа и будут рассматриваться, как отрасль финской группы»*.

Г.Деникер в своей новой антропологической классификации племен, по антропологическим признакам, выделяет *урало-алтайскую группу* и причисляет к ней тюрко-финнов. Группу эту он делит на *суоми*: финнов западных, лапландцев; *угров*, к которым причисляет *остяков-самоедов*¹² (?), финнов восточных и *туба*, затем причисляет сюда тюрков, под которыми понимает всех тюрко-татар и туранцев (?). Совершенно отдельную *группу* от урало-алтайцев у него составляют монголоиды или *монголовидные*, куда отнесены монголы, тунгусы и эскимосы.

Мотивы выделения финнов в особую урало-алтайскую группу отдельно от монголовидных и антропологические признаки ее г. Деникер объясняет таким образом. Не нужно смешивать, говорит он, урало-алтайцев с группой того же имени, понимаемой лингвистами (вот в чем расхождение его классификации с классификацией Ф. Мюллера); урало-алтайская группа обнимает север Европы, север и *центр* (?) Азии и захватывает такие разнообразные типы (*diversite des types*), что с большим трудом можно признать их и рассматривать как один

* Народоведение. Пешель. Русск. перев., ч. III, стр. 397.

тип. Здесь можно рассматривать две расы: финно-лапландскую и тюрко-уторскую(?) Тип лапландской очень характерен и входит в народность этого имени. Тип *суоми* (лингвистическая группа), который выступает (ressort) среди финляндцев, находится в смешанном виде в других местах с европейцами, уграми, тюрками и блондинами киргизами. Г.Деникер берет признаком белокурость. Тип угров, по его мнению, находится между остяками, может быть, между енисейцами, потом смешанный с тунгусами проявляется у самоедов* с тюрками среди различных татарских народностей Сибири, среди якутов и т.д. (Essai d'une classification par M.I.Deniker, p. 13, 14). При этой новой классификации прежде всего изменяется прежняя классификация монголовидных, к которым причислялись финны и самоеды. Затем азиатские тюрки и монголы совершенно отделяются в разные группы, хотя антропологическое родство их в Сибири должно быть вполне признано, как и лингвистическое. Киргизы и якуты совершенно монголовидны. Что касается *остяков* и *самоедов*, то заносимые в одну семью угров, они однако разнятся и по языку, и по типу, для того, чтоб их вполне отождествлять и относить к финнам. По типу самоеды относятся совершенно к монголообразным брюнетам. Что касается *туба*, то под этим именем в Сибири слышат самоеды; это же название присваивают себе сойоты и именем *туба* называют себя лесные татары Алтая.

Название это могло бы указать на родство этих племен, весьма вероятное. Родство самоедов и саянцев установлено; местожительство лесных татар находится близ Телецкого озера на Алтае и также соприкасается к саянским племенам. Впрочем, это мы должны допустить только в корне и генеалогии этих племен. Время изменило их и в языке и в типе. Сойоты говорят отчасти по-татарски, а часть по-монгольски. Самоеды сохранили свой язык, а черневые татары усвоили тюркский или татарский.

Что касается последних, то тип их хотя носит следы монголовидности, но выделяется; среди них есть, напр., блондины, а смесь с финскими племенами их констатируется этнографами, но, как мы заметили, они приближаются и к европейским типам.

* Смешение самоедов с тунгусами может рассматриваться только на устье Енисея, но не западнее, где тунгусов нет, а самоеды распространены до севера Архангельской губернии.

В этих племенах лежат, по нашему мнению, все *переходные* степени от чистых монголов к финнам и в порядке переходов они могут быть сгруппированы: сойоты, самоеды, исчезнувшие племена ассанов, котов, лесные татары, затем идут уже финны. В силу особенностей антропологических признаков монголообразности и рядом лингвистических признаков семья самоедская с родственными племенами карагасов, камасинцев, кайбалов и енисейских остяков, исчезнувших тубинцев, ассанов, котов и др., должна быть выделена в семью *саянцев*, по месту ее первой родины. Это целый ряд народов, расположенных по Енисею. Родство ее с финнами, очень вероятно, может быть установлено только при большем накоплении антропологического материала. Следующую семью в группе *уральцев* у Фр. Мюллера занимают *финны*. Здесь разумеются остяки, вогулы¹⁴, зыряне, вотяки¹⁵, пермяки, черемисы¹⁶ и мордва. Оскар Пешель более внимательно и с большими подробностями классифицирует финнов сообразно изысканиям Кастрена; монголообразная финская группа его расчленяется на четыре ветви: угрскую, болгарскую, пермскую и финскую, в тесном смысле слова. Под именем угров Кастрен соединил остяков правого берега Оби, вогулов на восточном склоне северного Урала и мадьяров¹⁷. Пешель сомневается, можно ли причислять древних болгар к финской группе; их можно относить и к тюркской, причем впоследствии к ним примешалась финская кровь¹⁸. Кровное родство финской группы с народами монгольской ветви явственнее всего выступает у вогулов, так как они несравненно более остяков приближаются к калмыкам (Castren, Vorlesungen. S. 128). Карл Фогт указал примесь монгольской расы даже у лопарей (Vogt. Nord-Fahrt. Frankfurt. 1863. S. 166).

К смешанной группе, близкой к финской, Пешель причисляет, совершенно верно, сообразно сделанным наблюдениям, и башкиров, называемых когда-то паскотирами, как и остяки.

По телесным своим признакам они принадлежат к финской группе, говорит Пешель, но говорят на татарском языке; следовательно, это отатарившиеся финны. Фр. Мюллер, между тем, выделил башкир прямо в семью тюрков, тогда как отатарившиеся племена в другом месте внес в самоедскую семью.

Финская группа, со времен Кастрена, по языку выделилась весьма определенно, и исследования Альквиста¹⁹ и экс-

педиции финляндского общества еще более расширили познания о ней. Тем не менее в антропологическом отношении она очень мало исследована, особенно в Сибири. Мы видим здесь два типа: один белокурый финляндский, замечаемый у чистых остяков р. Оби, и тип самоедский монголообразный, тип чисто финский, как видно, малоупорный, быстро изменяется; достаточно помеси одного поколения с русскими, чтобы изменить его, тогда как монголообразный тип гораздо упорнее. Все это показывает, что финский тип есть переходный и ближайший к арийскому европейскому типу. Родство его с азиатскими типами и монголообразными с другой стороны также установлено. Все переходные степени его и все видоизменения изучить чрезвычайно важно для объяснения себе последней переходной стадии азиатского типа к европейскому — арийскому типу.

Тюрки, по классификации Ф. Мюллера, отнесены в группу монголовидных алтайцев. В число тюрков у него вошли все народности, говорящие татарским языком в Европе и Азии, как-то: якуты, киргизы, кара-киргизы, алтайские тюрки и все туркестанские узбеки, османы, иранские тюрки, крымские татары, казанские и т. д. Все татарские племена Мюллер ввел в эту группу 17. Мы видим здесь, Ф. Мюллер, кажется, сделал слишком обширное обобщение, отрешившись от расового и антропологического деления. Он соединил и европейских тюрков османов, татар и азиатских тюрков, хотя по своим антропологическим признакам они представляют резкую разницу. Сами азиатские тюрки, по антропологическим физическим признакам, разделяются на две группы, вполне отличные. Часть туркестанских тюрков, туркмены и татары средней Сибири, как и казанские, носят черты арийского и иранского типа. Зато якуты, киргизы, алтайцы более монголообразны, и родство их с монголами не подлежит сомнению.

Пешель различает тюрков в своей классификации и усматривает следующие народности: уйгуров, узбеков, османов, якутов, туркменов, ногайцев, басаинов, кумыков, каракалпаков и киргизов. Для определения этих народностей и их особенностей он становится на почву историческую и принимает во внимание этнические группы, что делает классификацию его яснее и определеннее, хотя и она не лишена смутности и темноты. Принимая во внимание, что типы исторических народностей или сошедших со сцены, как

уйгуров, древних тюрков, восстановить чрезвычайно трудно. До сих пор группу старых уйгуров нашел только г. Потанин в Монголии, под именем ёгрров, но они уже затерты монгольским и китайским населением и носят его черты, между тем как древние уйгуры, известные китайцам со 2-го стол. Р. Х., обитали в восточном склоне Тянь-Шаня, были ближе к Туркестану; другие же, под именем хой-ху, жили на р. Селенге и Орхоне. Тип их в Туркестане мог подходить близко к ирано-арийскому, а в Монголии к монгольскому*.

Происхождение древних тукюэзцев, имевших огромное государство в VI и VIII вв., простиравшееся от Каспийского моря до Кореи и до Великой стены и Тибета, имевших столицу на Таласе и в Каракоруме (этих тюрков посетил Зимарх в 569 г. по Р. Х.), определить чрезвычайно трудно, как и догадаться об их типе. Вероятно, это тукюэзское государство выделило и уйгуров. Китайские исторические источники перечисляют множество тюркских племен, как кераитов, найманов и дулгасцев, обитавших в Алтае.

Несомненно, что древние тюрки и тукюэзцы, по-китайски, уже в древности разбились на группы и дали происхождение другим татарским народностям: уйгурам, алтайским тюркам, якутам, оттесненным к северу, и другим. Мы видим, что эти тюрки жили в восточной Монголии и занимали места нынешних монголов. Монголы же явились в XVIII в. и татарские народности вошли в войска Чингиз-Хана. Историческое родство исторических тюрков и монголов вероятно. Но если при всех вводимостях эта связь не уяснена лингвистически, то еще труднее проникнуть в ее антропологическую связь. Поэтому исторические связи прежних турков и тукюэзцев с современными турками и татарами не выясняют антропологического типа, подвергшегося многим изменениям.

Обобщение древних уйгуров с уграми, юграми, венграми и финской югорией и т. д., основанное на сходстве народных созвучий названий, очень рискованно и вводит скорее в заблуждение**.

* Обитатели Кашгарии или Тамырского бассейна обладают приметами иранского происхождения, хотя они говорят по-тюркски. В последнем обстоятельстве В.В. Радлов усматривает последствия завоевания страны уйгурами. Фон-Шлагентвейт и Шау в городском населении Кашгарии видят отпечаток арийского происхождения. Radloff. Turkestan, Sibirien und der Mongolei. Leipzig 1883. S. 19. Schlagentweit. Indien Hochasien. II. 40. Reisen nach der hohen Tartarei.

** Определение уйгуров и угров по Вамбери: Turkenvolker.

Несомненно, что среди тюркских племен заключаются все переходные типы, начиная от арийского и иранского в Туркестане, кончая крайними монголоидными у якутов и китайцев. С этим согласны все классификаторы. Чистый тюркский тип, однако, продолжает отыскиваться и как самостоятельный тип. Г. Деникер говорит: «тип тюркский, который бы я назвал туранским*, встречается среди народностей, носящих название у антропологов тюрков и тюрко-татар». *Чистый тип* тюркский встречается часто между кара-киргизами, узбеками, татарами и киргизами астраханскими, но среди других племен, говорящих на тюркском языке, прибавляет он, встречается в смешанном виде с различными элементами, напр.: тунгусами (у якутов), монголами (у алтайских тюрков), финнами (у татар Волги и Сибири) и башкир, иранцами (у таранчей), туркмен транскаспийских и татар обербанджана, индо-атлантическими племенами у туркмен, тюрков османов etc. (*Essai d'une classification des races humaines* par M.I. Deniker, p. 14).

При антропологическом выяснении этого тюркского или туранского типа мы не можем не видеть, однако, офомных затруднений в том смешении и различии типа, который господствует среди тюркских народностей.

Попытки отыскать чистый татарский тип среди кара-киргизов, киргиз-узбеков и татар, может быть, и привели бы к чему-нибудь, если бы можно было ручаться, что эти народности более всего сохранились от посторонних влияний. Вамбери также хочет признать в сибирских киргизах наибольшие признаки тюркской народности. Признать киргизов цельным типом, однако, препятствует их происхождение, а также разнообразие и видоизменение типов. Киргизы расположены между устьем Волги, Балхашем и тянутся до Алтая и его фаниц. Они проходят в глубь Средней Азии. Киргизы разделяются на три орды, одно уже это показывает трудность найти здесь однообразие. Собственно киргизы даже не называют себя киргизами, а их имя *кай-сак*. Настоящие киргизы были народом, обитавшим в верховьях Енисея, ныне исчезнувшим или вошедшим в состав других племен, удалившихся к западу, к Иссык-Кулю и к Тянь-Шаню.

* Под именем Турана разумелась географами опять-таки вся местность центральной Азии со множеством племен.

Большинство нынешних киргизов носит все признаки монголовидности и ближе всех стоит по телесным признакам к монголам, что приводит и Пешель. Родовые имена, как Кипчак, Аргын и Найман, свидетельствуют о кровном родстве с монголами*. Спрашивается, какая же часть этого народа может служить представительницей тюркского типа? Антропологические исследования д-ра Пояркова и Зеланда показали, что среди киргизов попадает множество отклонений и есть типы, близкие к арийским. Киргизы поэтому могут почестся народом смешанным.

Что касается кара-киргизов, то они несколько выделяются типом; у них замечались русые, голубоглазые особи, но это объясняется тем, что в состав их вошли древние усунь, обитавшие близ оз. Иссык-Куль. Поколение «усунь» и до сих пор сохраняется среди кара-киргизов. Усунь были белокуры и голубоглазы, как свидетельствуют китайские историки. Такими же были «хакасы», другое племя в верховьях Енисея, как видно, родственное усуням. Хакасы впоследствии носили название келикидзе или киргиз.

Родословная и история этих белокурых племен на юге Сибири весьма важна. Но могут ли быть эти племена причислены к туранцам — трудно сказать. Клапрот относит их происхождение к тибетским племенам и означает «белокурою расою», «race blonde».

Существование этой загадочной белокурой расы в древности на юге Сибири, несомненно, содействовало перерождению типа.

Таким образом, разнообразие типов среди киргизов может быть объяснено тою же помесью и разносоставными элементами, вошедшими в них.

Что касается сибирских татар, то часть их носит алтайское и телеутское происхождение, таковы татары около Томска, татары кузнецкие и барабинские; другая же часть городских татар сливалась с казанскими. Казанские татары несут наибольшие следы переходных типов к европейскому, или типов средних, как касимовские, утратившие почти национальные черты. Этот средний тип и принято называть татарским. На самом же деле среди тюркских племен мы

* Заметим, что родовые названия у монголов, киргизов и алтайцев отлично указывают помеси и родство, в которое входили эти племена. «Сююки» и «кости», записанные гг. Потаниным, Радловым и Андриановым, дают богатый материал для родословных.

видим все переходы типов, начиная от монгольского, и трудно решить, были ли древние тюркские типы более чистыми и близкими к арийскому, и впоследствии пострадали от смеси с монгольским, или были монголообразны, так как в древности, по историческим указаниям, мы видим один корень татар с монголами*.

Нам остается перейти теперь к группе *монголов*.

Монголов Фридр. Мюллер делит на 4 главные народности: хара-монголы, халха-монголы, калмыки (олёты) и буряты; все они близки по языку и по типу.

Пешель различает также четыре ветви: восточных монголов, калмыков, бурят и хазаров. Хара- и халха-монголов он соединяет в одно целое, но принимает хазаров, или хезаров, кочующих между Гератом и Кабулом. «Черты их лица настолько сохранили монгольский тип — говорит он — что путешественник никогда не сомневался в их этнографическом положении».

Народности эти — сунниты и шииты — давно приняли иранский язык. Хазары, говорят, прибыли в Иран, как воины Чингиз-Хана. Как видим здесь, лингвистическая классификация опять уступила антропологической.

В сущности, только три племени монголов: хара-монголов, хара-калмыков и бурят принято *по языку* считать за одну семью, но расовые и антропологические черты этой народности до такой степени бросаются в глаза, что дают характеристику и распространяются на множество народностей. *Монголовидность типа* является характерным признаком и других племен.

Фридрих Мюллер в числе монголовидных считает 52 народности, относя сюда: финнов, тюрков, монголов, тунгусов, корейцев, японцев, китайцев, индо-китайцев, анамитов, тибетцев и др. Ф. Мюллер делит их по языку на обладающих *многосложными* языками, куда относятся все урало-алтайцы, корейцы, японцы и др., и *односложными*, как-то: китайцы, индо-китайцы, анамиты и тибетцы.

Пешель к *монголоподобным* причисляет и малайское племя; последнее же Ф. Мюллером выделено в отдельную группу.

* По китайским источникам, Монгол и Татар-хан были братьями. Сожительство татар в Монголии указывает на давнишнюю их связь с монголами.

Кроме того, к монголовидным причисляют обыкновенно и группу арктических гиперборейцев, в которую входят юкагиры, гиляки, айны, камчадалы, чукчи, коряки, номолосы, эскимосы, алеуты и теленгиты. Народности эти не систематизированы, они не подходят ни к одной расе и причисляются в одну сборную группу. Группа эта любопытна, однако, тем, что, занимая Камчатку, берега Берингова пролива и островов Великого океана, она составляет звено с американскими племенами, или «американскими монголами».

Г. Деникер в монголовидной расе видел три вида (*trois varietes*). Тип *эскимосский* замечает он рассеянным среди северных народностей, как-то: чукчей, калош, алеутов и камчадалов. *Тунгусский* — среди тунгусов, номадов Сибири, претерпевающий, однако, видоизменения от смеси с монголами, манджурами, даурами и корейцами. Наконец, г. Деникер отмечает третью ветвь — чисто *монгольский тип*, который сохранился у халха-монголов, у калмыков Джунгарии²⁰ и, может быть, у тибетцев (?). Он также вошел в этнические группы китайцев, индокитайцев, малайцев и различные тюркские и финские племена (*Essai d'une classification des races humaines*, p. 15).

Группе монголов и монголообразных, как известно, присваиваются известные антропологические признаки, именно: жесткие, прямые, глянцевитые черные волосы, желтоватая кожа, узкие черные глаза с вывороченными веками (*paupieres renverses*), раскосость глаз, выдающиеся скулы, плоский нос, брахицефализм (у эскимосов и долихоцефализм).

Несмотря на всю резкость, грубость и первобытность этого типа монгольской расы, отличающей ее от других рас, мы должны, однако, признать и в этом типе массу видоизменений и вариаций. Так, известно, что *тунгусы* несколько разнятся в типе от монголов. Одно уже то, что лица у них продолговатые, как и голова. Китайцы носят другой тип, отличающий их от монголов. Эскимосов и северных инородцев можно отличить от степняков монголов. Монгольский тип только с первого раза кажется однообразным. На самом деле привычный взгляд отличает в нем видоизменение и не смешает китайцев с манджурами, тунгусов с бурятами и т.д., как мы приобрели наметку отличать грека, армянина, кавказца, турка, француза и т.д. Этнические группы монголовидных поэтому имеют свои особенности, еще вполне не схваченные европейскими наблюдателями.

На разницу монголообразных типов указывал Кастрен, Миддендорф и др. Для антропологов необходимо составить ныне специальную классификацию этих типов, если не по народностям, то по характерным чертам, встречающимся в различных этнических группах. Г. Деникер в своей антропологической классификации делает первый шаг и оказывает в этом отношении услугу. Он делит монголообразный тип, как видим, на *эскимосский, тунгусский и монгольский*.

Без сомнения, при изучении монголовидности типы эти можно продолжать. Корейцы и китайцы, вероятно, будут отличаться особыми отклонениями.

В этой классификации, само собою, явится вопрос: какое из указанных племен и групп монголовидных сохраняет более типичные черты монголовидности, иначе, какой тип древнее, первобытнее и ближе к типу монголовидного пра-родителя — троглодита?

Несомненно, тот тип народный, который грубее, резче в своих монголовидных особенностях. Здесь нельзя не признать самым резким и грубым типом, приближающимся к доисторическому человеку, — это тип северных монголо-видных, как-то: тип эскимосов, камчадалов, арктических племен и, может быть, самоедов. Сама изолированность этих племен и грубость первобытной обстановки, суровые условия жизни должны были дольше сохранить этот тип. Далее в классификации должны быть поставлены другие монголообразные племена, как тунгусы, монголы и китайцы. Тунгусы, однако, относятся к манджурской народности и должны быть изучаемы в связи с ней. Из монголов мы видим сохранившими более монгольские черты северных монголов, как, напр.: буряты, даже якуты (тюрки) сохранили более выразительные монгольские черты. Это может быть объяснено тем, что они были ранее отодвинуты на север и смешаны с монголами.

Из алтайских тюрок, по нашим наблюдениям, наиболее резкими, грубыми чертами монголовидности отличаются *телеуты*. Таким образом, резкую монголовидность мы находим и у азиатских тюрок утро-алтайской группы. Должны ли мы объяснить ее только смешением с монголами, если их монголовидность превосходит даже монгольскую, т.е. монголов центральной Азии? Не говорит ли это скорее за то, что тюрки восточной Монголии, как и монголы, в древности были более

монголообразны и относились к одной ветви и имели общий тип, происходя от одного монголовидного прародителя?

Если в общих группах монголообразных находится разница, то еще более разнообразия встречается в монголовидных индивидуумах каждой группы. Если мы замечаем монголообразность, так сказать, вкрапленную и наложившую печать на другие группы, по-видимому, другого происхождения, напр.: на тюрков, финнов и т.д., то среди монгольских племен нельзя отрицать той же вкрапленности, той же помеси высшего и более чистого арийского типа. Монгольский тип среди монголов, таким образом, не является чистым. И это объясняется теми же причинами, что монгольские племена не были изолированы, так как история показывает сожителство их с другими племенами.

Монголы, как могущественное государство, являются в XIII в.; до этого на их месте жили племена найманов, кератитов, уйгуров и тукюэ-тюрков, и монголы слились с ними. В эпоху Чингиз-Хана Монголия была наполнена завоеванными китайцами, татарами (сарацинами), персами, туркестанцами и др., среди которых была масса арийских типов. Таким образом, монголы сами в это время восприняли множество народностей и смешались с ними, даже мать Чингиз-Хана была родом татарка.

Из истории мы видим, что Монголия и север далеко ранее были местом обитания других народов. За 1000 л. до Р. Х. на севере Китая, в северо-восточной Азии, господствовали корейские и манджурские племена. Из них были замечательны два — сян-би, джурджени или нюечжи, оставившие следы культуры за Байкалом.

Затем к юго-востоку от Китая жили неизвестные племена юечжи и усунь, постоянно подвигавшиеся к северу, прошедшие из Гань-су по окраинам пустыни мимо Большого Алтая к Иссык-Кулю. Эмиграция эта оставила следы в Саянах, на Алтае и на Иссык-Куле. Остатки этих белокурых племен были хакасы и усунь. Эта южная эмиграция, направленная к северу, не могла не коснуться Монголии.

Далее мы находим, за 1000 л. до Р. Х., в Монголии гинн-ну, древний туранский народ, получивший впоследствии название тукюэ. К началу христианской эры история этого племени у китайцев становится определеннее. Тукюэ занимают Монголию и находятся на верховьях Орхона. В 31 г.

до Р. Х. Китай занимает эти страны и покоряет уйгуров и усуней. Последние оттеснены и занимают земли финнов в Сибири. В 232 г. по Р.Х. гиенн-ну вновь занимают Алтай, а в верховьях Енисея образуются новые государства Киян-куень, или Хакас. Они существовали в летописях до IX в. Хакасы, или енисейские киргизы, келикидзе, простирались до Байкала и являлись на Орхоне. В 362 г. по Р. Х. усиливаются опять сянь-би.

В VI в. возникает в центральной Азии империя тукюз от Кавказа до Восточного океана. В X в. усиливаются уйгуры. В X в. появляется новая народность кидани, тунгусское племя, которое завоевывает Китай. Уйгуры удалились к западу в Туран. За киданями выступают в 1234 г. новые завоеватели — нюзджиджи. Таким образом, до XIII в. мы видим совершенно другие племена в центральной Азии, игравшие видную историческую роль. Это были племена корейские, тунгусские, тюркские, с юга же оттесняли их китайцы и тибетские племена. Монголы появились позднее и усилились присоединением других народов, которые вошли в их состав, напр., кераитов было втрое более, когда их разбивают в первой битве монголы.

После падения монгольской империи, когда другие народы отхлынули, то оставшиеся нынешние монголы представляют собой помесь. С другой стороны, результатом монгольского движения было оттеснение разных племен и перетасовка их. Во время завоевания многие отодвинулись к северу, востоку и западу. После падения монгольской империи завоеванные племена в лице калмыков, олётов, алтайских тюрков, кипчаков и киргизов образовали особые группы и передвинулись. Нет сомнения, что этническое образование народов центральной Азии с их типичными расовыми чертами формировалось гораздо ранее монгольского нашествия, и что монголы сами были только группой монголоидных, которая терпела изменения с изменением исторических обстоятельств.

Дальнейшее изучение инородцев, лингвистические изыскания и антропометрические работы, собрание и сравнение черепов, точно так же исследование религий, обычаев и культуры, без сомнения, со временем прольют более света на их происхождение и дадут возможность установить более точную классификацию утро-алтайских племен.

Татары и бухарцы Тобольской губернии и их современное положение

Татары Западной Сибири принадлежат к древнейшим аборигенам края и относятся к тюркским племенам, населявшим Сибирь с XIII века. В XV столетии мы находим на берегах Иртыша сибирское царство, основанное после раздоров у ногаев; в состав его вошли туземные татарские поколения, покоренные остяки и некоторые башкирские волости. Царство Кучума носило характер подобно Казанскому: здесь была аристократия, духовенство и черные люди; у него уже до пришествия русских были сношения с Казанью и Бухарою. Ермак, поселившись на Туре, уже встретил татарские городки Туры, почему тюменские и иртышские татары получили название турали или туралинцев, т.е оседлых татар городских*. Ермак встретил самое сильное сопротивление у этих татар и разорил несколько городков, пока дошел до «Сибири»²¹. В вершине Туры уже русские застали Епанчин-городок, Чинги-Тура (Тюмень), Явлу-Тура, Торхан-Колга²², около Тобольска город Искер (Сибирь), Бицик-Тура, Атика, городок Карачи, далее — по Иртышу вверх Куллора и Ялым или Аялы, на Ишиме был древнейший город Хана-Она. На излучине Омы (Оми) остались высокие стены гор. Тонтуры, вблизи устья Урала — окопы Сорочина; кроме того, татарские городища с валами раскиданы во многих местах степей. Древние татары, как видно по остаткам на городах, имели жилища деревянные и глинобитные; здесь находятся куски пережженной глины**, шлака — несомненные признаки оседлости. Татары, как заметно по находимым древностям, пользовались железом, выделявали металл и стояли на известной культурной высоте, сравнительно с окружающими остяками и вогулами²³.

* Описание народов Российск. Импер. Георги, стр. 29; Фишер о туралинцах, стр. 156.

** В тексте Георги, стр. 32.

Таким же искусством в выделке металла обладали и телеуты в Томской губ. Остатки бронзовых и железных орудий показывают, что металл давно выделявали в Сибири. Затем татары занимались также и земледелием. Кроме находимых остатков жерновов и сошников, известно из некоторых актов, что татары были земледельцы. Что Кучум и его татары занимались хлебопашеством, видно из грамоты Тарского воеводы, доносящего: «Кучум-царь пошел с Черных вод на Обь-реку с детьми и со всеми людьми, где у него хлеб засеян» (Отписка царю тарского воеводы Воейкова 1598 г. Акт. истор., т. II, номер 1). Татары и вогуличи были посажены вслед за завоеванием в 1597 г. на государственную пашню (Рус. истор. библиограф., изд. арх. комис., т. II, номер 58). При занятии татарских городков в них находили всегда запасы хлеба (Сибир. летопись). Принимая во внимание, что земледелие известно было бухарцам, телеутам, следы ирригации каналов заметны в Семиречье, на Алтае, в Минусинском округе и за Байкалом, — можно заключить, что древние народы Сибири давно употребляли хлеб и татары не могли не знать его, хотя часть их сохранила скотоводческое хозяйство. Миллер²⁴, Фишер²⁵, Георги и Словцов²⁶ описывают иртышских и тобольских татар как земледельцев, тогда как барабинские татары вели полукочевой и звероловный образ жизни. Платье и украшения, сохранившиеся у тобольских татар от прежнего времени, носят следы некоторой роскоши и древней моды. Видно, что они находились под сильным влиянием магометанства и Средней Азии. Георги их описывает смешанными с бухарцами, вызванными уже сибирскими царевичами. «По языку сибирские татары — говорит исследователь тюркских наречий В.В. Радлов²⁷ — разделяются на барабинских и иртышских. Из них первые образуют особое племя, тогда как иртышские представляют смесь трех древних жителей Сибири, с тремя коленами — туралы, аялы и курдак — и нахлынувших туда в XV и XVI ст. тюркских племен Средней Азии. Среднеазиатские переселенцы живут отчасти и теперь, не смешиваясь с остальными, и называют себя бухарлык. Чище всех, как кажется, сохранились курдак, а туралы сильно смешались с бухарлыками». Георги в половине прошлого столетия сообщает о туралинцах, или татарах на Туре: «Городские татары перемешались с казанскими татарами и бухарцами и вполне с ними сходствуют; турецкие деревенские

татары могут похвастаться чистыми потомками древних, страны сей жителями и составляют, как кажется, особое колено. От других татар они отличаются тем, что нарочито ростом высоки и притом плотны или дородны, головасты и по чертам лица похожи несколько на калмыков. Волос у них по большей части черен, жидок (монгольская неволосистость) и прям. Отличаются честностью, прилежанием (трудолюбием), но в нравах их больше суровости, чем у казанских татар. В деревнях их попадаетея редко больше 10 дворов; дворы их малы ; срублены из бревен; внутреннее расположение похоже на дома казанских татар. Все занимаются земледелием, держат пчел, ходят на промыслы за рыбой и — на лыжах зимою — за зверем». Тобольские татары, по Георги, живут в деревнях до 10—15 дворов и всех считается до 4.000 д. м. п. С виду походят на туралинцев и родственны им; они магометане, жилища их, расположенные по татарскому обыкновению, хуже казанских; все занимаются земледелием, однако не пашут более 3-х десятин; скотоводство их страдает от сибирской язвы; женщины их ткут холст на станках, как и у оренбургских татар; во всем магометанские обычаи и калым. Турские или туринские татары были в прошлом столетии магометанами, но в 1718—1720 г. крещены тобольским архиепископом Филофеем²⁸. «Тогда, по уничтожении у них школ — сообщает Георги — пришло у них в забвение и знание грамоты и письма, которые теперь редкость, а может, и никому неизвестны. Расстояние их жилищ и бедность противоположили поучениям и стремлению греко-российского духовенства столь великие препятствия, что большая половина сделалась только невеждами и суеверными греческого вероисповедания сопричастниками» (Георги, ч. 2, туралинцы, стр. 30—31). Это обращение произошло, однако, только около вогульских селений и города Туринска, а также кашутских татар²⁹, живших по Тавде. Попытки обращения татар были и в половине XVIII ст. митрополитом Сильверстом Гловатским, и, наконец, в XIX ст. в Тобольске существовало отделение библейского общества, которое проповедовало евангелие между татарами и киргизами. Для распространения среди татар христианской веры были выстроены на казенный счет церкви при устье рек Ишима и Тары; но православие чрезвычайно слабо распространялось среди них; по отчетам губернаторов, в 9 лет, начиная с 1860—1868 гг., обращено их в православие только 331 чел. Тобольских татар, таким образом, должно признать упор-

но держащимися магометанства, несмотря на то, что они со всех сторон окружены русскими деревнями.

В список. насел. мест. Тобольской губ. сделано заключение, что, несмотря на успехи цивилизации, татары не очень скоро теряют свою народность и язык; живым примером может служить деревня Ямакова, Тюменского округа, населенная татарами, которые, приняв крещение еще в XVIII ст., все переженились на русских, до сих пор говорят татарским наречием, исполняя правила православной религии. Некоторые татары в Тобольской губ. называют себя, однако, татарами, потому что исповедуют магометанскую религию, хотя по некоторым особенностям нравов они могут быть отнесены к остякам (заболотные, ачаирские татары Тобольского округа, татары Байкаловской волости, а также в волостях Аитиповской, Алакской, Тюменского округа). По описанию 1868—1869 гг., быт тобольских оседлых татар, а равно и тюменских, как видно, поднялся — селения их стали многолюдные, хотя и не так многочисленны, как русские. Встречаются в 1.000 душ. В Тобольской губ. от 500 до 1.000 душ было 8 селений, от 100 до 500 душ — 118 сел., от 50 до 100 душ — 58 селений и по 50 душ — 52 сел. Татары, живя среди русских, успели усвоить из их обстановки и обычаев, напр.: обои, самовары, шторы, цветы; женщины не скрываются от мужчин; постройки несколько улучшились против прошлого столетия, но бедны, избы имеют не более двух комнат, в них находятся татарские нары и чувал, окна подведены под самую крышу. Большею зажиточностью отличались татарские торговцы в городах, перенявшие много из предметов комфорта. Татарское население Тобольской губ., особенно торговое сословие, имело, однако, в конце прошлого столетия некоторое благосостояние и капиталы. Содействовала его успехам торговля с Джунгарией, причем бухарцы сделали своими агентами тобольских татар. Тобольские татары, как и казанские, обнаружили замечательную способность к торговле и коммерческие таланты. При Екатерине II татарам даны были грамоты на земли их, и некоторые из больших родов имели значительные угодья. Но с падением джунгарского и среднеазиатского торгова, а также по мере расширения русского земледелия и благодаря соседству русских деревень, татары потеряли свои угодья также, как и рыболовные места, и тем поставлены были в некоторую зависимость от русских промышленников и торговцев. Столкновения татар с русскими на экономической почве начались

вскоре по покорении Сибири. Азиатам оседлые были ясачные или хлебопашцы, или служивые. Одни татары мусульманского закона соединяли со службой и хлебопашество*. Обращение их к десятинной пашне, однако, вызвало жалобы татар на обременение повинностью, и некоторые татары бежали от нее. В 1599 г. царь Борис, осведомясь, что пашнею занимаются татары только около Тюмени и в Тобаре³⁰ по Тавде, назначил и тагильские юрты³¹ на пашню с тем, чтобы вместо ясака взимать хлебом**. Татары имели различные угодья, где водились бобры, орлиные гнезда и пр., наконец, хлебопахотные места. Угодья эти начали отходить от них к русским. Так, Словцов приводит уже под 1678 г. жалобу тюменских татар на завладение их землею и угодьями со стороны Софийского дома и монастыря***. Благополучие тобольских, тюменских и тарских татар в последнее время заметно пало, и очень немногие дома из них в городах сохранили зажиточность. В общем, экономическое положение и быт татар в деревнях представляется весьма низким. Падению их быта содействовало несколько причин. Исследование экономического быта****, на основании имевшихся в руках наших официальных материалов, представило нам следующую картину: «Татары обложены подушной и оброчной податью наравне с государственными крестьянами. С прекращением торговых промыслов и обращением в поселян быт оседлых татар и бухарцев замечательно стал падать и в настоящее время представляет крайне печальное явление. Самым лучшим доказательством служит положение этого населения и количество недоимок, накопившихся на татарах Тобольской и Томской губерний в последнее время. В 1875 году эти недоимки равнялись:

По Тобольскому округу	318.860р.	45 к.
Тюменскому	27.812 р.	54 к.
Ялуторовскому	59.042 р.	99 к.
Тарскому	74.518 р.	38 к.

Всего 480.234 р. 36 к.

Из журнала главного управления Западной Сибири 1879 г. 10—20 ноября, за №154, и представления министру

* Словцов, ч. I, стр. 155.

** Истор. обзор. Словцова.

*** Грамота напечатана в ГУ собрании грамот с Румянцевским гербом. Словцов, Истор. обзор. Сибири, стр. 183.

**** Подробный список волостей с их жителями приведен в особых таблицах.

Двора 20 ноября 1879 г. (№1115) рисуется настоящий быт этих инородцев. Скота во владении инородцев считается по Тобольскому округу 272 лошади, 3.055 рогатого скота и 1.707 мелкого, средним числом по одной лошади на 2,3 души, по одной корове на две души и одной овце на 3,6 души. По Тюменскому — лошадей 212, рогатого скота 221 и мелкого 109, или одна лошадь на 3,8 души, по одной корове на 3,5 души и по одной овце на 7,5 души. По Ялуторовскому — лошадей 902, рогатого скота 750 и мелкого 1.251, или по одной лошади на 2,3 души, по одной корове на 3 души, одной овце на 1,7 души. По Тарскому — 1.763 лошади, 1.363 рогатого скота и 765 мелкого, или по одной лошади на 1,7 души, по одной корове на 2,2 души и по одной овце на 3,9 души. Хлеба инородцы засевают от одной до четырех десятин: урожай в большинстве случаев незначительный — от сам-2 до сам-5 и менее, если только не случается никаких бедствий, вроде того, как в Кречеминской³² волости, Тюменского округа, в которой из числа 40 десятин, засеваемых с 1877 года озимым хлебом, с 35 десятин снято было 10 четвертей при посеве 40 четвертей. Скудость урожаев доказывается и тем, что в Сингульской волости с засеянных 1.000 десятин разным хлебом получено было 8.172 четверти, тогда как на годовую пропорцию необходимо было 6.515 четвертей на продовольствие и 1.825 четвертей на посев. Следовательно, урожай дал на 168 четвертей менее потребного. Оброчная плата, взимаемая за отдачу в аренду рыболовных угодий, принадлежащих инородцам, по распоряжению земского начальства в большинстве случаев обращается сполна в казну на пополнение считающихся недоимок.

Тобольский губернский совет, рассмотрев представленные командированными чиновниками удостоверения, нашел, что при настоящем экономическом состоянии инородцев Тобольской губернии одновременное взыскание с них всей числящейся за ними недоимки представляется совершенно невозможным.

Рассматривая в частности быт этих инородцев по другим данным, сосредоточивавшимся в наших руках, мы видим только подробности того же безутешного положения. Волости татар и селения раскиданы среди русских волостей и административное их деление крайне запутано: инородческая волость живет нередко в 10—12 русских волостях, но

там, где находились ее земли, инородцев нет, в иных татарских юртах зато живут представители 4—5 волостей, иные городовые инородцы совсем не имеют земель, хотя числятся сельскими жителями. Права на землю ими были или утрачены, или перешли к русским. Тюменский исправник недавно доносил, что инородцы запродаают свои угодья русским, и не успеет еще срок выйти, как запродают другим лицам лет на 20—30 за ничтожную сумму 2—3 рубля*.

Когда инородцы принялись доказывать свои древние права, то их крепостные акты не получали признания и пропадали в канцеляриях, а между тем поземельный вопрос был причиною всех беспорядков и началом объединения. Татарские деревни оказались раскиданными среди русских, русские между татарских, волости и жители разбиты, так что в административном отношении дело запутано до последней степени. Чтобы распутать его, в последнее время явилось предположение присоединить татарские деревни, а стало быть, и татарские общества к русским волостям. Но такой опыт решительно не удался и не мог удасться, так как магометанское население, до известной степени фанатическое, не могло слиться с русской общиной; мало того, оно находилось в антагонизме с русским населением на экономической почве за захваты угодий. Поэтому некоторые опыты обнаружили плачевные результаты. Присоединение в 1864 году инородцев Эскалбинской волости, Тобольской губернии, к Байкаловской и Корочинской окончилось накоплением недоимок на инородцах, в первой волости 1.084 р., а во второй 2.125 р. Затем за причисленными к Кугаевской волости 84 душами с 221 р. 55 к. недоимка возросла до 2.412 р. 93 к., что подало повод к приговору русских крестьян отчислить их (донесение тобольского исправника 24 марта 1876 г.). Таким образом, административный вопрос этих инородцев находится запутанным до последней степени.

Татарские деревни немногочисленны и отличаются бедностью и неопрятностью, как говорят описания. Действительно, они имеют весьма убогое хозяйство, почему принято их считать ленивыми. Хозяйственные условия характеризуются следующими, например, данными: на 3.336 ревизских душ Бухарской волости только 668 домов, 1.035 человек вовсе не имеют скота и 587 душ имели по одной скотине, — условия, при

* «Журнал Тобольского губернского совета» 1876 года. № 283.

которых невозможно никакое хозяйство. Земледелием занималось 370 домохозяев, причем 246 имели от 2 до 5 десятин и 101 по одной десятине; но, кроме того, 1.344 души не занимались земледелием. Годовой податной оклад их равнялся 2.750 руб., а недоимки было 28.078 руб. 58 $\frac{3}{4}$ коп., причем на каждую ревизскую душу приходилось по 32 руб., а на взрослого работника по 68 руб. 33 коп. В Городовой татарской волости на 2.075 ревизских душ только 385 домов, 875 душ не имеют лошадей и 716 не занимаются земледелием; годовой оклад равен 4.817 руб., а недоимок — 38.757 руб., так что на взрослого работника падало 67 руб. 20 $\frac{1}{3}$ коп. (653 души).

В подобном же положении находятся волости оброчных чувальщиков, прежних казанских переселенцев татар, за которыми недоимки было 26.085 руб. на 906 ревизских душ; волости Бабасанская, Истяцкая, Порогайская³³, Наддинская, Вагайская и Уватская, в которых 53.972 руб. недоимки 2.157 душ.

Причины обеднения и разорения тобольских татар усматриваются в уменьшении звероловства и рыболовства («Дело о недоимках с инородцев» и «Журнал Тобольск, губ. совета»); кроме того, в преследующих инородцев с 1860 года по несколько лет сряду неурожаях и последовавших за ними голодах. По официальным дознаниям, в это время хлеб принуждены были покупать по 1 руб. 20 коп. за пуд, беднейшие же из инородцев, не имея средств купить хлеба, нанимались из-за одного пропитания в работу, вместо платы получая от 3 до 5 фунт, муки в день. Правительство не только должно было раздать хлеб из магазинов, но даже безвозвратное денежное пособие по 1 руб. на человека. Это последнее пособие отпущено было татарским инородцам еще в 1877 году.

Дальнейшею причиной были падежи скота. Подобные падежи в Сибири опустошают целые местности, почему многие инородцы остались без рабочего скота.

Четвертая причина, удостоверенная, это — лесные пожары, при которых сгорело много леса и кедровника, составлявшего для инородцев предмет промысла и источник дохода от сбора орехов. Все эти периодически продолжающиеся до настоящего времени бедствия, по удостоверению официального документа, довели инородцев до того, что материальное их состояние находится более чем в жалком положении и многие из них не имеют одежды и средств пропитать семью («Журнал главн. управл. Зап. Сибири» 1879 г., 10—20 ноября, №154).

Вместо настоящего исследования причин этих бедствий, лежащих, без сомнения, в переходе лучших угодий к русскому населению, и вместо помощи обедневшему населению, к сожалению, в Сибири не всегда принимались соответствующие меры и с обедневших инородцев следовало еще более суровое взыскание накопившихся недоимок. Так, по отзыву того же «Журнала главного управл. Зап. Сибири», взыскание недоимок еще более ухудшило быт инородцев в Бабасанской волости, где одна лошадь приходится на 3 души и одна корова на 4. В этой волости было продано в 1875 году скота на пополнение недоимки более чем на 300 руб. Несмотря на то что татарское население отличается, по описаниям, крепким сложением и принадлежит к породистой татарской расе, в некоторых волостях замечалась убыль населения и перевес смертности над рождениями, на что обращал внимание начальства тобольский исправник Дзержинский в 1875 году, указывая на волости Бабасанскую и Уватскую.

Действительно, по спискам ревизского населения и позднейшим исчислениям, нельзя не убедиться, что прирост населения весьма медленна, когда в одних волостях она возросла с 3.406 душ, по последним ревизиям, на 4.525 к 1878 году, в других, как Бухарской, на 3.336 душ увеличилась только на 357 душ, или Городовой татарской с 2.057 население увеличилось в 25 лет только на 100 чел., в Уватской на 2.157 душ прибавилось 40 душ и т.д. По спискам населенных мест показывалось в Тобольском округе в 1868 году татар и бухарцев 15.740 душ, по сведениям же 1875 г., доставленным в главное управление Западной Сибири, их всего около 16.021. В Тюменском округе в 1868 году было 9.083, а ныне 9.099, т.е. население почти не прибыло. Что касается татар тюменских, тарских, ялуторовских, то условия быта и положение их было сходственно с тобольскими так же, как и происхождение. Около Тюмени, по завоевании русскими, сформировано было несколько волостей. По нашим сведениям, к 1880 г. в Тюменском округе ныне находится 5 татарских волостей, а именно: 1) Колымская, 2) Нердинская, 3) Кречетинская, 4) Кашлальская³⁴ и 5) Бухарская, во всех них 4.803 м. пола ревизского населения, а всего в 1880 г. было 9.099 душ. В Тарском округе находится также 5 волостей татар, а именно: Лялинская вол., Каурдакская, Тавскаукузская, или Больше-Куларовская, Саргатская и Бухарская,

во всех их ревизского мужского населения считалось 5.216 чел., к 1880 г. — 12.145 чел. В Ялutorовске жили бухарцы в числе 134, татарские волости состояли из Асланинской и Сингульской, где находилось 5.408 д. об. п.

Статистические таблицы, прилагаемые здесь, рисуют быт тобольских татар. Счет их по X ревизии 20 лет назад и посемейные списки рисуют увеличение населения. Вот это увеличение:

	X рев.	За 1880 г.
Бухарская	3.336	3.693
Городовая	2.057	2.223
Уватская	2.157	2.197
Истятская	740	740

Мы видим, что население здесь прибывает крайне медленно или совсем не прибывает и не увеличивается. То же свидетельствовал в своем отчете и исправник Дзержинский при представлении положения татар в 1875—1877 гг.

В последнее время в Тобольской губернии, по инициативе Министерства Государственных Имуществ, производились экономические исследования хозяйственного быта крестьян и инородцев, причем командированы были особые чиновники.

От одного из них, г. Патканова³⁵, обстоятельно исследовавшего быт инородцев, мы получили следующие цифры:

В Тобольском округе в 1887 г. было татар 8.681 м. пола, 7.529 ж., всего 16.210 обоого пола.

Между тем в 1878 г. в 9 волостях инородческих было 17.118 душ обоого пола. Г. Патканов относительно современной цифры в 16.210 душ делает примечание и находит ее преувеличенной. Как бы то ни было, и из этой цифры ясно, что население уменьшилось в числе за последние годы.

Экономический быт этих татар не улучшается и не прогрессирует, но опускается, и они превращаются в безземельный пролетариат и ищут отхожих промыслов.

Как магометане, они заимствовали когда-то магометанскую образованность из Туркестана. Они имеют школы при мечетях и обучают детей на дому. Из статистических отчетов видно, что в волостях их было в 1880 г. до 14 училищ, в училищах обучалось 340 мальчиков и 81 девочка, учившихся дома взрослых грамотных 761 чел., неучившихся детей 1.597. Из этого видно, что учение и грамотность были не чужды маго-

метанскому населению и при лучших условиях умственное развитие их могло сделать более успехов. Но, как видно, нужда и бедствие татар отвлекли их от забот об обучении.

Падение экономического быта, слабая плодovitость оседлых татар Тобольской губернии ясно не составляют явления нормального, а, в общем, оно тем прискорбнее, что население это было когда-то культурным, зажиточным и по своим условиям не могло быть сравниваемо с кочующими дикарями. Здесь аномальные условия ослабления жизненных сил и вымирания инородцев мы встречаем среди народностей оседлых, чему примеры трудно найти.

То же мы видим на тюменских татарах, число которых не увеличилось. Их было:

	В 1869 г.	В 1886 г.
Мужчин	4.799	4.071
Женщин	4.284	3.471
Всего	9.083	7.542*

Разница громадная и непонятная, если бы не сопоставление того страшного ухудшения быта и разорения, которое мы отметили.

* 1-я цифра удостоверяется списками населенных мест, 2-я — исследованиями чиновника Министерства Государственных Имуществ.

Бухарцы в Западной Сибири

Точно так же заслуживает внимания и судьба бухарцев. Под именем бухарцев в Сибири слынут бухарские выходцы, живущие в различных городах Сибири и в некоторых местах бразовавшие отдельные общества и управы. В отдельных управах и волостях они живут в Тобольском округе, Тюменском и Тарском. В других городах, как Ялуторовск, Семипалатинск, Петропавловск, они принадлежат к городскому классу.

Всех бухарцев в Тобольской губернии считается 8.727 человек и в Томской губернии 152 чел. Бухарцы явились в Сибирь в момент покорения края и имели сношение с сибирскими татарами гораздо ранее русских. Родственные по языку и впоследствии распространившие среди сибирских татар магометанство, привившие грамотность и снабжавшие инородческие племена среднеазиатскими товарами, эти бухарцы имели когда-то огромное культурное значение среди инородческих племен Сибири в прежнее время. Нынешние же бухарцы составляют только ничтожных и жалких потомков прежних пришельцев и ничем уже не отличаются от татар. Первые известия о поселении бухарцев у иртышских татар находятся у Миллера и Фишера, где сообщается, что бухарцы появились у татар до времени Маметкула³⁶ в Сибири и пробовали привлекать татар к магометанству; но это сначала не безнаказанно обходилось им, проповедники часто падали жертвою, вероятно, по наущению шаманов*. Может быть, бухарцы уже имели сношение с нагайцами, господствовавшими на Ишиме с ханом Онсом; торговые же сношения могли происходить в доисторические времена, так как из культурных центров Бухары выгодно было сбывать произведения на севере кочевникам. Недаром страны Ибир и Сибирь известны были уже при Рашиде³⁷ — бухарцы до

* Истор. Фишера. Введение, §85.

Кучума подготовили себе почву. Кучум же, как магометанин, покровительствовал и привлекал их; бухарцы явились первыми муллами. Около Тобольска сохранялась долго сейдская фамилия, прародитель которой Дин-Али-Хадже пришел туда вместе с Кучумом. Он был родом из Ургенча, султана Махомета Шаха хоросмийского; бухарец этот имел в супружестве дочь Кучума-хана*. Распространение Кучумом магометанства благоприятствовало появлению бухарцев среди татар. Фишер, описывая Искер, приписывает происхождение глинобитных и кирпичных жилищ бухарской культуре, и это очень вероятно. С Ермака уже появляются бухарские караваны и идут к Тобольску и Таре. Русские были рады этому торгу. Благодаря утвердившейся оседлости русских и усмирению племен, торговые сношения могли лучше развиваться, и бухарцы, как торговый и ловкий народ, отлично воспользовались этим. Когда русских они обольстили выгодами торговых сношений и произведениями Средней Азии, на татар их влияние было еще большее. Они здесь имели значение просветителей и проводников мусульманской культуры, что русские не сразу заметили. Значительная часть татар еще до 1639 г., по Фишеру, были язычники-шаманисты, но бухарцы понемногу обратили всех татар в магометанство. Магометанство благодаря им водворилось в Западной Сибири между 5.000 татар, между 3.000.000 киргизов³⁸ и башкирами. Бухарское население в Западной Сибири и Восточной России в половине XVIII столетия было довольно значительно. Георги говорит, что татарские слободы в Тобольске, Томске, Таре, Туринске и Тюмени по большей части были населены бухарцами; кроме того, близ городов в особых деревнях также жили бухарцы, как и между татарами. В Башкирии были две бухарские волости, не считая множества деревень в Оренбургском крае. Все эти раскиданные бухарские селения имели, по Георги, не менее 20.000 душ мужеского пола. Бухарцы обыкновенно жен брали у татар и имели их в различных местах и резиденциях «тара». Такие родственные связи еще более сближали их с сибирскими татарами, киргизами и башкирами; кроме того, из татар и башкир они выбирали второстепенных торговцев и приказчиков. Бухарцы создавали, таким образом, торговые дела, имея массу посредников. Вот что говорит историк Словцов

* Фишер. Введение, §89.

о бухарской торговле: «Лишь только русские начали овладевать Сибирью, как встретились в Тюмени, Тобольске, Таре и потом в Томске с бухарцами, давними знакомцами по Москве. Сибирь довольствовалась одной торговлею караванною и гужевою. Таким образом, торгаши бухарские безостановочно привозили шелковые, бумажные и шерстяные ткани, средственной доброты мерлушки, шкуры корсачьи, иногда даже леопардовые и тигровые, даже плоды сушеные для обмена на мягкую рухлядь. Соотчичи их до Кучумова и после Кучумова времени, поселившиеся в разных местах Сибири, занимались тем же ремеслом»*. Бухарцы имели преимущество пред всеми другими торговыми сословиями. «Бухарцы, любящие больше базар, чем землю, никогда не входили в обязанность службы государевой — продолжает историк Словцов. — Мечтая, что предки их во время Кучумово принесли из Мавареннагра на север магометанство, и вместе с татарами, от них подучаемые, иногда приносили жалобы в Москву на отнятие у них земель и угодий и на усиленное крещение их единоверцев. Бухарцы с самого начала пользовались льготами как торговое сословие. В 1595 г. мы находим наказ об учреждении бухарского купечества. В наказе этом предписывалось: «если нагайские и бухарские люди со всякими товарами, с лошадьми и скотом в город Тару приедут, то иметь тамошним жителям с ними вольное купечество и поступать с ними с учтивостью, дабы их тем к себе привлекать, а по продаже товаров отпускать их назад без всякого задержания; буде же некоторые из них пожелают со своими товарами и со скотом ехать в Тобольск или в Тюмень, то и это дозволяется»**. В 1668 году бухарцам Тобольского разряда возобновлено право ездить для торга не только в Сибири, но до Архангельска***.

О бухарской торговле Словцов говорит: «Бухарцы, пока в Сибири и на южных ярмарках требовались ткани бухарские и китайские, имели в делах значительный оборот». Они жили в Тобольске очень богато, свидетельством чему может служить «азиатское тщеславие» (по выражению Словцова), с каким они справляли свадебные обряды, оканчивавшиеся конскими скачками и выставками призов. «Начальство не

* Истор. Словцов, гл. I, стр. 76.

** Словцов, стр. 155.

*** Истор. Сибири, Миллер, стр. 227.

чуждалось юрт»*. Тезики или таджики кланялись низко, в свою очередь, местным начальникам. От торговых бухарцев благосостояние переходило и на татар, участвовавших в торге. Празднование татарских свадеб также сопровождалось скачками и ристалищами. Гмелин их застаёт в 1734 г., в сабгенских³⁹ юртах, и Словцов помнит эти обычаи в Тобольске до 1766 г. Те же бухарцы, кроме торговли, прививали в Сибири и ремесла. Так, им приписывается распространение кожевенного производства в Тюмени. Мало того: мы видим, что бухарцы, как самое способное и образованное магометанское сословие, не только служат посредниками в торговле с Средней Азией, но и играют роль в дипломатических сношениях. В 1658 году из Тары вместе с боярским сыном посылается в Китай и тобольский бухарец Сеткул Аблин с грамотою и подарками к бохдыхану. В 1668 г. вторично послан в Пекин Сеткул Аблин. Бухарцы служат на границе переводчиками и дипломатическими агентами и награждаются иногда за свою службу. Несомненно, что при указании и знакомстве с бухарским золотом при князе Гагарине, стоявшем жизни Гагарину⁴⁰, и неудачной экспедиции Бековича, играли роль бухарцы. Водворяя торговлю, бухарцы оставались в России, привлекаемые льготами и выгодами своего положения. Так, в XVIII ст. посланник бухарского хана Мурза Крейнул, проживший 12 лет около нашего двора, не решился возвратиться и на пути соблазнился местами в Башкирии и поселился здесь со своими людьми. Впоследствии присоединились к нему беглые пленные бухарцы из киргизов; так образовались две волости из 50 семей в Уфимской губернии и 52 семей в Исетской**. Торговые льготы бухарцам, как мы видим, подтверждены в 1645 г. 3 ноября и 17 сентября 1687 г. Они считают себя вызванными правительством. Постепенная оседлость их и увеличивавшиеся обороты, однако, не могли не вызвать обложения. В 1693 году на китайские и бухарские товары наложена пошлина по одной десятой или десятый кусок с тканей и десятый ящик чая. В 1700 г. следует распоряжение, запрещающее бухарцам скупать соболя, в 1701 году издается грамота сибирскому воеводе князю Михаилу и стольнику черкасскому, где поведено взимать с земель, заселенных бухарцами, оброк по

* Словцов.

** Георги. Описан. Росс, нар., стр. 63.

Бухарцы в Западной Сибири

5 алтын с десятины засеянной ржи и 10 денег с десятины ярового*. Из этого видно, что бухарцы уже занимались земледелием. В 1703 г. есть распоряжение о переводе тобольских татар и бухарцев на Панин бугор и о наблюдении, чтобы их мечети были построены от русских церквей в отдалении**. Во все XVIII ст. бухарцы продолжают играть видную роль в торговле Сибири, а сибирские жители ходят в бухарской мануфактуре. В 1727 году издан указ о восстановлении коммерческих сношений с Хивой и Бухарой и даче конвоя для сопровождения караванов. (П. С. 3. № 5045). В 1763 г. основана бухтарминская ярмарка для торга с Бухарой и Индией. В 1765 г. устраивается меновой двор в Усть-Каменогорске для ташкентских и бухарских купцов**. В 1764 г. ассигновывается особая сумма из сибирских доходов для угощения киргизов и прочих азиатцев, приезжающих на сибирские линии***. В 1773 г. устраивается торг в Петропавловске для азиатских купцов и бухарцев. В 1787 г. при Екатерине повелено оставить бухарцев на том самом основании, на каком они были до открытия наместничества****, дозволяя им из своего общества составить в городах словесные суды, впредь до устройства за умножением их числа и буде пожелают собственной для них ратуши*****. Это показывало, что правительство признает в них почетное торговое сословие. В 1789 г. следует указ о позволении переселяться ташкентцам и бухарцам в Россию. (П. С. 3. № 16814). Точно также следуют указы относительно веротерпимости магометан. В 1765 г. издается дозволение татарам и бухарцам магометанского закона, живущим деревнями, строить мечети и о переселении новокрещеных татар в другие деревни (П. С. 3. № 10597). В 1782 г. по сибирской линии повелено устроить мечети, а при них школы и караван-сарай. В 1783 г. находящимся в русском подданстве мусульманам дозволено самим избирать себе ахунов. В 1784 г. для распространения ислама между киргизами на пограничной линии определяют в муллы знающих магометанский закон тобольских татар, с назначени-

* Пол. Сборн. Зак. IV, № 1857.

** Гагемейстр, ч. II, стр. 163.

*** П. С. 3. № 12191.

**** В 1764 г. их пробовали, по истечении льготного времени, занести в оклад против государственных крестьян (№ 12041), но бухарцы отстаивали свои прежние права.

***** Указ Екатерины II 9 декабря 1787 г.

ем им жалованья от казны. В 1786 г. поведено строить мечети, школы и гостиные двory в Киргизской степи. В 1788 г. в Оренбурге создается муфтий и особая магометанская иерархия (П. С. 3. №№1670, 16711). В 1797 г. разрешается продажа и рассылка алькорана на арабском языке для магометан. В 1800 г. воспрещено притеснять киргизов и их султанов, указано возвращать в орду перебежчиков и поведено принимать на почтах все татарские письма, адресованные на высочайшее имя. Представляя целый ряд этих законодательных мер в пользу магометан, мы должны заметить, что все они имели вид не столько поправки и слабости, сколько мудрой политической меры, привлекавшей на нашу сторону инородческое и пограничное население.

Самым лучшим доказательством тому служит переселение бухарцев; с разорением китайцами Джунгарии в 1765 году множество азиатцев и бухарцев вышли в наши пределы и поселились в Сибири. Роль бухарцев в сношениях с Бухарою, Джунгарией, Хивою и Китаем была весьма видная. Еще в начале нынешнего столетия бухарцы продолжали поддерживать азиатский торг, между тем как наша собственная караванная торговля чрезвычайно туго развивалась и терпела неудачи. Бухарцы же были превосходными посредниками, и их способности в деле распространения культуры среди инородцев и торговли в Сибири не могут не быть отмеченными. С падением джунгарского и бухарского торгова, с введением новых тарифов для азиатских товаров (оренбургский тариф 1799 г.) роль бухарцев изменяется, хотя они остаются еще в начале нынешнего века зажиточным сословием. В первой четверти столетия, однако, следует весьма важное изменение в их положении. Бухарцы перестают быть торговым сословием, влияние их ослабевает, живущим в деревнях выпадает обыкновенное занятие земледелием и сельскими промыслами. По положению 1822 года, тобольские, тюменские, ялutorовские бухарцы, как и татары, занесены в число оседлых инородцев и обложены оброчной и подушной податью. Бухарцы были в первое время обложены особой *подушной податью*, полагая на дым 3 души, по 12 руб. 86 коп. и оброчного по 2 руб. 25 коп. Оклады эти не могли бы быть, конечно, тягостны, если бы не шли рядом излишние поборы, как следствие местных злоупотреблений и вместе ухудшения их экономического быта, вследствие потери пре-

жных занятий и угодий. Современный их быт рисуется следующими данными, извлеченными нами из отчета тобольского исправника и других официальных документов. Число населения бухарской волости, Тобольской губернии, по X ревизии, т. е. 25 лет назад, считалось в 3.336 душ, по семейному списку к 1876 г. их было 3.693, прибыль, следовательно, слабая. Хозяйственное положение показывает, что из всего населения только 372 человека занимаются хлебопашеством, а 1.344 чел. не засевают хлеба.

Засавающих	от 5 до 10 дес.	25 чел.
	от 2 до 5 дес.	246 чел.
	по 1 дес.	101чел.

Лошадей имеют 770 чел., причем 57 чел. не более 5, остальные менее, а именно: 587 чел. по одной лошади и 1.035 чел. не имеют лошадей. Уже это одно показывает бедность населения. Годовой оклад податей равнялся на управление 2.750 р. 2 к. и 516 р. 11 к. мирских сборов. Недоимки же за прежние годы за бухарцами числилось 28.078 руб. 52³/₄ коп., причем приходилось 16 руб. 23 ¹/₂ коп. на ревизскую душу и 30 руб. 12 ¹/₂ коп. на дельного работника. Так как недоимки эти с бухарцев не могли быть взысканы с податями разом, то они накапливались из года в год. О взыскании этих недоимок мы приводим официальную переписку в главе о татарах Тобольской губернии. Недоимки эти числятся по Тюменскому, Ялуторовскому и Тарскому округам в количестве 400.234 руб. 36 коп. и падают одинаково как на татар, так и на бухарцев. Присоединим здесь, однако, сведение о Тарской бухарской волости. Бухарцев здесь считалось 1.975 чел. Тарские были внесены в оклад в 1834 г. и установлена инородная управа. В 1858 г. бухарская волость, за разбросанностью деревень, была упразднена в виде опыта на 3 года, и жители ее были присоединены к русским волостям Логиновской, Нижнеколосовской, Такмыкской и Карташевской, но накапливающиеся недоимки и неудовлетворительное управление вызвали в 1864 году вновь восстановление прежнего управления и образование волостей. В 1875 году вновь возник вопрос о присоединении бухарской волости к русским волостям. 22 октября 1877 г. бухарцы Тарского округа поручили подать доверенным прошение министру государственных имуществ об оставлении их на прежнем положе-

нии. В 1862 году на них насчитывалось податной недоимки в 9.669 руб. 88 $\frac{1}{2}$ коп., затем особой комиссией оставлено 6.173 руб. 81 коп. Вопрос о сложении недоимки оставался неразрешенным, однако, казенною палатою 12 лет, с 1867 г. 22 ноября 1876 г. Тобольская казенная палата положила взыскать недоимку с бухарцев и ходатайствовать о проверке счетов и рассрочке взыскания по 800 руб. в год, так как иначе приходилось недоимки по 8 руб. с каждого дельного работника. Кроме этого, с 1860 г. на населении числилось недоимки 1.955 руб. 3 $\frac{3}{4}$ к. при переложении подымной подати, причем 46 домов оказалось лишними и 170 руб. 14 коп. падало не на инородцев, а на государственных крестьян, приписанных к волости, но о которых никаких сведений не имеется. Таким образом, опыт присоединения к русским волостям не поднял положения бухарцев и они находятся в прежнем состоянии.

В заключение мы должны указать, что все бухарское население состояло:

	К 1887 г. по сведениям г. Патканова.			
	К 1878 г.	Муж.	Жен.	Об. пола
В Тобольском округе	3.693	1.816	1.531	3.347
Тюменском	2.844	1.612	1.564	3.176
Тарском	1.975			
Ялуторовском	134			
Томском	152*			

Уменьшение бухарцев в Тобольском округе несомненно.

Быт бухарцев не лучше, чем татар; бухарцы остаются при том же названии, но это, в сущности, уже татары.

Культурное значение бухарцев среди татар утратилось: они далеко уже не походят на бухарцев и сартов, своих родичей в Туркестане. Обнаружив, однако, положительные способности к культуре в известное время, нет основания предполагать, чтобы они не могли проявить и впоследствии, если бы условия существования их были нормальны.

По списку населенных мест в 1859 г. в Томске было 379 магометан, куда причислялись и бухарцы.

Татары Томского округа

Татары Томской губернии могут быть подведены под несколько групп. Часть этих татар населяет Томский округ в числе 5.891 души; затем потомки татар, смешанные с русскими, находятся в одной из управ Барнаульского округа в числе 1.236 душ; в Мариинском округе есть так называемые чулымские татары в числе 1.870 душ; в Каннском округе барабинцы в числе 2.225 душ; в Кузнецком округе телеуты 2.985 душ и черневые лесные татары 1.780 душ. Наконец, в Бийском округе алтайцы или калмыки, черневые лесные татары и несколько оседлых управ. Все эти группы по этнологическому племенному составу и в этнографической классификации мы предпочитаем рассмотреть особо.

Татары в Томском округе составляют смешанное в племенном отношении население из татар, пришлых с разных концов Сибири. Все они в последнее время, однако, нивелированы, говорят одним языком и все магометане. Они составляют в округе несколько волостей. Состав их и происхождение следующее:

Около города Томска живут потомки эуштинских татар, бывших подданных князя Таяна, принявшего подданство в 1604 году и ездившего выразить свою покорность в Москву.

По покорении эуштинских татар на Томи был заложен город Томск. Таяново городище до сих пор находится на берегу Томи около озера за рекою; оно, как видно, обведено было валом и рвом. Таян обязался стремиться к покорению русским и соседних татар.

В пяти днях пути от Таяна на левом берегу Оби жили телеуты или теленгиты, под начальством князя Обака; это было уже чисто алтайское племя. Часть телеутов доселе живут в Кузнецком округе. Они были подчинены монгольскому Алтын-Хану, но около 1605 года отделились от зенгорцев и в 1609 году Таян склонил и Обака с телеутами отдаться

под власть русским, тогда Обак с подданными передвинулся ближе к Томску. Но телеуты скоро изменили русским и снова отдались под власть зенгорцам и енисейским киргизам и даже действовали против русских. Точно так же телеуты вели войну и с другими алтайскими племенами, как, например, телесами. Отделившись от калмыков и алтайцев, как видно, они хотели быть независимыми и враждовали как против своих одноплеменников, так и против русских. Дальнейшие завоевания по Томи с Кузнецка, однако, должны были положить предел враждебным действиям и изменам телеутов. К 1658 году они покоряются и принимают подданство как в Кузнецком, так и в Томском округах, в то же время они подвинулись к Томску. В XVIII ст. они расположились от Кузнецка к Томску по Томи и границы их примкнули к чатским татарам. Телеуты эти носили название «белых калмыков»*; они имеют Телеутскую волость, наконец, из них же состояла Кишинская волость и тулебертские татары. Далее, около Томска находятся чаты или чатские татары, жившие прежде в верховьях реки Оми (ныне Каинский округ), бывшие в подданстве хана Кучума и во времена Таяна переселившиеся ближе к реке Оби; первый по дороге из Тары в Томск, а второй ниже — по Оби. Эуштинские и чатские татары получили впоследствии общее название томских; они, по Георги, жили в 30-ти деревнях, смешанных с русскими деревнями, и по подушной переписи, составленной в 1760 году, платили оклад за 430 душ.

К северу от Томска татары назывались верхо-томскими, или абинцами; они жили по реке Оби по направлению к Нарыму, подсудны были томскому воеводе со времени покорения и разделялись на 16 волостей. 12 их волостей были оседлыми и четыре кочевыми по Нижнему Чулыму. По бывшей переписи в 1766 году считалось первых 1.115 душ и кочевых 503 души. Эти татары уже в половине прошлого столетия жили в 54 деревнях, что указывало на их многочисленность. Далее, в состав татар как Томского, так и Мариинского округов входили так называемые чулымские татары. Они жили издревле между Чулымом и Енисеем, преимущественно же располагались по реке Чулыму, а также Черному и Белому Юсу; таким образом, часть их располага-

* См. объяснение в описании народов Российской Империи Миллера. «Телеуты», стр. 158-я.

лась в Енисейской губернии. Но эта группа татар имела родство и происхождение не из Алтая, а выдвигалась семьей от саянских и енисейских тюрков, будучи родственна с кызыльцами и кичинскими татарами. К северу они удалились под давлением зенгорцев (калмыков) и киргизов, живших в вершинах Енисея. По Чулыму в половине прошлого столетия находилось этих татар 14 волостей, которые платили подушный оклад за 2.549 душ муж. пола. Столько же душ было в Ачинской и Кызымской волостях. Деревни их были малочисленные, но были деревни, имевшие до 100 душ и одна при Чулыме даже 240 душ*.

Весь этот разноплеменный состав тюрко-татарских племен в Томском округе по своей культуре и хозяйственным условиям в начале завоевания русскими Томской губернии находился на крайне низкой степени и мало отличался от других татар — барабинских, тарских и тобольских. Значительная часть этих татар занималась охотой, рыбной ловлей по Томи и Оби, скотоводством по кочевому способу, и только часть вела первобытное земледельческое хозяйство. Что земледелие татарам было известно, это доказывается его существованием у кочевых алтайцев и лесных татар, наконец, у татар кучумовых тобольских. Жилища у татар были в лесной полосе в виде постоянных шалашей из бересты и юрт; зимою же они создавали себе зимовки. Георги, описывая быт томских телеутов, говорит, что во время переселения своего в Томский и Кузнецкий округа они были еще звероловами и скотоводами и что земледелию научились у русских, как усвоили и оседлый образ жизни; они построили также зимние деревни, летом же так же, как барабинцы, кочевали в шатрах. Скотоводство их было не велико, или пришло в упадок, как только они вышли из степей. Как свойственно лесникам, они имели ограниченное число лошадей и рогатого скота, в среднем не превышавшем 10 голов, и только богатые имели до 50-ти. Звериный промысел и охота были также видным их занятием. Впоследствии они занимались извозом и нанимались поставлять товары. О прежнем их быте пишет Георги: «Прежде они делали себе хижины в ярах или расселинах гор, так что гора служила оградою с трех сторон, крышу и переднюю сторону делали из хвороста и проч., ныне (в половине прошлого столетия) стро-

* Описание Российских народов Гмелина, перевод Миллера, стр. 145.

ят они жилища на чистом месте; телеуты-шаманисты строят дома, во всем сходные с барабинцами*, простые и малые с складовою. Другие уже уподобляют жилища русским избам с тем различием, что у них всегда находятся нары и чувал. Деревни их составляют от 4 до 10 дворов и называются аймаками. Летние их юрты состоят из жердей, покрытых рогожами из лыка горохового дерева».

О чулымцах Георги говорит также, что они только исподволь привыкли к постоянным жилищам. Некоторые с мест своих совсем не трогаются, большая же половина и теперь, так же, как барабинцы, имеют всегдашние зимние жилища и подвижные летние юрты. Чем ближе их селения к русским деревням, тем более похожи на русские. По этому описанию видно, что чулымские татары имели быт, весьма сходный с нынешними лесниками алтайцами. Но форма быта может быть названа полукучевою или полуоседлою. От шалашей они перешли к зимовкам — подобиям изб, но на лето они оставались еще в шалашах. Типы зимовок представляют все стадии развития оседлого жилища. По способу постройки зимовок можно судить о высоте искусства. У Георги говорится, что чулымцы имели зимние жилища: «Подобно в рассуждении строевого лесу, сеней, отверстия в потолке и всего внутреннего расположения подобно барабинскому, только стены делаются наискось или покато, а снаружи заваливаются, ради тепла, глиною». В книге «Aus Sibirien» В.В. Радлова приведен рисунок оригинального телеутского жилища в виде мазанки из плетника. Около изб, по описанию Георги, строят чуланы и хлевы. Летние же юрты находятся на борти, подобно барабинским, и покрываются берестою**. Все это показывает, что склад жизни чулымских и томских татар весьма походил первоначально на быт нынешних лесных алтайцев-татар и кумандинцев, но обские татары были и кочевые, юрты их были из жердей, крытые берестою (стр. 143). По языку томские татары также сходятся с иртышскими туралинцами; телеуты сохраняют наречие алтайских телеутов; что касается чулымских татар, то В.В. Радлов находит три рода: 1) Кэтсик (к югу от Мариинска), 2) Кюэрик (к сев. от Мариинска) и 3) собственно чулымские татары (к сев. от реки Кии, по речке Чердашу). Язык всех трех наро-

* См. барабинские татары.

** Описание народов Российской Империи, стр. 141.

дов один и тот же; на нем видно как телеутское, так и барабинское влияние. Что касается наружности томских татар, их нравов, обычаев и костюмов, то, упоминая о томских городских и подгородных татарах, Георги говорит, что они походили на тобольских татар туралинцев и были совершенно с ними одной орды*. Одевание их и магометанские обычаи были похожи на казанских и тобольских татар; впоследствии смешению городского татарского населения способствовали бухарцы и пришлые татары. Верхо-томские татары приближались к кочевым, жили беднее, платье носили из мехов и вышеланных кож; татарское их одеяние походило на якутское**. К этим татарам магометанство проникло позднее, чем к туралинцам, тем не менее они ныне магометанского закона и от других татар не отличаются. К югу от Томска в телеутских волостях татары носят тип алтайско-теленгитский, т.е. более монголообразный, лицо их плоско и волосы черны; так они описываются у Георги. Смешение в телеутских волостях и браки с другими татарами, однако, смягчили монгольский тип. Уже Георги называет телеутских женщин Томского округа «пригожими», что немало относится к монгольскому типу. Посещая одну из телеутских волостей Томской губернии в 1880 году, мы видели многие еще остатки в деревнях алтайско-телеутской культуры; типы, с одной стороны, носили признаки монголообразности, с другой стороны, мы находили замечательные смеси даже с русскими. Так, один ссыльный малоросс, бывший кузнецом в татарской деревне, жил гражданским браком с вдовой татаркой, у которой были дети наполовину с монголообразным типом: черными глазами и черными волосами, другие славянского типа с голубыми глазами и каштановыми волосами. Чулымские татары также подходили по типу скорее к монголам и калмыкам, вследствие исторического сожительства и подчинения то калмыкам монголам, то енисейским киргизам. Георги говорит, что «с виду чулымцы походят и на татар, и на монгол, а особливо уподобляются бурятам». Ныне чулымцы также сохраняют древнюю, отчасти монголообразную помесь и похожи на лесных алтайцев; но этот тип в оседлых деревнях как бы отступает перед татарским типом. Вообще разнообразие татарского типа в оседлых де-

* Описание народов, стр. 34.

** Георги. Описание народов, стр. 143.

ревнях Томской и Тобольской губерний замечательное, между Томском и Мариинском мы встречали в татарских деревнях несколько семей татар, сосланных из внутренней России, замечательно красивого типа, не походившего на монгольский. Тип многих татар Тобольской и Томской губерний напоминает касимовских и казанских татар. Нам говорили, что здесь встречаются татарки красавицы в европейском смысле. Но здесь же, вследствие присутствия телеутов и калмыковатых типов, можно заметить широкоскулое, узкоглазое, безобразное монгольское лицо; промежутки составляют все оттенки переходных типов. Татары Томского округа, не исключая чулымцев и телеутов, представляют ныне все оседлое магометанское население, живущее в деревнях; но переход их к оседлости совершился не вдруг. Многие из них до настоящего столетия сохраняли, несмотря на построенные деревни и зимовки, полукочевой, звероловный и рыболовный быт, дававший им главное пропитание. Поэтому зачисление их, по внешним признакам жизни, в категорию оседлых жителей и наложение увеличенного оклада по положению 1822 года не могло не отразиться на их быте весьма тяжело, как и на многих других их соплеменниках — татарах тарских и барабинских. По крайней мере, в делах 20—30-х годов нынешнего столетия мы встречаемся с жалобами томских татар на тяжесть и неравномерность оклада 1822 года. Г. Шашков, пользовавшийся делами архива Главного Управления Западной Сибири, полагает, что по окладу 1824 года инородцы Томского округа обязаны были уплачивать по 18 руб. с души. В первый же год можно было понять, что они не в состоянии вносить такого количества налогов — недоимка равнялась целой половине сборов. На оседлых инородцев Томского округа в 1831 году недоимки было 121—181 руб.* Недоразумения и ошибки эти должна была разъяснить только ясачная комиссия 1831 года. По описям этой ясачной комиссии, а также по имеющимся у нас отчетам и описанию Томской казенной палаты, быт татар Томского округа рисуется перед нами в таких чертах: в оседлых волостях Томского округа числилось по спискам ясачной комиссии 58 селений и юрт, в коих обитают 2.213 душ мужск. пола и 2.258 душ женск. пола. Волости были следующие:

* См. Сибирские инородцы в XIX ст. Шашкова. Исторические этюды. Спб. 1872 г., том II, стр. 191.

1) Кумышская, 1-я половина, 2) Телеутская, 3) Чатская, 4) Казанская, 5) Эуштинская, 6) Темерчинская, 7) Больпел-Байгульская, 8) Ячинская, 9) Корсаковская, 10) Малокорсаковская, 11) Малошегарская, 12) Корчуковская. Во владении их, по списку казенной палаты, находилось пахотной и сенокосной земли 25.903 десятины, со строевым же и другим лесом — 37.536 $\frac{1}{2}$ десятин. Хотя они и занимаются хлебопашеством, сказано в описании, но особых выгод от него не имеют, получая в год от посева пшеницы 570 пуд., ржи 3.270 пуд. и овса 715 пудов, следовательно, такого количества не только на продажу, но и на продовольствие даже мужчин не хватает. Скота во всех волостях считалось: лошадей 912, рогатого скота 727, овец 718, что, принимая во внимание 4.471 душу, весьма недостаточно. Иностранцы, как видно, прокармливались более звероловством и рыболовством. Угодий для этого в Томском округе было когда-то достаточно, а именно: в пользовании их находилось 3.040 верст, где они добывали примерно рыбы до 1.007 штук, белок до 7.415 штук, горностаев до 250, зайцев до 1.500 и прочих зверей: волков, лосей, коз и проч. от 15 до 145 штук. Как ни приблизительно вероятно это исчисление, но оно показывает некоторую внимательность, с которой описывался в 1831 году быт иностранцев и исследовалось их экономическое положение. С того времени подобных исчислений и описаний мы совершенно не встречаем. Об окладах их мы находим следующее: по Высочайшему указу, данному Министру юстиции 29 мая 1835 года, оседлых иностранцев Томского округа, «в уважение их недостаточного состояния, в сравнении с иностранцами Тобольской губернии, повелено обложить с января 1835 года по 1844 год четвертою частью подушных и оброчных податей против крестьянского оклада, а именно по 2 руб. 75 коп. в год, а с 1-го января 1844 года по 1854 год свести их в половинные подати, а по истечении сего срока взыскивать с них уже полный оклад». Таким образом, в девятнадцать лет были введены в полный оклад, подобный крестьянскому, за исключением воинской повинности. Прежние недоимки их до 1835 года были сложены, тем не менее к 1-му июня 1858 года накопилось на них вновь 3.430 руб. 4 $\frac{3}{4}$ коп.

По списку населенных мест за 1859 год татар в Томском округе находилось: 4.284 души обоего пола, из них 1.902 чулымских иностранца, все они составляли 22,24%; в Мариинс-

ком округе 2.439 душ. Затем в том же списке перечислены 13 родов чулымских татар, а именно: 1) Больше-Байгульского, 2) Мало-Байгульского, 3) Больше-Аргунского, 4) Больше-Каргалинского, 5) Больше-Шегарского, 6) Мало-Провского, 7) Саргулинского, 8) Мало-Чубаровского, 9) Больше-Чубаровского, 10) Хартуминского, 11) Шепетского, 12) Чатского, 13) Обско-Тутальского. По сведениям князя Кострова в статье его «Чулымские инородцы», «Томские Губернские Ведомости» 1867 г., №7-й, говорится, что в пределах Томской губернии у чулымцев считается 897 рабочих душ. По списку населенных мест чулымских инородцев в Томском и Мариинском округах было 4.341 душа.

В 1880 году мы видим оседлые волости в Томском округе по официальному списку:

<i>Волости</i>	<i>Душ</i>
1) Телеутская	373
2) Чатская	172
3) Мало-Коряковская	257
4) Кумышская 1-я половина	542
5) Аргунская	92
6) Больше-Байгульская	86
7) Мало-Байгульская	44
8) Больше-Каралинская	285
9) Ячинская	285
10) Больше-Провская	166
11) Мало-Провская	103
12) Больше-Шегарская	15
13) Мало-Шегарская	460
14) Больше-Чубаровская	98
15) Мало-Чубаровская	96
16) Обско-Тутальская	215 кочевые
17) Саргулинская	55
18) Темерчинская	77

В Мариинском округе ныне находятся управы: 1) Каревская, 2) Курчековская, 3) Тутильско-Чулымская, 4) Мало-Каргачинская, 5) Кизильдеевская 1-я половина, 6) Кизильдеевская 2-я половина. Таким образом, в эти волости вошли все роды и волости прежних томских и чулымских татар по описям 1831 года и 1859 года. Сравнивая мужское население нынешних волостей со списками 1831 года, в некоторых волостях видим увеличение населения, как, напр.:

В Телеутской	с 231 души до 373 душ мужского пола
Кумышской	394 542
Ячинской	118 285
Мало-Шегар.	329 460

Зато в некоторых волостях видим уменьшение населения, напр.: Чатская волость имела по списку 1838 года 395 душ мужского пола, ныне же 179. Если мы припомним, что по списку Георги эуштинские и чатские татары уже в 1760 году имели 430 душ, то ясно, что здесь произошло уменьшение.

В общем число татар Томского округа в 1766 году считалось 1.545 душ и 503 кочевых.

В 1838 году в 12 волостях по списку казенной палаты томских татар: 2.213 душ мужского пола, 2.258 душ женского пола, 4.471 душа.

По спискам населенных мест Томской губернии 1859 года число их было равно 4.341 душе обоего пола. По официальным сведениям 1880 года, татар считалось в Томском округе 5.891 душа.

Чулымских татар по переписи 1766 года считалось 2.549 душ. По спискам населенных мест было в 1859 году 4.341 душа; из них 902 души в Томском округе и 2.439 душ в Мариинске. Ныне в Мариинском округе чулымских татар насчитывается 2.733 души. Прибыль их сравнительно с переписью 1766 года (2.540 душ) весьма ничтожная.

Татары-барабинцы

Татары Каннского округа, Томской губ., известны под именем барабинцев (от волости их Бараба). В Каннском округе ныне 7 татарских волостей: Барабинская, Тереминская, Чайская, Каргалинская, Любейская, Тунужская, Туражская (жителей к 1883г. считалось 2277 муж. п., 2182 женского п.; всего 4459 душ).

Тюменские, ялutorовские и тарские татары ничем не отличались от туралинцев; некоторое отличие представляли барабинские татары, покоренные позднее, а именно: против них предпринят был поход в 1595 году, под начальством письменного головы Доможирова с 483 ратниками, которые взяли город Тунус. Барабинские волости были обложены ясаком, но барабинцы весьма долго подчинялись еще Джунгарскому хану и конец этому подчинению был положен только в 1753 году генералом Киндерманом. Барабинцы подпали под власть как джунгаров, так и киргизов, живших на Енисее. Кроме того, несмотря на изъявление подданства России, барабинцы должны были давать калмыкам алман*. Как независимые татары кучумовцы, так и калмыки жестоко платили барабинцам за изъявление покорности русским. В 1641г. калмыцкий контайша обложил их вновь данью. В 1659 г. Абугав Кучумовец, поддерживаемый калмыками, успел разгромить на Барабе татарскую деревню и ускользнуть. В 1660 г. калмыки опять грабили Барабу, на которой, по выражению историка Словцова, «кровь не переставала литься, как будто на римской позорищной арене»**. Еще более барабинцы терпели от разбоев киргизов, так что в начале нынешнего столетия русское правительство предоставило им для самозащиты заступить оружием; многие из князьков их укрепили юрты рвами

* Истор. Сибири, Фишера; Словцов, Истор. обзор. Сибири, стр. 67; Описание Росс, народ., Георги, 106—107.

** Истор. обзор. Словцова, стр. 67.

Татары-барабинцы

и окопами*, но это мало спасало их. Спокойствие возобновилось у них только по мере усмирения киргизов и усиления русских границ, а именно в 1730 г. В 1760 г., когда они были положены в оклад, у барабинцев было 68 деревень и 2216 д.м.п., обложенных ясаком, но население их, по мнению Георги, должно было быть гораздо больше; сюда не вошли многие волости. С 1767 года началось заселение Барабы русскими переселенцами.

Барабинцы занимали довольно плодородные и богатые места между Иртышом и Обью. Волости их лежали: Барабинская при р. Оми, Тартасская, или Колебинская — при р. Тартасе, Майская — при Убинском озере, Тереминская — около небольших озер, Тунусская — по р. Узе, Евбагайская — при Яркульском озере и Каргалинская — при Тартасе. Таким образом, татарские волости группировались около обширных Чанских озер, которыми вполне пользовались; ныне эти волости отодвинуты на север и на южной стороне Чанов нет более татар. Древних барабинцев Георги описывает смешанными с калмыками; они имели плоское лицо, малые продолговатые глаза, большие уши и черные волосы. Если одна часть походила на татар, то другие были калмыцкие выродки, вследствие долгого пребывания у них победителей — зенгорцев. Болотистая Бараба, по наблюдению Георги, наложила печать на них; наполненный парами летний воздух был причиною того, что все жители мокротны и бледны. «Нравы этого народа были чисты, как указывает Георги, — они не лгут, не обманывают и не разбойничают». Подать, которую они платили зенгорцам, состояла в лосиных кожах, лисицах, выдрах, белках и другой мелкой рухляди. У барабинцев, как и у башкиров, были зимние деревни и летние юрты. Хижины в их зимних деревнях отличались от башкирских тем, что имели для света и дыма большое отверстие в потолке, в которое, в случае больших метелей и заносов снега, они могли вылезать на двор и освобождать двери. Кроме того, у этих домов были сени. В числе домашней посуды находилась у них ступа для очищения крупы, врытая в землю, к которой прикреплен шест на длинной перекладной рычаге. (Ступа, свойственная чулымским татарам и алтайс-

* Городища эти ныне сохраняются на Яркуле, на ост. Тюмени на оз. Чанах и других местах. О нападениях и грабежах киргизов, Матер, к истор. Сибири, стр. 88, 106.

ким, указывающая на родство культуры). Летние юрты их, или хижины (уг), состоят из жердей, сведенных кверху, сажень 5 в поперечнике, покрываются тростником и рогожами (лесной шалаш); они не переносятся. Таким образом, у барабинцев мы видим след полукочевой культуры лесников, характерный для всех алтайцев. Форма этого быта сходна с лесными алтайскими татарами и башкирами. Прежние барабинцы имели лошадей и рогатый скот, немного овец. Скотоводство, однако, не могло увеличиваться на Барабе, несмотря на богатые луга и прекрасный корм, вследствие свирепствовавшей здесь сибирской язвы. В 1763 году, по словам Георги, здесь выпал весь скот, поэтому его приходилось на душу от 5 до 20 шт., и 70 штук считалось богатством. Земледелие также было побочным промыслом, и пашни их не превосходили 5 десятин; сеяли ячмень, овес и немного конопли, как прежние башкиры и алтайцы. От скота добывали кумыс, масло и сыр, а также астылай — топленое пресное кобылье и коровье молоко. Барабинцы занимались охотой и рыбной ловлей; для охоты держали собак гончих... «но из луков худо стреляли», прибавляет Георги. Рыбу заготавливали и солили впрок. Кроме того, подобно многим инородцам, питались дикими кореньями, сараной, кандыком (*lilium martagon*, *Eritronium dens canis* L., *complanata* *liliefol.* L., *gymnema* *acutifolia*, *angelica*, *heracleum* *Symphoricarpos* L.). Костюмы их были, до принятия магометанства, оригинальные. Они выделяли шубки и украшения из птичьих шкур, особенно из гагар; на поясе прикрепляли пук конского волосу, которым они отмахивались от множества комаров и москитов этой местности. На головах мужчины носили меховые шапки с раздвоенным околышем; женщины замужние носили две косы. Они выделяли крапивный холст, вышивали его узорами и пуговками. Шапочки были островерхие и украшались бисером; древний костюм этот весьма походил на финские костюмы черемис и мордвы.

Барабинцы были долго шаманистами. Большинство из них были язычниками еще в 1714 г., во время проезда иркутского вице-губернатора Ланга и во время путешествия Миллера и Гмелина в 1748 г., но постепенно к началу нынешнего столетия, уже в русском подданстве, перешли в магометанство. «Обращение их в магометанство последовало — как говорит Георги — вопреки законам и тайным образом — по

прельщению странствующих в Барабе мулл соседственных татар*. Народ, однако, сохранял долго прежние языческие обычаи, имел шаманов и с покойником клал утварь и домашнюю посуду**.

К началу нынешнего столетия быт барабинцев изменился: они стали более оседлыми и занялись хлебопашеством; кроме того, они продолжали заниматься звероловством, добывали горностая, а также гагар и пиявок. Быт барабинских татар, однако, не мог поправиться как вследствие разорений, которые они терпели от киргизов и калмыков, так вследствие того, что их рыболовные угодья и озера постепенно начали переходить к русским, по мере заселения Барабинской степи. Они начали, подобно другим татарам, наконец отдавать свои земли и закладывать их русским. Вдобавок, когда они не перешли еще к полной оседлости и не сделались прочными земледельцами, присоединилось новое обложение с изданием инородческого устава 1822 г., причем барабинцы были занесены по недоразумению, как и многие другие полукочевые и переходные племена, в оседлые***. Такое увеличение оклада повело к многочисленным жалобам; при этом инородцы, как колыванские, так и каннские, объясняли в своих прошениях, что «новое положение несообразно с их образом жизни и совершенно несвойственно самобеднейшему их положению, которое до того простирается, что они не могут не только отбывать налогов, но с великою нуждою и большим трудом снискивают для себя дневное пропитание и самобеднейшую одежду». Действительно, недоимка за барабинскими татарами быстро накопилась. Из сведений Томской казенной палаты, находящихся у нас в руках, мы видим, что в 1854 г. барабинских татар в 7 волостях было 2866 муж. п. и 2399 жен. п. Пашенной земли у них было 5512 десятин, сенокосной — 7127 дес., звероловных угодий 100 участков, рыболовных участков 77, лошадей на все население 1732 шт., рогатого скота 2015 шт. и овец всего 309. Хлеба они засевали:

Пшеницы	3600 пудов
Ржи	5937 пудов
Овса	7836 пудов

* Начало магометанства относится к 1720 г.

** Георги, Опис. Русс. нар., стр. 114.

*** Сибирские инородцы в XIX ст. Шашкова. Истор. этюды, стр. 196.

Добычу рыбы высчитала ясачная комиссия в 7241 пуд, зверей в волости добывали 11689 шт.; добыча состояла из лисиц, горностаев, зайцев, лосей и др.

При всем том, по сведениям этой ясачной комиссии, на инородцах Каннского округа к 1838 г. числилось по разряду оседлых 3080 руб. 43' $\frac{1}{2}$ к., да сверх того по званию кочевому прежних лет — повинностей и на сухопутные сообщения 23154 р. 87'Дкоп., а всего 26235 руб. 31 коп. До 1835 г. они платили по 2 руб. 75 коп. с души, но с этого года они внесены были в общий крестьянский оклад.

Недоимки, как видно, и до нынешнего времени не исчезли с барабинских татар, несмотря на взыскания, о которых говорится в отчете 1854 г. Обеднение их, как это можно заметить, шло прогрессивно.

В 1875 г., по официальным сведениям, за волостями барабинских татар считалось недоимки 35241 руб., которая, по бедности, с них была сложена, а затем к 1878 г. она вновь возросла до 15000 руб.

Быт барабинских волостей поэтому ныне далеко не в блестящем положении, и они считаются бедными. Число жителей в различные периоды, по собранным нами статистическим сведениям, указывает скорее на уменьшение этого населения, чем на прибыль.

Вогулы Западной Сибири

Вогулы Западной Сибири*

Вогулы составляют часть обширного финского племени, расположенного между Иртышом и Уралом к северу от Туринска и Верхотурья, по рр. Тавде, Конде и Сосве, они доходят до Березовского округа, часть переходит по ту сторону Уральского хребта в Пермскую губернию.

Сибирские вогулы расположены в Тобольском округе (2.158 д.), Туринском (3.913), и часть их, смешанные с остяками, в Березовском округе (ляпинские остяки). Обитая на восток от Среднего Урала, между 59 и 64 градусами северной широты, они проживают в лесах и болотах и занимаются охотой, рыболовством и промыслом ореха, ведя жизнь промысловую и половину года кочевую. Подобно остякам, они стоят на весьма низком уровне быта. Доктор Альквист, определивший и исследовавший эту народность, а также рисующий быт ее, называет вогулов по образу жизни «оседлыми охотниками». Побочными промыслами их на юге являются кое-какое земледелие и скотоводство, а на севере, около Лозвы, рыболовство и оленеводство. В настоящее время у вогулов Туринского округа, Тобольской губернии, проникает оседлость и 4 управы считаются оседлыми. Управы эти носят названия:

Домов. Жител. Лош. Рогатого. Мелк.
скот.

Куртумовская	46	222	115	190	320
Верхне-Таборинская	77	405	200	174	225
Нижне-Таборинская	33	182	93	70	192
<u>Кошукская</u>	454	963	534	768	790

* Strahlenberg. Eur. und Asien. p. 84. Лежин. Отеч. зап. т. III, гл. 18, Falk. Reise. Паллас. Путешествие, ч. I, стр. 326—333. Георги. Описан, народ. I, стр. 60-65. Starch. Tableau Hist. et statist, т. I, стр. ИЗ. Лерберх. Изд. русск. истор. 1619 г. 6. Пол. соб. лет., стр. 250. Азиатск. плем. 1620 г., 393. Kask. Koupper voyag d'Oural. Гофман. Сев. Урал. Гagemейстер. Статист, обоз. Сиб. Кеппен. Инородцы европ. России, стр. 64-75. Muller, Castren. Ethnolog. vol., p. 128. Erman p. 330, 361-669. Alguist.

Земли под сенокосом и хлебом у них находится 9.087 десятин; посевы, однако, невелики:

	Озимого	Ярового
В Куртумовской	53 дес.	51 $\frac{1}{2}$ дес.
Верхне-Таборинской	98	68 $\frac{1}{4}$
Нижне-Таборинской	42	29 $\frac{1}{2}$,
Кошукской	371	212

Хлебопашество является для немногих подспорьем, главный же промысел — звероловство. 2.141 душа вогулов в семи волостях и 77 паулах или поселках считаются совершенными кочующими звероловами и обладают весьма небольшим количеством рогатого и мелкого скота. Быт этих инородцев Альквист описывает следующим образом: немного на свете жилищ, которые были бы по своей внешности так просты, как вогульские поселки, или паулы. Они всегда ставятся на возвышенном месте около реки или около соединения двух рек, так как рыболовный промысел у устьев рек всегда выгоднее. Каждый паул состоит из двух или трех юрт⁴¹, пять уже много. Юрты, или по-фински квал, бывают зимние и летние. Первые построены из бревен, проконопачены мхом и покрыты крышей из древесной коры и планок; они бывают редко длиннее трех сажен. В одном из углов, около двери, складывается из глины, сбитой с травой, печь (чувал), имеющая сходство с камином, и на ночь отверстие в крыше для дыма закрывается берестой. После того как погасает огонь, печь не дает тепла, так как она слишком мала и сложена из дурного материала; ночью в этих юртах порядочно зябнут, и единственное средство противостать холоду — ложиться как можно ближе друг к другу. Дневной свет проникает в их жилища через окно, в которое вставлено редко стекло, чаще же рыба кожа или бумага. По стенам юрты устроены лавки для сна, похожие на татарские, и покрыты берестой; покрывающие их шкуры отличаются обилием блох. Летняя юрта состоит из берестяного шалаша. Огонь в летних жилищах горит посредине. Юрта эта не имеет пола. Южные вогулы уже не строят летних юрт, а живут в бревенчатых зимовках, которые отличаются тем, что в них

Bullet, hist. XVI. 52. Zeitschrift fur Erdkunde. 1859, p. 222. Globus, t. 8, p. 91-115. Muller, Feld., Ugrische Volkstatum. 1837, t. I, p. 162. Unter-Vogulen und Ostiaken. Prof. Alguist.

Вогулы Западной Сибири

около очага вмазан котел. Южные вогулы также начинают ставить русские срубы. Домашняя утварь и принадлежности хозяйства у народа, таким образом живущего, не могут быть разнообразны. Собака и ружье — самые ценные вещи у вогула; топор, большой нож и огниво — вот все, что он имеет. Кроме посуды, в которой варится пища, вся посуда берестяная, даже ложки и детские люльки. Одежда вогулов — у тех, что живут близ русских — та же, но «хуже и более изорванная», говорит путешественник. У северных вогулов на Сосве одеждой служит малица или из оленьих шкур, или из крестьянского сукна. Шапок обитатели Сосвы не знают. Летом длинные и густые волосы, заплетенные на две косы, составляют единственную защиту головы, а зимой лицо и голова накрываются мешком из оленьей шкуры. Нижнее платье шьется из холста или дубленых оленьих кож. Одежда женщин напоминает татарскую. На пальцах как мужчины, так и женщины носят медные кольца, а вогульские женщины татуируют себе руки и ноги. Таким образом, обстановка этого племени почти дикарская. Относительно пищи вогул не избалован: ею служит лесная птица и рыба — летом свежая, а зимой сушеная. Мясо оленей и лосей едят редко и только богатые. Для южных вогулов соль и хлеб сделались потребностью, но сосвинские считают их предметом роскоши, и вогул, возвращающийся от русских, привозит хлеб вместо конфет. Вогул может долгое время пребывать без пищи, и на охоте целые недели он питается сырой рыбой и свежим мясом; но если вогул начнет есть, то ест много: он может съесть пять тетерок, выхлебать всю похлебку, где они варились, и съесть еще много сушеной рыбы. По телосложению вогулы среднего роста, лицо круглое с немного выступающими скулами, как у всех финнов, нос широкий, но не плоский, цвет волос темно-русый, но встречаются многие и со светлыми волосами, глаза открытые и круглые, но часто болят вследствие жизни в дымовых юртах.

Вогулы принадлежат к древним угорским финским племенам и, по догадке Фишера, они должны были когда-то обитать по Яику, или р. Уралу, и в Угорских горах, которые получили от них название*. Они были ближайшей ветвью древней чуди и тех угров, от которых отделились венгры и к которым принадлежали башкиры или паскотиры до их оту-

* Истор. Сибири. Фишер, стр. 68.

речения⁴². Современные антропологи и этнографы, как Оскар Пешель, так и Фридрих Миллер, внесли их в группу монголообразных, урало-алтайцев прямоволосых, по лингвистическому подразделению с многословным наречием (*mehrsilbigen sprache*). Среди финнов они составляют определенную уральскую ветвь, к которой причисляются самоеды, остяки, зыряне, черемисы, вотяки, пермяки и мордва. Кастрен выделил их из прочих финнов в угорскую группу, составленную из остяков, вогулов и мадьяр-венгров; этой классификации держится и Пешель. По классификации Рециуса, вогулы принадлежат к разряду *brachycephalae orthrognothae* и включены в группу венгерцев*. Альквист различает вогулов на Конде от их северных собратьев. По наблюдению Альквиста, кондинские вогулы представляют более выраженный монгольский тип: они отличаются бледным и смуглым цветом лица, более выдающимися скулами, черными волосами и слабой растительностью**. Вогулы — название русское. Сами они зовут себя манзами и суоми⁴³.

Вогулы были первыми из инородческих племен, с которым столкнулись русские при движении на восток к Великой Перми. Как видно, они были сильным воинственным племенем, которое беспокоило первые русские поселения на Урале, почему уже при Иоанне Васильевиче в 1499 г. было отправлено против них войско⁴⁴ в 4.024 чел. дворян и детей боярских, которые проникли за Угорские горы, взяли много вогульских и остяцких мест и немало пленников***. После создания строгановских городков сношения с вогуличами стали теснее и некоторые из вогульских родов изъявили подданство и на них наложена была дань****. Уже в первый свой поход в 1576 г.⁴⁵ Ермак, зазимовав на Сылве, столкнулся с вогуличами и отправил против них 300 казаков, которые ворвались с добычей. Во второй поход Ермак также посылал разьезды, которые фуражировали около вогул и, по выражению Фишера, у этих бедных людей отбирали весь их запас, состоявший из мерзлой рыбы, медвежьего и лосьего мяса. Одна партия Ермаковых казаков явилась через Тагил на Нейву, где один татарский мурза собрал, однако, некоторое число

* *Volkerkunde von Oscar Peschel. Leipzig. 1885. Allgemeine Ethnographic, Friedrich Mtiller. Wien. 1876, p. 25.*

** Alkvist, *Unter vogulen und ostiaken*, p. 39.

*** Фишер, стр. 109, §3.

**** Ibid., стр. III, §6.

Вогулы Западной Сибири

татар и вогуличей и дал жестокий отпор казакам*. Вогулы по ту сторону Урала были в ближайших сношениях с татарами. По Туре мы видим на древних картах, не доходя до Епанчина городка, городище Нерром-Кара**⁴⁶, или Торум; несомненно, это было вогульское городище, так как Торум по-вогульски — Бог, и здесь, конечно, находился их идол. Ермак приплыл по Туре и напал на татар. Как видно, вогуличи не переставали в союзе с татарами, под начальством Мамет-Кулли, вместе с осятками сражаться против русских. Мало того: во время походов Ермака ожесточенные разорением их жилищ, вогуличи кинулись на Чердын⁴⁷, на что жаловался царю чердынский воевода Василий Пепелицын, и московский царь изъявил неудовольствие на поход Ермака. Только после взятия Искера 23 октября 1581 г. и победы над татарами вогуличи и осятки оставили татар и возвратились в свои жилища. Вскоре вогуличи пришли с дарами к Ермаку, как и осятки***. Когда Иван Кольцо поехал в Москву к царю⁴⁸, вогуличи были ему проводниками****. Ермак впоследствии покорил кодские городки⁴⁹ и вогуличей по Тавде. Позднее, для удержания вогул и устрашения их князя Аблегерима, приказано было построить город Пелым (в 1593 г.), к уезду которого были приписаны вогульские волости у реки Тавды, Пелыма, Сосвы, Лозвы и вслед затем построен город Березов. Города эти не раз подвергались беспокойствам. Между осятками и вогуличами завязалась вражда. Князь Алача донес на вогуличей и в 1593 г. русский витязь с осятками⁵⁰ жестоко наказали их: «грабили, разоряли, убивали, что им ни попадалось», по словам Фишера*****. Князь кондинский Агай был взят в плен и отослан в Москву. Так продолжалось несколько лет, пока не приказано было прекратить междоусобие по жалобе вогулов. По создании Верхотурья к нему были приписаны вогулы, находившиеся в ведении города Лозвы*****, к северу от Тюменского округа. Вогуличи по Чусовой и Сылве принадлежали Чердыни. Наконец, в 1600 г. на половине дороги между Верхотурьем и Тюменью построен был Туринск. Таким об-

* Фишер, стр. 120, §15.

** Кара, по объяснению Фишера, на зырянском и вотяцком языках значит город и крепость; слово карамо — осяцкое жилище.

*** Ibid, стр. 133, §38.

**** Ibid., стр. 136, §43.

***** Фишер, стр. 177, §5.

***** Городок лозвинский основан, как предполагает Миллер, в 1590 г. Хронол. переч. Историю данных, из истор. Сиб. Щеглова, с. 52.

разом, земли вогулов были оцеплены русскими поселениями. Инородческое население, однако, не сразу покорилося. В 1607 г. пелымские вогуличи условились с сургутскими остяками и самоедами разорить Березов, но заговор был обнаружен и зачинщики казнены⁵¹. В 1609 г. вогулы, вновь соединившись с татарами и остяками, замысливают разрушить Тюмень и надеются на помощь калмыков. В распространении заговора участвовали жены новокрещеного князя Алачева⁵². Заговор охватил весь север и стрела с вырезкой злых духов, как обычный призыв к восстанию, переходила по вогульским и остяцким стойбищам, пока не была открыта березовскими казаками; заговорщики были казнены. В 1612 г., во время междуцарствия, вогулы еще раз покушались снести Пелым, но были усмирены. Таким образом, вогулы с остяками когда-то представляли весьма мужественное и воинственное племя. Но постепенно подавленные, они явились покорными и в нынешних лесных и обнищавших вогулах трудно даже отыскать какой-либо след прежнего характера. Народность эта пострадала, как видно, более других при завоевании, так как находилась на главном тракте в Сибирь. Вогулы не раз приносили жалобы после усмирения и завоевания; так, в 1597 г. для смягчения их ропота приказано было позволить им продавать наши топоры и другие неопасные железные вещи (Словцов, т. II). В 1607 г. последовали жалобы 30 ляпинских вогулов на земскую гоньбу. У них было 320 лош. в 1598 г., на которых они возили ясачную почту, воевод и служилых людей до Соликамска, Тюмени и Пелыма; в течение года они лишились 123 лошадей, узд и седел. Государь в грамоте верхотурскому воеводе приказал уменьшить ясак и ограждать их от обид. Первые сведения о быте вогулов мы находим у Новицкого³³ («Краткое описание о народе остяцком», 1715 г.), у Витзена⁵⁴ и Георги при описании обитавших в России народов в 1776 г. Новицкий, указывая местопребывание их на Туре, Тавде и Конце, говорит, что на Тавде и Конде они соприкасаются с татарами, от которых выучились земледелию и упражняются с прилежанием в сеянии и собирании плодов (овощей). Там же, где соприкасаются с остяками, живут звероловством. По Конде и около Верхотурья вогуличи сеяли ячмень и овес. Новицкий описывает их обряды, жертвоприношения лошадей и развешиванья шкур на деревьях; также поклонение

копью и различные кумиры*. Уже в древнее время мы видим вогулов полуоседлым населением. Витзен упоминает, что жилища их как летом, так и зимою четырехугольной формы, из дерева; они имеют отверстие для дыма, очага, также окна; дым от сжигаемого дерева выходит вверх, а как только образуются уголья, они закрывают отверстие вверху, чтобы удерживать тепло. Зимой они закладывают отверстие куском льда. Внутри хижины они не имели ничего, кроме скамей, на которых сидят, поджав ноги. Охотятся с луками и стрелами; любимая их дичь — лось; мясо этого животного они сушат и развешивают вокруг своих домов. Свиной и кур не едят; но едят яйца последних. Диких животных ловят, ставя натянутые луки и делая замаскированные ямы. Они грубые язычники. По описанию Витзена, вогулы малы ростом, сильны, по сложению имеют довольно неуклюжие головы и свой особенный язык. Об обрядах вогулов он упоминает, что они сдирают с жертвенного животного (быка и лошади) кожу и вешают на дерево**. Солнце и луну признают за божества, как и воду. Затем Витзен упоминает о любопытнейшем обычае у вогулов — почетном погребении собаки, для чего строят на могиле хозяина собаки деревянный домик и кладут туда собаку; когда домик разрушится, собаку кладут в могилу с покойником.

Георги также описывает вогуличей как полукочевой народ. «Житье у них между кочевым и одностойным среднее — говорит он — живут они в неподвижных зимних деревнях, расположенных и выстроенных по чувашскому обычаю и притом обыкновенно при реках стоящих. Около Верхотурья и Соликамска делают они зимние свои шалаши четырехугольно с очагами и полатами, а на плоской крыше или потолке оных прорубают для света отверстие. Отделившиеся наиболе к северу и живущие около Вишеры, Колвы и других рек вогулы препровождают и зиму в обложенных дерном или покрытых корою шалахах. На лето перебираются в другие, крытые берестой. Переселения редки и в иное лето с места не трогаются». Георги указывает небольшое скотоводство коров, овец, свиной и немного лошадей. Главный их промысел составляет звериная ловля. Этот переходный быт, как и у татар Алтая и Кузнецкого округа,

* Опис. о народе остячком. Изд. А. Майкова, стр. 81—87, 97—196.

** Обычай, принадлежащий и другим алтайским племенам и сохранившийся доселе у шаманистов.

прежде всего способствовал и облегчал вогулам в земледельческой полосе переход к оседлости*. Георги описывает физический тип вогулов, как монголообразных, росту среднего, волосы большею частью черные, бороды жидкие. Лицом они много походят на калмыков. Сходство это впоследствии подтвердилось и антропометрическими данными о форме черепа и скуловых признаках. Наконец, то же заметил и Кастрен. «Кровное родство монгольской расы яснее всего заметно в вогулах — говорит он — они гораздо ближе остяков стоят к калмыкам»**. Таким образом, у вогулов сохраняется более чем у кого-либо из уральцев и угров связь с югом Сибири, Алтаем и Монголией. Все это придает вогулам особый этнографический интерес. От прошлого перейдем к современному положению.

По характеру вогул — тихое и добродушное дитя природы. Он не имеет печального вида, болтает и смеется; в речи его есть оттенок доброжелательства; но у вогулов, живущих в соседстве с русскими, откровенность характера и добродушие более или менее исчезли. Не будучи мстительным, вогул легко раздражается, а в пьяном виде становится даже бешеным; к счастью, он приходит в это состояние только раза два в год, когда отправляется в город. Большой недостаток в характере вогула составляет лень. К ручному труду этот народ мало способен, и работникам-вогулам платят вполуполу меньше русских. Религиозное сознание вогулов заключается в шаманизме, хотя вогулы считаются обращенными в христианство с 1714 и 1722 годов Филофеем Лещинским. Вогулы и доселе крестятся, но о христианской религии все-таки понятия не имеют и по-прежнему преданы религии своих предков — язычеству. Обращение в христианство состояло только в насильственном разрушении их идолов, что не мешает им и доселе приносить жертвы своим божествам, присягать на верность на морде медведя и т. д. Русское влияние проникает медленно, только некоторые говорят по-русски, а русская культура, соприкасаясь с этими дикарями, действует не всегда благоприятно. Вот что рассказывает об экономических сношениях и торговле д-р Альквист: «В торговле зырян и

* Этот культурный закон мы проследили среди лесников Сибири, принадлежат ли они к тюркскому или финскому племени — безразлично. Полуоседлый охотник, рыболов скорее переходит к оседлости, чем кочевой скотовод степей.

** Castren, Vorlesungen, 128.

Вогулы Западной Сибири

русских с здешними вогулами существует система кредита, которая для сих последних только разорительна. Купец отпускает товар свой покупателю в долг до следующей охоты, причем, конечно, на товар свой назначает большую цену, чем при наличной плате мехами: при уплате же долга он старается по возможности уменьшить цену на товар должника. Вследствие того последний затягивает уплату долга и охотнее продает товар другим, чем своему кредитору. Чтобы покрыть убытки такой несвоевременной уплаты, а равно и от утраты должной суммы вследствие смерти должника, купец при следующем аккредитовании должен наложить на свой товар еще большую цену, часто вдвое. Исходом такой торговли в кредит для многих вогулов и остяков бывает то, что, сильно задолжавшись при неблагоприятной охоте, или сам должен поступить в работники к своему кредитору, или, если у него есть сын, послать сына, что часто обращается в пожизненную кабалу, в которой вогул и остяк отчуждаются от своего племени и народа».

Наибольшее число вогулов в Тобольской губернии — 6.400 чел. Альквист говорит: «Причины такого слабого населения — суровость климата, образ жизни, уменьшение пушного зверя, происходящее от того общее обеднение и, наконец, высокая плата, требуемая за обряд венчания, вследствие чего многие из вогулов не женятся. В то же время к причинам слабого умножения относятся заразительные болезни, из которых оспа и сифилис причинили большие опустошения между вогулами». В соседстве с русскими, говорит тот же автор, число их уменьшается и потому еще, что многие вогулы идут в работники к русским, т. е. ассимилируются. Вообще местные чиновники жаловались, что число как вогулов, так и остяков ежегодно уменьшается.*

По сведениям т. Малиева, производившего те же исследования, уменьшение падает не столько на оседлых, сколько на кочевых вогулов (отчет его, стр. 19). Из списков ясачной комиссии видно, что в пяти волостях Туринского округа в 1763 г. считалось 555 чел. муж. пола, а в 1816 г. 467 — убыло 88 чел.; в пяти других волостях в 1816 г. было инородцев обоего пола 850 чел., а в 1830 г. 740 чел. — 110 чел. («Сибирские инородцы в XIX ст.», Шашкова). Из сравне-

* Майков. «О древней культуре западных финнов по сочинению д-ра Альквиста», 1877 г., стр. 93.

ния последних статистических данных в Сибири мы можем удостоверить следующее. В 1838 году в Тобольском и Туринском округах вогулов было 4.527 д., а в 1859 году, по спискам населенных мест, вогулов в Тобольском округе числилось 1.158 и в Туринском 3.286 д. обоего пола, то есть 4.444 д. обоего пола, против 1838 г. менее. В 1875 году, по сведениям исправников, вогулов в Тобольском округе было 2.158 и в Туринском 3.913 д.; при этом на Туринский округ падает весьма незначительная прибыль, принимая все неблагоприятные условия, действующие на слабую натуру дикаря*.

Ничтожная прибыль вогулов в Тобольском округе в последнее время засвидетельствована следующими официальными данными, полученными нами от весьма почетного исследователя округов Тобольской губернии г. Патканова, составившего хозяйственно-статистическое описание по поручению Министерства Государственных Имуществ.

Вогулов в Тобольской губернии было:

в 1858 г.	в 1887 г.
612 м. п., 629 ж. п.	631 м. п., 618 ж. п.
Всего 1.241 ч.	Всего 1.318 ч.

Иначе говоря, в 30 лет у этого населения более чем на тысячу душ прибыло 77 человек.

* Уменьшение вогулов засвидетельствовал Гагемейстер в своих статистических исследованиях. «Обжорство их (не наоборот ли?), частые лишения, неопрятность, пьянство и разврат — причины общего тщедушия этого народа, большой смертности и малого плодородия женщин. С 8-й по 9-ю ревизию коренных вогулов убыло на 50%».

Остяки и самоеды

Из всех инородцев, населяющих Сибирь, большее внимание останавливает на себе судьба финских племен, населяющих север России и Западную Сибирь. К северным финским племенам должны быть причислены вогулы, остяки и самоеды⁵⁵, живущие с последними в том же районе, в тех же условиях и смешивающиеся с остяками. Самоеды, по племени относящиеся к другой саянской группе народов, составляют ныне, так сказать, одну этнографическую группу с остяками. Племена эти раскидываются по всему северу Сибири, между 57° и 73° сев. широты; они населяют побережье Ледовитого океана, занимают северный Урал по ту и другую сторону, наконец, обитают между Иртышом и Обью в болотистых и лесных пространствах между 57°—61°. Самоедо-саянскую группу можно, кроме того, проследить по всему Енисею, до крайнего севера Архангельской губ. Уже один обширный район, занимаемый ими в Сибири и на востоке России, показывает, что когда-то они были древнейшими аборигенами страны и роль их была несколько иная.

Те, кто думает представить себе эти племена совершенными дикарями, стоящими на низшем уровне культуры, не имеющими никакого духовного имущества, лишенными способностей к развитию и потому самою судьбой обрекаемых на вымирание, — глубоко ошибаются.

Мнение, что северный финн ничего не понимает и ничего не видит, кроме тундры, которую воспевают в первобытных импровизациях: «видит дерево, про дерево поет, оленя — про оленя»; мнение это основано на невежестве людей, не понимающих языка. Ученые открыли у этих племен богатый эпос, который получил впоследствии блестящее развитие в скандинавской саге.

Происхождение финских племен и историческая роль их в Азии, несмотря на усилия гениальных ученых, еще не вы-

яснены; но обнаружилось, что эти племена в доисторические времена выдвинулись с юга Сибири, и их последнее местонахождение — если не прародина — были Алтай и Саяны⁵⁶. В оставшихся названиях рек, в преданиях и песнях о «красном человеке» на Абакане, в существующих помесьях, в типе и археологических памятниках сохраняются еще следы этих финских племен. Китайские историки и географы упоминают также о белокурых племенах, живших на юге Сибири и в Саянах; но были ли это именно финны, трудно решить, так как у китайцев они были всегда под другими именами.

Исследования древней ассирийской цивилизации Оппертом, Ленорманом и др. указали на существование суммеро-акадийцев, язык которых близок у угро-алтайскому и корни слов всего ближе к финским наречиям⁵⁷. Клапрот приписывает гуннское нашествие финнам.

Но если прошлое угро-финских племен, слившееся с древним названием угров и чуди, исчезает в потемках древности, то родство их с европейскими финнами вновь освещает их историю. Исследования Кастрена, Альквиста и др. доказали родство с Финляндией. Уральские финны сливались с тюркскими племенами и выдвинули венгров. Среди башкир несомненно присутствие финского элемента, и он же вошел в значительной степени в русскую народность. Финны восточной России: пермяки, мордва, черемисы, зыряне поднялись в своем развитии до оседлого населения, русеют и сливаются с русским населением, обнаруживая способности к культуре.

Но если одна ветвь этих племен сблизилась и вошла в среду культурных народов в виде финляндцев, венгров, обрусевших финнов: зырян, мордвы и др., то тем трагичнее судьба их родичей — другой северной ветви, которая, сохраняя родство с первою ветвью и будучи не лишена умственных способностей, обречена на совершенно противоположный жребий.

Замечательный финляндский ученый Кастрен, первый открывший родство остяков с финнами, глубоко задумывается над их судьбою. «Я дышал тем воздухом — пишет он в Обдорске — который вдохнул первые искры жизни в грудь отцов наших и доселе поддерживает существование многих наших жалких братьев. Они закинуты частью на холодные вершины Урала, частью еще к более холодным берегам Ледовитого моря, и дух их закован в цепи более тяжкие, чем

лед, сковавший природу в настоящем их отечестве. Цепи эти — грубость, невежество и дикость».

Признавая это родство финнов, родство племен остяков и вогулов «суоми»⁵⁸, «манса» с европейскими финнами и финляндцами, мы не можем обречать какую бы то ни было часть этого племени на дикарское существование и вымирание. Даже обреченные на печальный жребий остяки воспринимают в Сибири, при всех тяжких условиях быта, русскую культуру, обычаи, строят деревянные жилища, и все остяки и вогулы Западной Сибири считаются христианами. Сама древняя культура финнов при тщательном изучении показывает, что, являясь оседлыми охотниками в лесах и оседлыми рыболовами на берегах рек, они сделали уже значительные успехи и шаги от той первобытной стадии, которая была доступна первобытному человеку каменного века.

Археологические исследования бросают свет, что металл был известен им и они занимались его добычей. Им известно тканье, хотя из крапивы. Словом, они представляют ту среднюю переходную стадию, которая вела к высшей культуре и без которой последняя не могла бы встать на свою высоту.

По типу и антропологическим физическим признакам финны также ближе всего стоят к кавказскому или арийскому типу и составляют переходное звено от монголоидных. Ничто, таким образом, не дает основания причислять их к каким-нибудь низшим расам, которым развитие не может быть доступно.

Судьба самоедо-саянских племен заслуживает не менее внимания. В отдаленнейшие времена, как можно догадываться, они вышли из Саян, где ныне живет близкое к ним племя сойотов. На пути своего переселения к Енисею самоеды оставили несколько племен, а именно: котов, ассанов, аринцев, тубинцев и кайбалов, которые признаются одного происхождения с самоедами. Все эти племена ныне вымерли, исключая кайбалов, совершенно русеющих, и карагасов, смешавшихся с другими инородцами. Настоящие самоеды отодвинуты на самый север; часть их расположилась по Оби, среди остяков. Если таково происхождение самоедов, то насколько же трагична судьба этого южного племени, отброшенного к Полярному кругу и ведущего жизнь подобно эскимосам. Самый факт принобления и приспособления этого племени к суровому климату заслуживает внимания. Само-

еды более монголообразны, и их язык, нравы и характер отличаются от остяков; они более смелы, как охотники. Ныне остяки и самоеды находятся в одинаковых экономических условиях и жребий их одинаков.

По последним отчетам, в Тобольской губ. считалось вогулов 6071 чел., остяков — 21353, самоедов — 2916, всего финских племен в западной части Сибири 42767 чел., из них 28207 чел. крещеных. В числе крещеных все остяки и вогулы.

Обдорские остяки⁵⁹, по характеристике Кастрена, разделяются на рыбаков и оленеводов; первые живут на реках, особенно по Оби и Иртышу, а последние кочуют часть года по тундрам в постоянном сношении с самоедами. Оленеводы следуют за своими оленями, потому что сама природа влечет оленя в теплое время к морским берегам, так как его теплая шкура требует более холодной атмосферы и его не мучают здесь комары.

На берегу моря остяки занимаются промыслами: бьют тюленей и белых медведей. При наступлении зимы кочующие по берегам остяки и самоеды начинают уходить к югу в лесные страны, чтобы заняться охотой и найти себе убежище от бурь. Эти перекочевки происходят медленно, больших переходов остяки не делают и по несколько дней живут на одном месте. Каждый род идет самостоятельно. Таким образом, кочевым племенем по известным направлениям перерезывается тундра, и к концу декабря инородческое население сходится на обдорскую ярмарку и здесь же доставляет ясак и подать начальству. Следуя за стадами, такой образ жизни постоянно ведут бродячие или кочующие инородцы. При недостаточном изучении быта инородцев у нас самоеды признаны бродячими, а остяки поставлены в высшую категорию кочевых, тогда как часть того или другого племени живет одинаковыми промыслами, а по степени их благосостояния чуть ли оленеводы не лучше живут нынешних остяков. Чем далее к югу и чем ближе к рекам, остяки становятся преимущественно оседлыми рыболовами, проводящими все лето около рек в деревнях и только временно, зимой, отправляющимися на охоту. Кочующий житель преимущественно живет в чуме. Чум — не что иное, как обширный шалаш из 28 кольев, обтягиваемый летом пологом из бересты, вываренной в кипятке, а зимой оленьими шкурами в два ряда, шерстью наружу. Шалаш этот подвижной. Имущество возится на нартах, особых санях, запряженных оленями.

Кочевники имеют одежду исключительно только из шкур оленя. Все они отличаются неопрятностью, но замечательной терпеливостью к холоду. Остяки-рыболовы уже имеют хижины или зимовки, в которых существуют, как у вогулов, глинобитные чумалы. Жилище это у тобольских остяков взято у татар, которые имели на них цивилизующее влияние. Только часть года остяки ходят на промыслы, отлучаясь временно от постоянных жилищ. Кроме того, на Оби и в Нарымском округе остяки начинают заимствовать у русских избы. Лесники-остяки точно так же могут быть названы полуоседлыми охотниками, как вогулы. Кроме охоты, остяки занимаются и кедровым промыслом, т.е. сбором орехов. Жизнь и пропитание среди неприветных тундр и непроходимых лесов подвержена многим случайностям. Падежи стад, неулов зверя, голод, болезнь, понятно, причиняют и бедствия, и лишения дикарю. Чем ознаменовалась жизнь этих племен до пришествия русских и как они влачили здесь свое существование, трудно сказать. Завоевание и столкновение с новым и более могущественным племенем должны были, естественно, несколько изменить и осложнить жизнь дикарей. Изменение это совершилось, к сожалению, не к лучшему. Опыт доказал, говорит Кастрен, что почти везде в полярных странах дикари, исключительно преданные рыболовству, не могут достичь благосостояния, а обыкновенно живут в величайшей бедности⁶⁰. Но жизнь их еще более ухудшается под влиянием случайных обстоятельств, а именно от нравственной слабости диких племен противиться искушению крепких напитков, доставляемых чужеродными переселенцами. В этих же обстоятельствах заключается главная причина бедности и остяков-рыболовов. По отзыву большинства исследователей, бывших на севере, современный быт остяков представляется крайне жалким и беспомощным. Судьба их после столкновения с русскою народностью не только не улучшилась, но ухудшилась. Доселе принято объяснять это ухудшение быта неспособностью самих инородцев оградить себя, каким-то фатальным назначением уступать дорогу жизни более сильным племенам, причем одни должны увеличиваться в числе, а другие уменьшаться, и затем, более сильным влиянием на инородцев эпидемий и болезней, более губительным, чем на русских.

Мы оставим эти принятые мнения пока в стороне, чтобы взглянуть на существующие способы пропитания и кар-

тину жизни инородцев. Главными средствами пропитания северных инородцев были сыздавна промыслы, состоявшие преимущественно в охоте и рыболовстве.

Весьма давно уже слышатся отзывы, что дичь и зверь уменьшились в Сибири и звероловный промысел не обеспечивает дикаря. Явление это весьма печальное и объясняющееся теми изменениями в природе и жизни Сибири, которые совершились в последние три столетия. Прежде всего, конечно, в Сибири прибавилось населения от движения русских, значительная часть пространств отошла к соседнему населению и занята культурой. Район звероловный и инородческий должен был сократиться, а инородцы перейти на новые угодья, в места, где, может быть, зверь попадается не в прежнем обилии. Затем произошло уменьшение или, так сказать, вытравление зверя. Убыль зверя до пришествия русских не могла быть значительною, так как промысел зверя производился только для удовлетворения скромных жизненных потребностей местного населения⁶¹. С приходом русских начинается двойная охота за ценным зверем колониста-промышленника и инородца. В Сибири до половины прошлого столетия рассыпаны были повсюду русские промышленные артели. Далее под влиянием русских со стороны инородцев начинается более азартное преследование зверя, как вследствие дани и контрибуции, на них наложенной русскими, так и в видах торговых. Не забудем, что Сибирь с самого начала стала не только для Московского государства, но и для Европы поставщицей лучших мехов. Наконец, способы приобретения зверя облегчаются при помощи ружья и пороха, вошедшего к иностранцам, и, стало быть, истребление идет быстрее. Все это обнаружилось уменьшением добычи. К этому надо присоединить, что с пришествием русских начали гореть леса и тайга, где обитал зверь. Замеченное уменьшение и обеднение зверя заставляло зверолова-инородца с каждым годом увеличивать свои розыски, рядом с этим возрастало его напряжение сил, истощение, а отдаленные отлучки от семей подвергали последних более бедственным случайностям и несчастьям. Все это способствовало, что звероловный промысел не давал уже прежнего обеспечения и требовал больше усилий инородца, причем в этой борьбе с обстоятельствами он только изнемогал. Во-вторых, зверолов, бывший раньше самостоя-

тельным, поставлен ныне в зависимость от рынка и торговли. Об этой торговле мы скажем ниже. Не находя обеспечения в звероловстве, остяк делается рыболовом⁶².

Для этого у него существуют обширные реки и огромные запасы рыбы, которыми он мог вполне обеспечить себя. Рыба не могла так уменьшаться, как зверь, хотя истребления и опустошения и в этой области, внесенные русскими промышленниками, также не раз обращали на себя внимание. Запруживая заливы и курьи, куда входит рыба, русские заколами передушают массу рыбы. Русские захватывают рыбу у устьев, уничтожают икру и т.д.*.

Когда-то инородцы были полными хозяевами всех рыбных промыслов. Реку Обь они считали божеством. Но с пришествием русских остяки понемногу отеснились и лишились рыболовных угодий или так называемых песков. С начала нынешнего века русские рыбопромышленники начали захватывать инородческие рыболовные места, вылавливать в них рыбу и разорять остяков. Все угодья и пески переходили к русским путем или захвата, или аренды, или, наконец, за долговые обязательства. В 1816 году остякам Березовского округа русские платили за песок в лето по 10 руб., а арендаторы выручали на 200—300 руб. рыбы. В 1848 году березовские остяки отдавали в аренду 150 песков за 6050 руб., арендаторы же добывали на этих песках 99530 руб. Аренда выплачивалась товарами и продуктами, причем инородцев обыкновенно обманывали. Независимо от этого, арендаторы вовлекали хозяев в долги, а делаясь должником арендатора, остяк отдает в аренду песок и на следующий год. Таким образом, рыболовное угодье переходит совершенно в собственность арендатора. Если нельзя приобрести всей рыбачки, русские старались приобрести пай у остяков и, понемногу входя в компанию, овладевали всеми паями, благодаря недостоверным начетам на инородца. Так ряполовские и цингалинские остяки давали пай в своих рыболовных угодьях ряполовским крестьянам. В 1823 году они лишили цингалинских остяков их пая, а в 1825 году та же участь постигла и ряполовских остяков. Крестьяне, овладев угодьями, передали их в аренду купцу. Ныне хозяевами песков явля-

* Нерасчетливое истребление рыбы на севере вызвало в последнее время при генерал-губернаторе Кознакове ряд административных предписаний; не раз и прежде появлялись запрещения, но они являлись бессильными пред монополией и влиянием тобольских торговцев-рыбопромышленников.

ются тобольские торговцы и прасолы и истребляют рыбу в огромном количестве самым хищническим образом, против чего боролась не раз местная администрация, но совершенно безуспешно. Сделавшись владельцами угодий, русские обратили хозяев страны и угодий в работников, причем наем и расплата совершаются при самых ненормальных условиях. Уже Кастрен упоминает, что русские переселенцы в Березовском и Обдорском округах ввели «пагубную систему кредита», приохотя остяков к разным произведениям. Оттого долги остяков сделались неоплатными и, надо полагать, говорит Кастрен, с каждым годом будут возрастать, потому что число потребностей увеличивается, тогда как энергия и силы у остяков ослабевают. Самое главное, в чем нуждается ныне остяк, — это хлеб, к которому вкус в нем развили русские; остяк не может оставаться без хлеба, который ему доставляется купцами на невероятных условиях. Не будучи в состоянии выплатить за товар, инородец входит в неоплатные долги и кабалу. Эти кабальные отношения следующим образом характеризуются одним исследователем: «Так, множество березовских остяков и самоедов обязаны жизнью своим кредиторам — кабалителям. Остяк не может обойтись без хлеба, который продает ему купец. Остяк покупает хлеб в долг и обязуется заплатить в следующем году рыбой. Вошедши в долг, он находится уже в полной власти купца, который кладет произвольную цену как на свой товар, так и на товар остяка. Эти спекуляторы из Обдорска, Березова и Тобольска целое лето разгуливают по Оби на своих судах, покупают рыбу и солят на месте лососей⁶³ и осетров, а потом отвозят их в свои магазины, построенные по берегам реки. Продав с отличным барышом привезенную муку, купцы возвращаются домой с большим грузом рыбы и с радостной надеждой так же выгодно торговать с инородцами и на будущий год. Так ведется торговля не одной мукой, а всеми товарами, необходимыми для инородца».

Указывая на те грубые и неразвитые элементы русского населения, которые соприкасаются с остяками, Кастрен восклицает: «чего, впрочем, ждать от людей, которые отказались от всех радостей и наслаждений образованной жизни для того, чтобы неправдами наживаться на счет простых и легковверных инородцев?»

Доктор Соколов, исследовавший болезни Березовского округа в 1867 году, свидетельствует о тех же ненормальных

Остяки и самоеды

условиях обмена и снабжения северных инородцев продуктами. «Русские торговцы снабжают остяков товарами в долг до ярмарки следующего года и это продолжается из года в год, так что инородцы закабалены не только за себя, но и за детей. Хлеб обыкновенно заготавливается в Обдорске и Березове; мука привозится часто затхлая, хлеб печется и сваливается, в виде поленьев, в сараи. Что это за хлеб, можно себе представить! Привычка к хлебу при отсутствии его и высокой цене, поднимаемой торговцами, ведет, естественно, за собой бедствия. Точно так же торговля пользуется для своей цели вином, несмотря на запрещения, деморализируя и обирая инородцев. Привычка наживаться на счет инородца среди русских промышленников вошла в поговорку. На вопрос тобольского губернатора в Самаре, селе, где крестьяне обирают остяков, промышленник ответил губернатору: «Благодаря Господу Богу, остяками живем, кормят нас хорошо!».

Экономическое положение остяков в последнее время засвидетельствовано путешественником И.С. Поляковым: «В низовьях Оби существует село Шаркалинское⁶⁴, почти исключительно населенное Новицкими, предок которых, Григорий Новицкий, в первой четверти XVIII века был поставлен наблюдать за исполнением христианских обязанностей между новокрещеными остяками и убит ими при ревностном исполнении своих обязанностей. Эти Новицкие кормят остяков, одевают и обувают, вносят за них ясак и подати на огромном протяжении от Кандинска⁶⁵ и Шаркалов далеко до Березова; зато на сотню верст они арендуют у инородцев большую часть песков или рыбных ловель. При этом ставятся остякам следующие условия: за пуд хлеба, стоящий на Оби от 30 до 35 копеек, берут 10 белок, на белку 2 фунта соли, 1 фунт табаку — 5 белок и т.п. Таким образом, пуд хлеба приходится остяку, считая белку, среднее, в 12 коп., 1 руб. 20 коп., а белка придет Новицким в 4 коп. вместо 12 коп.; пуд соли обойдется остякам в 2 р. 40 коп., а стоит она 80 коп.; табак, стоящий 5 коп., обходится остяку в 60 коп.; 100 медных колец стоят в Ирбите 50 коп., а Новицкие берут за 5 колец по белке, или 12 коп.; за одну сальную свечку — белку и т.д. С инородческих песков Новицкие нагружают до трех больших повозок всякого рода рыбы за обыкновенную, существующую по реке Оби низкую арендную плату, между тем как остяк, прикормленный ими, наделенный хле-

бом, состоящий кругом в долгах, не имеет права ни отдавать песков, ни пушного зверя в какие-либо другие руки». Таким образом, благодаря лишениям угодьев и промыслов, а также экономической зависимости в торговле, инородческое население должно было превратиться в сплошной пролетариат, который находится в тяжелой зависимости от торговцев и хозяев.

На рыбниках у тобольских промышленников исключительно работники — остяки, а в Нарымском крае инородцы вовсе бросили зверопромышленность и поступили в работы к купцам, мещанам и крестьянам. Жизнь в этих работах, оторванных от семьи, в самой жалкой обстановке, безжалостном труде и скудном вознаграждении большею частью товаром и вином, служит нравственной порчей и гибелью. Они являются апатичными и относящимися тупо и безучастно к своей гибели. Плата такому работнику бывает 15—20 руб. в лето, причем часто наниматель вносит за него ясак, повинности, а для инородца достаточно, если прикроют его наготу. Обедневшие остяки понемногу стягиваются и ищут работы на судах, коноводках, пароходах и даже на приисках, где погибают и материально, и нравственно. Их можно видеть в городах и пристанях в несчастных рубищах или выпрашивающих милостыню, или валяющихся около кабаков. Один из свидетелей описывает так сцены, встречающиеся на Оби: «Я и прежде много слышал — говорит один наблюдатель — о положении остяков, но только теперь вполне убедился в справедливости рассказов об их жалком положении. Едва ли может быть что-либо ужаснее, отвратительнее того, что совершается (а ведь я видел только частичку!) здесь, до чего забиты эти несчастные, всеми забытые человеческие существа — остяки! Представьте себе кучку людей больных (мужчины, женщины, дети, особенно дети, за самым ничтожным исключением, покрыты коростой), оборванных, с бледными, бессмысленными, тупыми лицами. Все это хлопочет, невинно хитрит, добивается, чтобы приторговать лишнюю каплю отвратительной водки. За неполную бутылку несчастные остяки платят по большой связке стерлядей, фунтов в 30 весом. Посмотрели бы вы, как над ними глумятся! Все это, повторяю, частичка того, что совершается над ними по Оби и в тундре! А еще находятся люди, которые говорят о вымирании инородческих племен

как о факте неизбежном. Но вот вам на выдержку четыре типа разных возрастов — типа с натуры, без малейшего преувеличения. Первый — старуха 70-ти лет, с изнеможенным, морщинистым лицом, большими глазами, полуголодная, а может, и совсем голодная (по-русски не говорит), без белья, ноги голые выше колен, тело едва прикрыто оборванной сермяженкой, опоясана пеньковой веревкой; на голове у нее вместо платка грязная холщовая тряпка. Второй — мужчина (беру лучший по благосостоянию экземпляр) 30-ти лет, босой; штаны холщовые, грубые, грязные до колен; рубаха черная, и на голове платок; он выменял на рыбу бутылку водки и с жадностью потягивал из горлышка. Третий и четвертый типы — мать с ребенком. Женщина 25-ти лет, больная, в грязной сорочке; грязное, бледное лицо; руки в болячках. Ребенок «Михалка», 10-ти месяцев, закутан в грязную грубого холста пеленку и скручен пеньковой бечевкой. Когда его развязали, ребенок высунул руки — пальцы и кисти покрывали грязь и короста*.

Об енисейских остяках⁶⁶ академик Миддендорф говорит следующее: «Во всей Сибири я не видел таких жалких кочевников, как остяков у Бахтинского поселения. В лохмотьях, дрожа от холода, они приходили ко мне жаловаться, что им отпускают слишком мало хлеба из казенных магазинов и тем лишают их возможности отправляться в более лесистые местности для добывания мехов и пищи. Один из них с большим трудом, и только благодаря поддержке со стороны поселенцев, перенес голодный тиф и страдал еще болью в икрах. Мне рассказывали, что умирали не только отдельные лица, но даже целые чумы. Один остяк, обратившийся ко мне за милостыней, оставил в чуме семь душ, получив, правда, в январе 10 пудов муки, но в феврале только 70 фунтов, потому что задолжал казне более 300 руб. ассигнациями, а убил в течение зимы всего 20 белок. Повторялась старинная история о постепенной гибели этих народов. Они погибли от соприкосновения с развитием культуры, в особенности с появлением золотых приисков и неизбежного с ними разгула. Казна, в течение многих лет слишком великодушно поддерживавшая их из своих запасных магазинов, этим деморализовала их. О возврате займа не могло быть и речи. Затем настал период, обнаруживший, что большая часть запасов

* Сибирь 1878 года, №38-й.

все-таки растрочена в видах обогащения чиновников. Когда, наконец, беднякам, с каждым годом все более должавшим (у некоторых долг простирался до 1000 руб.), прекратили выдачу продовольствия, то они стали умирать с голоду. Я отметил у себя в дневнике, что при таких данных, по моему мнению, нельзя требовать от государства иной помощи, как распределения детей между русскими поселенцами»*.

Приведем еще отзыв о васюганских инородцах: «Васюганские инородцы, обремененные большей частью большими семействами, не могли поступать в постоянные работы к нарымскому купечеству. Они занимаются промыслом белки, но не в состоянии ходить в отдаленные, обильные зверем места; они охотятся только в окрестностях своих зимних юрт, забирая на охоту все свое семейство, которое питается тогда белкой, кротами, колонками и олениной. Представьте себе — пишет очевидец — это несчастное семейство, которое должно жить под открытым небом, вырывать под густым деревом яму в снегу и устлав ее ветвями хвойного дерева. Эти бедняки в своих рубищах кое-как отогревают у костра свои заочевенные члены. Женщины в это же время часто разрешаются от беременности. Несчастливая мать, не имея никакого приюта и для прочих своих детей, должна согреть новорожденного на своей холодной груди и кормить его на открытом воздухе, имеющем градусов 45 мороза».

Дурные условия жизни северных инородцев и недостаток пропитания переходят периодически в повальные голода, не всегда даже доносящиеся до слуха русского общества. Инородцы, несмотря на то что привыкают употреблять хлеб, не всегда встречают обеспечение продовольствием; торговцам даже выгоднее эта нужда в хлебе; промыслы при их падении не обеспечивают инородца, поэтому голода повторяются все чаще. До Сперанского и после него голода не раз опустошали инородческое население. Так, известен тундранский голод в 1814—1816 годах, когда встречалось в тундре людоедство. В 1827 году в реках Нарымского края от чрезвычайно сильных морозов вымерла рыба, настал голод. Остяки, по словам тогдашнего министра внутренних дел, находились в самом бедственном положении и только что не умирали от голода. В Нарымском округе не редкость, сообщал очевидец Осипов в 1865 году, что остяки выходят

* «Путешествие на север и восток Сибири», ч. II, отдел 14, стр. 659—660.

ловить плывущую дохлую падаль и питаются ею*. О людоедстве вследствие голода у тунгусов опубликовано в 1847 году в «Северной Почте», 18-го января. 1862 года голод постиг инородцев Березовского округа, где остяки ели кротов и варили их в котлах. По официальным донесениям дошли слухи о 20 человеках, умерших с голоду. Купцы этого края, по словам доктора Соколова, сбывали в это время затхлую муку. Это была мука со всякими сором, пылью, мышиным пометом; это, по словам медицинского эксперта, содействовало развитию тифа среди инородцев**. Летом 1878 года доносились слухи о голоде, постигшем инородцев в Нарымском крае. Голода эти стали не редкостью, так что на них мало обращают внимания. Для обеспечения развившейся потребности у инородцев в хлебе и спасения их от беспощадной эксплуатации были созданы в Нарымском и Березовском округах, так и в Туруханском, казенные магазины, из которых должен был выдаваться хлеб. Но казенная продажа хлеба обнаружила огромные недостатки, кончившиеся наживой вахтеров и местного чиновничества. За розданный хлеб накапливались только недоимки; в Березовском крае в 1850 году было хлебной недоимки за кочевыми инородцами 12947 руб., а в 1852 году 17000 руб. По последним отчетам генерал-губернатора Западной Сибири, в 1874 году для инородцев Западной Сибири было 25 казенных магазинов, где находилось хлеба 11500 пудов, а в 1875 году показано 79000 пуд. По официальным сведениям 1878 года, в Тобольской губернии для инородцев находилось 18 магазинов с 48021 п., а в Томской — 6 с 12000 пуд., т.е. одним магазином менее и хлеба всего 600021 пуд. Таким образом, запасы продовольствия скорее уменьшаются. Понятно, что эти запасы не могли гарантировать от голодов. Точно так же дурные материальные условия и лишение дикарей представляют готовую почву для развития болезней. Тиф, лихорадки, оспа и сифилис постоянно господствуют среди инородцев. Об опустошительном их действии можно судить по тому, что в 1855 году в Обдорском отделении от кровавого тифа умерло в течение трех месяцев 1270 чел. из 1852 больных, а в Кандинской волости 53 из 64 больных. Точно так же губительное влияние среди инородцев причиняет занесенный русскими

* Шашков: «Положение инородцев в XIX ст.», стр. 273.

** «Медико-топографические материалы. Болезни Березовского округа».

промышленниками сифилис*. Еще в 1826 году инспектор Тобольской врачебной управы доктор Альберт первый высказал мнение, что господствующая между березовскими остяками болезнь есть венерическая. В 30-х годах лекарь Белявский, ездивший в Березовский округ для исследования сифилиса, нашел большинство инородцев зараженными. Доктор Соколов в 1867 году удостоверяет, что сифилис является осложненным скорбутом⁶⁷ и ревматизмом. Томский акушер Докучаев, исследовав болезни нарымских остяков, подтверждает то же**. Упомянутые медики пришли к убеждению, что заразительные болезни инородцев — последствия их несчастного быта и суровой обстановки, и вернейшее средство для прекращения их будет лежать в улучшении образа жизни. Понятно, что при таких условиях приращение инородческого кочевого населения не могло быть благоприятным.

Перейдем теперь к статистическим выводам о численности населения. Прежде всего среди кочевых инородцев, остяков и самоедов, обращает на себя внимание непропорциональность между полами. Так, в Березовском округе с 1816 года по 1828 год мужское население увеличилось, а женское уменьшилось. По ясачным книгам и имеющимся статистическим сведениям, по переписям в 1824 году, 1835, 1855, 1859 и наконец, 1875 годах замечается то же преобладание пола мужского***. Такое ненормальное отношение между полами имеет, вероятно, весьма важные физиологические причины и может объясняться отчасти тягостным положением женщины у остяков и влиянием климата. Без сомнения, оно весьма благоприятно для приращения. Относительно вообще прироста населения переписи дают следующие результаты:

* Об этой болезни — нечистом недуге, который гниlostью снедает уста, нос, ноги и многим все тело, упоминает служник Филофея Лешинского, Новицкий, в начале XVIII столетия.

** То же подтверждает «Очерк санитарного состояния Западной Сибири». Изд. военно-медицинского начальства 1880 г., стр. 56, 58, 86.

*** В 1824 году на 11.382 души муж. пол. кочевого населения Тобольской губернии 10.802 женск. пол., в 1835 году на 11.040 бродячего мужского пола 8.637 женского пола, в 1851 году на 13.158 душ мужского пола 10.875 душ женск. пола. В 1859 г. на 11.527 остяков мужск. пола 10.027 жене, пола и самоедов на 2.573 души мужск. пола 2.132 женск. пола. В 1875 г. в Березовском округе на 5.047 муж. 4.571 д. женск. пола. В Сургутском округе на 3.132 души мужского пола 2.791 душа женск. пола. То же самое заметно и в Нарымском округе, где в 1878 г. на 2.253 души мужск. пола остяков означено 1.958 душ женского пола. Такое повторение цифр не объясняется одною случайностью и несовершенством статистики.

Остяки и самоеды

В Березовском округе остяков и самоедов считалось:

В 1763 году	8303	м.п.	—	—
1816	10.793		-	21.001 об. пол.
1828	10.993		-	19.652
1850	10.879	10.634	ж.п.	21.513
1858	-	-		21.734
1859 по спискам населенных мест Зверинского				
18820 душ обоего пола.				
1875 по сведениям исправника 11934 мужск. п.				
11142 жен. п. = 23076 обоего пола.				

В первый период, в 53 года, население остяков увеличивается на 2431 человека, во второй период оно уменьшается на 1609 в женском населении, в третий период уменьшилось на 127 чел. мужское население и с 1850 года до 1875 года возросло весьма слабо. Вообще же в 118 лет мужское население, по показаниям официальной статистики, увеличилось лишь на 363 человека. Но есть свидетельства, что в некоторых волостях произошла убыль. Сравнивая мужское ревизское и окладное население по спискам 1828 года, исследованиям Березовского округа Абрамова⁶⁸ и официальным донесениям 1878 года, мы видим в Березовском округе в волостях:

	В 1828г.	В 1850г. Абрамова	В 1878г.
Котской (Кондинской) остяков	1545	1773	1390
Подгородной	229	221	216
Ляпинской	880	882	756
Куноватской	947	938	946*

Недавно член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Н.Л. Гондатти⁶⁹, совершивший с ученою целью экспедицию на север Сибири, дал предварительный отчет о своих наблюдениях в Березовском и Обдорском

* По сведениям, полученным нами от статистика, командированного в Тобольскую губернию, видно, что число остяков в Тобольском округе было: В 1858 г. 1.425 м. 1.450 ж. В 1887 г. 1.275 м. 1.233 ж.
2.875 обоего пола 2.508 обоего пола,

т. е. произошло явное уменьшение. В Нарымском округе Томской губернии по официальной статистике 1888 года видно, что в 6 лет из общего числа остяков убыло 224 человека. Посещение Северного края этнографами и путешественниками только подтверждает день за днем ухудшение быта инородцев и их вымирание. Сошлемся на последние исследования гг. Адрианова, Гондатти, Швецова и мн. др.

крае (Записки комитета Московского музея прикладных знаний). Заслуживают особенного внимания страницы, сообщающие о характере торговли между русскими и инородцами. Вот что пишет ученый исследователь о состоянии нынешнего торгова с инородцами. «Определенных мест торговли, за исключением Обдорской ярмарки, происходящей в декабре и январе, не имеется, а обыкновенно, при наступлении зимнего пути, торговец, снарядивши двое, трое саней, а иногда и одни, нагруженные разными тканями, металлическими изделиями и главным образом водкой, отправляется по юртам и чумам и предлагает свои услуги, которые в это время принимаются довольно охотно, особенно если лето было удачно и рыбная ловля шла хорошо; затем второй объезд совершается в декабре, когда инородцы-охотники вышли из лесов со своей добычей, а олениводы уже пришли с отдаленного севера или с далеких гор и, наконец, последний раз — весной, когда наступает пора поста, когда охотятся за лосями и дикими оленями, шкуры которых и приманивают торговцев. Летом очень нередко по рекам и речкам завозятся барки с мукой, солью, чтобы зимой было удобнее производить торговлю этими насущными теперь для инородца припасами. У каждого торговца есть свои клиенты, с которыми он постоянно ведет дело, у которых он приобретает всю их добычу и которых он снабжает всем, что им необходимо; такие клиенты обыкновенно всегда в долгу у своих благодетелей, которые употребляют все усилия (особенно часто это практиковалось прежде), чтобы завлечь еще свободного от долгов в долги; и раз это удастся — вырваться попавшему почти невозможно: по мере того как он будет уплачивать старые долги, на него будут нарастать новые, и так до конца жизни, причем долги отцов переходят и на детей, большею частью беспрекословно их выплачивающих из боязни причинить иначе мучения своим родителям в загробной жизни; только в последнее время, когда инородцы сделались более опытными, они стали отказываться от долгов отцов и дедов и освобождаться от опеки своих благодетелей, забирая в долг у одних и продавая свою добычу потихоньку другим; при той разрозненности и недоверии, которое существует между торговцами, это практикуется довольно успешно, тем более что они сами часто подбивают инородцев обмануть своего доверителя, не показавши всей добычи, а только часть, с тем,

Остяки и самоеды

чтобы остальное продать им; результатом этого является то, что инородцы стали обманывать всех торговцев а последние — друг друга. С одной стороны, это обстоятельство, с другой — уменьшение пушного зверя и увеличение числа торгующих вполне объясняют жалобы торговцев на упадок торговли и на их сравнительное разорение, тем более что обороты, совершаемые в крае, вообще довольно незначительны: хотя барыши на товары берутся громадные — до 100 и до 200%, но при редкости населения (до 10 и даже менее человек на квадратную милю), при его малых потребностях обороты торговца, если только он не занимается рыбной ловлей (а это уж дело другое), обыкновенно исчисляются рублей в 200-300 и редко достигают 500 р. в год. Поэтому действительно заработки не особенно велики».

В изложении путешественника необыкновенно ярко рисуются способы нашей торговли на севере Сибири, и что важнее еще, обнаружившиеся результаты ее. Мы знали до сих пор, что инородец эксплуатировался торговцами, что торговцы пользовались и пользуются его простодушием и наивностью. Мы знали по ученым путешествиям и отзывам этнографов, что инородцы честны, что всякие обязательства для них священны. Как видно, это даже обуславливалось их верованием, шаманизмом и страхом перед тенями умерших. Все это знали наши северные торговцы лучше всяких этнографов и антропологов. Счастливое, кажется, дело было торговать с такими младенцами, которые, сколько ни насчитывай на них и на предков их, все снесут. Выгоды торговли предвиделись неисчислимы; предполагалось, что инородцы вечно будут невинными и сохранять первобытную нравственность и доверие к своим благодетелям на многие годы. Однако, как оказывается, надежды эти были весьма обманчивы. Инородец явился умудренным опытом и искусился. И вот мы теперь присутствуем при новом явлении из инородческой жизни. Прежние воззрения изменились, старая честность и доверие исчезли. Русский торговец не только потерял нравственный кредит, но жалуется, что его обманывают инородцы, что торг перестал быть выгодным. Это очень прискорбно, но прискорбнее еще то, что племена, обладавшие свойствами непосредственной, безукоризненной нравственности, потеряли свою детскую чистоту и явились ныне деморализованными. Чего можно ожидать теперь от них в их отношении

ях к русским торговцам? И можно ли ждать от них доверия к русскому населению вообще? Ведь эта деморализация отразится во всех функциях жизни и, конечно, сильнее всего в области наших экономических расчетов на Севере. Торговцы потеряли, но потеряло и государство. Подобные последствия, однако, могли быть предвидимы при той системе обманов, кабалы и недобросовестности, которая практиковалась по отношению к инородцу: ясно, здесь был неверный и ложный расчет на простоту человека, обман породил обман, зло могло создать только зло. Не приходится ли пожать горькие плоды этой системы? Разорение инородцев уже отражается на Севере. Вот еще факты, сообщаемые г. Гондатти.

«Некоторые из торговцев и промышленников, видя, что промыслы все более и более падают, что инородцы стали обманывать не хуже, чем их прежде обманывали, готовы были прекратить все торговые сношения с ними и заняться только рыбопромышленностью, но боязнь окончательно потерять тогда все долги удерживает их от этого и заставляет, к сожалению, продолжать оставаться опекунами над местным населением, которое до того, впрочем, к этому привыкло, что предоставленное теперь самому себе оно, наверно, в продолжении многих лет стало бы терпеть сильную нужду».

Здесь уже ясно рисуется такая дилемма: торговцы готовы прекратить торг, ибо инородцы обеднели и разорились; торговец, однако, еще рассчитывает на какие-то «долги», то есть пробует еще удержаться с прежней системой, хотя она и не дает прежней выгоды; с другой стороны, инородец развил свои потребности: он привык, например, к хлебу (до 100000 ковриг хлеба готовится в Обдорске для снабжения остяков и самоедов). Что они, спрашивается, будут делать, если торговля прекратится? Умирать с голоду? Путешественник свидетельствует, что инородец так привык к опеке торговца, что предоставленный самому себе едва ли может вернуться к самостоятельным промыслам и будет терпеть нужду. Стало быть, выхода нет! Или кабала и коврига хлеба, торговля и разорение, или предоставление самому себе, т.е. положение беспомощности и в результате — вымирание. Конечно, пред подобными фактами можно было бы прийти в отчаяние, но мы полагаем, что прежде этого надо над ними задуматься и поискать выхода. Население беднеет, уменьшается, разоряется, но оно еще не погибло. Видя

результаты старой системы, старых приемов торговли, не пора ли подумать о том, чтобы изменить эти отношения и самую систему торговли? Не пора ли оставить недобросовестную эксплуатацию инородца, невыгодную, губительную для обеих сторон, для русского и инородческого населения, и не пора ли создать более человеческие отношения. Не наступило ли время в деле обмена с сибирскими племенами внести более здравый экономический смысл и расчет, причем не на разорении и гибели низших племен должно создаваться богатство господствующей расы, а на поднятии культуры и содействии экономическому развитию опекаемых низших племен. Как видим, инородец, обобранный и разоренный, не дает более выгоды: ему нечем платить долгов. Еще хуже, если наш Север совершенно обезлюдет.

В X книжке «Записок Западно-Сибирского Отдела Географического Общества» помещена статья г. С. Швецова «Очерки Сургутского края», которая знакомит, между прочим, с жалким положением остяцкого племени. Автор старается избежать упрека в обличениях; по-видимому, он старается быть чересчур осторожным, он боится упреков — и не приводит частных случаев и подробностей грубой эксплуатации остяков; рисует общими чертами, беспрестанно оговариваясь: «об их бедствиях писали уже много раз и мы подробно останавливаться на этом не будем» или «не будем об этом рассказывать, потому что об этом уже много писалось». И при всем этом старании автора избегать позорных фактов картина, нарисованная им, производит тягостное впечатление.

Вот какими чертами описывает г. Швецов быт остяцкого народа. Нищета, говорит он, представляет резкий контраст с зажиточностью русского населения. «Остяк, занимаясь всеми теми же промыслами, как и крестьянин, работает ничуть не меньше, пожалуй, даже больше последнего, а между тем едва-едва влачит свое жалкое существование». О том, что природа края может давать населению безбедное существование, достаточно свидетельствует зажиточность русского населения; бедность же остяков происходит не от бедности местной природы, а от общественного положения этого несчастного племени. Коренной житель края, его природный сын — остяк, терпит злую судьбу сказочной падчерицы, которую злая мачеха заваливает непосильными работами. Когда-то полновластный хозяин края, остяк в настоящее время устранен от учас-

тая при дележе даров природы или, по крайней мере, ему достаются при этом дележе одни крохи. «С давних пор — рассказывает г. Швецов — все лучшие, самые удобные и богатые пески (т.е. рыболовные угодья) перешли из рук остяков, их настоящих владельцев, к нескольким богатым рыбопромышленникам. Как это случилось, мы — говорит г. Швецов — рассказывать не будем, как потому, что об этом уже много раз писалось, так и потому, что цель настоящей работы далека от всяких обличений. Заметим только, что при этом систематически обходился закон об арендах рыболовных песков, запрещающий заключать условия на срок свыше четырехлетнего, а потом сослужили свою службу, как служат ее и теперь, водка, система долговых обязательств, закабаляющая совершенно инородца и ставящая его в положение хуже крепостного, и, наконец, система подкупа. Как бы там ни было, в данное время все лучшие пески фактически принадлежат нескольким русским рыбопромышленникам, принадлежат до такой степени, что иногда передаются по наследству от отца к сыну наравне с прочим имуществом». Другой род местных угодий, кедровники, также из рук остяков начинают переходить в руки русских. Некоторые купцы и крестьяне Тобольского округа, также и местные (т.е. сургутские) торговцы арендуют кедровые острова у остяков, иногда прямо захватывают их, невзирая на протесты местных жителей, и наемными рабочими ведут промысел от себя; рабочими в таком случае являются те же остяки. Этот переход из рук остяков в руки кулаков совершился, конечно, не без содействия земской власти. Г. Швецов рассказывает такой случай: в 1886 году один сургутский купец в надежде на большие выгоды отправил партию рыбаков в Газовскую губу, но тамошние инородцы заявили рыбакам, что ловить рыбу они не препятствуют, вывезти же с места не позволят ни одного воза. Сургутяне должны были уступить и ушли ни с чем, понесши, говорят, убыток до 10 тысяч. Этот случай показывает, что в дальних углах Сибири, где нет никакой земской власти, остяки сохранили какую-то общественную организацию, которая дает им возможность дать отпор непрошеным обиралам. В Сургутском же крае, где губернская власть имеет все шансы вмешиваться в дело в интересах защиты остяков, дело обстоит совсем иначе, чем на Тазе.

Что осталось делать остяку после того, как у него отобрали все угодья? Ему осталось идти в работники к тем же

Остяки и самоеды

самым лицам, которые его обобрали. И действительно, «главный контингент рабочих на (рыбные) промыслы поставляют, как это ни странно на первый взгляд, те самые остяки, которые сдают свои пески в аренду. Второе место занимают ссыльные из разных округов губернии». Рабочая плата остяку менее, чем русскому.

«Русский рабочий — сообщает г. Швецов — получает несколько больше остяка, хотя они и исполняют рядом одну и ту же работу». Итак, сам автор отмечает, что работа их одна и та же, за что же русский получает больше? Разве за превосходство в искусстве? Но что касается искусства в ловле рыбы, тут остяк, конечно, собаку съел, и едва ли русский превосходит его в этом отношении. Следовательно, излишек платы русскому просто рента за расу. Таким образом, выходит, что ссыльный русский ни за что ни про что получает преимущество над туземцем-остяком.

Далее г. Швецов говорит, что остяки почти никогда не получают своего заработка по условию, так как часть его выдается товаром по произвольным ценам. Выдача эта запутывает остяка и ставит его в вечное кабальное положение, которое с отцов переходит по наследству на его сыновей. Остяк теряет на этих промыслах не только свой труд, но и здоровье. «Трудно — говорит г. Швецов — представить себе более гибельную обстановку, чем та, в которой живут рабочие. В продолжении пяти с половиной месяцев рабочий во всякую погоду, в холода, ветер и дождь, находится по колено в воде; одежка на нем рваная; просушиться негде, кроме шалаша, сплетенного из тальника». К сожалению, ни официальная статистика, ни газетные сообщения не дают возможности хотя бы приблизительно определить цифру ежегодно гибнущих на этих промыслах рабочих. Мы думаем, — говорит г. Швецов, — что их надо считать не сотнями, а тысячами. В торговле продолжается та же эксплуатация, «каждый торговец имеет своих самоедов и остяков, которые сдают ему свои товары, знают только его одного и к другому торговцу уже не обращаются, да если бы они и захотели завернуть к кому другому, это им никогда не удалось бы, потому что торговцы высылают навстречу инородцам подручных, которые зорко следят, чтобы никто из инородцев не увильнул в чужие ворота. Таким образом, каждый торговец имеет известное число инородческих семейств, состоящих его постоянными поку-

пателями и в то же время неоплатными должниками». Цены на товар для остяка другие, чем для русского. Тут практикуется самое бесцеремонное обмеривание и обвешивание, спавивание водкой, сбывание гнилья и всякого рода. Какие же результаты достигаются подобным положением вещей?

Все это, — говорит в заключение автор, — ставит остяка в положение поистине худшее, чем крепостная зависимость, так как владелец крепостных все-таки был заинтересован в сохранении жизни крепостных, а что за дело рыбопромышленнику, если остяк умрет от чрезмерного труда. Умрет один, явится другой. «И остяки умирают тысячами от голода и лишений». К болезням от непосильных работ присоединяются периодические общие голодовки, во время которых беспомощность населения достигает крайних пределов. Так, в последний голод, бывший несколько лет назад, остяки буквально сотнями мерли с голоду; встречались юрты, вымершие поголовно и в избах валялись непогребенные трупы. «Вымирание остяков — факт, не подлежащий никакому сомнению; оно идет быстро, неуклонно». Если верить автору, а не верить нельзя, потому что и другие очевидцы сообщают то же, то, пожалуй, лет через пять-десять от остяцкого племени не останется человека.

У г. Швецова есть заметки и о «господствующем племени». По словам сургутян, говорит автор, остяк «очень уж прост», т.е. чересчур уж честен и доверчив; он не украдет и не обманет ни своего брата, ни русского торговца, у которого находится в кабале; работящ, предупредителен, всегда делится с нуждающимися и оказывает помощь ближнему. За эти качества сургутянин считает остяка существом низшим, «собакой»; им все гнушаются и считают поганым. Самый жестокий и безобразный поступок с остяком считается дозволительным. Мальчишки издеваются над остяками на улицах, запуская в них льдины, травя собаками и пр.; взрослые иногда бесцельно бьют их, ради доставления удовольствия толпе. «Даже смерть остяка не сдерживает сургутянина, и он продолжает смотреть на остяка как на тварь — только теперь эта тварь стала еще падалью». Автор приводит пример публичного издевательства над трупом остяка. Христианская идея, обобщившая все человечество во всемирное братство, все еще чужда и нашему сердцу, и нашему уму; выше мы привели свидетельство автора, что ссыльный русский ни за что ни про что получает рабочую плату на песках выше, чем остяк; ошельмованный судом и часто дей-

ствительно порочный человек своего племени нам милее, чем честный и добрый инородец.

В 1890 г. обрисовано подобное же печальное положение инородцев в «Каз. Бирж. Л.» одним туристом, ездившим по Оби: «Самоедские семейства живут зимой особыми селениями в юртах — срубах или землянках без печей. Избави Бог свежему человеку пробыть в их юрте хоть час. Грязь, сажа, зловоние, чад от углей, тьма паразитов. Помимо того, вид отдельных членов семейства производит отталкивающее впечатление. На большинстве взрослых видишь разрушительные следы сифилиса, нагие детишки покрыты кожными болячками. Очень часто эти отвратительные жилища посещает тиф, повальная оспа... Медицинской помощи в этих забытых Богом и людьми трущобах — никакой!...».

«Все самоеды и вотяки, живущие в районе миссионерских церквей, православного исповедания. Но незнание русского языка, отдаленность их от церкви является причиной того, что инородцы совершенно чужды православия и ограничиваются только выполнением тех обрядов и таинств православия, за неисполнение которых могут подвергнуться взысканию. На самом же деле все, за исключением крайне немногих, имеющих наиболее тесные сношения с русскими, остаются идолопоклонниками, устраивают капища, ставят идолов, а также поклоняются священным камням. Идолопоклонство им строго воспрещено, почему они устраивают кумирни в сокровенных местах, глухих урманах, отдаленных от русских поселений. Одни идолы олицетворяют добро, другие, в наибольшем количестве, зло в его разнообразных проявлениях. Добраться до капища трудно, особенно властям, но русским торговцам, шныряющим за добычей по всем самоедским захолустьям, случается нападать на кумирни. Некоторые даже с недобросовестною целью разыскивают их, чтобы поживиться жертвоприношениями — звериными шкурами и деньгами. Один из торговцев рассказывал мне, что его навел на капище самоед-рабочий, достаточно отщепившийся от своих. Капище представляло полусгнивший сруб с низенькою дверью, у которой стояло грубо вытесанное из дерева изображение женщины.

— Оспенна свояченица, — пояснил самоед.

Промышленники беспощадно эксплуатируют в свою пользу этих невежественных детей природы.

— Однако вы все-таки изрядно прижимаете инородцев, — говорю одному из т-ских промышленников.

— Это из чего вы заключаете? — спросил тот обидчиво.

— Да как же: зверь ваш, рыба ваша, наконец, даже лес ваш, а инородцу ничего не остается.

— А что же дикарю нужно?

— Да вы хотя бы больницу завели или фельдшера содержали... Посмотрите, ведь они мрут, как мухи. Вам же будет хуже, если они все переведутся...

— А, на наш век хватит!

Такой цинизм меня взорвал и я сказал несколько неприятных слов, назвав вещи настоящим именем.

— Правда-с! в коммерческом деле как подгонишь всякое лыко в строку; тоже и мы должны соблюдать свой интерес.

— Да какое же у вас коммерческое дело, это просто...

Я недоговорил и ушел, и мне стало невыносимо в этом чистеньком, вечно зеленом уголке, «на краю Божьего мира».

Приведя эти отзывы и современную картину быта инородцев, мы, естественно, должны спросить в конце концов: действительно ли причины вымирания инородцев коренятся в них самих, в их расе, характере, и не заключаются ли эти причины в массе накопившихся неблагоприятных условий, в самом отношении к инородцу, или возмутительном, или бессердечно равнодушном? Что причины вымирания не в расе, это доказывается тем, что проявления смертности различны. Одни и те же племена, финские и тюркские, процветают и увеличиваются при других условиях. Ученые признали родство остяков и вогулов с финнами России и финляндцами. Посмотрите же и сравните судьбу тех и других. Среди остяков и вогулов смертность распределяется неравномерно. Там, где условия лучше, вымирание слабее или совсем прекращается, а начинается прирост населения.

Таким образом, нужно прийти к заключению, что изменить это ненормальное явление в человеческих руках и в руках цивилизации. Напрасно эту цивилизацию предоставляют драконам, пожирающим инородца, напрасно отдают его на жертву хищникам, торговцам, кулакам, которые являются не столько представителями цивилизации, сколько подонками и обратной стороной ее. Цели и задачи человеческой цивилизации другие, это — спасение человеческой жизни, гуманизм, милосердие, улучшение быта, поднятие

человеческой личности и озарение ее светом разума — просвещением.

Мы не можем поэтому прикрываться неизбежностью гибели указанных племен, но должны каждый раз испытывать муки совести об их бедственном положении и поставить вопрос накануне наступающего XX столетия о сохранении тех остатков и потомков инородческих племен, которые сохранило еще время, человеческие бури и человеческое жестокосердие.

Мы должны задаться вопросом: выгодна ли гибель на Севере десятков тысяч людей. Всех остяков, вогулов и самоедов на севере Сибири может насчитываться еще до 50000. Имейте в виду, что это население составляет донныне почти единственное и главное население среди тундр, среди негостеприимной природы и полярной стужи Севера, близ берегов недоступного океана. Вымрут они, и опустеет Север, ибо русское население здесь с Обдорском, Березовым, Туруханском является скорее торговыми факториями. Куда бы ни следовал европеец или русский человек на Севере, он обязан услугам, руководительству и указаниям инородца; без него он бы погиб. Мы ссылаемся на свидетельство полярных путешественников. Кто спасал корабли на водах, кто спасал команды, кто в пургу и непогоду ведет торговцев, кто везет заседателя для сбора ясака и т.п.?

Инородческое население в Тобольском, Березовском, Нарымском округах составляет станции, и остяки перешли к полuosедлости, строят избы и прочее. Поэтому мы должны смотреть на них как на помощников наших в деле культуры и сношений. Среди этих инородцев в Тобольской и Томской губерниях находится 28207 душ крещеных. Можно ли таким образом хладнокровно приговаривать к гибели даже крещеных людей? Не можем же мы брать примера с испанцев, которые, окрестив индейцев, приговорили их тотчас же к смерти.

Таким образом, все резче и яснее выступает вопрос о попечении и сохранении инородческого населения, что должно явиться обязанностью цивилизаторов. Снабжение Севера больницами, миссиями, школами для инородцев становится настоятельным. Наконец, для содействия и облегчения помощи инородцу пора основать общество, к которому привлечь образованных людей, исследователей инородческого быта и лиц, могущих сочувствовать просвещению инородца. Это общество покровительства просвеще-

нию инородца будет не менее полезно, чем общество спасения на водах, общества филантропические и общества покровительства животным. Здесь дело идет о людях. У русского общества, полагаем, нашлось бы достаточно филантропических чувств для этой цели.

Заканчиваем статью следующим замечанием одной газетной статьи: «Тридцать лет назад уже описывались в литературе порядки в остяцкой земле совершенно теми же чертами, как описываются и теперь. Та же кабала, та же эксплуатация торговцами, то же вымирание, с тою разницею, что гибельная сторона этих порядков для остяков еще более с того времени усилилась. В тридцать лет, кроме lamentаций о бедствиях инородцев, в литературе ничего не сделано для исправления их положения. Не возникло для остяков никакого покровительственного органа, ни частного, ни административного; не явилось лиц, подобно филантропам, самоотверженным врачам, друзьям бедных и несчастных, какие являются в Европе на помощь человечеству, которые бы посвятили жизнь свою страдающим и умирающим инородцам. Ученые общества и университеты не поставили доселе этого вопроса на очередь, как достойного самого внимательного изучения!»*. Международные конгрессы, собирающиеся для обсуждения самых разнообразных вопросов общественной жизни и культуры в Европе, еще не выдвинули вопроса о спасении от гибели инородческих племен.

Много лет назад Паллас, Георги, Кастрен и другие знаменитые ученые путешественники представили печальную картину быта сибирских инородцев. С грустью и стесненным сердцем нам приходится ныне фотографически повторить ее, так как время не прибавило к ней ни одной смягчающей светлой черты.

Обратим внимание по этому поводу на статьи профессора Э. Ю. Петри, научные доказательства которого на защиту инородческих племен и обязанности по отношению к ним высшей культурной расы изложены ныне в его «Антропологии» (Спб. 1889 г.), гл. VI: «Дикарь и культурный человек», стр. 108, и гл. VII: «Вымирание дикарей», стр. 137-163.

Алтайские тюрки или калмыки

Наряду с татарами и финнами Западной Сибири заслуживает внимания многочисленная алтайская народность. Число алтайских инородцев, по новейшим сведениям, равняется 51.064 душам, причем они разделяются: на телеугов в числе 5.731 души, расположенных в телеутских управах Кузнецкого и Томского округов, а также в кумышских управах Томской, Кузнецкой и Барнаульской, и 225 душ в Бийском округе (потомки этих телеутов в большинстве выродились и смешались с русскими), далее черневых татар, составляющих 23.594 д. и 17.018 д. алтайских калмыков и теленгитов*. Все они расположены в Томской губернии в Томском, Барнаульском, Бийском и Кузнецком округах. Часть этих инородцев приняла христианство и смешивается с русскими, другая восприняла магометанство и живет, подобно другим татарам, в Томском округе и, наконец, большая часть остается язычниками и населяет Бийский и Кузнецкий округа. Мариинские татары могут быть причтены к родственным племенам алтайцев. Часть алтайских тюрков весьма давно подчинилась русским. Так, телеуты с князем Абаком приняли подданство в 1607 году, и затем были покорены кузнецкие татары в 1618 году. В 1633 году русские заложили Бийск и в том же году была предпринята экспедиция для покорения телесов на берегу Телецкого озера, под начальством Собанского. Алтайские народности, однако, весьма долго были поддерживаемы калмыками, киргизами и саянцами, вели борьбу с русскими, нарушали договоры и нападали на русские крепости. Калмыков на юге поддерживал могущественный ойротский союз и Джунгария. С распадением его в 1740 г. южные калмыцкие роды, или буруты, также просили принять их в подданство, но теленгиты на Чуе и Аргуте, известные под

* К этим же инородцам должны быть отнесены потомки алтайцев, смешавшиеся с русскими в четырех оседлых управах Бийского округа и составляющие 4.661 д.

именем уряпхайцев, однако, еще долго оставались двоеданцами, внося подать и китайскому, и нашему правительству, и только в 1865 году окончательно приняли присягу, составив ныне две чуйских волости. Горные калмыки или теленгиты присоединились в половине XVIII стол., в числе 12 зайсанств, и до сих пор сохраняют память о своих поколениях. Инородцы, однако, весьма долго жили отчужденно. Алтай весьма туго заселялся, так как Бийская линия была продолжительное время запретною гранью, за которую русская колонизация не должна была проникать. На границе Кузнецкой и Бийской линий расположены были казачьи станицы, которые, имея военный характер, смотрели на инородческое население как на неприятельское, потому культурное влияние и сближение с русскими было слабо, а инородцы жили изолированной жизнью, несмотря на то, что обложены были ясаком и с ними велась изредка торговля заезжими купцами. Восточная часть Кузнецкого и Бийского округов от Телецкого озера на севере, по рр. Лебеде, Мрасе и Кондоме до сих пор весьма мало доступна русским, так как покрыта лесами и весьма трудна для сообщения; инородцы живут здесь по-прежнему полудикую жизнью. Наиболее поддались культурному влиянию и сближению кузнецкие инородцы, известные под именем телеутов и черневых татар. В Кузнецком округе считается наибольшее число оседлых. Эти оседлые инородцы составляют 12 инородных управ с 24 улусами. Улусы и деревни инородцев расположены между крестьянскими волостями, поэтому здесь весьма быстро идет обрусение и заимствование от русских. Кузнецких оседлых татар считается 3.640 душ муж. пола и 3.726 жен.; из них шаманистов только около $\frac{1}{8}$ части, остальные же все — православные, причем обращение произошло просто, благодаря жизни около русских. Все эти инородцы живут домами, хорошо говорят по-русски и занимаются земледелием. Типы их, одежда их скорее напоминает финнов и чухонцев. Около Кузнецка есть уже весьма зажиточные татарские селения и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдельными и более чуждыми инородцами лесов. В накоплении этих богатств, однако, участвовала значительная доля торговой эксплуатации своих собратий. В Кузнецком округе эти торговые татары, крещенные и некрещенные, заменяют русских торговцев, как и в оседлых селениях Бийского округа, не

уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам; поэтому культурные черты, приобретенные этими инородцами, доселе не служат в пользу собратий. На алтайских племенах можно видеть, как под влиянием различных условий проявляла себя одна и та же раса, а также как эти условия отражались на ее быте.

Алтайские инородцы, распространившись от Алтая до Иртыша и далее, были подчинены магометанскому и русскому влиянию на севере, тогда как монгольское и китайское отразилось на них с юга; точно так же на них отразилось и физиологическое влияние соприкасавшихся с ними племен. Принадлежа по типу и физическим свойствам к довольно сильной расе, это население выражает различные типы культуры, начиная от кочевников и номадов и кончая не только полуседлым состоянием, но и совершенно оседлым и земледельческим бытом при полном слитии и смешении с русскими. В некоторых случаях метисация, смешение с русским населением и переход к высшей культуре при нормальных условиях отразились на этих народностях весьма благоприятно. Такой образец перехода к высшей культуре и обрусению представляют, например, инородцы выродившейся Кумышской управы, Барнаульского округа Быстрианской управы, Бийского округа, и некоторые кузнецкие инородцы.

Мы имели возможность видеть нынешнее положение кумышских инородцев второй половины управы в Барнаульском округе и могли убедиться, что это население несколько не уступает русскому; оно совершенно слилось с ним, сформировалось в цельный тип и окончательно утеряло инородческие черты; собственно, оно остается инородческим только по названию. Нарастание и развитие благосостояния его представляют замечательные успехи, как можно видеть из следующего: указом императрицы Екатерины II в 1764 г., как видно из дарственной записки, крещеным телеутам Кумышской управы, в числе 6 семей, дозволено было переселиться на рр. Бурлу и Карасук. Занимаясь сначала охотой, они основали скоро деревню Хабары и начали смешиваться с русскими. В начале нынешнего столетия эти фамилии инородцев уже составляли 4 деревни с 26 семьями, из 6 первоначальных, и 201 д. мужского населения. По ревизии 1816 года в 4-х деревнях считалось 70 семей и 482 д. обоего пола. По X ревизии 1858 г. здесь было уже 104 семьи и 6 деревень

с 1.022 душами населения; в 1880 г. было 7 деревень* с 1.236 д. населения. Прирост замечательный. Надо заметить, что в числе этих душ сохраняются все первоначальные фамилии инородцев, а именно: Холкины, Мальцевы, Малышевы, Пискуновы, Миловановы и прибывшие после инородцы Сыгаковы, Балагановы, Парфеновы, Мурашкины и Калачиковы. Таким образом, 10 родоначальников с семьями народили 7 деревень с 1.236 д. населения. В тех же деревнях проживает ныне независимо от инородцев до 406 д. государственных крестьян, 78 мещан, купцов и солдат. Инородцы Кумышской управы — крупное, здоровое население с преобладающим русским типом. Все они занимаются земледелием и скотоводством, засевая до 2.027 дес. земли. Дома щеголеваты; население зажиточное; в сел. Хабарах — ярмарка, где покупается на 15.000 рублей привозной мануфактуры. Ныне основана школа, где учатся до 12 мальчиков. Благополучию этого населения способствовало свободное распоряжение землями, браки с русскими, усвоение высшей культуры, богатые урожаи, отсутствие рекрутской повинности и льготное положение инородцев с половинным крестьянским окладом. Поэтому это население, чувствуя доселе благодетельные последствия своего льготного положения, как они выражаются, «благословляют матушку Екатерину II», давшую им дарственную грамоту на земли и льготные права. Несмотря на то что земли их не считаются более их собственностью, а отошли к кабинетским, но достигнутая этим населением степень благосостояния, а также свобода пользования окружающими землями, не уронили их быта. Образчики подобной же зажиточности и развития населения мы находим также в Бийском округе в 4-х оседлых управах, где считается ныне 4.661 д. оседлых инородцев, до 4.700 лошадей, 5.296 коров, 8.207 овец; они засевают несколько тысяч пудов хлеба и занимаются пчеловодством.

Такие результаты оседлости однако не везде. Быт других оседлых инородцев гораздо ниже. Это зависит как от ограничения свободы располагать угодьями, отнятия этих угодий русскими, так и от способа перехода к оседлому быту и земледельческой культуре. Другой характер представляют, например, оседлые деревни алтайской миссии новокреще-

* Деревни эти: Хабары, Потемная, Осиновая, Половинская, Ново-Усть-Курынская и Вележанин лог.

Алтайские тюрки или калмыки

ных инородцев. Переход этот совершается у них искусственно и несколько принудительно, так как крещеный инородец должен жить обязательно оседло. Но для кочевника зверолова, без всякой подготовки и привычки, такой образ жизни весьма труден. Бросая свой промысел, он беднеет и далеко не усваивает земледельческого труда. Переход этот для инородца является сразу почти непреодолимым и тем труднее он для номада, который не привык к физическим усилиям. Свойство его промыслов — отсутствие упражнений физической силы — создает особый организм, неспособный к большим напряжениям мускулов и продолжительной деятельности; словом, переход к земледельческой культуре ему является непосильным, а расчеты земледельческого хозяйства — непонятными. Мы не говорим уже, что он не воспитал никаких технических знаний, доступных крестьянину. Точно так же новокрещеный не может примириться сразу и с оседлым жилищем. Органическая потребность воздуха и привычка передвижения не позволяют ему примириться с избой. От этого новокрещеные не могут сразу жить в избах; даже даваемые им избы от миссии запущены и грязны, а живут они в большинстве в берестяных шалашах. Привыкши в кочевом и лесном быте к самому первобытному земледелию и обработке ячменя, они не идут далее, и земледелие их является крайне ничтожным. В самом главном миссионерском селении встречаются беднейшие хижины и шалаши. Вот одна из них по описанию очевидца. «Длина и ширина избы в 2 сажени, без сеней, с одною дверью и двумя маленькими окнами (одно выбито и заложено грязной подушкой); покривившаяся печь, две скамейки самой грубой работы и такой же миниатюрный стол, самой грубейшей работы, кровать, и на ней в двух рваных шубенках валяется грязный ребенок. В маленьком шкафике, прибитом к стене, ничтожное количество плохой посуды, горшок и чашки. На полу 4 грязных непокрытых крынки с молоком, ухват, два ведра, два маленьких сундучка, оборванный, без наметки, хомут. На стенах деревянные и бумажные образа». Вот обстановка новокрещеного, причем, как они выражались, дома у них были «казенные», миссионерские. Во всей деревне никто не засеивал более 10 десятин, а между тем это были приводнейшие для земледелия места Алтая. Остальные миссионерские пункты представляют собрание шала-

шей в большинстве и крайне ограниченного числа хижин; при этом надо заметить, что хижины эти построены наподобие зимовок. Большинство крещеных инородцев не знают русского языка. Из 58 миссионерских пунктов только Улала, Кебезень, Ангудай и Уймон заслуживают внимания, но и то потому, что сюда проникло отчасти оседлое русское население. Новокрещеных оседлых инородцев поэтому считается на огромном пространстве 130.000 кв. м. всего 1.843 человека, остальные же остаются при кочевом образе жизни. И это почти при 50-летней деятельности миссии! Началом первым селениям миссии положено не местными крещеными инородцами, но пришедшими уже оседлыми телеутами из Бачата, Кузнецкого округа. По отзыву всех путешественников, несмотря на некоторые образчики культуры в главном селении Улале, в общем, быт новокрещеных алтайцев крайне жалок и беден. Значительная часть лучших земель инородцев притом, к сожалению, монополизирована миссией для своих специальных учреждений. Так, например близ Улалы, на р. Найме, миссия испросила для женской монастырской общины 6.500 дес. лучшей земли, а на Чулышмане взяла также под монастырь, который долго не был выстроен, пространство в 30 верст в длину, единственное удобное для земледелия место. Все это далеко не служит к выгодам инородцев, даже новокрещеных. Из этого видно, что завоевание культуры и оседлости среди инородцев гораздо более сделало успехов, где инородческое население соприкасалось с плотною массою русского крестьянства, но при единственном условии, когда угодыя инородцев, как источник жизни, не отходили совершенно к русским.

Дальнейшие представители алтайской народности ведут полудикарский образ жизни в лесах и горных местностях Бийского и Кузнецкого округов. Поэтому они считаются кочевым населением. К таким принадлежат черневые татары Кузнецкого и Бийского округов. В Кузнецком округе они составляют 23 волости с 6.739 д. муж. пола и 6.510 жен., т. е. 13.249 душ населения. К 1880 г. в Бийском округе в 7 волостях считается 2.937 д. муж. п., 2.854 жен. Все они живут в гористой и лесной местности, кузнецкие инородцы преимущественно по рр. Мрасе и Кондоме, а бийские — по рр. Лебедю, Бие и ее южным притокам до прибрежий Телецкого озера. Инородцы эти далеко не все принадлежат к

кочевникам и звероловам. Самый быт лесных кочевников несколько особенный и относится ближе к оседлому, чем к кочевому; поэтому переход к полной оседлости здесь совершается скорее. Считающиеся кочевыми инородцы и ныне живут уже улусами и деревнями, только временно отлучаясь на промыслы. Занятия их: охота на зверя, добыча диких пчел, кедровых орехов, рыболовство, а также и хлебопашество, причем соседние с русскими деревни уже усвоили русское хлебопашество, а более отдаленные первобытным способом обрабатывают ячмень. Ныне среди кузнецких инородцев в соседстве распространяются и другие промыслы.

Жилище черневых татар составляют первобытные зимовки, срубы и избы. Вообще жизнь, быт и культура этого населения весьма мало исследованы; но они, как мы убедились при личном исследовании, представляют весьма много интересного как население, имеющее все задатки к оседлости. По типу черневые татары, как кузнецкие, так и бийские, весьма отличаются от алтайцев и теленгитов и причисляются к финским народностям, когда-то смешавшимся с алтайскими тюрками; но тип их еще достаточно не выяснен. При своих исследованиях в Алтае мы убедились также, что тип черневых татар весьма отличается от алтайцев и что это совершенно особое племя, а по своим способностям и культуре они стоят гораздо выше номадов; некоторые из них, кроме первобытного земледелия и умения делать зимовки с глинобитными печами — чувалами, обладают еще выделкой холста, шьют льняную одежду, умеют делать неводы и т. д.; у них сохраняется и кузнечное мастерство*. Способности такого племени, конечно, могли бы лучше развернуться в соседстве с русским населением. Действительно, в Кузнецком округе это население показало замечательную восприимчивость к культуре. На восток и на юг в глухих местах влияние это, однако, доселе не проявлялось, и черневые татары живут прежнюю жизнью, по которой можно изучить первобытную культуру. Несмотря, однако, на отчужденность в лесах, они составляют притягательную силу для спекуляторов и торговцев; поэтому экономическое тяготение, русская торговля и влияние соседних инородцев не могли не

* Наоборот, быт звероловов и рыболовов крайне беден. Они часто голодают, потому что состоят в зависимости от торговцев, снабжающих их мукой и припасами.

коснуться их строя жизни. Торговцы из русских и кузнецких оседлых татар заезжают в Чернь и стараются эксплуатировать дикарей всеми способами, выжимая и приобретая от них предметы охоты и промыслов. Как кн. Костров, так и миссионер о. Вербицкий свидетельствуют об обманах и эксплуатации, которым подвергаются алтайские инородцы («Алтайцы» Вербицкого и «Обычное право алтайских инородцев» кн. Кострова).

Точно на таких же условиях задатка и огромного взыскания процентов за долг производится и торговля орехом. Цена ореха без получения денег вперед 1 руб. и 10 к. в ближайших местах за пудовку, с получением же денег вперед цена за пудовку в 50—60 коп. Всякий недобор или неисполнение порядка накладывает обязательство доставить продукта вдвое или по рыночной цене, бывшей на ярмарке, т. е. со всеми барышами, которые берет купец. Такие взыскания делают неоплатным должником инородца.

Насколько охотно делаются предложения товара, насколько соблазняют им инородца и навязывают товар, настолько же беспощадно является взыскание долга впоследствии, когда купец или торгаш является и исполнителем взыскания и берет с инородца что хочет. В этом состоит все искусство торговли. Наивность дикаря, его доверчивость, обольщение блестящими безделушками и произвольные цены, благодаря монополии в глухих местах, благоприятствуют выгоде хозяина и продавца и невыгоде покупателя. При этом надо принять во внимание грубость и жадность торговца, а с другой стороны — беззащитность и невежество дикаря. При таких условиях обмен продуктов и самая торговля превращаются в наглое хищничество. Торговля и спекуляция с дикарями являются самым соблазнительным занятием окружающего оседлого населения, а потому в торговлю с дикарем кинулись и русские зажиточные крестьяне, и кузнецкие оседлые инородцы, нажившие богатства; быстрое обогащение одних ведет к обеднению других, и эта эксплуатация отражается тем бедственнее, чем беднее и ниже по развитию дикарь. Постоянно возрастающие потребности дикаря, благодаря соблазнам торговли и ознакомлению с новыми произведениями, обуславливают его зависимость. Торговля и сношения с русскими не создали пока в лесах культуры, не придали силы дикарям, но, оставив их при

Алтайские тюрки или калмыки

прежнем положении, создали в инородце потребности, которые удовлетворить он не может при своих силах, и оплачивание этих потребностей, при возвышающейся все более цене на продукты, поглощает все его имущество и заставляет его истощать свои силы. Раз он не в состоянии оплатить торговцу чрезмерные его требования за продукты необходимости, он обрекается на нужду, голод и вымирание. Понятно, что при таких условиях развитие культуры, основывающееся на увеличении благосостояния, является невозможным, и быт дикаря отодвигается еще в худшее положение, чем он жил до сих пор. Такие явления обеднения и истощения лесников тем печальнее, что по своему развитию и культуре они стояли весьма близко к переходу на высшую степень хозяйства; но здесь, при столкновении с русскими, мы не можем не заметить иногда обратного: отступления инородца в развитии и из первобытного земледельца и рыболова превращения в действительного зверолова и кочующего пролетария. Те же явления, какие мы видим в Кузнецком округе, повторяются и в Бийском. При этом места глухие и отдаленные менее подвергаются эксплуатации, а инородческие волости, столкнувшиеся вплоть с русским населением, испытывают более настойчивое и усиленное давление, отражающееся и на отнятии угодьев.

Исследуя быт черневых инородцев Бийского округа, мы прежде всего столкнулись с жизнью кумандинцев, живущих по левую и правую стороны р. Бии. Это население, родственное черневым татарам, иногда путешественниками принималось за телеутов. На самом деле кумандинцы представляют наиболее развитое и чистое по типу население из всех алтайских инородцев. Оно давно оставило кочевой образ жизни. Гельмерсен в 1842 году встретил здесь уже хижины и население, напоминавшее ему чухон Финляндии. Ныне здесь находится несколько аулов, которые походят на оседлые деревни, зимовки превратились в избы, все занимаются земледелием, причем первобытная мотыга (обыл) заменяется сохой. На 438 рев. душ здесь приходится 1.124 головы лошадей, 959 коров и 687 овец. Население, числом в 2.634 души, усваивает совершенно русский образ жизни. Таким образом, все благоприятствовало переходу этого населения к оседлости самым естественным путем и оно легко могло быть записано уже в число оседлых волостей. К сожалению, отсутствие размеже-

вания и наделов повело к вторжению русских деревень соседних волостей на инородческие земли и отнятию лучших угодий у инородцев-земледельцев. По крайней мере, мы встретили такую запутанность в поземельном владении в одной такой волости, какую представить трудно. Крестьяне трех русских волостей вторглись и построились на землях этой кочевой волости; сюда же являются переселенцы из России, и таким образом оседлое инородческое население поставлено в самое безвыходное положение и легко может удалиться в леса. Быт остальных черневых татар Бийского округа, живущих в более глухих местах и едва проходимой черни, представляет более первобытную культуру. Они принадлежат скорее к полукочевым лесникам, звероловам; скотоводство их ничтожно, быт беднее, они более дикари, чем кумандинцы, и вследствие отчужденности от русских поддались более влиянию южных кочевников алтайцев, заимствуя их костюм и привычки. На них даже более отразилась китайская и монгольская культура, так, они носят косы, китайские шапочки и получают некоторые произведения из Монголии. Тем не менее по топографическим условиям и образу жизни они более кочевников способны в оседлый быт. Эта естественная склонность, однако, задерживается пугливостью и опасением русского населения, которое своими поступками произвело здесь самое неблагоприятное впечатление. Вторгшиеся в чернь пасечники начали отнимать у лесников лучшие земли, нужные им для земледелия.

Южные алтайские племена относятся более кномадам и скотоводам, чему способствует самый характер местности: альпийские луга, травянистые склоны гор, долины рек и альпийские плоские возвышенности. Инородцы эти носят различные названия по местностям: телесы, теленгиты, алтайские калмыки, элюты и чуйские теленгиты, или уренхайцы. Последнее название им придается неосновательно, так как под именем уренхайцев известны жители Саянских гор и часть тюркских племен, живущих около озера Косогола. Собственно алтайские калмыки, несмотря на различные названия, имеют весьма много общего и могут быть названы «горными кочевниками», как их называет Риттер. Они имеют несколько поколений или сюоков; все говорят, по исследованиям В.В. Радлова, твердо-татарским языком. Из наречий теленгитский язык ближе всего к кайбальскому; монгольское вли-

Алтайские тюрки или калмыки

яние мало заметно и только обогатило язык в лексикологическом отношении; ислам не проник к теленгитам, и потому язык их остается без примесей персидского и арабского. Грамотности и своей письменности теленгиты не имеют. Тип теленгитов более носит отпечаток монгольской расы: сдавленный лоб, узкие глаза, выдающиеся скулы, широкий сплюснутый нос, вздутые губы, редкая борода; но типы эти не везде одинаковы. В общем, эта народность не подвергалась еще точным антропологическим наблюдениям.

По образу жизни, как мы сказали, они принадлежат к горным кочевникам, причем значительно отличаются от кочевников степей; перекочевки их менее значительны и, так сказать, замкнуты горами; они перекочевывают из долин на соседние горы и обратно. Жилищами их, в противоположность лесникам, по преимуществу служат шалаши или войлочные юрты, а средствами пропитания, по преимуществу, скотоводство, хотя у них существует также первобытное земледелие и они занимаются охотой. Быт их можно назвать переходною ступенью от степных номадов к лесным кочевникам. В то время, когда у черневых татар приходится скота на сто душ: лошадей по 150, коров по 110 и овец по 100, у алтайцев по 300 голов лошадей, 200 рогат, скота и 430 овец. У лесников преимущественно коровы и лошади, у алтайцев, кроме того, еще богатое овцеводство.

Кочевья теленгитов были когда-то гораздо многочисленнее. Они занимали долины Бухтармы, Нарыма и Кок-Су; в прошлом столетии они ежегодно появлялись на левом берегу Иртыша против Усть-Каменогорска, точно так же они занимали часть Кулундинской степи и располагались около Колыванского завода. Внутренний Алтай с его плодородными долинами принадлежал им всецело. Площадь инородческого района еще недавно простиралась до 109.000 кв. верст, но с начала нынешнего столетия кочевья алтайцев все более ограничиваются и они оттесняются все далее. Русская колонизация проникла с севера далеко за Бийскую линию, основав в северных предгорьях несколько волостей, где ныне 50.000 русского населения. Поэтому с севера кочевья калмыков сильно урезаны. Точно так же Бийский горный округ начал заниматься русским населением с запада и юга, русское население тянется по Чарышу, Бухтарма совсем занята русскими и вообще в Бийском

округе 22 русских волости со 190.475 душ. населения. Район калмыцкий при этом довольно значительно сузился: калмыки занимают пространство еще по Урсулу, Кану, Чарышу, по Чуе и по правую сторону Катуня; небольшая часть их живет по Улагану. Высокие хребты и лесная полоса, начинающаяся за Катунью к Телецкому озеру, не позволяет занять им другие пространства.

Поэтому кочевья алтайских теленгитов в настоящее время замкнулись в самое незначительное сравнительно с прежним протяжение, которое сузилось, может быть, в 10 раз против прежнего. Мало того, и в середину Алтая, то есть в кочевой калмыцкий район, так или иначе вторгается русское население. Крестьяне группируются около миссионерских станов, несмотря на запрещение. Подзаводские селения и рудники обладают полным правом располагаться где угодно. Бухтарминская и Уймонская инородные управы, состоящие из бывших беглых русских крестьян, находятся как раз около калмыцких земель и занимаются промыслом на калмыцких землях. Купцы арендуют земли для заимок, и, наконец, с севера наступают на калмыков пасечники. Все это вызывает ныне жалобы у теленгитов на стеснение в пастбищах. И действительно, если на долю инородцев и остаются еще земли, то будущее и настоящее нисколько им не обеспечивают их пользование, и лучшие угодья беспрестанно захватываются. Эти захваты начались весьма давно.

Наши колонисты не раз отнимали у инородцев лучшие места для скотоводства и звероловства, отняли целые табуны их скота, грабили и сожигали их юрты. «Оные ясачные — писал в 1814 году начальник Томской губернии сибирскому генерал-губернатору — у коих отобраны земли горными крестьянами, требуют особенного внимания, ибо нельзя без сожаления смотреть, видя, какую бедность ныне терпят кочующие кумандинцы, к которым с 1801 по 1802 год вдираются крестьяне и захватывают их земли. Теперь много кочуют семейств без всяких юрт, в полушалашах, при разложенном огне, полунагие, и питаются по большей части кореньями саремы».

В 1883 году калмыки первой, второй, пятой, шестой и седьмой дючин просили избавить их от притеснений заводских крестьян и оседлых инородцев, самовольно поселившихся на землях, принадлежащих упомянутому дючинам.

Алтайские тюрки или калмыки

Ясачная комиссия, рассмотрев эту жалобу, нашла, что просьба калмыков вполне справедлива. Крестьяне заводского ведомства и люди других сословий самовольно селились на их землю. Некоторые из этих колонистов имели там только временные заведения для хлебопашества, пчеловодства и скотоводства, другие же заводили целые деревни. Соседство тех и других калмыков вредно действовало на промышленность последних. Колонисты вылавливали в инородческих угодьях зверей, рыбу, предупреждали калмыков в сборе ягод, орехов и дикого меда. Мало того, колонисты разоряли инородцев своим воровством и грабежами. Так, например, в сентябре 1829 года один калмык был ограблен на 1.800 руб. и затем убит; подобные преступления были *вовсе неизвестны* калмыкам до приближения к их кочевьям русских колоний. Ясачная комиссия нашла, что «выманивать у калмыков добычу разными средствами за бесценок сделалось уже обыкновенным делом между поселенцами. Но есть еще другие средства отнимать у них собственность, это — штрафы за потоптанные калмыцкими стадами посевы крестьян. Штрафы эти калмыки считают несправедливыми, потому что крестьяне не имеют права производить хлебопашество на самых их пастбищах. Известно, что скотоводство у калмыков весьма обширно и пастбища их не могут быть определены в точности, ибо стада их, в течение всего года оставаясь на подножном корму, необходимо должны постоянно переходить на новые, изобильные кормом места. Следовательно, подобные заведения крестьян на калмыцких землях есть не что иное, как новые верные средства к насильственным поборам с этих незащитных дикарей»*.

К этому надо прибавить, что русская торговля вторглась к кочевникам и самым бесцеремонным образом распоряжается их стадами и имуществом. Торговля эта возникла с начала нынешнего столетия и понемногу приобрела влияние. Торговля эта производится скотом. В настоящее время в Алтае закупается скот для золотых приисков, гонится в Томскую, Енисейскую губернии и даже в Иркутск через Монголию. Явившиеся в Алтай русские торговцы, пользуясь простодушием кочевников, употребляли в первое время самые бесцеремон-

* Кн. Костров. «Юридический быт алтайских инородцев». Шашков. «Сибирские инородцы в XIX столетии». Исторические этюды, т. II, стр. 251 и 252.

ные способы обмана. За долги они отгоняли целые стада инородцев, совершали всевозможные насилия, грабежи и даже убийства. Обманы и начеты до сих пор практикуются, а для ввозимых товаров и произведений не существует никакой справедливой и определенной цены. Когда-то алтайские калмыки и чуйские теленгиты пользовались китайскою мануфактурой. Богатые одевались в китайский шелк, носили щегольской пояс, огниво и нож в дорогой оправе. Чуйские женщины, по словам В.В. Радлова, одевались в платья, вышитые серебром, косы украшали серебряными монетами и серебряными пуговицами. Объехав Алтай, мы сами имели возможность убедиться, что китайская даба и материи, а также трубки, китайские медные пряжки и монгольские седла, огниво и посуда, как и другие предметы роскоши, более распространены среди алтайцев, чем русские произведения, и ценятся дороже. В чем же заключается культурное влияние русской торговли? Оно почти не заметно, а между тем в Алтае уже слышатся жалобы на разорение. Обеднение и упадок скотоводства свидетельствуются всеми путешественниками, посещающими Алтай. Между теленгитами были не очень давно владельцы, обладавшие огромными табунами. В.В. Радлов в долине Урсула встретил теленгита, имевшего 6.000 голов скота. На Чуе было скотоводство еще обширнее; здесь встречались богачи, имевшие до 8.000 лошадей, 1.000 голов рогат, скота и 2.000 верблюдов. Люди, путешествовавшие несколько лет назад, уверяли Радлова, что прежде теленгиты, владевшие 50—100 лошадьми, считались бедными, и это понятно при скотоводческом хозяйстве, где средства пропитания должны приобретаться с значительного количества скота. Ныне обеднение, по словам уважаемого ученого, несколько лет посещавшего Алтай, идет так быстро, что он в последнее время не узнавал тех местностей, которые посещал еще в 1860 и 1865 годах. Скота на дороге нигде не было видно; даже прекрасная Урсульская долина была пуста, а где и попадался скот, то на вопрос путешественника: «Чей он?» — получался ответ «купеческий». Переход скота из рук прежних владельцев совершается при помощи следующей операции. Торговец дает задатки и покупает молодой скот, оставляя его у продавца для прокормления. Если он купит 80 годовалых телят, которых оставит у продавца, то через три года он получает 80 штук взрослого скота. Барыши являются огромные; но этого мало: торговец переводит все счета на скот, причем не-

Алтайские тюрки или калмыки

уплата долга растет вдвое, так как неотданный теленок через три года равняется быку. Оттого сформировалась поговорка: «отдал торбака, а получил быка». Благодаря монополии торговцев в глухом Алтае и безнаказанности злоупотреблений, скот начал переходить в руки русских, основавших здесь заимки и нанявших тех обедневших калмыков пасти скот. Многие новокрещенные инородцы явились приказчиками и помощниками купцов. «Современный характер торговли скотом в Алтае заключает в себе и то еще зло — говорит один автор — что, обратив теленгитов в должников, он предоставляет купцу право выбирать лучшие головы в стадах должника, что должно понижать породу скота в Алтае»*. Проехав по калмыцкому району, по Улагану и Чуе, мы сами убедились, что прежних стад уже не видно у алтайцев даже в глухих местах. Самые богатые из теленгитов имеют до 2.000 лошадей, до 1.000 голов рогатого скота и 3.000 баранов. Таково богатство, например, чуиских теленгитов, которые прежде не могли сосчитать стад. В одной дючине (волости), по моему исследованию, оказалось из 667 юрт только 15 состоятельных калмыков. Вместо этого заводится обширное скотоводство русскими богатыми торговцами, крестьянами и даже проворными торгующими новокрещеными, как Яков Хабаров в Ангуде, имеющий до 1.000 лошадей, которых он приобретал обманами, захватом и плутовскою торговлей. Множество обширных хозяйств раскинуто ныне в Алтае. Рядом с разорением калмыков среди них появился пролетариат, лишившийся скота, похожий на киргизских джатаков. Наконец, в последнее время развилось в Алтае конокрадство, как результат, с одной стороны, нищеты и бездомности, а с другой — по наущению русских спекуляторов, привыкших приобретать чужой скот, не заботясь о его принадлежности. Между тем до этого в Алтае никогда не было привычки воровать скот и они были лишены этой особенности кочевых народов, как, например, киргизы, у коих существовала традиционная баранта.

Такова судьба прекрасного, плодоносного и царственного Алтая, лучшего уголка в Сибири по климату и роскошной флоре. Чего ожидать ему в будущем, если обеднение продлится и не придут на помощь ему настоящие культурные и просветительные влияния, и откуда ждать их? Мы

* Дополнение к IV т. «Риттерова землеведения Азии» Семенова и Потанина, стр. 389.

видим, что южные алтайцы, как кочевники и скотоводы, стоят на гораздо низшей степени развития, чем северные; они менее расположены к оседлости, более дики, они являются более отчужденными и замкнутыми, поэтому для их развития потребуется более усилий и умения. Наконец, надо обратить внимание, что теленгиты и калмыки весьма долго жили под китайским и монгольским владычеством, весьма мало ознакомились еще с русскими обычаями и приемами, а потому расположить их весьма важно. С присоединением алтайских дючин правительство и русские государи стремились именно к этой цели. Алтайские зайсанги сохраняют до сих пор свидетельство этого благоволения и весьма дорожат им. К сожалению, местные администраторы и уездные власти не усвоили этих начал и прежней мудрой политики. На присоединенных теленгитов смотрели как на покоренных, а не как на отдавшихся в подданство. Казаки и уездные власти оказывали им всевозможные притеснения и делали с них поборы. Еще во время путешествия Чихачева имя «казак» наводило ужас на запуганных теленгитов. По поводу начетов ясака инородцы Алтая подавали жалобы в ясачные комиссии. Множество заседателей и исправников составили состояние в Алтае. Самовластие и произвол сибирской земской полиции в отдаленном Алтае проявлялись более, чем в других местах. Про управление заседателей (становых) на Алтае сложилась песня:

«Как на Чую завалится

Никого он не боится».

Самоуправление, предоставленное уставом Сперанского, и родовые начальники, оставленные инородцам, далеко не облегчили их положения, так как уездная полиция стремилась парализовать всякую самостоятельность инородцев и внесла безусловное распоряжение участием теленгита. Зайсанги и родовые начальники, пробовавшие защитить свои роды, почувствовали свое бессилие в борьбе и кончили тем, что соединились с заседателями для обирания своих подчиненных. Самые алтайские дючины местным начальством переделаны на манер волостей, где стал руководить общественными делами волостной писарь, часто пройдоха и пьяница. Поэтому инородцы, кроме своекорыстия и злоупотреблений, ничего не видели от такого порядка волостного и заседательского правления. Сборов и поборов, делаемых с

Алтайские тюрки или калмыки

них, они не могли усчитать. Злоупотребления при сборе ясака являются громадные. Несмотря на то что сборы с инородцев превосходили назначенные, что у них беспрестанно браковали ясак и заставляли вносить лучшие меха, в кабинет Его Величества никогда не доходили собранные, но всегда подменялись худшими, благодаря злоупотреблениям чиновников. Когда из Петербурга являлось указание, что меха доставляются худшего качества, чиновники начинали переписку, как будто не зная причины этого, и еще более начинали налегать на невинных и обобранных инородцев, прикрываясь строгими требованиями начальства. До последнего времени, при неурожае зверя, лучшие меха, как соболя, инородцы покупают у купцов, что увеличивает взнос. При этих сборах волость складывается на проезд зайсанга, подарки при приеме ясака и т. д., почему поборы представляют полный произвол и не подлежат никакому контролю. Усиленные же сборы с бедного кочевого населения, конечно, отражаются еще тяжелее на его незавидном быте. В последнее время инородцы облагаются и другими повинностями. К поборам должно присоединить грубое обхождение земских властей с инородцами, жестокие наказания, обусловленные грубым и низким нравственным уровнем полицейских властей, не понимающих никаких человеческих внушений, кроме нагайки. Еще в 1880 г. во время проведения дороги на Чую и на Абай, Алтай был свидетелем возмутительных кровавых сцен, производимых ретивыми полицейскими властями. Из этого видно, что над алтайскими инородцами скопилось весьма много неблагоприятных условий, угрожающих их будущему существованию. Настоящее просветительное влияние не коснулось этих инородцев, как и всех прочих. Это дало повод произнести следующий приговор ученому составителю дополнений к Риттеровой Азии: «Ни купец и ни миссионер не послужили доселе в Алтае к распространению оседлости и культуры»; гораздо более сделало крестьянство своим соседством и влиянием, хотя столкновение и с крестьянами недешево обходилось инородцам. В конце концов получилось, что северные, барнаульские и кузнецкие инородцы в большинстве сделались оседлыми и даже православными без всяких насильственных и обязательных мер. Так, из 20.624 кузнецких инородцев до 14.600 совершенно оседлые, да и остальные полуоседлы. Из 7.375

вполне оседлых только $\frac{1}{8}$ часть язычников, а из остальных $\frac{2}{3}$ приняли православие. Наоборот, в Бийском округе из 27.475 инородцев только до 8.000 может быть признано оседлыми, а 4.666 потомками инородцев в оседлых управах, до 2.000 черн. татар и 1.800 новокрещеных. Миссией в 50 лет крещено было 5.000 человек.

Замечательное размножение населения, как мы сказали, происходит в волостях смешанных, как например, Кумышской управе, Быстринской и т. д. Кроме того, прибыль оседлых инородцев Кузнецкого округа заметнее, чем Бийского: в 1868 г. по спискам населенных мест их считалось 6.995, а ныне более чем вдвое; но кочевое население уменьшилось. На все инородческое население с 1868 по 1880 год прибыль не очень значительна, а именно вместо 18.839 д. — 20.624. Если мы выделим прирост оседлых управ, то на долю кочевника придется весьма ничтожный прирост.

В Бийском округе оседлых инородцев в 1868 г. считалось 4.978 душ; ныне в 4-х оседлых управах, исключая Бухтарминскую, находится 4.666 душ. Если прибавим к этому 1.000 человек вновь присоединенных новокрещеных, то оседлое население все-таки увеличилось очень немного. В общем, на Бийский округ с 25.502 душ в 1868 г. при самом тщательном расчете в 1881 г. оно достигло только 27.475 душ. Прибыль весьма ничтожная сравнительно с крестьянским населением Сибири, увеличивающимся на привольных местах.

В общем число кочевников теленгитов несколько увеличивалось с их присоединением к России. До 1763 г., по переписи Щербачева, считалось в 5 принявших подданство дючиных 417 душ муж. пола, а в 1763 г. оказалось при переписи 475 душ.

	М. п.	Ж. п.	Всего
В 1804г.	1.203		
1816 г.	27.556	2.233	4.789
1823г.	2.277	--	-
1836г.	6.086	5.354	11.439

В 1866 году по спискам населенных мест всех кочевых с черневыми было 18.620 душ, в 1875 г. с двумя чуйскими волостями — 15.655 душ, в 1880 г. — 17.016 душ.

До сих пор расположению и жизни южных кочевников благоприятствовали обширные свободные угодья, прекрасный климат Алтая, богатое скотоводство. У кочевников те-

Алтайские тюрки или калмыки

ленгитов и калмыков считается ныне в 9 дючинах 51.751 лошадь, 35.539 коров и 70.960 овец; кроме того, они обладает верблюдами и сарлыками, монгольскими быками. Но как видим, условия для этой первобытной кочевой жизни сильно изменились. Несмотря на то что алтайский кочевник ни на шаг не подвинулся в культуре, несмотря на то что по привычкам и натуре он остается номадом, не расположенным изменять быта, средства к жизни его все более суживаются, ограничиваются, а с уменьшением пастбищ уменьшается и скотоводство; между тем, под влиянием сближения и экономического обмена, быт его уже тронут и потребности его не могут не развиваться. Поэтому для населения этого наступает тяжелый экономический кризис, который и начинает уже переживаться им. Кризис этот тем опаснее, что прежде чем население перейдет к лучшей жизни, он может подорвать его производительные силы и отразится на нем весьма губительно. Тем более внимания и осторожности нужно при установлении в данную минуту отношений к инородцу. Прежде всего необходимо ограждение и охранение его жизни, защита от обид, насилий, обманов, а затем, при установлении правильных человеческих и правовых юридических отношений, должно наступить время культурного сближения и приготовления инородцев к восприятию цивилизации.

Исследование по истории культуры утро-алтайских племен

Склад, образ жизни и культура каждого народа обусловлены климатическими, физическими и топографическими условиями природы, среди которых человек обитает, и естественными произведениями, которыми снискивает пропитание. Так как низшие расы и инородцы более зависят от природы, чем расы цивилизованные, то они должны быть изучаемы именно в связи с окружающею природою и ее производительностью.

Если интересно проследить жизнь племени или расы, его способности и развитие в известных условиях, при постоянной обстановке, то еще интереснее видеть жизнь того же племени, переносимую из одной полосы в другую, из одного климата в другой, и постепенно совершающиеся в нем изменения. Мы открываем тогда здесь весьма видного двигателя в жизни дикаря — природу, и стоим у самого зародыша и колыбели образования самой культуры и у причин самых перемен в образе жизни. Мы встречаем и изучаем обыкновенно дикарей в одних условиях там, где застаем, и предполагаем изменение культуры по мере продолжительности жизни племени и его собственного совершенствования, но представим себе то же племя, переносимое из одной обстановки в другую, и наблюдения будут интереснее и разнообразнее. Не от нас зависит выяснить разом историческую картину культурного развития народов. Доисторическое время скрыло от нас многое. Нам приходится медленно изучать все совершающиеся фазисы исторического развития и делать свои выводы на основании сравнения жизни разных племен и народов в различных степенях развития. Но расстояния, отделяющие эти народы, часто бывают слишком велики, чтобы уследить постепенность переходов. Мы видим только отдельные, разрозненные проявления разновременных культур, разорванные

Исследование по истории культуры...

звенья истории, из которых нашему воображению предстоит создать нечто цельное. Мы имеем понятие о бродячем, кочевом, пастушеском и земледельческом быте народов, но не знаем весьма многих промежуточных степеней и переходов. Изучение промыслов и занятий различных дикарей вносит нам понемногу новые сведения в историю культуры, но, без сомнения, мы чувствуем еще много пробелов. Самым счастливым и удобным материалом для подобного изучения могло бы быть изучение полудиких племен, сохраняющих все переходные стадии развития и поставленных в разнообразные условия жизни, которые напоминают нам доисторическое существование. С такими народами мы имеем дело на севере Азии и в Сибири.

Здесь среди жизни дикарей-инородцев в степях, тундрах, горах и лесах мы можем проследить многие переходные стадии культуры при самых разнообразных условиях природы.

Занимаясь историей инородческой культуры, мы обратили особенное внимание на переходные ступени ее к оседлости. Формы быта, которые мы исследовали в лесной полосе, заслуживают, по нашему мнению, особого внимания этнографов и историков культуры. Кто может сказать, каким путем, от какой формы хозяйства, рядом каких степеней и переходов человечество перешло к оседлости? Тропы этих переходов потеряны во мраке доисторического времени. Как в биологическом и зоологическом мире исчезла масса переходных видов и типов, так исчезли и многие переходные формы жизни в типах хозяйства и быта, но тем более приходится дорожить уцелевшими.

Леса и зарождение в них оседлости

Алтайский район представляет особенный интерес в смысле изучения первобытной культуры, по разнообразию условий, где формировалась жизнь, по типам хозяйства, которые здесь создались, и по промыслам, которые зарождались.

С юга к Алтаю подходит Монголия и ее степи, в самых горах есть значительные плоские возвышенности и широкие долины. С одной стороны, местности, мало лесистые, покрытые тучными травами и лугами, создали благоприятные условия для скотоводства, и мы встречаем здесь кочевое хозяйство, весьма близкое к монгольскому, киргизско-

му и кочевников Средней Азии, но горы не могли не повлиять несколько на его особый склад. В Алтае мы имеем дело, таким образом, с горными кочевниками. Далее вся восточная часть Алтая до Телецкого озера и Кузнецкий Алатау до верховьев рек Мрассы и Кондомы покрыты лесами — преддверие лесной Сибири. Здешные жители лесов сложили опять особый образ жизни и тип хозяйства. Что это за тип, мы постараемся характеризовать; ближе всего его можно назвать типом *лесных кочевников*. Первобытная культура этого народа слишком своеобразна, чтобы пока подводить ее под тип скотоводов, звероловов или охотников. Доселе инородцы, обитающие в лесной полосе Сибири, как кузнецкие, бийские татары Томской губ., енисейские инородцы, так и вогулы Тобольской губ., считались звероловами, охотниками и ставились ниже кочевников, между тем как следовало бы подробно изучить их быт и хозяйство, прежде чем причислять его к тому или другому типу.

В культуре и образе жизни сибирских лесников видны формы нескольких промыслов и занятий, так что трудно причислять их к звероловам, скотоводам или земледельцам: от первых двух они уже ушли, с последнею формою не соединились. Мы видим среди этих кочевников занятия одновременно как скотоводством, так и охотой, рыболовством и земледелием, мало того — у них есть уже зачатки ремесел; конечно, все это в довольно первобытной форме. Несомненно, что они перенесли многие занятия из предшествовавшего состояния и предыдущей стадии своего быта. Известно, что кочевники, скотоводы или номады, также весьма часто занимаются охотой и у них есть начало земледелия (киргизы и монголы), хотя главное пропитание составляют стада. У лесников все эти занятия более уравниваются, потому что природа далеко не дает простора для скотоводческого хозяйства, зачатки последнего не позволяют, в свою очередь, спуститься до преобладания более низшего звероловного быта; здесь существует и земледелие, но в то же время далеко не является преобладающим и только составляет зародыш высшей культуры. Жизнь лесников-инородцев поэтому представляет особенный интерес, как выражение одной из переходных и средних культур, на которые у нас весьма мало обращалось внимания как экономистами, так и историками культуры и антропологами. Типы хозяй-

ства лесников не остаются однообразными, неподвижными, как и состояние промыслов; в этой форме быта мы можем встретить несколько исторических переходов, приближающих или отдаляющих их из высшей культуры или оседлости. По этим типам можно видеть, что самая оседлость устанавливается не сразу. Точно так же как среди степной кочевой культуры номадов мы видим разнообразные формы и переходы в самом способе кочевьев*.

Мы наблюдали и открыли несколько типов этого переходного хозяйства лесников. Обратим внимание прежде всего на степень их передвижений и кочевков. Уже горы, куда обстоятельствами когда-то вдвинулось, кочевое население, заставили ограничить и сузить перекочевки. Долины далеко не представляли того простора, как равнины и степи Средней Азии. Алтайцы и горные калмыки, располагаясь в долинах, перекочевывают или на склоны гор, на альпийские плато, а затем спускаются в долины (на реках Урсуле, Кане, Башкаузе, Чулышмане, Аргуте), или переваливают из одной долины в другую верст за 50, не более, и затем возвращаются. Природа сокращает размах кочевов маятника. Если горы ставят уже препятствия для перекочевков, то еще более превращений совершается в условиях лесного кочевья. Леса ставят уже решительную преграду к большим передвижениям со стадами. Блуждание по лесам и беспрестанные перемены места были под силу только одинокому дикарю-охотнику без стад. У лесных же кочевников мы находим лошадей, коров и овец, хотя и меньше, чем у номадов. Лесной кочевник живет обыкновенно в долинах рек, где есть луговые места и пастбища, лежащие полосками около лесов. Но так как скот все-таки требует перемены места, то он переходит с зимника на летовку и обратно, причем расстояние и размах его движения еще менее, чем у горного кочевника, летовка от зимовки у него лежит иногда не более 10 или 15 верст, а иногда менее. Жилища или стойбища его более разрозненны и напоминают ракиданность зверолова. Лесники и черневые татары (иш кизи), которых мы наблюдали,

* Кочевой быт номадов был одинаков во все времена. Мы выпустили здесь описание, чтобы не обременять читателя подробностями о переходах кочевов быта. Когда-то кочевники передвигались на огромных пространствах, но кочевья постепенно суживались и замыкались; появление летовок и зимовок у киргизов — уже новая форма быта. Киргизы ныне кочуют только 5 месяцев, остальное время они оседлы на зимовках.

никогда не живут несколькими семьями, аулами; их *аил* — это один, много два, три шалаша с семьями вместе; большею же частью по одному. Этому способствует бедность пастбищ в лесах и стремление каждому иметь шире право на охотничьи угодья. Скотоводческая ассоциация здесь как бы распадается, хозяйство является более индивидуальным. Лесной простор не может быть сравниваем с простором степным. Там целые роды, целые группы населения двигаются вкуче по широким степям с целыми роями стад; передвижение дает корм на открытых местах на целые сотни и тысячи верст. Лесной простор ничего не дает для пастбищ, он препятствует им; угодья в лесах начинают цениться как для скотоводства, так и для начинающегося первобытного земледелия. Леса же создают страсть к охоте и к уединению. Борьба за существование в лесах поэтому, несмотря на простор, проявляется резче и хозяйство интенсивнее. Эта раскиданность лесного кочевника, однако, создавала иллюзию и заставляла ставить его в разряд зверолова, хотя он давно пережил эту стадию и перешел к скотоводству и земледелию. Умение обходиться с животными и воспитывать их было перенесено лесниками из степей. Они, так сказать, приносят в леса пережитую скотоводческую культуру и применяют к другим условиям*. Собственно уход за скотом в переходах разных стадий хозяйства совершенствуется и видоизменяется. Охота хотя и составляет зимнее занятие лесника, но она идет рядом с другими промыслами и приобретает свою манеру, отличную от настоящего зверовщика. Кочевой лесник есть уже охотник оседлый. Он делает из своего постоянного жилища-зимовки только экскурсии на промыслы; уходя в леса иногда на месяц, на два, он возвращается в постоянное свое жилье, а не бродит по лесам круглый год. Этим он отличается резко от блуждающего дикаря и бродячего инородца самой первобытной стадии. Оседлые рыболовы и оседлые охотники, как их называют в Сибири, чаще живут даже деревнями. У них уже видна известная форма оседлости, выражающаяся в постоянстве жизни на месте и в самом жилище-зимовке.

История приручения животных относится, конечно, к отдаленнейшим временам, хотя замечательный пример приручения дикого оленя, марала, мы видим и ныне в Алтае у русских. Они приручают это животное, взятое в горах, с целью снимать рога с него, весьма ценящиеся в Китае.

Исследование по истории культуры...

Наклонность к оседлости приобретает постепенно и, естественно, заставляет дорожить местом и жилищем. Даже в глухих лесах и в самой грубой форме жизни лесника мы видим настоящую зимовку, которую он не ломает, но постоянно совершенствует. В особой главе нашего сочинения мы представили всевозможные переходные формы жилищ и зимовок, встречающихся у инородцев Сибири, как образец первобытной культуры. Эти жилища состоят из шалашей, покрытых ветвями, корою, наконец, берестой (финские *кота*), они еще существуют у горных и лесных жителей Алтая (аланчек, оодаг). Войлочная юрта есть признак высшей кочевой культуры; нынешнюю юрту мы видим уже усовершенствованной. Кроме войлочной юрты, в лесной полосе есть юрта шестиугольная, бревенчатая, с конусом наверху (она встречается у бурят, енисейских татар и в Алтае). Наконец, встречаются формы жилищ в виде палатки (яйлу) из досок, покрытой берестой. Берестяная юрта также играет видную роль в лесной полосе. Дощатая яйлу есть летовка, и она составляет переход к четырехугольным жилищам-избам. Даже в кочевом быту мы видим различного вида *зимовки*. Это также жилища, как и яйлу, обложенные землей, наконец, просто землянки. Остяцкие землянки и «*карамб*»⁷⁰ представляют такой же тип; карамо притом часто делается и в пещере, и в горе*. Кумандинская зимовка есть тип усовершенствованной летовки и первообраз избы. Наконец, у остяков и алтайских тюрков в лесах появляется четырехугольная изба с чувалом — камином, с окном и дверью. Эти жилища встречаются в местах, куда не проникла русская культура, они существуют в кузнецких лесах, у шорцев, у минусинских татар, у остяков, вогулов, изба (юй) переходит к башкирам, она существовала и у древних сибирских татар. В превосходной этнографической книге В.В. Радлова «Aus Sibirien» есть образец телеутской избы из плетня. Все эти жилища напоминают постепенный переход к оседлости и подробно нами описаны вместе с первобытными печами — чувалами, или каминами (о древних тюркских жилищах по филологическим исследованиям см. *Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes Herman Vambery. Haus und Hof*, 73). Вамбери название жилища, дома воспро-

* См. описание Васьюганской тундры, М. Григоровского. «Записки» Западно-Сибирского Отдела Импер. Геогр. Общества, кн. VI, изд. 1884 г., стр. 47.

изводит от слова бј или еу, что значит долина, углубление, яма; от того же корня Вамбери производит atak, jurti. Оставляя на долю лингвистов объяснять происхождение названий, мы остановились на культурной градации жилищ, из которых шалаш (оду, одаг, сююльты) составляет простую форму, далее идет юрта войлочная, юрта деревянная (кереге), летовка из досок, род палатки, летовка, покрытая землей, наконеч, зимовка, землянка и первообраз избы, летовки и зимовки, существующие одновременно у киргизов, бурят, у всех лесников, енисейцев и алтайцев, у вогулов, башкиров и якутов. Как видно по описанию Ибн-Фадлана, булгары, бургасы и хазары имели такие же зимовки и летовки, «зимой жили в деревянных избах, по городам и селениям, и летом удалялись в юрты» (Григорьев). Такова переходная форма к оседлости всех народов. Зимовки и четырехугольные избы инородцев описаны у Палласа, Гельмерсена, Радлова, Адрианова, Григоровского и др. путешественников среди алтайских и енисейских татарских племен, а также у финнов, вогулов и башкиров. На употребление деревянных жилищ, крытых берестой, как и землянок, ям, у северных народов указывают и китайские историки, описывающие различные племена.

Рядом с жилищем и сокращением передвижения мы видим также проявление высшей хозяйственной культуры, которая начинается еще на грани перехода от кочевого быта. В области скотоводческого хозяйства мы видим покос и заготовление сена на зиму. Правда, и это тоже в особой форме. Каждый, заготовив сено, ставит его в небольшие стога там, где оно скошено, и никогда не свозит к зимовке, а скот постепенно подпускается к стогам для корма.

У алтайцев в горах и долинах мы видели иной способ заготовки сена. А именно, они, собирая его, обвивают веревками и развешивают на деревья; такой способ удобнее и применимее к перевозке его, особенно верхом. Это напоминает веревки и прессовку сена кавалеристами. Хозяйство горных кочевников составляет первый шаг к оседлому хозяйству и стоит ближе по пути к нему, чем к кочевому.

Земледелие, которое далее будет описано, у лесников также способствует привязанности к месту, как и покос. Расчистка в лесу, сделанная на нынешний год, заставляет дожить ею и требует часто применения труда здесь же на следующий год.

Сняв посев, инородец должен, положим, по способу переложной, подсечной системы избрать новину, но не может же он располагать так временем, чтобы переселиться за десятки верст, а должен отыскать такое место поблизости. Так как мы у этого лесного кочевника видим, однако, и другие занятия рядом с задатками земледелия: охоту, рыболовство, копание корней и т. п., то не можем сказать, что земледелие является у него преобладающим промыслом, точно так же, как приписать, что земледелие в его первобытной форме обуславливает оседлость. Мы видим земледелие и у кочевника алтайца, и у киргиза, и у монгола. Первые способы земледельческого хозяйства также кочевые по новинам. Это можно видеть на хозяйстве сибирских крестьян (захватный способ). Промысел здесь является даже, так сказать, более кочевым, чем человек; он сохраняет кочевой характер после того, как человек поселился окончательно на месте и сделался оседлым; он уже живет в деревне, а хозяйство его кочует. Сибирские крестьяне строят балаганы на пашнях и переселяются сюда на лето. Зимовка в общем образе жизни перетянула к себе человека, но летовка временами притягивает его к себе в силу естественной необходимости.

Что можно заметить — это то, что леса замедляют и ставят много непреодолимых препятствий в свободе передвижений хозяйства сравнительно со степными условиями. Лесник не имеет простора, он не выжигает леса, как наш крестьянин; во-первых, потому что пожар для первобытного человека в лесу страшен и может повести к бедствиям и для него, и для других; во-вторых, он привык дорожить лесом, как зверолов. Лес сдерживает передвижения человека, кроме того, и в области других промыслов, кроме земледелия. Лесной охотник, пешеход на лыжах, хотя и делает огромные расстояния, но не такие, как степняк верхом и горный охотник, который переезжает долины на сотни верст (это видно на алтайских промышленниках). Охотничьи угодья в лесах между родами волостями почти размежеваны; примеры этого мы видели часто в горном Алтае и даже в таких пустынях, как на Чулышмане и на Телецком озере, где инородцы жаловались нам на то, что к ним заходит другая волость. Рыбные промыслы хотя и побуждают отлучаться от постоянных мест и жилищ, в то же самое время заставляют держаться вблизи богатых рыбалок и рек, иначе ими завладеют другие.

Постоянство жилищ и зимовок, таким образом, одинаково наблюдается у звероловов-охотников и рыболовов, живущих в лесах; отсюда название — *«оседлые охотники»* и *«оседлые рыболовы»*, хотя бы они земледелием и не занимались.

Мы имеем полное основание думать, что леса имели огромное значение на остановку передвижения и кочевание первобытных народов, на их культуру и образ жизни. Можно сказать, что *оседлость зародилась в лесах и благодаря лесам*. В самом деле, леса имели огромное значение в жизни человека, как доставляя материал для жилищ, так и влияя на остановку передвижений и открывая первые удобренные перегноем клочки почвы для земледельческого хозяйства.

Рассматривая жилища, обстановку, утварь и одежду лесников, мы замечаем, что лесная культура положила резкую разницу сравнительно с другими инородцами предварительных стадий. В главе об обстановке и утвари мы указываем особенность хозяйства, господство деревянной посуды и совершенство ее выделки. Здесь, между прочим, играет значительную роль и посуда берестяная (представителем ее являются туясы, бураки огромных размеров). Еще важнее здесь совершенствование ремесел. У лесников появляется впервые, взамен шерстяной одежды, холст, кендырь — дикая конопля и в иных местах крапивный холст. У них же видим и первый ткацкий станок — кросна. Станок этот Паллас встречает у вотяков, он же находится и у лесных татар Енисейской губернии. Холстяная одежда из кендыря у кумандинцев совершенно напоминает одежду русских крестьян. Кроме того, самый войлок и шерсть особо утилизируются у лесников. Они делают войлочные пальто и в них ужасно напоминают чухон. Они делают также шерстяные одежды и ткнут сукно. У них появляются шерстяные чулки и крашенные ткани. Признаки белья собственного производства отличают их резко от кочевников, одежда у которых нередко шелковая, щегольская, но вся покупная. Лесник уже сам кустарь. Но что еще более выдвинуло культуру лесника — это выделка металла и кузнечное мастерство, существовавшее в зародыше и у кочевников. Лесники имеют весьма давно также кузнецов. Русские застали население татар в Кузнецком округе и шорцев, умевших выделывать оружие, котлы и проч., которыми они платили дань китайцам. Археологические находки показывают нам высоту искусства в древнее время,

Исследование по истории культуры...

и выделке металла у нас посвящена особая глава. Таким образом, у лесников мы открываем все зачатки высшей оседлой культуры. Самый тип лесных жителей и полукочевников, как мы замечали, изменяется; черты лица, мускулы, цвет кожи здесь иные. «Кто будет иметь случай жить продолжительное время между различными народами и основательно познакомиться с их духовными и физическими особенностями, — пишет Вамбери в своей истории первобытной культуры, — кто обратит свое внимание на те явления, какие имеют место при перемене человеком отечества, климата, образа жизни, тот скоро придет к убеждению, до какой степени человеческое тело подвергается, да и должно подвергаться, внутренним переменам, тем же самым, каким подвергаются растения и животные, при их переселении с родной почвы в чуждый климат, под чуждое небо». Нигде это нагляднее не подтверждается, как на лесниках и начинающих жить в оседлых жилищах. Наблюдения над изменением племен в лесах и при оседлой жизни поэтому представляют любопытнейший материал для будущей антропологии. Нравы и характер лесников уже непохожи на кочевников. Если кочевник более развязен, резв, игрив, остроумен, весел, если у него преобладает фантазия, то лесника мы встречаем угрюмым, серьезным, что придает ему при первом взгляде вид туповатости, дикарской пугливости, отчужденности; черты эти обманывают наблюдателя и заставляют делать опять обратное заключение. На самом деле эта серьезность, озабоченность есть плод уже переживаемых забот и начало той рассудочности и признака мысли, которая у беспечного кочевника отсутствовала. Наш крестьянин также угрюм сравнительно с живым и веселым пастухом инородцем. Он как бы подавлен, обстановка его бедна, костюм жалок, он очень беден и в зажиточности уступает кочевнику, но он уже живет на иной лад. В нем есть внутренняя культурная сила. Словом, в этой переходной стадии при перемене занятий и образа жизни мы сталкиваемся с оригинальным явлением из культурной жизни человечества. Мы видим человека как бы бессильным, подавленным новой природой и физической обстановкой. Он как бы потерял преимущества предыдущей кочевой культуры, давшей ему известное довольство. Ничего мы не видим того, что придает богатство, силу и гордость кочевнику скотоводу. Киргиз

обыкновенно насмехается над принявшим оседлость, он сочиняет на него даже сатиры. Нет ничего в этой новой метаморфозе привлекательного, эффектного, напротив — прежнее рыцарство и воля исчезли. Это уже не «батырь» (богатырь), воспеваемый в песнях кочевника. Оседлого человека на первом шагу жизни встречает только нищета. Мы застали его как ребенка бессильного и слабого в тот момент, когда он бросил одну обстановку и не воспитал еще сил, не научился крепко держаться на ногах в другой.

Но это только видимая слабость и, так сказать, момент неокрепшей культуры и культурной борьбы. Достаточно немного присмотреться, чтобы увидеть, что здесь произошел переворот в способе жизни, в наблюдениях, в применении жизненных условий, в самой логике, и переворот столь важный, что он дает новый толчок всей истории человечества.

Таким образом, лесники оказываются по культуре и высоте ее гораздо ближе к нам, чем мы думаем. В заблуждение здесь вводит только та первобытная форма хозяйства и разных занятий, которой мы доселе не знали и не изучали.

Близость лесного хозяйства и культуры кочевых лесников к оседлому быту доказывается ныне и дает себя чувствовать явлениями, в высшей степени реальными и внушительными. В то время как никакие усилия и никакие принудительные способы, употреблявшиеся доселе искусственно, не могли кочевников-номадов и скотоводов побудить к первому шагу оседлости и направить к ней; в то время, когда привычки, занятия, самый организм скотовода-кочевника оказывают решительное сопротивление оседлому образу жизни; когда кочевник, взятый в оседлую обстановку, хиреет, заражается чахоткой, оказывается ленив, малосилен и неспособен для оседлого труда и, напротив, здоровеет и размножается у себя среди кочевого образа жизни в степях; когда киргиз и бурят, принимая русские привычки и обстановку жизни, только развращается и превращается в жалкого батрака, — переход лесника к культуре представляет иные явления. Мы видим необыкновенную восприимчивость их к оседлой жизни и культуре без всяких насильственных способов, без всяких принуждений, но совершенно естественно. Одно соседство русских деревень и самые простые сношения с крестьянством, обмен и торговля здесь делают мгновенное почти превращение. Лесные кочевники быстро русеют, строят избы, делаются окончательно оседлыми, принимают русские орудия,

Исследование по истории культуры...

приемы хозяйства, русский костюм, обстановку, обычаи и затем сливаются с крестьянами и по образу жизни и этнологически, при посредстве метисации. Мы это видели на кумандинцах, племени алтайских лесников, где с трудом уже находятся следы прежнего образа жизни и жилищ. Далее это видно на кузнецких черневых татарах, принявших русскую оседлость и живущих деревнями, на жителях Кумышской управы, Барнаульского округа, в несколько лет переродившихся совершенно в русских; на оседлых волостях телеутов около Томска; на барабинских татарах, еще в прошлом столетии ведших кочевую, полuosедлую звероловную жизнь; на тарских татарах, также живущих в лесах и занимающихся скотоводством; на чулымских инородцах, живущих в Мариинском округе; на енисейских инородцах, близких к быту черневых татар, исключая сагайских и других кочевников, живущих в степях; на вогулах, почти перешедших к оседлости и занимающихся хлебопашеством; на тобольских и томских остяках-рыболовах, живущих в лесной полосе по Оби, на притоках Оби в Нарымском округе, — все они усвоили избы и чумалы сначала от оседлых татар, а потом заимствовали и русские избы. Даже в глухих местах по Мрасе, Кондоме, Лебедю, а в последнее время, как сообщает молодой путешественник г. Адрианов, инородцы в черни, жившие при том образе жизни, какой мы указали, необыкновенно быстро принимают заимствование от русских. Черневые татары носят русскую прическу, появились рамы в избах, вошел в употребление топор и т. д. Среди многих енисейских и томских инородцев уже трудно отыскать их происхождение. «Немного лет еще, — пишет путешественник с грустью этнографа, — и мы потеряем уже возможность найти оригинальные черты когда-то обитавших народов!».

Обрусение и окончательная оседлость среди лесных кочевников делают, таким образом, успехи быстрее, чем у всех других кочевников. Ясно, что здесь жизнь, история, культура подготовили почву для самого естественного перехода.

Но еще поучительнее этих современных изменений и способности лесников перенимать культуру является историко-культурный вывод о переходах к оседлости. Его мы можем проследить у всех племен и народов, обитавших в лесах. Лесные финны, алтайские тюрки, вогулы, башкиры, черемисы и другие народы представляют однообразную оседлую культуру в зачаточном виде. Такова же была лесная жизнь древних гер-

манцев по Тациту и славян. Вот тот путь, та тропа, по которой выбрался человек из первобытной стадии на дорогу европейской оседлости и цивилизации. Нет сомнения, что этим путем развивалась оседлость на севере Азии. До сих пор в различных частях южной Сибири мы видим остатки какой-то оседлости и культурных центров. Такие признаки мы видим на Орхоне, в Забайкалье, в Минусинском округе, в Алтае и Семиречье. Лесная полоса Сибири в древние времена служила, как видно, также местом оседлости. В китайской истории мы находим немало указаний на пребывание оседлых земледельческих народов к северу от Китая и монгольских степей. Самый союз *Ойратов*, вероятно, был союз лесников от натиска и завоеваний кочевых монголов. Царство хакасов, несомненно культурное, оставило множество памятников, как и царство усуней и киданей. Остатки этой древней оседлости и цивилизации предстоит еще воскресить в Сибири.

На следы оседлости указывают в Сибири многие остатки валов, городищ, монастырей и крепостей, о которых у нас говорится в особой главе о «древних памятниках». Болгары и Казанское царство были не единственными оседлыми государствами в древнее время. Русские застают татарскую оседлость и татарские городки в Сибири. Городок Сибирь упоминается Шильбергером в начале XV столетия (путешествие его 1394 и 1427 гг.). Марко Поло (1254 -1295 гг.) говорит о стране *lorsa* и Боргу, населенной татарами; в равнине Боргу находился, по его показанию, город Кара-Коран (Кара-Корум на Орхоне?). В космографии Мюнстера в 1514 г. явилась карта Сибири, где означены два города: Один «*Sybir*», а другой без имени, по догадке Миддендорфа — Пелымск, хотя это вернее Чинги-Тура, или Тюмень. На карте Герберштейна нет города Сибирь, но зато на ней есть *Tumen* (Тюмень — Чинги-Тура) и *Tegom*, по Лерберту — Верхотурье. Но здесь едва ли нужны догадки, так как в вершине Туры русские застали татарский городок *Неромм-Карра* или *Тером*, который вошел в карту Герберштейна⁷¹. На той же карте к северу лежит еще городок вправо от Сосвы *Obeacus*. В *Regum Moscovitorum Commentarii* упоминается о Ляпине городке и об обской крепости. Русские застают несколько татарских городов и крепостей, а именно на Туре Неромм-Карра, Епанчин городок, Чинги-Тура (Тюмень), Явлу-Тура (Ялуторовск), Тархан-Калга. Около Тобольска городок Искер (Сибирь), Бицик, Атика, городок Карачи, далее по Иртышу вверх

Куллара и Ялым или Аялы, на Ишиме также давно был городок, даже у остяков были городки или род крепостей, по крайней мере, упоминаются Нимьянский городок, Самаров городок, Уки, Аримзан и др. Сохранились также следы городищ и крепостей по Барабе. на Оби у Кучума было хлебопашество, стало быть, и жилища. На татарских городищах мы сами видели остатки жилищ и кирпичей или остатки чувалов. Затем русские, по пришествии в Сибирь, встречают признаки оседлости у кузнецких татар и телеутов. Многие из них имели постоянные жилища (Полож. инородц. Северо-Восточной России в Московском государстве, соч. Фирсова, стр. 45). В Енисейской губернии также встречаются городки и развалины. Землемер Лосев в своих записках говорит, что русские завладели каким-то городом качинских татар. В описании енисейских древностей Поповым приводится несколько городищ и валов, и в том числе около Красноярска на р. Базаихе. Гмелин и Фишер застают городки с валами и рвами. Такие же остатки укреплений и городков видны в Минусинском округе. Попов упоминает о городке Салынском на берегу Енисея; повыше р. Сыды находилась старинная татарская нагорная крепость*. В Иркутской губернии ныне исследовано до 16 городков с валами (Агапитов). На Амуре упоминается о городках или жилищах, обнесенных валами. Древний народ муки или мо-хо на Амуре, по указаниям китайцев, окружал свои жилища земляными валами и, скрываясь в подземных защитах, выходил наружу посредством лестниц (Klaprote. Tableaux Historiques de l'Asie, p. 85). В Алтае сохраняются еще загороды и укрепления *шибе* (эти шибе, крепостцы, идут по всей Монголии). На берегу Телецкого озера на древней карте Ремезова означена крепость и т. д. Несомненно, что в этих городках были и постоянные жилища. В Даурии Ерофей Хабаров встречает настоящую оседлость, аборигены имели, по его описанию, города, башни и укрепления с глубокими рвами, светлицы устроены с большими холодными окнами, а окончины — бумажные. Петлин, проезжая Монголию в 1620 г., говорит: «а земля мунгальская велика, долга и широка, и города в мунгальской земле деланы на четыре угла, по углам башни великие с раскаты». То же самое говорит Банков при путешествии в Джунгарию и описывая Контайшин городок, где он видит каменные палаты. Он показывает, что от реки

* В Истории завоеваний Чингиз-Хана указывается, что он брал татарские укрепления (Комментарии Палладия к Истории Чингиза).

Вески, где находится Аблайкит (буддийский монастырь), до аблаевых пашенных бухарцев, где Байков зимовал, ходу 10 дней, а под тараном он стоял два дня. Под именем таранов разумелись поселения хлебопашцев около стойбищ князей. Таким образом, крепости и городки усеивали Монголию, степи, так и северную полосу Сибири даже по пришествии русских. Но еще любопытнее сведения о древнейшей оседлости в Монголии и у народов, обитавших в Сибири, по китайским летописям и указаниям. Городки и поселения, как видно, существовали и в степных местах, они основывались завоевателями, служили часто укреплением. Известны столица Чингиз-Хана Кара-Корум и другие оседлые места, куда стягивались пленные, ремесленники и пр. Древние китайские географы указывают, хотя и смутно, на многие города и поселения у народов Азии до Р. Х. на севере от Монголии и Китая. Даже кочевники, как икюйские жуны, имели городки. В истории Хань сказано, что икюйцы строили для ограждения себя города. Хай-ван взял у икюйцев 25 таких городков. У усуней был городок Чи-гу на озере Иссык-Куль. Кидани были положительно оседлым народом. До своего передвижения на запад они имели в своих владениях, которые достигали Орхона и Сибири, 5 столиц, 6 провинций и 156 крепостей (Ист. и древн. восточной части Средн. Азии, Васильева). В пределах Сибири указывались китайцами города Кянь-Чжоу и Илань-Чжоу (показания эти относятся к 1280—1368 по Р. Х.). Городок Кянь-Чжоу получил свое название от р. Кянь, был в юго-восточной части земли хакасов, от Пекина в 9.000 ли, на юго-запад от Кянь к северу от горы Тянь-лу. Местоположение города Илань-Чжоу (Змеиный город) неизвестно. Попов в описании городищ Енисейской губ. полагает, что город этот находился близ Красноярска. Клапрот намечал его в Алтае, сближая название с данным Змеиногорску. Однако в Сибири так много городищ, что трудно доказать, которое из них принадлежит Илань-Чжоу. Есть указания и на другие города. Для самих китайцев и киданей на севере открывались иногда новые страны. Кидане некогда во время своего могущества, по рассказам китайца Ху-цзя в 953 году, посылали 10 человек на север с 20 лошадьми и запасом. Эти путешественники выехали, по сказанию истории, из земель Хей-че-цзы и миновав землю Юй-жи, в продолжение года идя на север, проехали чрез 43 города (чэнь). Там делались жилища из древесной коры, языка этого народа никто не понимал, и поэтому не могли знать на-

звание рек и племен. Посетив 33-й город, они достали одного человека, который знал те-дянь-ский (татарский) язык, и тот сказал, что название земли есть Цзе-ли-у-юй (или Гань-се-янь). (Ист. древн. восточной части Средн. Азии, Васильева, стр. 40).

Поселение и жилища существовали у многих северных народов, по сказаниям китайцев. Распространение оседлости, кроме того, могло переноситься и эмиграциями при движении народов оседлых с юга на север и с востока на запад; кидане, хакасы, нечжи, усунь под давлением гуннов передвигаются по югу Сибири от Енисея к Или. На юге Сибири мы видим пребывание даже арийских племен. Известно, кроме того, что в различных местах Средней Азии, в Персии и в Туркестане, давно существовала цивилизация, точно так же известны с этими странами сношения Сибири. Сколько известно, из соседних народов Сибири имели города усунь; шу-ле или кин-ча, жившие в Кашгаре, по описанию Клапрота, имели до 12 больших городов и несколько десятков маленьких (*Tableaux Historiques*, р. 166). Аланы или ян-тзай, жившие близ Каспийского моря, подчиненные Согдиане, жили также в городах (Клапрот, Т. Н. de l'Asie, р. 175). Юечжи или, по догадкам некоторых, геты, завоевавшие Кабул, имели столицей Киан-чи-чжинг, к северу от Окуса. Массагеты, жившие на запад от Каспия, имели земледелие и жили в городах (Клапрот, стр. 181). Александр, вступив в Бактриану, Гирканию и Согдиану, застаёт многочисленное население и города (Григорьев, стр. 70—74). Буддийские монастыри и буддийская цивилизация в глубокой древности находились в Хотане (Абель-Ремюза и Клапрот). По Страбону, саки могут быть причислены к оседлому племени; такого же мнения и Григорьев. Что касается Трансоксианы и стран от Эльбурза до Гиндукуша, то господствующими здесь оседлыми народами были в древности бактрийцы, согдийцы и хорезмийцы. Подчиненные Бактриане, они были отчасти пастушеским народом, отчасти кочевым. Это дало повод Григорьеву нарисовать картину смешанного быта Средней Азии.

В древних сказаниях, конечно, не определен и не описан характер многих указываемых азиатских поселений и городков, но и в них, как видно, была потребность. В Сибири не только у татар, но и у остяков были городки*. Вся разница, конечно,

* Абрамов в «Описании Березовского округа» приводит до 43 названий остяцких городков, заимствованных им из дела березовского архива земского суда 1797 г.

была в их характере. Несомненно, что у номадов и бродячих инородцев эти городки были только станами и временными местами укреплений. Для завоевателей, как для Чингиз-Хана, они были фортами в завоеванной стране, столицами, где стягивались пленные. Завоевательное основание города в степях отличается его, конечно, несколько от города, вырастающего в условиях постоянной оседлости, в силу промышленного развития. Эти города и столицы возникают в Средней Азии независимо от деревень, они скорее полны гарнизонами и пленниками-хлебопашцами. Такие столицы были полны блеска, богатства, но держались силою; образцом их служит Кара-Корум и Сарай Золотой Орды. Другой характер оседлости в лесной и горной полосе, где жители оставили кочевье и приучаются жить в постоянных деревянных жилищах. Эта оседлость была беднее, раскиданнее, но она была прочнее. У подобных племен всегда указывалось известное развитие ремесел и выделка металла. Это и подтвердилось на лесниках Сибири, как шорцы, телеуты, кузнецкие татары и татары Средней Сибири, обладавшие культурой, которая далеко отличает их от первобытного состояния.

Первобытное земледелие и распространение его на севере Азии

В долинах Саянского хребта, а также в долинах Алтая, и в соседних степях и лесах, мы встречаем зачаток земледелия, хотя и с первобытными приемами. Самое распространенное здесь культурное растение, которое мы находим из хлебов, — это ячмень, употребляемый в Алтае и в лесах. Этот ячмень шестирядный; он растет на значительных высотах до 3—4.000 ф*. Первое простейшее орудие, которое мы находим у кочевников, скотоводов и лесников, — это мотыга, «*обыл*», как его называют в Алтае и в лесах. Мотыга алтайца отличается несколько от нашей садовой мотыги с загнутой металлической ручкой для черня с заостренным концом; первобытная мотыга похожа на закругленную лопатку; лопатка эта полу-

* По Плутарху, ячмень первый зерновой хлеб, который употреблялся народами. Он находился в гробницах фараонов. По китайским показаниям, он известен за 2.000 лет до Р. Х. в числе 5 злаков. Зерна ячменя находились в свайных постройках Европы. Бероз (Вост. Истор.) полагает, что в диком состоянии он произрастал на берегу Евфрата; Кунт (Kunth) уверял, что этот злак туземен в Татarii и Сицилии. Отечество ржи также предполагалось в Даурии.

круглая, овальная, от 10 до 19 сантиметров в диаметре; в эту лопатку вкладывается палка, черен, или деревянная ручка из согнутого дерева или корня. Вместо того чтоб отогнуть только металлическую ручку для вставления рукоятки, первобытный работник предпочел согнуть дерево. Ручка или черен обывла доходит до 90—100 сент.; им вспахивает землю первобытный земледелец. Обыл этот, как орудие земледелия, известен от Саянских гор, где его употребляют соены, или урэнхайцы, затем в Восточном Алтае, в Кузнецком Алатау и в Минусинском округе; он же господствующее орудие у всех лесников-кочевников. Обыл, или мотыга, есть первобытное орудие, употреблявшееся для земледелия у всех народов, начиная от Индии и Египта до Древней Греции. На египетских барельефах мы видим земледельцев с подобием мотыги.

Кроме обывла, мы встречаем у лесных инородцев алтайских и енисейских еще более древнее орудие, это озуп, лопатку, подобно заступу, насаженную на изогнутую ручку и иногда с поперечником. Лопатка, похожая на озуп, попадает даже среди древностей бронзового века. Это орудие для рытья кореньев кондыка, сараны и проч., которые и доселе употребляются алтайцами в пищу. Такие корни предшествовали, вероятно, хлебным растениям у инородцев. Питание дикими кореньями сохраняется доселе у инородцев, и применение этих кореньев к питанию представляет немалый интерес*.

* О кондыке (*erythronium*), копаемом сагайцами, см. Паллас, ч. III, т. I, стр. 489. Кондык копается здесь в мае, и месяц этот прозван бес-ай. Самые крупные и хорошие корни добываются на Мрасе и Кондоме. Орудие и лопатку, которою добывают корень, называют осуп (озып в Бийском округе). Кондык для пищи варят с молоком (Паллас, ч. III, т. I, стр. 490). Тут же упоминается сарана *lilium mathragon*, также употребляемая в пищу; и *Lilium rompronium*, по-татарски сыры-шеп и ан-шеп. Месяц сбора называется ан-чеп-ай. Сарану едят печеную, как каштаны, или варят в воде с молоком и маслом (*ibid.*); она вынимается часто из нор мышей. Кроме того, копают корни травы чейны, или хлебеньки, *campanula lilifolia*, по-татарски зонд-елас, *carduus ferratulus*, *pyligonum vuiratum* и коренья водяной травы (*sасах*). Далее упоминается о корне ускул, которого Паллас не видел. Гречиха собирается у качинских татар. Это растение *fogorigum tataricum*. Название его карлых, у бурят хорлуш. Смородину, барбарис и другие растения, употребляемые в пищу, шиповник, молодые поросли варят и пьют, как чай (*ibid.*). Бадан отнесен Палласом к лекарственным травам. Белтиры и кайболы собирают по правую сторону Енисея на полях дикорастущую сибирскую крупу «кырлык». Кашинцы жнут ее на русских пашнях. Собранные семена всыпают в ступу, в которую наливают воду, и полощут; легкие зерна всплывают и выбрасываются, остальные отмачивают; затем их жарят на сковороде, отшелушивают и толкут. Крупа получает желтый прозрачный цвет и приятный вкус. Из нее делают молочную кашу, назы-

Но у кочевников алтайцев при земледелии мы встречаем уже и другое орудие, подобие плуга; это «андазын» (андто-сын), с сошником и лемехом, совершенно схожее с монгольским плугом и *омачем* туркестанских земледельцев, несомненно, вынесенное из Средней Азии. Андазын или плуг этот может употребляться только в степных и в безлесных долинах, но не в лесу. Поэтому у лесных кочевников он не употребляется. Андазын имеет дышло, и впрягаются в него у алтайцев не быки, а лошади, а так как у наездников сбруя и хомут еще не созданы, то дышло это, как нам передавали, прикрепляется между двух седел. Сеют хлеб алтайцы руками, а в лесах сеялкой, «соргыш», употребляемой и дома для очищения зерен, — это берестяная коробка, с одной стороны открытая. Вместо бороны употребляется кусок или ствол ветвистого сухого дерева. Запахивается всегда небольшое пространство, в одну треть или четверть десятины, загон-два. Сеют ячмень. По мере созревания его жнут. Мы видели на рр. Чуе и Аргуте способы жатвы руками: колосья просто рвали и клали в мешки, рвали конец колоса без соломы. На Аргуте у теленгитов в употреблении нож, к которому вертикально привязывается ручка из дерева. Это первообраз серпа или горбуши. Серп находится и среди древних железных и бронзовых орудий. Для молотьбы еще сохранился от прежнего времени способ у некоторых татар и соенцев молотить скотом, т. е. пускать лошадей по сжатым колосьям, которые они и обмолачивают. В кузнецких лесах при молотьбе солома отжигается. Для этого очищается место. Сжатый хлеб кладется перевязанными пучками, затем его берут на палочку (называемую шиш) и палят над костром*. У тех же лесников мы видели и первообраз цепа «такбок» — простой кривой ствол дерева с более толстым удлинением. Кроме того, для очищения и толчения зерна в домах повсеместно употребляется деревянная ступа «сохо», ручная маленькая и большая с приводом и рычагом. Она весьма употребительна и имеет широкое распространение у сибирских татар**. У кочевых алтай-

ваемую «бохту» (Паллас, ч. III, т. I, стр. 492). Кырлык, наконец, некоторые татары сеют (Паллас, стр. 559). В этих переходах и суррогатах пищи можно заметить переход от диких корней и ягод к хлебной пище. Ячмень составил продолжение этой культуры.

* О способе отжигания колосьев, существовавшем 2—3 столетия назад в Ирландии, упоминает Тейлор; он же был присущ и кельтам.

** Деревянные ступы сохо имеют своих предшественников в каменном веке. В разных местах Алтая и около Байкала находятся около скал в камнях долбленные цилиндрические углубления. Они известны под име-

цев нет жерновов, а есть «*пасмак*», камень для растирания зерна, но у лесников мы видим небольшие жерновки и даже с приводом. Жернова составили предмет особых наших изысканий; они не попадаются у кочевых алтайцев, и мы видели везде взамен их две плоских плиты. Но жерновки попадаются у монголов и у лесников татар, причем они ставятся в избах, и для облегчения вращения приделывается палка, укрепленная в потолке и идущая к ободу жернова. Древние жернова находятся под землею в различных местах в Минусинском округе и в степях Сибири. Они отличаются тремя, четырьмя углублениями на поверхности для вращения. На Усть-Башкаусе, в Алтае, близ Телецкого озера, мы видели остатки древних жерновов, однако значительной величины, из гранита, в 78 сантиметров в диаметре.

Способы земледелия разнятся несколько в степях, широких долинах, в ущельях гор и лесах.

В степях растительный слой чернозема дает готовую пашню, которую приходится разрыхлять плугом; в лесах и черни ее приходится отыскивать на удобных прогалинах, менее заваленных и заросших. В горах пашни идут к вершине речек по берегам, при этом, как на всем юге Алтая, на юго-востоке, так и в степях, земледелец знаком с ирригацией и орошением. Обыкновенно отводится горный ручей и идет по нескольким пашням, канавки неглубокие и постоянно перегороженные в разных местах камнями или шлюзами. Смотря по надобности, вода пускается и направляется на ту или другую пашню. Эти канавки мы встретили по Чулышману от Телецкого озера, по рр. Урсулу, Чуе, Аргуту и Бухтарме, где такого же оросительного способа держатся кир-

нем китайских ступок, в которых будто бы китайцы толкли просо. Большое сходство они имеют, пишет г. Агапитов, с употребляемыми ныне бурятами деревянными ступами для толчения высушенных хлебных зерен. Одну их этих ступок близ Булусинского улуса Кудинского ведомства г. Агапитов описывает таким образом: «В выдающемся обнажении крупнозернистого песчаника было выдолблено коническое углубление в 40 сантиметров глубины при 23 сантим, диаметра устья, на верхней половине окружности при трех точках косвенно выдолблены углубления, из которых одно сквозное, как будто для вставления каких-либо стержней» (Изв. Вост.-Сиб. Отдел. Императорского Русск. Геогр. Общества, т. XII, №№4 и 5, изд. 1882, «Прибайкальские древности», стр. 14). Мы должны напомнить, что деревянные ступы встречаются в Алтае и у татар телеутского происхождения, мы видим часто их в средней Сибири. Встречаются эти ступы, врытые в землю, и с приводом — рычагом, в котором укреплен пестик для толчения. Нетрудно, таким образом, отгадать назначение стержня близ каменных булусунских ступ.

гизы. Несомненно, что этот способ *сугаков* перенесен из Монголии или из Китая; он общий киргизам и Туркестанцам*. Древность его доказывается тем, что все нынешние каналы, или сугаки, проводятся по готовым древним оросительным каналам, которые были несравненно шире и совершеннее — это мы видим в Алтае. Близ р. Чуй есть плато, которое все составляло громадную пашню, изборозжденную глубокими каналами, которым давал пищу соседний горный ручей, теперь иссякший. Местность эта совершенно заброшена**. В Минусинском округе, на месте жительства бывших хакасов, находятся огромные канавы с разветвлениями на 40 верст. Площадь, или район, где земледелие известно инородческому миру, таким образом, весьма обширна; она охватывает все алтайские народности, идет от Монголии, по р. Кемчику, с вершин Енисея и Иртыша, простирается от Забайкалья и кончается Семиречьем; земледелие в первобытной форме сохраняется кузнецкими, бийскими татарами и телеутами, существует у бухтарминских киргизов и алтайских кочевников. Область эта сливается с русской и оседлою инородческою культурой средней Сибири. На инородческое земледелие мало обращалось внимания, но оно существовало издавна как у степных кочевников***, так и у горных и лесных жителей.

Оно существовало в Алтае, в Сагайской степи, у тубинцев, качинцев, у бельтиров, что отметили путешественники прошлого столетия. Паллас описывает то, что он встретил у бельтирцев: «Многие между ними богаты крупным скотом и овцами, но большие имеют у себя несколько пашни, которую засевают и собирают сами; итак, сколько им потреб-

* Описание киргизского орошения, «Описание Киргизской степи», Красовского; о способе киргизского орошения см. «Aus Sibirien», В.В. Радлова, т. I, стр. 464, табл. 14. Туркестанское орошение — см. Миддендорфа «Очерки Ферганской области», «Искусственное орошение и его применение на Кавказе и Средней Азии», А. Воейкова, Москва. 1884.

** Подобные же остатки каналов и ирригации находятся на Бухтарме, в Семиреченском крае и в бывшей Джунгарии, в Забайкалье, около Баргузина. В Монголии также находятся следы каналов.

*** «Даже чистые кочевники представляются занимающими далеко не эту низкую степень гражданственности и культурности, которую им обыкновенно отводят. Едва ли существовал когда-нибудь кочевой народ, который при удобствах местностей, ему принадлежащих к возделыванию, оставался бы чужд земледелию», говорит известный ученый Григорьев, приводя свои наблюдения над киргизами в своей монографии «О Саках» (стр. 64—67).

Исследование по истории культуры...

но муки и круп, имеют собственные. Снятие хлеба бывает у них в сентябре, а потому они называют этот месяц оргокай. Молотят также на поле, солому всю сжигают, и потому октябрь они называют уртюн-ай. Они сеют по большей части яровое (арышь), ячмень (ашь), из коего мелют крупу; землю вспахивают многие между ними так, как и кобынцы (кабинпы), как плуга или не знают, или не имеют, то на старинный манер сошником, похожим на садовничий полотьный топор, который они называют «обыл». Однако некоторые принимаются уже и за плуг, который именуют «салдою» (Паллас, т. III, ч. 1, стр. 497).

Обращаясь к сравнению орудий земледелия в Азии, мы встречаем подобное же первобытное орудие, подобно «обылу», в Туркестане и Фергане; оно там носит название «кетмень» и представляет упрощенную форму в виде лопатки, с сквозным отверстием у верхнего края. Употребление его описано у Миддендорфа; оно особенно удобно для леса. В той же Фергане мы встречаем соху, весьма похожую на алтайскую; она называется омач. У нее металлический лемех самой простой формы, похожий на башмак*. Описание монгольской сохи мы находим в путешествии Потанина. «Монгольская соха состоит из чугунного сошника «антысын» (алтайский андазын), приобретаемого у китайцев, деревяги, бойтык, которая своею формой напоминает человеческую ногу; сошник на нее насаживается, как башмак на ногу. В верхнем конце деревяги есть отверстие, в которое вставляется дышло, котыльвыр, за которое соху тащат два быка» (Очерки Сев.-Зап. Монголии, Г.Н. Потанина, 1876—1877 гг., т. II, стр. 111). Соха эта представляет близкое сходство и даже тождество с алтайским андазыном.

Находимые древние земледельческие орудия в Сибири показывают, что земледельческая инородческая культура на юге и в средней Сибири процветала давно. Близ р. Луказы, на правой стороне Енисея, Гмелин и Паллас встретили множество древних плавилен и печей; древность их выражалась уже тем, что между камнями печей поросли корни огромных сосен, и вот из таких плавилен незадолго до Палласа найден был в первый раз «древний железный сошник особенной формы» (ein alter eisener Pflugschur von besondrer Gestalt). Эта находка была долго единственным доказательством древнего земледелия. Археологические изыскания в недавний период

* Очерки Ферганской долины Миддендорфа, перев. Ковалевского, стр. 227.

были еще так слабы, что лучший сибирский археолог Н.И. Попов сомневался в том, что сошник принадлежал древним земледельцам, хотя Паллас признал его таким.

В замечательном археологическом альбоме В.В. Радлова, состоящем из алтайских и минусинских древностей, мы находим немало древних земледельческих орудий, в том числе серпов, как не можем не заметить их в атласе Аспелина (*Antiquites du Nord. Finno-Ougrien*), где находятся орудия наподобие лопаток, обылов и озупов бронзового и железного периода. Сошники находятся, как и жернова, а также серпы, в Минусинском округе по р. Абакану (см. описание Минусинского музея. Копалки для корней и сошники. №№4—17, стр. 121)*. Кроме того, мы открываем их также во всей средней Сибири. В археологической коллекции г. Лопатина, собранной в Енисейской губ., находится также несколько сошников железных и чугунных в форме башмака, близко напоминающей ферганскую форму; чугунный сошник, как видно, позднейшего происхождения и тождественный с китайским. Далее, при раскопках древнего татарского городка Искера, близ Тобольска, столицы Маметкула, сделанных в последнее время М.С. Знаменским, на рисунке в его альбоме, приобретенном Ин. Мих. Сибиряковым для Сибирского университета, мы находим сошник татарского типа. Он представляет из себя листообразную фигуру, концы его загнуты, середина протерта от долгого употребления и спаяна. В тот же альбом г. Знаменского занесены найденные обломки жерновых камней и серпы, доказывающие существование земледелия в татарском городке**.

Перейдем теперь к историческим изысканиям. История указывает, что уже Казанское царство представляло оседлое земледельческое государство. Но Казань усвоила земледелие от древних булгар. Татары любили земледелие, — говорит г. Фирсов в своей монографии о северо-восточных инородцах Московского государства***, — ценили ремесла; иност-

* Нам присланы рисунки найденных сошников в Минусинском округе. Они попались с отвалами, досками, сделанными из чугуна, на которых находятся китайские литеры.

** Как на след древнего земледелия в Сибири должны указать также находимые жерновки во всей средней Сибири, в Кулундинской степи, близ Барнаула, в Минусинском округе. Мы нашли огромные жернова в Алтае по Чулышману, где находятся древние могилы, но где не было никогда русских поселений и земледелия.

*** Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве, соч. Н. Фирсова. Казань. 1866.

ранние писатели с большою похвалою отзываются о торговле казанцев (Герберштейн Hist. ruth, script, etc.). Татары также славились выделкой кож. Они не только сами унаследовали оседлость, культуру и земледелие, но и распространяли ее на соседние финские племена. Герберштейн упоминает о мордве, которая усваивала себе земледелие от татар (Фирс., с. 18). В Астраханском царстве также были зачатки оседлости в XVI ст. (ibid., с. 20). На севере, в Пермском крае, или древней Биармии, кроме скандинавских преданий, указывают на существование древней земледельческой оседлой культуры много археологических остатков (Пермск. сборн., т. I, примеч. к статье Крупенина, Заметки о пермских древностях Ешевского). Татарское движение из Азии в Европу, — говорит г. Фирсов, — коснувшееся пределов и этой страны, без сомнения, подвинуло вперед дело разложения этой *цивилизации* (с. 28). Население отодвинулось от берегов Камы и Двины в леса на север и восток. Москва, подчинившая эти племена в XV и XVI ст., нашла их не совсем дикими; им была знакома оседлая жизнь; у всех этих племен были постоянные жилища и даже города. Зыряне, кроме того, занимались земледелием (стр. 28). Таковы были границы распространения инородческой культуры в Европейской России. Те же следы культуры мы встречаем, по указаниям историков, и в Сибири.

Сибирское татарское царство основано было в XV столетии на берегах Иртыша, вследствие некоторых раздоров у ногаев; в состав его вошли остяцкие и туземные татарские поколения, а также некоторые башкирские волости. Царство Кучума носило характер, подобный Казанскому царству; здесь были аристократия, духовенство и черные люди; у него происходили сношения и с Казанью и с Бухарою. Русские застают татарские городки, татары обладали искусством выделки металлов, а также земледелием. Что Кучум и его татары занимались хлебопашеством, это видно из грамоты тарского воеводы: «И в распросе мне, холопу твоему, сказали люди про Кучюма царя, пошел де Кучюм царь с Черных вод на Обь реку с детьми и со всеми людьми, *где у него хлеб сеян*, а им де велел жити всем на Уби озере» (Отписка царю тарского воеводы Воейкова 1598 г., Акты истор., т. II, №1). Доказательством, что татары, завоеванные русскими, умели пахать и были тотчас же посажены на казенную пашню, служит грамота пелымскому воеводе Богда-

ну Полеву об оказании Таборинской волости татарам и вогуличам льготы в государственной пашне, 1596 года, июня 20-го (Русск. Ист. Библиот., изд. Арх. Комм., т. II, №58). При занятии русскими татарских городков в них находят всегда запасы хлеба (см. «Сибир. Летописи»).

Далее на Барабе в Томской губ. и на Енисее русские хотя и встретили финские бродячие племена, но предания о чуди и памятники, оставшиеся от нее, доказали существование здесь древней культуры. Остатки оседлости и искусства добывания металлов русские застают у кузнецких татар, телеугов, тунгусов и енисейских остяков. Русские познакомились с телеутами в 1604 г. Они жили по Оби. У телеутского князя было до 1.000 ч. подданных. Русские завоеватели застали у них земледелие и кузнечное дело, многие из них имели постоянное жилище (стр. 45, Фирсов). На юге Енисейской губ., по показаниям китайских историков, в IX веке существовало могущественное государство хакасов (которых причисляют к предкам киргизов), ведшее сношения с Китаем и Средней Азией; по оставшимся описаниям видно, что хакасы имели высокую гражданственность, сеяли рожь, ячмень, просо; у них были ручные мельницы*. Русские не застали этого царства, и енисейские так называемые киргизы далеко не носили следа этой культурности. Видно, что царство хакасов было стерто каким-то среднеазиатским завоеванием. Северные инородцы Иркутской и Енисейской губ. не могли заниматься земледелием, но относительно бурят мы встречаем определенные указания в описаниях 1640—1641 г. В отчете о них говорится: «а на устье Онга живут (а не кочуют) брацкие люди, а хлеб у них родится просо, и мы то просо у князца Межеуля видели» (Доп. к акт. ист., II, 89). То же самое говорится о бурятах, которые жили на берегах Байкала (Фирсов, 52). Наконец, на Амуре опытовщик Ерофей Хабаров, в 1650 г., встречает дауров, которые имели города, башни и укрепления с глубокими рвами, светлицы устроены с большими холодными окнами, а окончины бумажные; «и в городах тех и в улусах луга великие и пашни есть». Такой же быт найден Хабаровым и у дючеров; они жили большими улусами по 70—80 юрт, и все то место было пахотное и скотное** (Фирсов, 55).

* Собр. сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена Иоакимфа, ч. I; 2 отдел, 7 отдел (с. 442). Über die achten Kirgisen von Wilhelm Schott. Berlin. 1865. Klaprot. Tableaux Histor. de L'Asie, p. 170, 171.

** О земледелии у дауров, первых аборигенов Амуга, говорится у Избранда-Идеса и в примеч. к путешествию Спафария.

Что касается распространения земледелия и культуры в Монголии и Джунгарии, то мы находим следующее указание его в XVII веке. Посольства к Алтын-хану рисуют нам страну и быт жителей. Между прочим, сибирский казак Петлин, проезжавший Монголию в 1620 г. (Сиб. истор. Фисшера) говорит: «А земля Мунгольская велика, долга и широка, а города в Мунгольской земле деланы на четыре угла, по углам башни великие с раскаты». Описав храмы ламаистические и богослужение их, он прибавляет: «а хлеб в Мунгольской земле родится всякой: просо, пшеница, рожь и ярица, и ячмень и овес и иных семян много, только мы не знаем; а овощи в Мунгольской земле и сады всякие есть: яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны (?), огурцы, лук, чеснок и иные всякие овощи». «А вино курят в Мунгольской земле из хлеба без хмелю, а орют плугом и сохами, что у *тобольских татар*, а бороны узки и долги» («Сибирск. Вестн.» 1818 г. и путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петлина, *ibid.* Фирсов, стр. 49).

Из этого видно, что монголы также не чужды были культуре; здесь же указывается на сходство их приемов земледелия с северными сибирскими татарами. В путешествии Байкова в 1654—1658 г. из Тобольска в Пекин мы находим, в описании калмыцкого ханства при Аблае, указания на земледелие на западном степном оазисе. Банков пишет, что от р. Вески, где находится Аблайкит (буддийский монастырь), до аблаевых пашенных бухарцев, где Байков зимовал, ходу 10 дней, а под тараном он стоял два дня. «Таранами» назывались уджунгаров поселения хлебопашцев около стойбищ князей.

«По речке Темир-Черге, где зимовал Албай, живут бухарцы пашенные хан-тайшиных детей: а родится у них пшеница, ячмень, просо и горох и скота всякого много» (Дневник Байкова, Сибирск. Вестн., 1820 г., XI, стр. 113—136). Река Темир-Черга есть Джаты Арал, вытекающая из котловины Кызыл-чилик в Зайсанскую равнину. На Бугазу действительно и ныне существует земледелие и остатки древних пашен и арыков (см. примеч. к IV тому «Землеведения Азии» Риттера, с. 219). Здесь было расположено земледельческое население Аблая. Далее Байков уже во владениях Кань-Тайши, джунгарского князя Батура, отца знаменитого Галдона, встречает те же признаки земледелия. В Контайшином городке он видит «каменные палаты, а живут в том

городе ламы да *пашенные бухарцы*». Затем, описывая монгольских калмыков, прибавляет: «а от тех мунгольских до китайских пашен ходу — день, где бывали прежние их пашни; а на тех пашнях ставлены хоромы глиняные и т. д.».

Распространение земледелия во всем илийском оазисе не представляет сомнения по остаткам ирригации и историческим свидетельствам. На карте атамана Волошанина XVIII ст., открытой нами в архиве Главного Штаба, пашни означены по р. Или до древнего города Боинду, т.е. Кульджи. В 36 году правления Канси (1697 г.) манджуры, однако, в войне уничтожили войска Галлона, и р. Или на несколько тысяч ли была опустошена. Известно, что до войн Галлона джунгары занимали своими кочевьями места вплоть до низовьев р. Хобдо и далее до Улаштома, по Кэму и Кэмчику, где жили смешанно с халхасами (монголами); по поражении Галдона халхасские кочевья раздвинулись на запад, на ту сторону Алтая и до Иртыша. Когда Джунгарию заняли китайские войска для обеспечения, их император приказал хану Вонгжиль-Дорчжи исследовать земли и определить удобные для земледелия места. По сему наказу Вонгжиль-Дорчжи произвел дознание и отвечал, что урочища Сухо-ту, Хары-усу, Минд-хай, Цагань-герь и Хурхиху, принадлежащие рр. Толе и Орхану, а также урочища по Шыбхан-голу, Цагань-сул, Булгань-ансар, Улан-гум и около десятка местностей, лежащих у монастыря Эрдени-Шу, — все это места, которые могут быть засеяны хлебом. Тогда император высочайшим указом поручил Гуну-Фурдоню набрать людей, опытных в земледелии, и обрабатывать пашни в означенных местах (материалы для истории Халхи с 1636—1736 г. и монгольские летописи «Эрденийн-Эрихе» Позднеева. С.-Петербурга, 1883 г., стр. 278). С этого времени древняя джунгарская культура сменяется позднейшею китайской. (Относительно водворения китайского земледелия в г. Кобдо, для чего вызвано было 400 семей халхасских монголов, см. «Города северной Монголии», стр. 92, того же автора).

Еще любопытны показания о существовании земледелия в древнейшие времена в Сибири, встречаемые в различных китайских источниках. В дневнике даосского монаха Чан-Чуна, путешествовавшего при Чингиз-Хане, в описании его орды на Орхоне и Тала сказано: «здесь за 50 лан можно купить только 80 чанов муки, ибо мука приходит сюда из-за северных гор, более чем за 2.000 ли». Палладий делает пояс-

Исследование по истории культуры...

нение, что здесь должна разумеется Сибирь. Торгующие варвары западных стран доставляют ее व्यоками на верблюдах. Проезжая далее, путешественники вступили в землю Хой-хэ (уйгуров и найманов), которые орошали пшеницу посредством водопроводов. Остановившись в городке Чжинь-хань-чэн, поселении, основанном Чингиз-Ханом на Алу-Хуане, даосский монах находит оседлое население мастеровых, ремесленников, ткачей. В городе Болгосуне были хлебные магазины, цан-тоу. Чан-чунь, утомленный ездой по степям Монголии, передает здесь свои новые впечатления ханше-китайке: «в Шамо не занимаются земледелием, поэтому я обрадовался, увидя здесь зрелые жнитвы». «В 8-й луне выпал иней, и жители спешили убрать пшеницу», говорится далее в дневнике. После переправы через Орхон, на окраине прекрасной равнины, тот же путешественник видел развалины древнего киданьского города, можно было распознать улицы и переулки. Это был городок киданьских эмигрантов. Это указывало на следы еще более древнейшей оседлости. Урюмчи, Алмалек (лежавший на берегу Или)* и другие города путешественник нашел заселенными и с прекрасной южной культурой винограда и плодов, разводился хлопок, земледелие было с орошением. Китайский Туркестан был уже тогда в цветущем состоянии**. Во время возвращения из Туркестана даосцу говорили: «на северо-восток за 1.000 с лишком ли находится страна Кянь-кен-чжау (вероятно, от рек Кянь, Кень, Кемь), где добывается много железа и водится много белок, там же *сеют пшеницу*, китайские ремесленники живут во множестве, занимаясь тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй». Ясно, что здесь дело идет о северной стране в пределах Сибири. «По Юань-ши эту страну надо искать по Енисею», прибавляет Палладий. Что в южной лесной полосе Сибири были свои культурные центры и было распространено земледелие, видно из китайского описания государства хакасов, в нынешнем Минусинском округе, которые сеяли просо, ячмень и пшеницу. Но и кроме показаний о хакасах в китайской истории и географии, во многих местах раскиданы указания на существование земледелия и

* О городах Алмалык и Алматы (см. 5 примеч. соч. Фергана по «Запискам» Султана Бабура, Н.Н. Пантусова. С.-Петербург. 1884 г., 27 и 28).

** Самарканд был на берегу каналов; жители провели две реки и распределили по улицам.

культуры на севере Азии и в Сибири в древнейшие времена*. Распространение земледелия и культуры на севере, в лесной полосе, не представляет ничего удивительного в древнейшее время. Они не могли не перенестись сюда хотя бы из Китая или культурного Туркестана при древнем передвижении народов и эмиграции киданей, усуней и других племен. О восприятии культуры северными варварами упоминают и китайские историки, говоря о племени дала, и делят их на белых, черных и диких. *Белыми* разумелись *дада*, окитаившиеся и принявшие культуру. Из превосходного исследования о китайском земледелии г. Захарова видно, что земледелие было известно в Китае 7.000 лет назад, и в 2205 г. до Р. Хр. происходит аграрный переворот и новое законодательство. Монголы несколько раз пробовали обратить Китай в степь и водворить кочевую культуру, но не могли совершить этого и сами принимали высшую культуру завоеванных. То же было и с

* В Истории киданей говорится, что при Амбагане при посредстве китайцев строились города и поощрялось земледелие (см. Историю и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. В.П. Васильева). В прибавлении к Истории киданей упоминается о *мохесцах*, подчиненных киданям, жившим на северо-востоке от них; «они занимались земледелием, весной и летом жили в домах, а зимой в ямах» (ibid., стр. 27). За Мо-хэ на северо-востоке жил народ *те-ли*, скрываясь в горах и лесах, на юго-восток от те-ли лежали земли народов *алимей*, *у-ни*, *по-гу-лу*. В каждом из этих народов считалось до 10.000 семей, отличались они отнюдь не платьем, языком, жилищами, *хлебопашеством*. Ньючжейцы, упоминаются там же, рассеянные по горам и лесам, были отличные охотники, *но занимались и хлебопашеством* (28).

Северные роды киданей носили название *шивей* или *шигай*, они обитали в Даурии и Забайкальской области. На восток от шивейцев жило племя *ооумалу*, или *домолу*, страна находилась на севере от Уги, или Мохэ, в 1.000 милях. Они имели города и селения, *занимались хлебопашеством* и питались горохом (ibid., 33). Западное поколение народа си, соседи тукюэцев, жили в юртах, но занимались также и земледелием (35). Гелючи, или биле, жившие на севере от тукюэ в средней Сибири и около озер Чанов и Кулундинской степи и в Алтае (по Радлову), обрабатывали землю лошадьми, жили в хижинах (Иоакимф). Эмигрировавшие кидане и китайцы повсюду обучали соседние народы культуре. «История постоянно упоминает о множестве китайских выходцев и пленников, увлеченных в внутренность Монголии во все времена, начиная от нашествия гуннов до поселений, введенных киданями и продолжавшихся долее при всей династии Юаньской», говорит знаток Китая П. В. Васильев.

Клапрот на основании китайских источников говорит о племенах тунгусских или манджурских, в древние времена имевших уже земледелие; су-тчин, или джурджени (Giorza по Марко Поло), имели лошадей, быков и сеяли пять сортов хлеба. Народ му-ки, или мо-хо, живший к северо-востоку от Кореи, сеял пшеницу и другие сорта; женщины носили платье из льна (Tableaux Historiques de l'Asie, p. 84-86).

Исследование по истории культуры...

манчжурами. С древнейших времен императоры Китая считали священной обязанностью покровительствовать земледелию. В истории династии Хань говорится, что после великого известного в Китае наводнения, князь Ги, сотрудник князя Юй за восстановление земледелия, получил в 2277 г. до Р. Хр. наследственную должность *главного попечителя земледелия*, под названием хэу-ги (Иоакинф).

Насколько центр Китая и Туркестан благоприятствовали культуре, как и северная лесная полоса, настолько степи Монголии были рассадником кочевников и обращали в них даже культурных эмигрантов. Из истории первой китайской династии видно, что сын Цзи-кхай, последнего государя в 1764 г. до Р. Хр., Шунь-вэй со всем семейством и подданными ушел в северные степи и *принял кочевой образ жизни* (Иоакинф).

При упадке закона в Китае в доме Хя, Гунь-лю лишен был должности главного попечителя земледелия. Он претворился (превратился) в западного жуна (особое северное кочевое племя) и построил город Бань. Гун-лю, потомок Хэу-ги в десятом колене, лишенный сей должности, удалился в страну Бань, где поселился в соседстве Жун-ди, переменял оседлую жизнь на кочевую. Это было, по словам китайского историка, в 1797 г. до Р. Хр. Из этого видно, что в тот период кочевой быт еще боролся с земледельческим, и кочевники обращали в своих являвшихся цивилизаторов с юга.

Но скоро времена переменялись. Окрепший культурный Китай начал образовывать в степях и на севере земледельческие поселения и колонии. Основание этих колоний является даже стратегическим средством Китая. В 105—100 г. до Р. Хр. китайский двор на западе, говорит китайская история, открыл сообщение с Юечжы и Дахя и выдал царевну за усуньского владетеля*, чтоб отделить от хуннов союзные государства на западе, распространил казенное хлебопашество до Джянь-люй. В Хань-шу-инь-и сказано: Чжянь-люй (Кянь?) есть название страны, лежащей от Усуни на север (т. е. Семипалатинская область и Западная Сибирь). Позднее эти казенные земледельческие населения в Монголии и Джунгарии составляли главную заботу китайцев. Распространение Китая на север достигало Иртыша, Оби, чему слу-

* Усуни жили в Джунгарии по р. Или около Иссык-Куля; столица их была Чи-Гу.

жит доказательством масса находимых китайских древностей в Сибири. Но кроме Китая, и тюркское владычество в Сибири, выдвинувшееся из середины Азии древнее переселения оседлых киданей, индо-скифов, саков и т. д., не могло остаться без наследства для Сибири.

Такие исторические свидетельства наводят на мысль, что север Сибири не мог не усвоить некоторой культуры, переносимой с юга сношениями и завоеваниями, и существование когда-то оседлых культурных центров здесь — вне сомнения.

Есть свидетельства, что сама Монголия и ее степи представляли в древние времена иной вид. Они были более обитаемы. Во многих местах видны следы орошения, каналов и городов. Ясно, что здесь были когда-то условия, более благоприятные для жизни. Но если даже представить себе степь как пустыню, отделявшую север Азии, мы все-таки можем представить себе, как с юга по оазисам переносится земледелие на север и среди предгорий и на плодородной почве юга Сибири водворяется в весьма древнее время. Самый род хлеба культивировался наиболее устойчивый, мог быть перенесенным с предгорий Тибета. История указывает, как и археология, что Амур, Забайкалье, вершины Енисея, Минусинский округ, алтайские долины и Семиреченская область были обитаемы оседлыми и культурными племенами. То же подтверждает и этнография. Несколько раз эта культура могла уничтожаться и стираться в продолжение тысячелетий при движениях диких орд кочевников, но слабые зачатки ее, как мы видим, не изгладились, а памятники и свидетельства историков напоминают о существовании здесь культурного мира. Самые многочисленные государства Азии подвергались той же участи; и отличие их от европейских в том и заключается, что бушующее море кочевых народов беспрестанно подмывало и потопляло уединенные острова рождающейся цивилизации. Иная судьба выпала на долю Европы, восприимчицы древней оседлости.

Настоящая статья составляет извлечение немногих глав из этнографического сочинения, посвященного очеркам истории культуры утро-алтайских племен. Самый труд расположен во многих главах и состоит в описании топографических и физических условий на севере Азии между Алтаем и Уралом, расположение инородцев, в описании их быта, промыслов, жилищ и обстановки, в указаниях на зачатки земледелия, выдел-

ку ткани, первобытную разработку руд, выделку металла, и т. п. Изложив культуру и переходные стадии в современной жизни степняков и лесников, автор не мог упустить из виду, что эта культура тесно связана с предшествовавшей историей и культурой инородческих племен на севере Азии, весьма мало доселе исследованной. Свод археологических изысканий в связи с этнографическими обнаруживает существование в Сибири весьма древней культуры, принадлежавшей многим народам, в числе которых так называемая чудь или финские аборигены составляли только часть многих племен*. В числе племен, обитавших в Монголии и Сибири, по китайской истории, были гунны (хунну), предки монголов, шивейцы, дада, сяньбийцы, кидани, усунь, хакасы, уйгуры (угры), жунь-жанцы, вытесненные в Европу под именем аваров, свевы, по Витерсгейму**, обитавшие в ишимской степи, саки или скифы, обитавшие в Семиреченской области, юечжи или юеты, они же геты и массагеты, по объяснениям ориенталистов, наконец, позднейшие монгольские и тюркские племена, составлявшие империю Чингиз-Хана, все они не могли не оставить следа, и действительно находки и древности свидетельствуют, что здесь существовали государства, оседлость, земледелие, добывание металлов, а предметы, находимые здесь, в виде оружия, шлемов, панцирей, чаш, зеркал и других принадлежностей, указывают на известное искусство этих народов. Могиленные па-

* Собственно о культуре чуди пока ничего неизвестно; сказания о «чуди белоглазой» есть предание, перешедшее к русским, вероятно, от татар. В китайских источниках встречается народ чи-ди, или красные, северные кочевые. Они упоминаются в начале 2-го века до Р. Хр. У сибирских татар есть сказка об «урсассах», которых называли ак-корок, белыми и белоглазыми; они были первоначальными жителями края до пришествия киргизов. Китайцы также упоминают о белокурых племенах к северу от Танну. Связь северных европейских финских племен с азиатскими прослежена уже Кастреном до глубины Азии; у китайцев, кроме чи-ди, встречается указание на народ вейке, на народ по-гу-лу, шивей хуан-тау, или желтоголовые. Диньлини, вероятно, тоже были финны. О пребывании финских племен в центре Азии существуют различные теории. Григорьев допускает, что чудь, изобретшая клинопись, пробралась с севера на юг Азии во времена, предшествовавшие не только арийцам, но и семитам, отрасль, которую индийцы обозначают именем дравидов, спустилась с Гималаев в долины Джемны и Ганга и затем населила Деканский полуостров (см. о скифском народе саках, Григорьев, стр. 200). По археологическим исследованиям В.В. Радлова, в Алтае тюркской культуре предшествовала угро-самоедская. Родство с алтайскими, переселение самоедского племени на север и остатки этих племен в лице кайбалов и соёнцев на юге вполне доказаны ныне филологическими изысканиями.

** Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig. 1859. I, 272.

мятники, монументы в виде каменных баб, обнимающие весь юг Сибири от Монголии до озера Иссык-Куль и дальше до южной России, показывают на переселение одних племен или существование одинаковой культуры и обычая у многих. Исследование этой древней культуры в связи с современной инородческой представляет огромный интерес. В современном инородческом быте мы находим намеки на прошлое, а древность получает объяснение в остатках современной культуры. Сравнительные изыскания привели нас к заключению, что в древние времена инородческая культура в Сибири имела более совершенное развитие и достигала высшей степени, но позднейшие перевороты и завоевания стерли ее, и нынешний инородческий быт отступил и сохраняет лишь отчасти древнее искусство народов. В дополнение к археологическим изысканиям весьма определенные указания на древние народы в Сибири делает китайская история, на сношение народов севера с Китаем, с центром Азии, с Туркестаном, Аравией и Тибетом указывают многие восточные писатели. В богатых изысканиях Френа и пояснениях В.В. Григорьева о куфических монетах разъяснено сношение Востока с Западом с VIII до XI в. чрез хазар; уральские болгары также сносились с Аравией, стало быть, тем более сибирские царства. Буддизм проникал далеко на север Азии. Китайские и киданские города были близ Орхона и, может быть, в некоторых частях Сибири. Древняя китайская география, к сожалению, мало разработанная, даст впоследствии богатые указания для сибирской археологии. Сношение Сибири с Китаем в древние времена все более подтверждается находками, в различных местностях Сибири все чаще открываются пайзе, дощечки с повелениями древних китайских и монгольских императоров. Китайскими предметами наполнены были могилы Минусинского округа, земледельческие орудия иногда носят след китайских клейм.

Север Азии, Сибирь, как и степи Монголии, в древнейшие времена, начиная с 2000 л. до Р Хр., извергал народы на юг и запад. Эти народы поочередно завоевывали Китай, как гунны, кидани, монголы, уйгуры, Чингиз-Хан, манчжуры. Эти народы, наступая и отступая, переливались на всем пространстве между Тибетом и Сибирью. Собственно Монголия является каким-то кратером и лабораторией, откуда выходило то одно, то другое кочевое племя. Обмен культур между завоевателями и завоеванными был неизбежен. Обыкновенно принято думать,

что варвары-кочевники, как гунны и монголы, лишь уничтожили высшую культуру, но история востока показывает, что они и воспринимали ее у побежденных культурных народов, как китайцев и туркестанцев. Здесь повторялось то же, что случилось и в Европе. Двигавшиеся варвары ассимилировались и сливались с другими племенами. С другой стороны, север Сибири, имея также народы совершенно другого характера, чем кочевники, монголы и гунны, пробовал защититься от нашествия кочевых варваров и составлял свои союзы; так основался союз ойратов, или лесных жителей. Если нашествия народов севера на юг имели огромное значение в судьбах Китая и Азии, то гораздо более важное культурное значение имели для всего севера Азии передвижения с юга на север, а затем с востока на запад, сказавшиеся в переселении киданей, усуней в Туркестан, и т. п. Несомненно, в этих переселениях и миграциях играли роль не одни варвары, но и культурные народы, захваченные или вытесненные варварами. Эти передвижения и переселения влияли на судьбу и историю, как известно, не одной Азии.

Те же народы, жившие и передвигавшиеся в степях Азии, двинулись торной дорогой, равнинами Сибири, и в Европу. Путем для населения Европы был, конечно, не один Кавказ. Часть этих передвижений сохраняется в новейшей истории Европы, но множество предшествовавших переселений, положивших начало европейским поселениям, происходило в доисторические времена. Таким образом, самая европейская история и культура не могли обойтись без влияния этих народностей. Арийские племена также не миновали севера Азии и Сибири.

Уже исследования Клапрота показали существование на севере Азии племен не только финского, но и арийского происхождения*; следы белокурых и голубоглазых заметны

* На существование белокурых племен в Алтае и в Сибири указывают многие этнографические свидетельства. Среди киргизов, саянцев, татар, алтайцев встречаются постоянно смешанные типы, означаемые кара и сэры в отличие монгольского брюнетизма от светловолосых и рыжеволосых. Уже Клапрот указывает на следы индо-европейских рас на севере Азии и смешения их с монгольскими и тюркскими расами. В истории китайцев в пределах Сибири указаны многие обитавшие племена белокурые и с голубыми глазами; таковы усунь, хакасы, юечжи или юэты, аланы и диньлины (Иоакинф, Шот и Клапрот). По поводу хакасов в Енисейской губ. Клапрот говорит: *Ce fait curieux, joint ici la certitude que nous avons que le Kia-Kuen, ancetres de Hakas, avaient les yeux bleus, la peau ties blanche et la chivelure blonde, fait soupconner que les relations qui existaient jadis entre le Nord de l'Asie et celui de l'Europe etaient plus frequentes et plus intimes qu'on ne le pense jusqu'a present (Tableaux Historiques de l'Asie. Peuples de Race Blonde, p. 174).*

и ныне среди алтайских племен. Антропологические исследования должны еще более осветить этот расовый вопрос.

Филологические изыскания сделали уже важные шаги в исследовании алтайских тюркских наречий. Язык, народная поэзия и предания представляют здесь богатый материал. Открытие в клинообразных ассирийских надписях урало-алтайского языка и исследование туранской-акадийской цивилизации, предшественницы ассирийской, проливает свет на связь североазиатских племен с древними центрами цивилизации. Многие древние народы оставили на скалах Сибири памятники письменности, таковы, напр., минусинские надписи. Надписи эти собраны и помещены в издании Финляндского Археологич. Общества «Inscriptions de L'lenisei», возбудили живое любопытство европейских ученых. По типу они напоминают надписи скандинавские. Байер и Тихзен видели в них сходство с древними кельтскими и готфскими письменами. Раммель признает их скифскими или греко-готфскими. Клапрот находил, что эти надписи скорее имеют вид европейский, чем азиатский. Абель Ремюза приписывает татарам письмо, сходное с северными рунами и бывшее в употреблении у того поколения индо-готфов, которое известно под именем у-суней и которое обитало за 100 лет до Р. Х. к западу от Иртыша и оз. Зайсана. Риттер и Эйхвальд в минусинских письменах видят сходство с дулгасскими тамгами. Риттер приписывает это письмо хакасам Енисейской губ., также индо-европейскому племени; по Клапроту, это подтверждается и изысканиями Висдэлу. Письмена эти предполагались также древними уйгурскими (см. о рунических письменах в Минусинском округе Н. Попова, т. V, номер 2 «Извест. Сиб. Отдела Императ. Географического Общества»). В последнее наше путешествие мы открыли их в Монголии на р. Орхоне близ Кара-Корума, и есть основание думать, что они тукюэзские.

Алтайские народы в верованиях сохраняют древнейший культ шаманизма, вероятно, предшествовавшего буддизму и когда-то имевшего обширные распространения от Индии по всей Азии. Богатое собрание легенд в Монголии и Алтае, собранное Г.Н. Потаниным в обширный том, снабженное сравнением этих легенд с европейским и азиатским мифом, открывает любопытнейшую сторону древнейших верований. Первобытный миф, потерянный для человечества, сохраня-

Исследование по истории культуры...

ется здесь во всей своей чистоте. Среди алтайских племен мы видим древнейшие обычаи западных скифов, выражающиеся в жертвоприношениях и обычаях при погребении. По многим предметам мы можем проследить древние сношения народов*.

С передвижением народов и племен в Азии и из Азии в Европу неизбежно должна была следовать и преемственность культуры, преданий, обычаев и верований. Из всего этого видно, какой огромный научный интерес получает историческое, археологическое, антропологическое и этнографическое изучение в Азии. Наша этнографическая литература также должна сделать шаг в этом отношении.

Считая слишком обширную и непосильною задачею связать историю сибирских племен, как остатков древних азиатских народов, вообще с древней историей Востока и Азии**, автор настоящего труда ограничился более тесными рамками «очерков» чисто внешней первобытной культуры

* Доселе археологи еще не имели времени сравнивать пермские и болгарские древности с алтайскими, между тем как есть основание предполагать по некоторым предметам сходство и родство. Мы имели возможность сличать некоторые болгарские находки с орнаментами алтайской культуры.

** Китайская история, так же, как персидские и арабские источники, облегчают разобратся с историей инородческих сибирских племен. В названиях угро-алтайских племен сохраняются еще следы их происхождения. Алтайские телесы, телеуты, теленгиты ясно носят происхождение от телесских или телевских поколений, являвшихся, по Иоакиму, в 629 году к китайскому двору. Могущественный народ тибетцев, чили и дили упоминается китайцами в VI веке. Название туба или тува, которые носят одинаково лесные татары Алтая, соенцы и самоеды, как и тубинцы, встречается в китайской географии и истории под именем народа дубо, жившего южнее Саянов и отодвинутого вместе с лесными самоедами к северу. Народ и поколение тоба ведет древний род в Китае и целую династию, а как видно из указания Клапрота, название тоба присваивают арабы своим королям, связывая их с историей Тибета (Tubet, Tobat). Географическое название Тибета распространяется от Енисея до оз. Иссык-Куль. Потомки хакасов не могли исчезнуть бесследно, как и усуни, и остатки их сохраняются среди буратов и киргизов. Меркиты и кирситы сохраняются в родовых названиях киргизов и телеутов. Алтайцы доселе носят имя, показывающее их принадлежность к Ойратскому союзу; народные предания о Чингиз-Хане еще свежи. Древние хиен-ну, тукюэ, жунжанцы, уйгуры и кидане, так же, как юечжи, геты и массагеты, индо-аланы и индо-скифы в своих переселениях не могли не оставить следа среди сибирских племен, а китайские шиве, диньлини, гелютчи и биле были, несомненно, названия племен Сибири. Нашим ориенталистам, подобно Клапроту, предстоит открыть эту историческую картину народов северной Сибири, хотя и теперь мы встречаем уже у Иоакима Бичурина, Палладия, Григорьева, Васильева, Захарова, Радлова и Позднеева уже многие драгоценные указания.

этих народов с их обстановкой и занятиями, причем поставил целью осветить их только некоторыми историческими и археологическими указаниями. Быт и жизнь лесников дали ему основание проследить так называемые переходные культуры и зачатки оседлости. Изучение начал этой первобытной оседлости и последующих с нею изменений, не только в материальной обстановке, но в складе характера и мирозерцания и методе мышления (по нашему мнению, здесь начинается метод индуктивного мышления и начало положительных знаний), может дать некоторую разгадку к истории цивилизации, как и в различии древнего азиатского мира от нового европейского*.

* Сочинение мое по истории культуры угро-алтайских племен содержит следующие главы: 1) Распределение Алтая и алтайских племен, современное их положение, их историческая связь и родство с древними народами Средней Азии. 2) Быт алтайских племен в связи с историческими условиями местности. Степняки, горные кочевники и лесники. Перекочевки и начало оседлости. 3) Типы первобытных жилищ, летовки и зимовки, шалаши, юрты и избы. 4) Занятие алтайских племен и начало земледелия. Площадь распространения древнего земледелия на севере Азии. 5) Домашний быт, обстановка и развитие ремесел у алтайских племен. 6) Добыча металла и история обработки его по образцам сибирских древностей. 7) Одежда алтайских племен и изменение ее в переходных культурах. 8) Древние могилы и кладбища, каменные бабы в связи с древними обрядами погребения. 9) Остатки различных памятников, городищ, развалин, буддийских храмов, башен и проч., в связи с историческими показаниями о древней оседлости в Сибири по литературе Востока.

Причины вымирания инородцев и способность их к культуре

Сводя общие итоги современного положения инородцев в среде исследованных нами племен, мы должны прийти к заключению, что быт инородцев далеко не находится в удовлетворительном состоянии. Множество исторических данных свидетельствуют, как безутешен был быт инородцев, сколько несчастий окружало их, какие потери они несли при завоевании и какие эпидемии губили целые племена. Об этом свидетельствуют все ученые и путешественники: Крашенинников, Паллас, Гмелин, Миллер, Георги, Кастрен; множество фактов о вымирании инородцев приведено в последнее время у Миддендорфа, Полякова, Неймана, Радлова, Шапова, посвятившего особую монографию инородцам в Сибири в XIX ст. и очерку Российско-американской компании*.

Мы привели на основании последних исследований данные, показывающие ухудшение быта инородцев в разных районах Западной Сибири и вместе с этим уменьшение населения. Если мы примем во внимание многие неблагоприятные условия в обстановке инородца, исторические обстоятельства, нам станет понятна причина обеднения и затем уменьшения инородческих племен.

К сожалению, многие теоретики и ученые старались рассмотреть инородческий вопрос и самое вымирание инородцев совершенно с особой точки зрения. Они унаследовали то

* Паллас. Путешествие по России и Сибири; Георги. Описание народов Российского государства; Гмелин и Миллер. Путешествие по Сибири; Крашенинников. Описание Камчатки; Шапов. Русское Слов. 1865 г.; Шашков. Исторические этюды, т. II; Поляков. Письма о путешествии в долину Оби, 74-76; Нейман. Истор. обзор действ. Чукотской экспедиции, Известия Вост.-Сибирск. Отдела Геогр. Общества. 1871. №№ 4, 5; Миддендорф. Путешествие на северо-восток; Aus Sibirien, В. Радлова; Кастрен. Путешеств. в Сибирь; О болезнях в Березовском округе д-ра Соколова. Арх. Судебн. Медиц. 1867 и др.

предубеждение, которое существовало в древние времена, что «варвары» должны подвергнуться истреблению и что они — существа низшие. Пагубная теория о различии рас и разделение их на низшие и высшие содействовала этому заблуждению. Особенно выразился этот предрассудок по отношению к несчастным неграм. Такие ученые, как Бурмейстер, Карус, Гобино, Чуди, Агассис, Карл Фогт, Гекель и Ф. Миллер, старались отнять у них общие человеческие свойства и способности. И тем не менее, наперекор предрассудку, мы видим победу справедливости и человеколюбия, выразившуюся в эмансипации негров и в американской войне за освобождение черного. С таким же предубеждением европейцы отнеслись к австралийским дикарям, истребив многие племена; таково же отношение было к индейцам, и недавно еще американцы, освободившие негров, не переставали истреблять индейцев, чтобы воспользоваться легче их территорией. Нечего говорить, что в кровавых и зверских поступках, а также в подвигах истребления не могло быть ничего, оправдывающего их. Убийство всегда останется убийством, чем бы оно ни было мотивировано. Множество фактов и антропологических данных опровергли прежние предрассудки, а новая историческая жизнь в Америке, на островах и в Австралии доказала, что прежде считавшиеся низшими расы, по своим способностям, сделали значительные успехи в культуре. Негры получают образование, издают газеты, выдвигают талантливых людей; индейцы, как доказал Герланд, при благоприятных условиях не обнаруживают ни малейшей склонности к вымиранию. Тем менее можно приравнять к племенам, осужденным на вымирание, *расы переходные*, расы которые весьма близки к арийскому и кавказскому племени, близкие до того, что мы с трудом иногда подмечаем переходные ступени; такую расою является желтая монголоидная раса, а затем саянские, финские и тюркские племена Азии*.

Тем не менее твердо укоренившийся предрассудок, перешедший от варварских племен и занесенный к ним с почвы, где развивалось рабство и всякое насилие, пережил свое время и мешает установлению более верных научных взглядов и более справедливому человеческому отношению к другим пле-

* В этом отношении замечательны наблюдения Мидцендорфа и Кастрена, знаменитых ученых и наблюдателей инородцев Азии, которые не могли найти резких отличий монголоидной и кавказской расы.

Причины вымирания инородцев...

менам. Их первобытная стадия, их дикарство, их детский возраст объясняются, как состояние косности и постоянного застоя, их быт, привычки, способы пропитания, обусловленные особенностями страны, объясняются неспособностью перейти к высшей культуре, их сопротивление насилию и принуждению изменить образ жизни ставится им в вину, а недостаток знания и отсутствие культурных познаний признается за врожденные качества и отсутствие способностей. Словом, здесь временный момент и известный возраст в истории культуры принимаются за постоянное и, конечно, выраженное явление. Все бедствия и несчастья инородцев, порождаемые внешними историческими обстоятельствами, объясняются «слабостью расы» и оправдываются железным законом «борьбы за существование», «естественным подбором», законным торжеством физической силы и тому подобными «законами человеческой природы», которые, не имея на самом деле свойства непреложных законов, тем менее могут иметь места в человеческом обществе, где разум, знание, умение предотвратить бедствие и зло так же, как идеал правды и справедливости, должен составить противовес и цель человеческого существования. Точно так же неблагоприятные естественные условия, в которые поставлен инородец случайностью бороться с непреодолимыми силами природы, вследствие мало накопленных знаний, а также гибель его от разных бедствий и болезней, объясняются как расовое бессилие. С этой точки зрения оправдывается истребление инородца и факт вымирания. Вредные культурные влияния, грехи цивилизаторов, эксплуатация инородца, недобросовестная торговля европейцев, соблазны, окружающие дикарей, распространение среди них вина и спирта, действующих на них губительно, объясняются «натурой дикаря», не обладающего силой воли и способностью противостоять соблазну, т. е. опять «слабостью расы». Занесенные болезни и опустошительное их действие на дикарей приписываются также организму дикарей, восприимчивости его, а не тому, что инородец, при своей убогой обстановке, лишен возможности ограждать себя от болезни и находится вне всякой медицинской помощи. Занесение болезней и многих бедствий признается как *неизбежное явление* при столкновении дикарей с культурными племенами, и с этим фактом готовы также многие примириться. Наконец, вымирание племен, явившееся как последствие бед-

ности и ухудшившегося быта, следствие голодов, объясняется *потерю плодovitости* при утрате прежней дикарской независимости. Масса придуманных слов «*неустойчивость*», «*слабость*», «*бессилие*» расы и т. д., стали разрешать вопрос метафизически, когда он имел простые и сложные, но очевидные причины, коренящиеся не в природе дикаря и инородца, а во внешних неблагоприятных условиях, изменивших жизнь его.

Не вступая в спор с этими теориями, пробовавшими оправдать истребление и вымирание инородческих племен и желающих представить это явлением «*неизбежным*», как бы законом социологическим и антропологическим, мы поставили целью на основании собранных данных выяснить, действительно ли в этих явлениях коренится *неизбежность*, точно так же и насколько подтверждается указанная теория о слабости, неустойчивости рас и неспособности их сделать шаги в культуре? Нам казалось, что без изучения причин явления, а также самого факта во всех его подробностях невозможно никакие выводы.

В нашей монографии, обозрев современный быт различных инородцев устро-алтайского племени, мы можем распознать и отличить главные причины вымирания или уменьшения в числе инородцев.

Эти причины заключаются в ухудшении быта, в обеднении инородцев с лишением прежних угодий, в оскудении промыслов рядом с расширением их потребностей, как последствий сближения с народами культурными. Мы видим, что инородческие племена переживают какой-то экономический кризис и что условия их существования изменились. Предшествовавшее же их положение хотя и не было выше в культурном отношении, но давало им сносное существование и обеспечивало плодovitость, чему служит доказательством рост и существование этих племен до пришествия завоевателей.

Останавливаясь на факте вымирания и уменьшения в числе инородцев, мы должны, однако, проверить, насколько свойство расы имеет здесь значение; иначе мы должны задаться вопросом: «какие племена могут считаться приговоренными к вымиранию судьбою и какие нет», где этот «закон» действует постоянно, непреложно и где случайно, наконец, насколько он неизбежен сам по себе, иначе — насколько он «закон»?

Прежде всего мы видим в Сибири довольно разнородное инородческое население. По составленным таблицам в Западной Сибири оно состоит из бухарцев, татар, алтайских тюрков, киргизов, из *финнов*: вогулов и остяков, и из самоедов саянского происхождения. Среди каких же племен действует вымирание и уменьшение? Можно ли, наприм., указать, что должны вымереть татары, тюркское племя или финское, или монгольское, или все они одинаково обречены на вымирание?

Прежде всего мы не имеем никаких данных и свидетельств вымирания целого племени, но мы имеем дело с частными явлениями. В то время, когда часть племени финнов, вогулов и остяков, как и самоедов, находясь в печальных условиях, обнаруживает уменьшение в числе, другая часть продолжает умножаться. Точно то же мы видим у тюрков и татар. Вымирание и уменьшение заметно у тобольских татар, тарских, барабинских, но оно проявляется не во всех волостях и управах одинаково; другие тюрки, алтайцы, телеуты, черневые татары и кочевники киргизы продолжают плодиться и множиться. Монголов, то есть племени по физическим признакам более низшего типа, чем тюрки и финны, совсем не коснулось вымирание. Что касается образа жизни и культурной стадии, то она здесь опять не имеет никакого значения. Мы видим, что вымирание и уменьшение в числе среди оседлых татар Тобольской губернии и бухарцев — факт поразительный, принимая во внимание, что это оседлое земледельческое население подобно казанским татарам, бухарцы же сибирские родственны бухарцам Туркестана; те и другие при обеднении выказывают склонность к уменьшению в числе. Напротив, среди кочевников киргизов, которые стоят на низшей степени культуры, чем оседлые татары, видна прибыль населения, как и у алтайцев. Таким образом, убыль населения и вымирание далеко не преследуют все инородческие племена; напротив, некоторые племена не только живут, но и множатся. Народности эти представляют компактную массу, которая достигла значительной численности. Киргизы, кочевники Оренбургской степи, в Акмолинской и Семипалатинской области представляют 2 $\frac{1}{2}$ миллиона человек, якуты около 200.000 человек, численность бурятов в Восточной Сибири определяется в 250.000 чел., и среди этих народностей тюркского и

монгольского племени не видно никаких признаков вымирания. Значительная часть кочевых племен наклонна, напротив, распложаться; таким образом, мы не видим здесь какого-то постоянно действующего закона, он не прилагается, не приурочивается к какому-либо данному племени, часть племени может существовать и плодиться, другая часть уменьшается в числе. Ясно, что здесь причины частные, местные. Вымирание и различная плодовитость замечается в отдельных мелких группах. При подробном анализе и исследовании мы видим: чем беднее группа, чем хуже ее экономическое положение, чем она обездоленнее, разореннее, тем больше здесь смертности, и тем слабее плодовитость. Причина, содействующая вымиранию, значит, чисто экономическая.

Из статистических данных мы видим, что положение волостей инородческих до бесконечности различно. Нет такой группы, где бы самое явление вымирания было загадочно и необъяснимо; рассматривая условия быта, мы открываем и его причины. Все это приводит к заключению, что вымирание и уменьшение инородцев в разных группах случайное, локальное, но не постоянное, неизбежное и непредотвратимое. Те же племена в другие моменты существования, при других условиях и при всякой перемене к лучшему обнаруживают все задатки жизненности. Обратим внимание, напр., на эпидемии среди инородцев.

Вот что напечатано было в статье «Инородческий вопрос и оспа в Сибири» в № 17 «Вост. Обзор.» 1883 г.: «Недавно местные сибирские газеты принесли неутешительные вести из Сибири. По всей нашей восточной окраине ходит оспа. «В Нарыме, пишут, появилась непрощеная гостья, оспа; ранее она гостила по селениям Парабельской волости и унесла много детей». Из Якутска пишут: «Уже месяца три, как в Якутском округе и в городе появилась оспа. Кто помнит, как эта «бабушка», как называют ее якуты, свирепствовала здесь в 1873 году, те со страхом наблюдают теперь за ее развитием. Жители города осаждают оспопрививателя ежедневными приглашениями, и он, застигнутый врасплох, не имея хорошей оспенной лимфы, должен только теперь вырабатывать ее на здоровых детях, предлагая желающим ждать очереди от одного ребенка до другого. Открыто отдельное помещение для оспенных больных, город разделен на учас-

Причины вымирания инородцев...

тки по числу наличных врачей и на более мелкие участки по числу санитарных надзирателей, выбранных из горожан. На обязанности последних лежит возможно чаще осматривать и опрашивать свой небольшой участок и, буде где появятся больные, извещать о том врача, в ведении которого находится участок. Последнее сделано на тот конец, чтобы якуты, живущие в самых дурных гигиенических условиях и не особенно расположенные к медицинской помощи, не ускользали от медицинского надзора или не уезжали за город, да и русские не стеснялись бы приглашением врача только потому, что у них достатков нет или просто по небрежности». Наконец, та же печаль и в Туруханском крае: «Положение Туруханского края в нынешнюю зиму крайне печально, благодаря, во-первых, оспенной эпидемии, во-вторых, плохому улову рыбы и пушнины и, в-третьих, недостаточному ввозу хлеба, так что еще в сентябре прошлого года многие из жителей, ниже Туруханска, были уже без хлеба. Положение безвыходное, в особенности при той силе эпидемии оспы, которая гонит инородцев в глубь тундры, в тайгу, подальше от жилых мест. Плохая добыча рыбы и пушнины лишает жителя нашего сурового Севера последнего зимнего заработка, результатом чего является полная кабала, при отсутствии всякой помощи, и неизбежное вымирание». Доносились и из других мест известия об оспе: из Омска, Оренбурга и Казани; один из трех алтайских зайсангов, ехавших в Петербург ходатайствовать об удовлетворении народных нужд алтайского кочевого населения, на переднем пути в Челябине умер от оспы. Большие города, может быть, отделаются ничтожными жертвами, но отдаленные, глухие уездные городишки пострадают прежде, чем администрация успеет что-нибудь для них сделать. Просим читателя обратить внимание на то, что все три корреспондента указывают, как на первоначальную почву болезни, на местных инородцев; якутский корреспондент говорит о якутах, туруханский о туруханских инородцах, нарымский о Парабельской волости, т. е. волости, исключительно населенной остяками. Эти жертвы, падающие теперь от занесенной в города оспы из инородческих стойбищ, есть, таким образом, отплата за наше равнодушие к экономическим невзгодам, в которых постоянно живут наши инородцы. В той же газете номерами двумя ранее была помещена статейка о вогулах, производящая

тяжелое впечатление на читателя сообщаемыми в ней фактами. Автор ее, г. М. М. М., набрасывает одну за другой несколько маленьких картинок. Вот первая «Небо, лес, глубокий снег и ничего более!.. Только вот на небольшом возвышении несколько почернелых, полуразвалившихся, небольших срубов, из которых только один своею правильной крышей и окнами напоминает нечто похожее на человеческое жилище. Это пауль, состоящий из 3 домов. В первом едят мелкую, в полвершка длиною, рыбицу и жуют какие-то лепешки, в другом переваривают кости, подсыпают толченый урак и крошат картофель. В этих обоих домах только женщины и дети; их воодушевляет надежда: мужики уехали в лес и привезут скоро оставленные там две, три туши лося. Войдем в третью избу. У чувала (род печи), согнувшись, сидит одетый в длинную женскую рубаху вогул лет сорока; он как-то уныло, тупо смотрит на колеблющееся пламя; щеки впалые; кости локтей и плеч острыми углами обрисовываются под грязной рубахой. В углу спят двое детей. Посреди избы на полу лежит распростертая шкура лося с обгрызенными и изжеванными краями. Знаете ли, кто жевал и грыз эту твердую, покрытую грубой шерстью кожу? Эти бедные спящие дети и их несчастный отец? Мать (семьи) умерла в прошлом году, потому-то отец и нарядился в ее рубаху; у него другой нет. Он проболел осень. Одна надежда семьи на эту изгрызенную лосину!» Другая картинка: «Вхожу... Сам — старик; никого у него, ни бабы, ни детей... Вижу, поставил на таган половину разбитого чугунного котелка, налил туда воды и варит оленье рога... Говорю: что же, мол, из рогов-то наварится? Вода водою и будет!.. Молчит. Замахнул было рукою, хотел будто что-то сказать, да так... ничего... наклонился опять к тагану и стал ложкой помешивать свое вариво»... Страх берет, когда подумаешь, что такие картины возможны в христианском государстве, на глазах у народа, который считается самым добродушнейшим в свете. Правда, картины подобной бедности могут встречаться и в русской среде, но там они случайны; здесь же не то: здесь они обыкновенное, повсеместное явление; это конец, к которому поздно или рано должен прийти каждый отдельный род. О том, что это явление общее у вогулов, свидетельствует вымирание племени. Тот же автор пишет: «Все пелымские жители утверждают, что племя вогулов заметно и быстро

Причины вымирания инородцев...

вырождается и вымирает; печальными и достоверными свидетелями этого факта являются пустые, то заколоченные, то полуразвалившиеся избы, которых в ином пауле встречается более, чем жилых домов. Недалеко от села Троицкого есть паул вогулов, состоящий из 30—35 домов, из которых в настоящее время обитаемы 6—9, точно чума или повальный мор какой опустошил их; около Пелыма было несколько паулов, от которых осталось всего несколько семей. Если условия жизни не изменятся, то не без основания можно утверждать, что через каких-нибудь 30—40 лет останутся только смутные воспоминания об этих инородцах». Автор рассказывает далее, как на счет этих бедняков наживается окрестное русское население. «Во владении вогулов, — говорит он, — находятся прекраснейшие лесные вотчины для охоты за соболями, белкой, лосем, обильнейшие рыбные угодья, богатейшие кедровники». Но вогулы продают свою богатую добычу русским торговцам за ничтожные цены; за даром же они отдают свои угодья и в кортом⁷². Например, за пользование одним кедровником русская артель платит вогулам за три урожайных года всего 12 рублей, а в одном прошлом году за один сбор эта артель промыслила орехов на две тысячи рублей. «При найме вино сделало свое дело», прибавляет автор. То же вино всегда фигурирует и в остальной торговле с вогулами, отчего и получаются такие цены: вино в соседнем городе Пелыме 35 коп. бутылка, в земле вогулов 1 р., мешок ячменя в Пелыме 1 р. 80 к., у вогулов 4—5 руб., 1 фунт дрови в Пелыме 15 коп., у вогулов 36—84 коп. Желать, чтоб русское соседнее крестьянское население относилось к вогулам иначе, без спаивания, обвешивания и прижимок, конечно, следует, но винить его за это никто не будет; это такая же темная масса, как и вогулы. Но кому непростительно равнодушие к судьбе несчастных инородцев, так это образованному обществу, кичащемуся своей цивилизацией. Из его среды не вышло ни одного человека, который поразился бы положением этих медленно, трагически умирающих людей, умирающих иногда разом целой семьей от голода, и посвятил бы свою жизнь на служение им! Ни одного крупного акта милосердия со стороны общества в пользу этих несчастных, никакого коллективного усилия, чтобы прекратить такое положение дела, которое служит упреком для христианского общества и XIX века. Не-

сколько лет назад была помещена прекрасная статья в «Церковно-Общественном Вестнике» — «Вымирающие племена»: № 46, 1883 г., которую можно было рекомендовать духовенству, заведующему инородцами. У наших же, даже лучших людей гуманность исчерпывается одним вопросом о крестьянах. Отчего же обязательна забота об одном крестьянине, а не вообще о человеке, мы говорим о человеке, живущем не в Африке или Америке, а в пределах той же России, притом платящем подати, следовательно, доставляющем деньги на удовлетворение высших потребностей образованного общества? Наша литература почти не касалась вопроса об инородцах, часть ее даже проводила теорию, которая была на руку беспечному обществу и ленивой администрации. Теория эта гласила о расах, которым было предопределено продолжать цивилизацию, «плодиться и множиться и населять землю», и о расах, роковая судьба которых заключалась в медленном вымирании. Эта теория освобождала сибирскую администрацию от всяких забот об инородцах. Приравняв инородцев к крестьянскому населению в деле административной заботливости — случится оспа, голод, надо посылать курьеров, докторов, чиновников особых поручений, устраивать больницы, передвигать запасы хлеба. А с этой теорией отлично. Начали умирать сотнями, ну, значит, ближе к концу, которого будто бы никакими мерами не отворишь.

i «У нашего христианского общества есть специальное «общество для покровительства животным», и нет «общества для покровительства умирающим людям», которое бы прекращало такие раздирающие картины, как умирающий отец, оставляющий одиноких детей с мыслью, что через сутки и они будут умирать тою же смертью. Справедливо могут заметить, что для бедных людей есть более могущественный покровитель, чем частное общество, — государство и его представители, а для инородцев специально христианские миссии. Но мы уже говорили, как относятся к вопросу о вымирании инородцев представители сибирской администрации. Бывали в Сибири ясачные комиссии или комиссии для устройства быта инородцев, заводились многотомные дела о том же, но под этим «устройством быта» разумелось изобретение мер к увеличению поступлений с инородцев в казну платежей, а не о мерах к прекращению вымирания;

Причины вымирания инородцев...

много-много, если говорилось о равномерном разложении податей, да и то в видах все того же увеличения поступлений. Миссии наши устраивают местами больницы, приюты, богадельни, но только для инородцев крещеных, для обруселых или полуобруселых, а отнюдь не для язычников. Случаи же голодной смерти бывают только у последних. В утешение мы говорим бедствующему язычнику-инородцу: обрусей, и тогда мы будем на тебя смотреть, как на предмет, подлежащий равной заботе с другими! крестись, и тогда мы тебе окажем милосердие! Но разве говорим мы не вопреки великому Учителю, сказавшему притчу о самарянине? Возьмите епархиальные ведомости или другие органы журналистики, в которых печатались письма и труды наших миссионеров: много ли мы найдем статей здесь, в которых заключался бы призыв к обществу противодействовать этим голодным смертям? Отчего бы нашим миссиям не заводить убежища для осиротелых и обессилевших стариков-язычников и приюты для их детей вместо свечных заводов и тому подобных заведений? Такое милосердие могло бы приучать языческую массу к мнению, что учение Христа есть действительно проповедь о любви к людям. Сибирским отделам Географического Общества мы рекомендовали бы направить свои силы к изучению экономического быта инородцев и к исследованию причин их вымирания, эпидемий и случаев голодной смерти. Кроме того, необходима правительственная комиссия, назначенная из Петербурга с целью описания экономического быта инородцев, которая в заключение своих работ выработала бы обязанности для местной высшей администрации на случай катастроф с инородцами, вместо нынешнего безучастного отношения ее к их бедствиям.

«Поэтому фраза: «Пусть вымирают! тем лучше! место очистят для более здоровой, культурной русской расы!» — выражения необдуманные и вредные с точки зрения общего благополучия в государстве, мало того, они безнравственны. Случаи оспы в Омске, Оренбурге и Казани показывают, как далеко могут простираться последствия от невнимания к нуждам бедных обитателей наших тундр; они внушительно предостерегают, что это невнимание и небрежность сибирских властей может отражаться и на благополучии русских обитателей отдаленных от тундры областей. Далее — это невнима-

ние властей, общественных благотворительных и ученых учреждений, журналистики и литературы к инородческому вопросу невыгодно может отражаться и на духовной жизни русских. Русские, живущие по окраинам, прилегающим к инородческим стойбищам, относительно добродушия заметно уступают тем крестьянским населением, которые залегают подальше от окраин. Эти соседи инородцев, избалованные легкой наживой от торговли и сделок с последними, являются в большинстве случаев народом праздным, любящим пожить на счет простоты постороннего человека; в этом роде г. М. М. М. рисует русское население Пелымского края, которое греется около простоватых вогуличей. Наконец, какие высокие идеалы может выработать из своей внутренней жизни общество, которое в деле милосердия различает расу, что было свойственно только дохристианским обществам, но неприлично обществу, которое называется христианским? Социальное, нравственное и воспитательное значение инородческого вопроса огромно. Народ, питающий жестокосердие к иным племенам и расам, едва ли способен внести и в свою среду гуманные отношения».

Рядом с вопросом о вымирании инородцев и оставлении ими исторической сцены стоит вопрос о культурных способностях инородческих племен и способности воспринять общечеловеческую цивилизацию. С этим вопросом теоретики и культустрегеры соединяли также приговор инородческому существованию. Все бедствия инородцев и лишения объяснялись их упрямством, нежеланием или неспособностью перейти к высшей культуре, когда условия жизни изменились. А раз инородческое население неспособно сделать этот шаг, по мнению культустрегеров, приговор его подписан. На этом же основывались разные побуждения и искусственные меры заставить инородцев перейти к высшей культуре, на этом основывались все проекты «оседления», обрусения, обращения инородцев от кочевого быта к земледелию и т. п. Подобными опытами задавались многие администраторы; хозяйственный быт инородцев при этом рассматривался как быт дикарей, достойный пренебрежения, инородческие промыслы считались неэкономными, низкими, недостойными поддержки и покровительства и самое уничтожение этих прежних промыслов должно было содействовать к переходу инородцев в высшую культурную стадию.

Причины вымирания инородцев...

Вопрос этот, разрешаемый в области теоретических соображений, точно так же не имел почвы и повел ко многим заблуждениям и предрассудкам.

О самой культуре инородцев, об их хозяйственном быте, промыслах и способах существования мы имели слабое понятие, а тем менее знали о происходящих изменениях в их жизни, между тем изменения эти происходили как в прошлой их жизни, так происходят и теперь. Представленный нами в особой главе очерк культуры показывает то движение и то постепенное изменение быта, которое совершалось и совершается в инородческом мире. Это переходное движение и развитие культуры, постепенные шаги от первобытной стадии к более высшей, переходы от охотничьей жизни к кочевой и от кочевой к полuosедлой происходят совершенно естественно, без всякого побуждения; они совершались издавна, и русские, придя в Сибирь, застают уже инородческие племена полuosедлыми. Нечего говорить, что кочевники, лесники, многие охотники, звероловы, рыболовы далеко ушли от первобытного положения дикаря и от периода каменного века, хотя остатки и привычки от пережитых эпох и могли сохранять. Во всяком случае, наши инородцы и алтайские племена не могут сравниваться с дикарями Австралии и Полинезии. Это тюркские и финские племена, представляющие уже известную стадию развития и культуры. Поэтому нет никакого основания отрицать среди инородцев известного культурного прогресса даже в предшествовавшей жизни. Все дело в том, что этот прогресс и переход от одного занятия к другому совершается очень медленно.

Обращаясь к современной картине инородческого быта, мы видим, что по образу жизни и занятиям они разделяются на бродячих охотников, тип их на севере Сибири, они же олениводы; таковы самоеды и остяки, часть их рыболовы, остяки по Оби и в Нарымском округе; к охотникам и рыболовам мы должны причислить и вогулов. В Восточной Сибири к этой группе относятся самоеды, тунгусы, юраки, камчадалы и многие гиперборейцы, как манджурские племена Амура. В этой охотничьей группе мы, однако, видим уже разные стадии и формы быта. Жизнь самоеда Крайнего Севера нельзя сравнивать с жизнью вогула и нарымского остяка. Последние представляют тип полuosедлого охотника и рыболова. Точно так же огромную разницу представляет

от самоеда лесной житель Алтая и Кузнецкого Алатау. Эти инородцы носят все задатки лесной полуоседлой культуры, несмотря на свой охотничий промысел, и представляют весьма близкую стадию к оседлому быту. Как у тех, так и у других охотников Сибири мы видим, кроме переносных шалашей, зимовки, землянки, «карамо» остяцкие, «яйлу» в Алтае, наконец срубы, подобие изб и т. п. Что касается кочевников, номадов или скотоводов, раскинувшихся в южных степях, то и здесь мы видим различные переходы и ступени кочевого быта. Нечего говорить, что самое кочевое хозяйство, основанное на эксплуатации прирученного домашнего скота — овцы, лошади, коровы и верблюды, представляет уже высшую стадию культуры, сравнительно с охотником, и услуги, оказанные кочевым хозяйством в истории человечества, несомненны; без этой стадии не могло быть поступательного движения вперед. Полуоседлые лесники, приблизившиеся почти к оседлому быту, принесли из кочевого быта домашнее животное в свои леса, а это животное явилось помощником и новой силой в культуре. Сами кочевники и номады не находятся в застое, быт их с веками и с переменой места изменяется. Кочевание среди привольных степей Центральной Азии в древние времена представляло более раздолья и было более подвижно. На Севере, близ границ Сибири, оно должно было измениться по климатическим условиям и потребовало зимнего перерыва; точно так же кочевки и перекочевки изменяются в горах и пределы кочевания изменяются, суживаются: еще более перемен мы видим в лесах. Киргизы и буряты ныне представляют особые формы кочевого быта; они строят зимовки, останавливаются на зиму и могут считаться полукочевым племенем. Еще более задатков оседлости представляют якуты — скотоводы, имеющие зимние жилища, избы, и, наконец, еще ближе к оседлому быту башкиры, живущие деревнями.

Далее, рассматривая занятия инородцев, мы видим, что каждый промысел в отдельности совершенствуется с течением времени: у охотника мы видим переходы от лука к ружью, винтовке, у кочевников лучшие способы ухода за скотом, заготовку сена, чего прежде не было, у бурятов, якутов, алтайцев. Мало того, в самой ранней стадии у кочевников и лесников мы находим задатки земледелия и хлебопашества. Многие народы до пришествия русских умели па-

Причины вымирания инородцев...

хоть хлеб. В лесах Алтая и у кочевых алтайцев-скотоводов мы нашли первобытное земледелие и первобытные земледельческие орудия. Киргизам также было давно известно земледелие, как минусинским инородцам и бурятам; оно существовало рядом со скотоводством. На древнее земледелие указывают остатки ирригации в разных местах Сибири. Канавы в Алтае, виденные нами, канавы и арыки в Минусинском округе, по исследованиям Клеменца, остатки ирригации за Байкалом, близ Баргузина, указанные Палласом. Обычай ирригации остался доселе в Алтае, на Бухтарме, у киргизов Семипалатинской области, где земледелие весьма значительно; у лесных татар Алтая и Минусинского округа также существует земледелие. Стало быть, наши представления о том, что инородческие племена, скотоводы и кочевники, не знают земледелия — было совершенно неверно; они давно знают способы посева, но заняться земледелием им не позволяли физические условия: степи, безводные пространства, солонцеватые местности (напр., в Акмолинской области), наконец, они предпочитали скотоводство как господствующий промысел, потому что он в данную минуту более выгоден и дает более средств к обеспечению жизни. Каждое занятие инородца и его промысел были обусловлены климатом, физическими условиями страны, естественными произведениями и свойствами, благоприятствовавшими развитию той или другой формы хозяйства. Культурный прогресс стоял поэтому в зависимости от этих условий. Мы видим, что инородцы во многих местах приблизились к форме оседлого хозяйства помимо всякого внешнего принудительного влияния, и это доказывает вполне их способность к развитию высших форм культуры. Обращая внимание только на низшие формы быта, видя полудиких звероловов или кочевников, постоянно переменивших места, мы составили себе самое ложное представление о быте инородцев, признали, что формы эти постоянны, неподвижны из века в век, обвиняли инородца в косности, в упрямстве, в неспособности делать культурные шаги и стали придумывать, какими бы насильственными и искусственными способами заставить его перейти к оседлости и земледелию. Когда мы придумывали разные способы для побуждения инородцев к другим занятиям и стеснению или ограничению их пастбищ (проекты ограничения перекоче-

вок), мы игнорировали весьма важный факт в инородческом мире, мы не замечали, что в другой полосе, на границе лесов в Алтае, в кузнецких лесах, в Минусинском округе, в средней полосе Сибири, у прежних сибирских татар совершились уже переходы к оседлости и земледелию совершенно естественно и что надобно было только внимательно относиться к этим культурным переходам у других племен, облегчая им переступить эту стадию, но не насилуя их. А между тем здесь-то и не оказывалось помощи. Помощь эта, между тем, необходима только там, где жизнь совершила свое дело, где культурный переход начат, где он вызван естественными условиями и необходимостью и где инородческое *полуоседлое* население тесно сблизилось с русским населением; таковы инородческие управы и кочевые лесные волости Бийского, Кузнецкого округа Томской губернии, вогульские волости, селения полуоседлых остяков, поселения полуоседлых якутов, башкир. Мы видим, что даже киргизы на границах с русскими начинают заниматься земледелием, как и буряты; таким образом, всякое принуждение здесь излишне.

Значительная часть сибирских племен уже перешла к оседлости, и это видно на распределении населения, особенно в Западной Сибири.

По образу жизни мы подразделили инородцев Тобольской и Томской губерний в особой таблице на три группы оседлых: полукочевых, кочевых и бродячих.

Оседлых инородцев в Тобольской губернии

насчитывалось ныне	39.632 чел.
--------------------	-------------

В Томской губернии	38.889
--------------------	--------

Полуоседлых инородцев

в Тобольской губернии	20.729
-----------------------	--------

В Томской губернии	5.791
--------------------	-------

Затем кочевников и звероловов

в Тобольской губернии	, 13.839
-----------------------	----------

В Томской губернии	40.766
--------------------	--------

Из этого мы видим, во-первых, что оседлых инородцев в Тобольской губернии более, чем в Томской, точно так же более в Тобольской губернии и полуоседлых, чем в Томской. Кочевые и бродячие племена, в числе 40.766 чел., преобладают в Томской губ. В сущности, кочевых и бродячих инородцев в двух губерниях, однако, менее, чем оседлых.

Причины вымирания инородцев...

Оседлых 78.521, кочевых и бродячих — 114.605. Картина эта, однако, не будет полна, если мы не примем во внимание примыкающие к Tobольской губернии с юга степи, населенные киргизами, номадами, и находящиеся в Акмолинской и Семипалатинской областях, а также Семиреченской. В двух областях это население равнялось 700.000 человек, а во всех степях до 2.000.000.

Рассматривая оседлое население по племенам, мы видим, что культурное развитие доступно одинаково всей алтайской расе и всем племенам тюркского, финского и монгольского происхождения. В числе оседлых инородцев Томской и Tobольской губерний мы видим сибирских татар алтайского происхождения; когда-то они были *полукочевыми*, как и *барабинцы*, ныне они вполне оседлы. Мы видим несколько оседлых управ в Бийском округе и в Кузнецком Томской губ., наконец, полуоседлые племена вогулов, остяков в Tobольской губернии, лесных татар Бийского и Кузнецкого округов. Заметим, что алтайские татары монголообразны и поэтому составляют смесь тюркской расы с монгольской, как и якуты. Буряты же чисто монгольское племя, а между тем мы видим у них ту же склонность к полуоседлому быту. Якуты вполне оседлы, хотя остаются скотоводами.

Рядом с переходами к культуре мы видим у инородцев вообще поступательные шаги в занятиях и ремеслах, причем часто выражаются их оригинальные способности. В самом охотничьем и рыболовном быту мы видим много изобретательности и усовершенствований, напр., при устройстве ловушек, сетей, далее, в кочевом быту умение сохранять и расплывать скот. На известной ступени развития появляются ремесла; выделка кожи и замши поражала Миддендорфа, точно так же, как и искусство приносивать меха и звериные шкуры для одежды.

Вообще население даже полярных дикарей выказало множество способностей приносиваться к природе, ограждать себя, сохранять свою жизнь и пользоваться окружающей обстановкой и продуктами, утилизируя их и совершенствуя. Не можем не привести в этом случае слова глубокого знатока Севера, Миддендорфа, об инородческой культуре:

«Европеец, надеющийся, что в глуши самого бесприютного Севера ему наконец удастся отдохнуть от повелительницы мира, моды, вскоре разочаровывается в своей надежде,

видя, что мода властвует везде, куда только успел проникнуть человек на земном шаре. Само собою разумеется, что я не говорю тут о разнообразии нарядов и о том, насколько покрой их приспособлен к различным условиям жизни, при которых каждый народ ведет свое хозяйство. В этом отношении рассудительный путешественник научается со дня на день правильнее судить о том, что сначала ему казалось странным, или, пожалуй, смешным. И даже, чем он рассудительнее, тем чаще он ловит самого себя на усвоенных привычкою, а потому односторонних и предвзятых суждениях, которыми запасаю у себя дома. Очень трудно относиться к делу совершенно объективно. Там только мы научаемся понимать, сколько рутинного в наших жизненных привычках и как мало они соответствуют полнейшей практической сущности.

Существуют только два средства, чтобы вникнуть в эти условия без всякого предубеждения: или нужно всмотреться как можно ближе в наши высшие европейские положения с их волшебною обстановкою всяческого приличия и всяческой мнимой важности, или необходимо целиком влезть в шкуру кочевника: одеваться, укрываться, питаться и жить, как кочевник, и стараться, так ли или не так, делать то, что он делает. Не успеешь оглянуться, как чувствуешь себя разбитым на всех пунктах, как в надменном европейце не останется следа спеси, и ему станет ясно, как день, что в первобытных условиях жизни заключаются своего рода совершенства, которые развиваются посредством тысячелетних усовершенствований до тех пор, пока они в данном направлении становятся недоступными для дальнейшего совершенствования и вступают в период оцепенения. Спесивый европеец, не упускающий случая сначала устраивать все по своему, лучше глупых туземцев северной Азии, вскоре, после жестоких уроков (которые своеобразность природы и жизненные условия неминуемо дают ему, изолированно стоящему культурному человеку), отказывается от всякого умищания, и если не хочет погибнуть, может сохранить себя только тем, что сам превращается в кочующего азиатца. Он ежечасно начинает сознавать, что все его европейское житье-бытие кроется только в обмене промышленных, торговых и подобных выгод социального хозяйства. Но ведь как скоро истощается запас пороха, портится курок или дуло, изнашиваются привезенное белье и верхнее платье и т. д.!

Причины вымирания инородцев...

Да, переходы от лука и стрелы к огнестрельному оружию, от меховой к тканой одежде, составляли скачки, повергавшие человека в новый мир. Я живо припоминаю чувство сожаления, которое я испытал, когда, вскоре по возвращении из путешествия прочел в Динглеровом «Polytechnischer Journal» подробное описание и громкое восхваление необыкновенных преимуществ нового изобретения по части отделки замши при помощи мозгов и яичного желтка. Это было не что иное, как способ, искони мастерски употребляемый полярными народами Сибири, но более усовершенствованный ими сначала посредством разных мелких уловок, а в заключении посредством прокапчивания, и позволяющий действительно превосходно выделанную замшевую шкуру подвергать сырости без малейшего вреда. Дело в том, что мягкость (вопреки сильнейшей стуже) и сухость меховой одежды составляют необходимые условия для того, чтобы человек мог переносить сильнейшую степень мороза. Чтобы правильно понять чрезвычайную важность этих свойств, нужно только вдуматься в противоположную крайность. Охотник, который захотел бы лучше уберечь себя от мороза при помощи свежесодранных шкур северных оленей, заснул бы, закутавшись, пожалуй, прекрасно, но на следующее утро увидел бы, что без чужой помощи безвыходно замерз бы в самых тесных оковах. Вот почему все северяне тщательно снимают все с себя на ночь, что тем необходимее, чем сильнее мороз, которому они намерены противостоять под открытым небом или в шалаше. В другом месте (стр. 322) я уже коснулся этого предмета. Так просто разрешается непонятное для непосвященного в дело известие старика Витсена, что самоеды «*wegren harekleideren des nachts buiten de tente*».

Этим-то и объясняется превосходная отделка замши у полярных народов.

Я нашел даже, что чем более я удалялся от центров цивилизации в Сибири, тем техника дубления была более развита. Ближе к ним, у остяков, тунгусов и самоедов, встречались, правда, еще те же самые более усовершенствованные инструменты, которые употребляются и русскими в Сибири».

Таким образом, философ европеец должен отнести не с пренебрежением к способностям и первобытной культуре этих племен, но с почтением и удивлением. Мы рекомендуем также прочесть прекрасную страницу из Оскара Пешеля об эс-

кимосах. «Конечно, эскимосы не вывели по известным отклонениям в движении луны заключения о приплюснутой форме земли, они не разложили воды на два составные газа, не создали мировой религии, но зато они первые своими собственными силами и собственным искусством проложили себе пути к тем поясам земли, где зима сковывает землю на десять месяцев, где не растет ни одного дерева, где даже морем не приносится столько лесу, чтобы можно было сделать из него древко копья». Они, однако, научились делать сани, копья, стрелы, они делают хижины, возводят своды из камня, о чем не думали народы Мексики, они приручили собаку и употребляют ее в хозяйстве. Одно уже заселение Крайнего Севера должно быть признано культурным подвигом. Эти эскимосы завоевали себе жизнь на Севере и помогли другим сделать географические открытия, они спасали и руководили здесь европейцем. Когда раздается на корабле, затертом льдами, крик «Эскимосы пришли!», как будто бы рука друга растворила двери арктической темницы, говорит знаменитый мыслитель-антрополог (Народоведение. Оскара Пешеля, вып. III, ст. 405-406). Если мы видим среди полярных дикарей искусства и изобретательность, то другие племена еще более обнаружили их и оказали услуги человеческой культуре. В лесах Сибири мы видим образцы плетения и выделку первой ткани из крапивы, из дикого льна, конопли или из кендыря (первобытный ткацкий станок известен лесным татарам Алтая и финнам). Мы знаем, что инородческие племена, как финны, мордва, черемисы, умеют производить прекрасные узоры на тканях, точно так же как замечательным вкусом в этом отношении отличаются и тунгусы. У кочевников является умение выделывать сукно из верблюжьей шерсти, как, напр., у киргизов. Монголия когда-то славилась выделкой той же ткани, и у лесных инородцев кумандинцев производятся одежды и чулки из овечьей шерсти. Войлок был утилитарнейшим продуктом кочевника.

Кроме выделки из кожи посуды (турсуков), сбруи, обуви, мы видим у инородцев искусство обделывать дерево, бересту, наконец, кость. Костяные ажурные работы особенно славятся у якутов. Наконец, инородцам Сибири издавна был известен металл, употребление которого перешло к ним от древних народов Сибири, обитавших в Алтае и в Саянах. Самый металл и искусство его обработки перенесено из Азии

Причины вымирания инородцев...

в Европу, и знаменитая Колхида находилась в недрах Азии и, по догадкам некоторых ученых, чуть ли не в Алтае. Путешественники и геологи обнаружили в Алтае, в Саянах и в Нерчинском крае, как и на Амуре, множество заброшенных копей, чудских рудников, где производилась разработка меди, серебра и даже золота, иногда находились даже засыпанные рудокопы (в Алтае). Все сибирские рудники основывались там, где уже ранее какие-то народы пробивали шахты. Лучшие месторождения металла открывали для русских людей в первое время инородцы: тунгусы, татары, алтайцы, буряты и т. д. Археологи открыли огромное количество металлических орудий в древних могилах Сибири и особенно драгоценнейшие коллекции бронзовых орудий, которые наполняют ныне сибирские музеи (особенно Минусинский и музей Сибирского университета в Томске). Все это были следы какой-то древней культуры предшествовавших инородческих племен в Сибири. Исторические показания китайских историков весьма много говорят о древних племенах Сибири, родоначальниках нынешних тюрков, алтайцев, якутов, киргизов и других. Эти драгоценные указания можно найти в трудах Клапрота, отц. Иоакинфа, Палладия, у Абель-Ремюза, Станислава Жюльена, у Шотта и других ориенталистов. В VIII и IX вв. в вершинах Енисея и в Минусинском округе жили *хакасы*, келикидзе (киргизы), которые знали выделку железа и добывали его. Они сносились с Китаем и сообщали китайцам о выделке железа. В Алтае народ тукюэ (дулга по Иоакинфу) умел выделять металл и назывался плавильщиком. На Амуре и за Байкалом нюэчжи и дуары обладали этим же искусством. Выделка металла перешла и к позднейшим инородцам Сибири, русские в XVI в. покоряют алтайских кузнецких татар, которые выделяли из меди котлы и разные поделки, которыми платили дань в Китай, от того получилось и название города Кузнецка. Железное производство существовало у енисейских инородцев и поэтому дано название Кузнецкой волости: плавка железа после перешла к русским крестьянам (см. Паллас). Железо умели выделять и тунгусы. У алтайцев до сих пор существует кузнечное дело, как мы убедились сами и как засвидетельствовал известный ориенталист и исследователь Алтая В.В. Радлов. Алтайцы-кочевники и лесники не только умеют добывать из руды железо, но

закаливают сталь и довели ее производство до известного совершенства. Затем мы видим сохранившееся искусство выделывать из железа и серебра различные вещи у якутов. Замечательные образцы украшений якутских из серебра приведены в рисунках в путешествии Маака; кроме того, изящная коллекция их находится в Иркутске при музее географического общества. Замечательно, что многие инородческие вещи и их орнамент совершенно напоминают курганные вещи, показывая связь древней культуры с сохранившимся ремеслом у инородцев. Мы должны сказать, однако, что прежнее искусство и ремесленность у инородцев падают и исчезают как вследствие того, что самый быт их ухудшился, затем месторождение металла и эксплуатация его перешла в руки русских и, наконец, кузнечное искусство русских и привоз фабричных металлических изделий не позволяют конкурировать местному производству. Но прежде чем культура завоевателей заняла место, мы видим, что все инородческие племена имели самостоятельную культуру, обнаружили свои способности и искусства, что вполне опровергает предрассудок и заблуждение о том, что инородческие племена неспособны были совершенствовать быт свой и лишены способности совершать культурное развитие.

Напротив, мы должны пожалеть, что этот дар, эти способности инородцев утратились, не имели надлежащего выхода и применения, иначе мы не воспользовались ими так, как они принесли бы пользу в общей культурной работе человечества.

Взаимодействие русского и инородческого населения

Взаимодействие русского и инородческого населения

Горсть русских, вторгнувшаяся в Сибирь в XVI ст.. была, конечно, гораздо малочисленнее инородческого мира, раскинувшегося от Амура до Урала и южнорусских степей. Только сплоченная сила, организованное движение, необыкновенная отвага с некоторым преимуществом огнестрельного оружия могли оказать здесь успехи и прорвать инородческую массу, разделить их, разбить по частям и обезоружить. Нечего говорить, что завоевателям здесь благоприятствовало много обстоятельств. Впоследствии колонизационный поток и ринувшаяся эмиграция из России подкрепили завоевание, но тем не менее число русского населения все-таки было невелико. К началу нынешнего столетия оно не превышало миллиона на всю Сибирь, между тем как инородческое население охватывало со всех сторон русских. Чтобы представить себе, как уравнивается инородческое население с русским и объяснить себе их взаимодействие, следует обратиться к таблицам и данным, показывающим процентное отношение инородческого населения к русскому и обратно.

Мы видим, что пропорция русского населения к инородческому в разных частях Сибири была и есть весьма различна. Прилагаемые таблицы показывают распределение инородцев в различных округах Тобольской и Томской губерний. В то время, когда в более населенных русскими округах процент инородческого населения равняется 3,05% (Ялуторовский округ), 6,72%, 7,06%, 9,34%, 16,92%, то есть значительно менее русских в северных округах, как Березовском и Сургутском, инородческое население преобладает над русским и процент его на русское равен 354,67% и 445,90%; в Томской губернии число инородцев значительно более в Бийском и Кузнецком округах, а именно: 12,89% и

16,48%, но в Каинском округе составляет 1,83% русского населения. Зато в области Акмолинской и Семипалатинской, т. е. в южных степях Сибири, замечается опять полное преобладание кочевников киргизов над русским населением, а именно: в Акмолинской области 428,04%, сравнительно: русским, и в Семипалатинской 854,92%. Вообще же в степях, принимая во внимание Оренбургскую область и Тургайскую, киргизы составляют 91% общего числа жителей. Чем далее мы пойдем на восток, тем пропорция инородцев является значительнее. В Енисейской губернии, на севере, в Туруханском крае находится 7.020 бродячих инородцев, а русских только 9.783; но недавно русских было менее инородцев. Еще поразительнее пропорция инородцев в Якутской области — русские, по отчету губернатора, в 1887 г. составляли 2% всего сельского населения области. Вообще в области находилось 255.671 житель, из них только 16.551 русских, евреев, немцев и поляков, 239.120 чел. было якутов. В Иркутской губернии и в Забайкалье насчитывается 200.000 бурятов. В Забайкальской области на 539.600 жит. с войсками приходилось 154.000 туземцев, бурятов и тунгусов. 27 лет назад в Амурской и Приморской областях русского населения почти не было, ныне на 95.600 русских приходится 66.800 инородцев, причем в некоторых районах, как в северных округах Приморской области, на 2.800 русских приходится 16.700 инородцев, а во Владивостокском губернаторстве на 6.500 русских 5.400 корейцев и китайцев. Такая непропорциональность населения и преобладание в некоторых местах инородцев не могло не отразиться на русском населении, и мы не можем игнорировать явления метисации и смешения с инородцами, выразившейся довольно чувствительно. В этом отношении, вслед за завоеванием и установлением мирных сношений, русские не могли сохранить чистоту расы; с другой стороны, некоторая часть инородцев при сближении с русскими образовывала помеси, несколько обрусела и местами образовались деревни новокрещеных и обрусевших инородцев в Томской губ., в Бийском и Кузнецком округах, в Енисейской губ. в Минусинском округе.

Культурное влияние русского элемента должно было бы также обнаружиться в Сибири при сношениях с инородцами, но при низком уровне умственного развития русское

Взаимодействие русского и инородческого населения

население оказалось менее стойко, чем можно было ожидать, и само отступило от культуры и подверглось инородческому влиянию. Мы попробовали сгруппировать многие факты, обнаруживающие взаимодействие русского и инородческого элемента на окраине, а также данные о совершающейся метисации.

Смешение и перерождение русского племени на востоке совершалось двумя путями: при посредстве кровного родства и примеси к русской народности инородческого элемента, а также вследствие воспринятая самими инородцами русского языка, образа жизни, смешения с русскими, а затем полного слития и исчезновения среди русской народности. Такое смешение происходит на востоке с очень давнего времени, под влиянием различных исторических обстоятельств. Оно началось немедленно по завоевании Сибири, может быть, потому, что как завоеватели, так и завоеванные в ту эпоху стояли на довольно близком уровне культуры и развития. Происхождение большей или меньшей массы такого смешанного населения в Западной Сибири, по географическим и историко-географическим условиям, было неизбежно. Просматривая даже немногие сибирские акты первой половины XVIII века, мы и в них находим довольно указаний на ближайшее и непрерывное бытовое общение и физиологическое смешение русских с азиатами, в особенности с татарами, киргизами и калмыками. Калмыцкие, бухарские и киргизские купцы постоянно приезжали с товарами в Тобольск и Ирбит, разъезжали и проживали по другим сибирским городам и по деревням партиями человек по 170 и более, имели здесь своих дружков. Многие из них селились в сибирских городах и деревнях, принимали русскую веру и женились на русских. По словам Миллера, «многие из бухарского народа поселились в сибирских городах».

Сибирские казачьи команды нарочно отправляются в улусы или юрты калмыцкие и киргизские, чтобы, по словам актов, захватывать в полон калмыцких и киргизских баб, девок и ребят, и сибирская губернская канцелярия «взятую добычу людей отдавала им в раздел». Многие русские покупали киргизских и калмыцких девушек и мальчиков; нередко сами урянхайцы или калмыки дарили русским старшинам и сержантам близлежащих сибирских крепостей «баб и девок и ребят калмыцких, круглых сирот», особенно в го-

лодные годы. Таким образом, в состав населения западно-сибирских городов и деревень непрерывно прибывали калмыки, киргизы и другие инородцы, принимая русскую веру и женись на русских женщинах, постепенно русели: одни из них находились в услужении и на работах у своих хозяев, другие обучались разным ремеслам и записывались в цехи и т. п. Такой способ обрусения калмыков и других племен утвержден был высочайшим указом от 16 ноября 1737 г. Русские, в свою очередь, женились на киргизках, калмычках и друг. С другой стороны, и в самые центры поселений или кочевьев сибирско-азиатских племен невольно вносился больший или меньший контингент русского племени, и тем способствовал образованию и выделению обруселых поколений. Русские частью попадались в плен, а частью и сами добровольно уходили в кочевья калмыков и киргизов, и там нередко женились. Так, например, в кошах⁷³ калмыцких находились, между прочим, русские яицкие казаки, женатые на калмычках. Иногда беглые русские солдаты укрывались у киргизов и женились на киргизских женщинах. У калмыцких родоначальников, зайсанов или нойонов, русских пленных находилось человек по 25; некоторые были мастера, устраивали заводы для плавки серебра, меди и литья пушек. Еще больше, кажется, было русских женщин в плену у калмыков и киргизов.

Вообще, по свидетельству исторических актов, с начала XVII века славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подвергалась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами и особенно с вогуличами, остяками, татарами, калмыками и киргизами. Уже в первой четверти XVII века физиологическое смешение первых русских колонистов с азиатскими племенами до того усилилось, что московское высшее духовенство находило нужным прекратить или ограничить этот естественноисторический организационный процесс. Точно так же в первой половине XVIII века митрополиты тобольские нередко вопияли против такого же беззастенчивого смешения русских с женщинами вогулицкими, остяцкими, татарскими, калмыцкими и киргизскими. И вот, вследствие такого физиологического смешения с разными сибирскими азиатскими племенами, славяно-русская народность и в западно-сибирском русском населении, естественно, более или

менее подверглась некоторым изменениям в самом своем физическом типе, усвоила некоторые признаки или оттенки физического очертания татарского, киргизского, калмыцкого, остяцкого и вогулицкого. Эти новоприобретенные особенности замечены были уже в прошлом столетии. «В них (т. е. в жителях Западной Сибири), — писал еще Татищев, — довольно в лице смуглых, калмыковатых, и довольно от природы смешанной калмыцкой, татарской и киргизской». Смешение с азиатскими инородцами, конечно, должно было сильнее отразиться на окраинах. В середине, как замечают исследователи, русское население еще остается чистым, но на севере, например, в Обдорском или Березовском краях, смешение русских колонистов с остяками, самоедами и татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев. Кастрен нашел в этом крае русских, совершенно смешавшихся с самоедами. Наиболее любопытные данные в позднейшее время по этому предмету дала туруханская экспедиция, которая, кроме наглядных наблюдений, делала различные анатомические и краниологические измерения. Север Сибири когда-то колонизовали казаки и служилые люди, а часто и великорусские торговые и промышленные ходоки, вышедшие преимущественно из уездов Холмогорского, Устюжского и Вологодского. Вместе с русскими поселялись там и зыряне. Впрочем, главная масса переселенцев состояла из русских. Физиологическое смешение малочисленного русского населения с разными туземными племенами в Туруханском крае началось с первого десятилетия XVII века и более или менее продолжается и до сих пор. В начале русской колонизации все инородческие племена Туруханского края были, по выражению актов, «не мирны», т. е. возмущались против русских служилых, торговых и промышленных людей. Потом, после усмирения немирных племен, между ними и русскими торговыми и промышленными людьми установились более или менее мирные торгово-промышленные отношения. И вместе с тем началось более тесное бытовое сближение и физиологическое смешение русских и инородцев, продолжающееся и теперь. Надобно, правда, заметить, что в Туруханском крае физиологическое или брачное смешение русского племени с инородческими племенами, по-видимому, еще не очень сильно. Причиной этому, относительно остяков, вероятно,

слишком низкая степень развития в них домохозяйственных способностей и привычек и отталкивающая неопрятность этого племени, а относительно других инородцев — их наибольшая изолированность от русских, недоступность, вследствие их уединенности и разбросанности в тундрах и лесах. При всем том, хотя и поодионое и медленное, но неизбежное, непрерывное и повсеместное смешение инородцев с русским населением и в Туруханском крае составляет существенный исторический или этнологический факт. Начиная с Верхнеимбацка (63° с. ш.) до Дудинки (69° с. ш.) простирается область племенной метисации, сравнительно более слабой или менее заметной. С Дудинки же по низовью Енисея и за Тундрой, по уверению туруханского миссионера, священника Доброхотова, и долго находившихся там казаков, представляется настоящая область смешения или, как говорят туруханские казаки, «смешаницы» племен. Как ни мало заметно смешение русских с остяками и другими азиатцами в имбацких пределах, но «мы, — говорит г. Шапов, член туруханской экспедиции, — даже при самом скором проезде от Верхнеимбацка до Туруханска (63°—65° с. ш.), еще не задаваясь вопросом о смешении русских с туземными племенами, видели уже несколько примеров русско-инородческой метисации, резко бросавшихся в глаза. Так, в Верхнеимбацке один поселенец из духоборцев женился на остячке и до ранней смерти ее прижил с нею пять детей со смешанным русско-остяцким обликом». На низу Енисея и за Тундрой русские, по недостатку своих женщин, еще чаще женятся на инородках или, как говорят туруханцы, на «азиатках». Туруханские казаки, долго жившие там вахтерами при хлебных магазинах, единогласно утверждали этот факт. Вот слово в слово их рассказ: «На низу — народ смешаница: русские берут азиаток, азиаты берут русских женщин. За Тундрой то же; самоеды женятся на тунгусах и долганках, долганы (помесь тунгусов с якутами) и тунгусы берут и самоедок, и тунгусок, и якуток; русские всех берут — и самоедок, и тунгусок, и якуток, и долганок, и юраток⁷⁴, и остяток. Дальше до Анбары — тоже народ все смешаница; долганы, якуты и крестьяне друг у друга берут баб». Так, по общему наблюдению самих туруханских жителей, русское население в их крае довольно сильно смешивается с инородческими племенами. Точных и подробных статистичес-

ких сведений об этой метисации, конечно, в туруханском «отдельном управлении» нет, да и собрать их чрезвычайно трудно. Но и за отсутствием общих числовых показаний, представленные нами факты, при всей их отрывочности и неполноте, с полной достоверностью и достаточною убедительностью подтверждают то общее заключение, что и на севере Енисея, и по сторонам его славяно-русская народность постоянно более или менее смешивалась и смешивается с туземными азиатскими племенами.

Такое же смешение с инородцами мы находим и далее на востоке. «Если мы взглянем на русскую народность в Якутской области, — сообщает журнал Сибирского Отдела Географического Общества, — то увидим и там, быть может, еще более поразительный пример ее физического и психического видоизменения. Здесь в видоизменении ее опять действовали вместе физико-географические и этнологические условия края. Русские колонисты, при их малочисленности в сравнении с туземным якутским населением, неизбежно должны были утратить свою национальную самобытность и устойчивость и во всем, заодно с якутами, подчиняться местным физико-географическим и этнологическим условиям. И вот они почти совершенно слились с якутами, объединились с ними брачным смешением и образовали своеобразную смешанную якутско-русскую народность. Черты лица и всего физического строения русского или обрусевшего и смешанного якутско-русского населения почти вполне усвоили признаки племенного типа якутов. Природные якутские уроженцы, проживающие в Иркутске и сами в своем лице довольно заметно представляющие облик природных, чистых якутов, так характеризовали нам физический тип обруселых якутов и русских, происшедших от смешанных якутско-русских браков: «Народ этот более сухошавый, как и коренные, природные якуты, и смугловатый, но уже не так, как настоящие якуты, которые весьма смуглы. Волосы у чистых природных якутов черные, даже «святят», и жестки, а у обруселых якутов или у якутских русских — весьма темно-русы и менее жестки, но нередко бывают также и очень черны и жестки. Беловолосых или рыжеволосых вовсе нет ни между чистыми якутами, ни между обруселыми. Глаза у обруселых якутов и у природных якутских русских жителей больше походят на глаза природных чистых якутов, чем на глаза российских поселенцев, но менее узки, чем у китайцев

или монголов. У обруселых якутов, равно как и у давнишних, природных русских якутских жителей, скулы несколько выпуклы, но менее, чем у природных, чистых якутов; нос плосковатый, но «не чрезвычайно». Якутки красивее буряток, и потому русские сплошь и рядом берут их за себя замуж. Оттого природные якутские русские жители, представляющие четвертое, пятое или шестое туземное смешанное поколение, по наружности почти нисколько не разнятся от якутов или весьма мало в чем разнятся».

Но если мы находим смешавшееся и почти превращающееся в инородцев русское население на севере Сибири, поглощение которого могло бы быть объяснено его незначительностью, то подобною же бедностью и недостатком русского элемента оно не может быть объяснено на юге, куда русское население подошло к инородцам, так сказать, сплошною стеною. А между тем здесь совершаются те же явления, как на севере: русские смешиваются с тунгусами, якутами, бурятами. Смешение населения здесь происходит также двумя путями: обрусением некоторых инородцев, браками их с русскими женщинами и внесением своих национальных признаков в среду русскую; точно так же и обратно, в силу брачного влечения русского населения к инородческому.

В Юго-Восточной Сибири, говорят «Известия» Сибирского Отдела, в верховьях Ангары до Братского порога, особенно в верховьях Лены до р. Илги, по р. Иркуту, в окрестностях Байкала и во всем Забайкалье до Амура, славяно-русская народность подверглась не менее заметному и, кажется, еще более типичному видоизменению в физическом строении. Здесь в изменении ее главным образом действовали не столько физико-географические, сколько этнографические условия, не столько климат, почва или вообще физическая экономия края, сколько физиологическое смешение славяно-русской народности с монголо-бурятским и отчасти тунгусским племенем. Самое характеристическое явление в этнографической организации восточно-сибирского населения представляют так называемые «ясачные». Это крещеные буряты, женившиеся на русских женщинах или иногда на крещеных бурятках и живущие особыми дворами или селениями, отделенными от бурятских усулов. Они частью поселены в особых селениях или деревнях, частью рассеяны по русским селам, деревням и даже городам. Так называемые «ясач-

Взаимодействие русского и инородческого населения

ные селения» большею частью целиком населены одними «ясачными», т. е. оседлыми и обруселыми бурятскими поколениями. Таких селений, например, в Галаганском округе 13, в Верхоленском — 7; едва ли не больше всего их в Забайкальской области. Другие ясачные водворены вместе с русскими крестьянами в русских селениях. Во многих русских селениях половина жителей состоит из русских крестьян, а другая половина из обруселых бурятов или ясачных.

(Вот эти-то своеобразные жители юго-восточной части Сибири, так называемые «ясачные» и «оседлые инородцы», по всей наглядности представляют нам самый типический пример видоизменения славяно-русской народности под влиянием физического смешения ее с азиатским племенем, совершенно другой расы. Достаточно взглянуть на представителя этого ясачного, бурятско-русского населения Восточной Сибири и сравнить его с родоначально-русским типом или с болгаром, чехом, сербом, поляком, чтобы увидеть, до какой степени видоизменился чистый славянский тип в этом восточно-сибирском ясачном населении, вошедшем в состав русской народности и год от году пополняющемся новыми поколениями, привходящими в состав его из бурятского и тунгусского племен. Но и помимо ясачных селений, везде в Иркутской губернии и особенно в Забайкальской области, постоянно совершается естественноисторический процесс местного этнологического видоизменения русской народности вследствие постоянного сожительно-бытового смешения русского населения с бурятским племенем. Вероятно, многие, а местами, быть может, и большая часть крестьян, которые, числясь под этим именем в ревизских сказках и церковных ведомостях, живут вместе с ясачными в одних селениях, не что иное, как «выродки» (по туземному сибирскому выражению), или потомки более древних ясачных, живших еще в XVII и XVIII столетиях, а теперь уже совершенно слившихся с русским населением, или мало-помалу перешедших в состав и категорию сословия крестьян или же разночинцев, купцов и мещан. Иначе ничем нельзя объяснить, например, таких сплошь и рядом встречающихся явлений, как брацковатый тип многих из старинных уроженцев так называемых чисто русских крестьянских сел и деревень и, в частности, часто встречающийся, особенно в Нерчинском крае, в духовенстве и его потомстве. Эрман также описывает, как заме-

нательную местную этническую особенность, почти повсеместное распространение в русском населении города Иркутска и Забайкалья монголо-бурятского типа. В самом городе Иркутске, не только в простонародье, но и в среднем сословии, он встречал множество лиц, как мужчин, так и женщин, которые поражали его своим монголо-бурятским обликом. А в Забайкальской области он сплошь и рядом видел мещан, купцов и особенно крестьян и казаков, почти совершенно обурятившихся по наружности, языку и быту*. Доктор медицины Шперк, долго занимавшийся медико-топографическими исследованиями и наблюдениями в Восточной Сибири, в забайкальских казаках также заметил сильное изменение русской народности под влиянием бурятской крови. «Забайкальский казак, — говорит он, — это смесь русского выходца с забайкальским бурятом; в наружности бурятский тип даже значительно преобладает: кровная помесь с бурятами имела влияние и на черты лица, и на все физическое строение тела, и на самую психическую сферу забайкальских казаков»**. В некоторых прибайкальских деревнях, например, в Алацах, в 1801 году водворены были вольные военные поселенцы, служившие в России при Суворове. Они, по словам Мартоса, переженились здесь на бурятках и уже имели (около 1827 г.) взрослых детей. При первом взгляде на взрослое поколение тотчас видно нечто общее с характеристикою монголов. То же замечено было уже давно Палласом.

Подобное же слитие с инородцами мы замечаем во всей Сибири, как в Восточной, так и Западной; но Западная Сибирь до сих пор исследована менее.

В некоторых местах Сибири жители прямо называют себя *смешицей*, смешанным народом, вырожденками. «Из обоюдных или взаимных браков бурятов и русских происходит, — пишет Паллас, — *род мулатов*, которые имеют несколько монгольское обличье и черные или очень темные волосы, но в то же время правильные и прямые черты лица; они известны под именем *карымов* или *карымок*». Таким образом, потомки, происходящие от подобной помеси, получили даже областное местное название. Мы уже говорили о смешанной расе, образовавшейся от смешения якутов с русскими; обратимся теперь к остяцким карымам.

* Ermans, Reise, II, 250.

** Медико-топограф. сборн., стр. 66.

Взаимодействие русского и инородческого населения

Вследствие физиологического смешения с северо-енисейскими азиатскими племенами, преимущественно с остяками, физическое строение русского туруханского населения, естественно, более или менее подверглось некоторым весьма заметным изменениям. В физиономии русского туруханского населения сплошь и рядом проглядывают черты обличья остяцкого, тунгусского, самоедского и якутского. Дети от браков коренных, природных русских туруханцев с остячками сохраняют общие черты остяцкой наружности, большую или меньшую выпуклость скул, смуглый цвет лица, черные, жесткие волосы, общую сухощавость телосложения при несколько выдающейся остяцкой неуклюжести, непропорциональность частей в общей структуре тела. А дети от браков новоприхожих русских поселенцев с остячками более принимают черты русского облика, белый цвет лица, светлые волосы, большую стройность и крепость телосложения, но все-таки несколько разнятся от чистокровных русских людей. Здесь даже русские, не смешавшиеся с инородцами, в последующих поколениях изменяют склад тела и становятся несколько похожи на инородцев, особенно на остяков. У многих русских, особенно у мешан туруханских, цвет волос, лица и всей кожи на теле, а также сложение костей лицевых, плечевых и ножных почти совершенно такие же, как у остяков. Оттого они, подобно остякам, при довольно низком росте, более или менее сутуловаты, коренасты, с плечами широкими, большею частью толстошеи, часто с заметно кривыми и довольно массивными ногами, выглядят, подобно остякам, несколько исподлобья.

Такой же новый тип встречается и в ясачных селениях от смеси бурятов с русскими. «В большей части ясачных селений в настоящее время живут уже по преимуществу почти совершенно обруселые бурятские поколения. В них сначала поселены были крещеные буряты, женатые большею частью на русских женщинах. Теперь в них живут их дети и внуки, женатые также на русских или ясачных и обруселых из буряток женщинах. По наружности, при поверхностном взгляде, эти обруселые бурятские поколения часто кажутся уже совершенно русскими крестьянами, хотя с первого же взгляда кажутся и отличными, отменными чем-то от них. Цвет лица и кожи у обруселых потомков первоначальной русско-бурятской помеси становится иссмугла-белым или

смугловатым; у женщин, при черных волосах и бровях, часто значительно более или ярче окрашен, чем у мужчин; волосы делаются более мягкими, по большей части сохраняют черный цвет, но иногда бывают и темно-русые; узкость глаз и выпуклость щек или верхней части скул, хотя и не вполне, но значительно уменьшается, у мужчин является даже борода, хотя большею частью и даже почти всегда небольшая, короткая, редкая. Все эти изменения окончательно или наиболее выразительно обозначаются во втором, но большею частью в третьем поколении. Но, с другой стороны, нередко в третьем, четвертом и даже дальнейших коленах бывает хотя и не полная, но весьма заметная реверсия или довольно резко бросающееся в глаза возвращение к признакам бурятского прародительского типа. И вообще, во всех тех смешанных поколениях, которые первоначально произошли от смешения бурят с русскими женщинами и русских с женщинами бурятскими или ясачными, и потом от времени до времени подвергались повторному скрещиванию с бурятами или ясачными, образовался такой своеобразный народный тип, который представляет более или менее однородные характерические признаки, но не вполне или не во всех отношениях сходные с признаками родоначальных, прародительских типов — славяно-русского и монголо-бурятского. Во всех этих поколениях более или менее сохраняется черный цвет волос на голове, свойственный бурятам, большая или меньшая суженность или как бы сшитость глазных век с правой и левой стороны лица, большая или меньшая выпуклость и массивность верхней части скуловой или челюстной кости, часто большая или меньшая кривоноготь, или выдающаяся в разные стороны изогнутость коленной части ног, походка с большим или меньшим перекачиванием с боку на бок и часто довольно подвижная, живая. Наконец, борода большею частью бывает, как мы сказали, короткая и редкая или жидкая и нередко проявляется даже стремление к «безбородости».

Точно такие же типы образуются от помеси с тунгусами, коряками около Охотска, с березовскими остяками, киргизами и т. п. Все эти помеси носят общий характер монгольского или финского типа; в Западной же Сибири подобный отпечаток в физиономии называют калмыковатостью. В казачье войско Западной Сибири входило много различных

Взаимодействие русского и инородческого населения

рас в виде выкращенных пленников; кроме сибирских инородцев, на семипалатинский рынок привозились на продажу рабы из каракалпаков, бухарцев, индийцев и проч. Поэтому у сибирских казаков нет общего типа, как, например, у уральских; в сибирском войске замечается необыкновенное разнообразие, и, по словам одного наблюдателя, можно и теперь еще узнать чисто русскую кровь по широкому и крутому лбу — таковы фамилии, произошедшие от драгун, записавшихся в казаки, или от малолеток. Есть типы необыкновенно красивые, может быть, происходящие от бухарцев; но много широкоскулых физиономий, обличающих монгольское происхождение; последние, кажется, преобладают. Встречаются иногда странные типы; так, один тип подходит вполне под описание гунна, приведенное Миль-Эдвардсом; другой тип напоминал китайца до такой степени, что казаки звали его «чюрчють» (по-киргизски — китаец). При смешении русским передаются инородческие черты: узкоглазость, небольшая скуластость, смуглый цвет лица и волос; зато инородцы получают русские черты, смягчающие резкие отступления низшей расы.

Смешанный тип так распространен в Сибири, а в некоторых местах, при недостатке великорусского чистого населения, достиг даже такого господства, что чистый великорусский тип считается за нечто исключительное и также получил местную кличку «маганный». Маганный — это белокурый пришелец с великорусским типом, противоположность метису-карым. Когда хотят их отличить, говорят: «Это маганный, это — карым». Сибирская девушка говорит, например: «Я не люблю маганого, я люблю карыма».

Своеобразный, полуинородческий тип карыма не представляет резкого безобразия; некоторые находят его даже красивым в европейском смысле. Вот, например, отзыв Щапова: «Вообще едва ли мы ошибемся, — говорит он, — если скажем положительно, что в общем составе или результате как мужчины, так и женщины, происшедшие путем смешения русского племени с бурятским, представляют собой часто довольно красивый физический тип или облик, несколько похожий на тип греческий или иногда цыганский, а по замечанию некоторых других наблюдательных лиц, похожий и на тип итальянский». Очень может быть, что такое сходство получается в силу южного впечатления, кото-

рый носят на себе инородцы. Подобные отзывы о помеси с инородцами в крайних своих сравнениях с итальянками и гречанками, может быть, и грешат некоторою преувеличенностью, но указания, что тип этот находят вообще не неприятным, подтверждается таким беспристрастным судьей, как Паллас. Он говорит, что карымы обладают «правильными и приятными чертами лица». Тип этот, во всяком случае, может считаться если не особенно красивым, то привлекательным или, в крайнем случае, не безобразным*.

Постепенное смешение с инородцами не могло не повлиять на привычки, вкусы и влечения русского населения на востоке. Так, у местного населения образовалось даже особенное расположение к бракам с инородцами. «Благосостоятельные русские сельские жители, — говорит Паллас, — а также и многие горожане с давних пор уже имеют обычай выбирать себе в жены бурятских или монгольских женщин, кровь которых, по их уверению, горячее крови русских женщин, и буряты, побуждаемые временными выгодами или расчетами, охотно дозволяли своим дочерям креститься и выходить замуж за русских. Встречаются и такие примеры, что богатые буряты крестятся из-за того только, чтобы иметь возможность взять замуж за себя русских женщин». Расположение к бракам с инородцами на восточной окраине замечается не у одних простолюдинов, часто подчиняющихся горькой необходимости; оно встречается и в более требовательных насчет красоты сословиях. Вот что говорят по поводу этого «Известия Сиб. Отдела Г.О.»: «Браковатый или бурятский тип и обличье появляются постоянно в сибирских туземно-урожденных родах казачьих, мещанских, купеческих и чиновничьих. Все чаще и чаще русские женятся на крещеных бурятках, а новокрещеные буряты — на русских женщинах, — и поколения их опять сливаются с русским населением, привнося с собою в народный склад его более или менее своеобразные особенности». И далее: «достойно замечания, что даже в половом подборе

* При исследовании инородцев в 1880 г. во время нашей экспедиции в Алтай мы видели весьма многие инородческие типы и нашли, что типы северных алтайцев, живущих в лесах Бийского и Кузнецкого округа, весьма отличаются от южного монгольского типа, а население кумандинцев представляет очень привлекательный тип, весьма приближающийся к кавказскому. В некоторых местах вырождение произвело то, что невозможно отличить русских от потомков инородцев, смешанных с русскими.

Взаимодействие русского и инородческого населения

русско-сибирский вкус более или менее согласуется с вкусом бурятским и нередко *пленяется* бурятским идеалом женской красоты». Обольщение инородческою красотою явилось на востоке настолько же чисто физиологическим процессом, насколько и проявлением сердечного чувства. Забайкальский поэт Баульдаф стихами изобразил истинную историю русского, влюбившегося в тунгуску. Русский полюбил ее за дикую смелость, за своеобразную прелесть дикарки, отдающей беззаветно свое сердце. Идеал инородческой красоты поэт передает следующими стихами:

«... он пожирает
Очами чудные красы.
Тунгуски черные волосы
Кругом повиты оргуланом (повязка);
Он, разукрашенный маржаном,
На стройном девственном челе
Горит как радуга во мгле.
В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный ургуй (сибирский полевой цветок)
Манит любовь и поцелуй».

В другом стихотворении, посвященном бурятке, поэт вспоминает о бедной инородке, подарившей участием его, больного и одинокого, среди пустынной степи; он с признательностью говорит о ее самоотвержении. По всей вероятности, не раз подобные чувства играли роль в привязанностях русского человека, закинутого на далекий восток. В одной русской песне, распространенной в Сибири, поется, как добрый молодец долго блуждал по пустыне, пока не нашел «полоняночку», т. е. инородку. Любовь руководит фатально красивою буряткою, уходящей из семьи, чтобы соединиться с бедным русским парнем, как и чувствами нередко вполне развитого русского и обладающего тонким эстетическим чутьем. Таинственный голубой цветок любви отыскивается во всех широтах; русский находил этот «милый цвет» также и «в Даурии пустынной и угрюмой».

Вкус к инородческому типу сильно развит в современной Сибири. Приятный тип, происходящий от последовательной метисации, великорусская национальность на востоке даже предпочла своему и отдала ему все свои симпатии. «Несколько черноватый или смуглый цвет лица, — говорит Щапов, — сибирякам, по-видимому, нравится более,

чем рыжий или красный. По крайней мере, во многих местах Сибири, особенно Восточной, слово «краснорожий» синонимично слову «безобразный», и употребляется как бранное слово, тогда как слова «черномазый халзан, карым или карымочка» употребляются, сколько мы слышали, как слова ласкательные или любезно-шутливые, например, относительно детей или девиц. Блондины, рыжие и краснолицые великороссы поэтому не в ходу в Сибири, и местный вкус ставит идеалом красоты брюнетов. Это подтверждается, например, следующим наблюдением. Раз в Иркутске, в одной мещанской семье, переселившейся из окрестностей Байкала, несколько девушек, природных русских сибирячек, рассматривали картину, изображавшую преимущественно монгольские или китайские лица. Когда они сообщали друг другу свои мнения о том, которые лица, мужские и женские, казались им «хорошенькими», то оказалось, что все это были такие лица, которые по преимуществу или даже с особенною типичностью выражали собою чисто азиатский, монгольский или китайский тип: узкие глаза, плоский нос, широкие и толстые скулы и проч., только при большей пропорциональности и округленности общего очертания лица. Лица, смахивавшие несколько на черкесов, татар или цыган и греков, казались им «странными».

При такой склонности сибирского русского населения к слиянию с инородцами необходимо заняться исследованием, к каким последствиям, как физическим, так и нравственным, приводит это слияние. Необходимо исследовать, какие дурные последствия происходят от смеси с расой низшей, более слабосильной и развивавшейся в крайне скудных естественных условиях. Таковы изменения в росте, силе и в потере многих культурных черт и инстинктов. Этнографические наблюдения доказали особенную невыгоду для славяно-русской народности при смешении с северными инородцами. Физиологическое смешение русского туруханского населения с туземными азиатскими племенами весьма заметно сопровождалось некоторыми изменениями в его росте. Нет сомнения, суровый туруханский климат и скудное питание составляют существенную причину общей малорослости природных туруханских жителей. Но несомненно и то, что и постоянное, из поколения в поколение переходившее смешение русских с остяками и другими тузем-

Взаимодействие русского и инородческого населения

ными инородцами оказывает не менее существенное влияние на уменьшение роста русских туруханских поколений. В средней и особенно южной части Енисея и климат благоприятнее, и русское население, по-видимому, более свободно от примеси инородческой крови. Там и население выше ростом. Из русских жителей Туруханского края туземные уроженцы, казаки и особенно мещане, у которых не отцы только, но и деды и прадеды родились в Туруханском крае, ростом, с одной стороны, немного выше туземных остяков и тунгусов, с которыми они от времени до времени смешивались посредством брачных союзов, а с другой стороны — ниже южно-сибирских русских жителей и новоприхожих из России поселенцев. Средний рост остяков енисейских и байхинских — 2 арш. 1 верш.; самые высокие из них достигают до 2 арш. 5 в.; у русских жителей Туруханского края средний рост 2 арш. 3 вер., высший — 2 арш. 5 $\frac{1}{2}$, верш. Жители южных частей Енисея уже выше ростом; даже казаки туруханские, у которых отцы или деды родились где-нибудь южнее в Сибири, ростом до 2 арш. 6 верш. Точно такое же влияние производит смешение с северными расами и на понижение силы. Физическая, мускульная сила русского туруханского населения также, по-видимому, несколько понизилась, частью вследствие неудовлетворительного питания, а частью вследствие смешения его с такими слабосильными инородцами, как остяки, тунгусы и проч. У верхнеимбацких остяков, по собственному их сознанию, самый сильный человек легко поднимает 5 пудов. По сознанию байхинских остяков, у них самый сильный поднимает 6 пудов и весьма редко 7 и 8 пудов; средней силы байхинский остяк поднимает только 4 пуда, так же, как и юрак. Русские объясняют малосилие остяков тем, что они мало питаются хлебом, а больше едят рыбу, порсу, изредка пробавляясь зимой мясом, например, оленьим, медвежьим и больше всего беличьим. Но и сами русские туруханские жители большею частью немного сильнее остяков. Из 12 туруханских мещан и казаков, при нас поднимавших с возов на плечи и переносивших в амбар кули с мукой, на расстоянии не более 2 сажень, человек 10, помоложе, могли сами поднять с воза на плечи и нести в амбар куль пудов 5 или 6. Некоторые могли поднимать и пудов 7 тяжести. Вообще же, почти все эти 12 человек, хотя в неодинаковой степени, но с большим или

меньшим трудом и усиленным напряжением поднимали и переносили кули пудов в 5 и 6. Особенно слабее силой оказывались, по-видимому, те природные русские уроженцы Туруханского края, у которых и телосложение, и обличье наиболее представляли оттенки остяцкой породы. Вообще, по всей северной долине Енисея, между 61° и 65° с. ш., сколько мы могли разузнать, средней мерой силы считается способность поднятия 6 пудов, и сами «низовые» енисейские жители сознаются, что они малосильнее «верховых» русских жителей. В селе Ворогове (61° с. ш.) один 60-летний старик нам говорил: «низовой народ, мы так полагаем, силой против верхового не будет; мы полагаем, говядина силы придает человеку: вот на приисках верховые живут на говядине и подымают по 8 пудов, а мы, как едим одну рыбу, то с трудом поднимаем и 6 пудов». Сами русские туруханские жители сохраняют предание, будто прежде, особенно в начале, когда отцы их пришли из России, они были сильнее, а нынешние поколения совсем измельчали и обессилели.

Самая невыгодная сторона новой расы, происшедшей от смешения, это уменьшение плодovitости. Плодовитость русского смешанного туруханского населения ослабела в сравнении с плодovitостью великоруссов, частью под влиянием сурового полярного климата, недостаточного питания и усиленного напряжения рабочей энергии в упорной борьбе с дикой природой, а частью вследствие унаследования более слабой плодovitости путем смешения русских с остяками, тунгусами и другими северно-сибирскими инородцами. Русская туруханская женщина несколько плодovитее женщины остяцкой, но значительно менее плодovита в сравнении с женщиною южно-сибирскою или великорусскою (особенно в зажиточных семьях). По словам нижнеимбацких остяков, у них женщина никогда не родит более восьми детей; такая плодovitость составляет редкое исключение, обыкновенно же они родят не более четырех и даже трех детей. Несколько южнее, у верхнеимбацких остяков, женщина родит иногда даже девять детей. Байханские остяки-самоеды уверяли нас, что прежде женщина родила у них до десяти детей, и это было самое большое число рождений; ныне же из 43 остяков только у одного жена родила восемь детей. Русские туруханские женщины родят больше, чем инородческие, но меньше, чем русские женщины в более уме-

Взаимодействие русского и инородческого населения

ренных и теплых полосах России, в среде иной этнической метисации и при других, более благоприятных условиях скотоводческого и земледельческого способа пропитания. Вообще, производительность русских женщин, не только по мере удаления в сферу сурового полярного климата, но и по мере усиления русско-инородческой метисации, все более и более ослабевает, частью вследствие климатического влияния, частью вследствие наибольшего расхода силы на трудное добывание пищи и других средств жизни, а частью и вследствие физиологического смешения русского населения с наименее плодовитыми племенами, каковы остяки, тунгусы, самоеды и другие северо-азиатские племена. В частности, от браков русско-остяцких метисов родится всех детей, сколько мы узнали, шесть, семь и самое большее — девять. Такие последствия, вместе с уменьшением роста и силы, конечно, должны считаться печальною утратою лучших национальных и расовых черт русской народности; они выражают собою понижение и вырождение высшей расы. Факт этот заслуживает серьезного внимания.

Мы имеем основание, однако, думать, что не везде и не со всеми инородческими племенами метисация производит ослабление плодовитости. При наших исследованиях мы видели примеры, где потомки русских, смешанных с инородцами, весьма размножились. Так, по ревизским спискам мы проследили нарастание населения в Кумышской инородной управе, где было до десяти семей инородцев в прошлом столетии. Ныне же потомки их образовали целые деревни и представляют многочисленное поколение. Инородцы Кумышской инородной управы притом совершенно выродились и потеряли инородческий тип; то же замечается на Быстренской управе Бийского округа.

Любопытно было бы проследить, какие изменения происходят при смешении в отдельности с каждою из туземных народностей Сибири национального русского типа, чтобы судить о тех или других наследственных последствиях. Как мы видим, помеси с низшими северными инородцами ведут к прямому ущербу, но, может быть, этот факт имеет место только при смешении с северными инородцами, а при смешении с другими последствия происходят другие, не столь опасные и ведущие к совершенному вырождению расы. Затем необходимо определить, какие изменения в типе по-

томков, происходящих от метисации, можно считать неважными и какие ведут к ослаблению физической организации, силы и способностей. Известно, что уменьшение роста не всегда сопровождается уменьшением силы; известны национальности низкорослые, но приземистые, коренастые и плотные, отличающиеся значительной силой. Точно так же инородцы-дикари обладают при низкорослости иногда замечательной ловкостью, гибкостью, проворством, например, буряты в борьбе, и так далее. Любопытно поэтому знать, переходят ли к русским при смешении подобные способности. В умственном и духовном отношении точно так же не все инородческие расы лишены способностей; нередко они отличаются замечательным развитием их. Мы чрезвычайно мало знаем наших инородцев и с именем киргиза, бурята и якута привыкли соединять тупоумие и относиться к ним презрительно. Но вот что сообщают, например, русские и иностранные путешественники об якутах: «Прекрасно одаренные во всех отношениях, искусные во всех ремеслах, которые быстро перенимают у русских, и при этом, как кочевники, немного требующие, якуты производят мирные завоевания даже русской народности, т. е. объёкучивают русских. Своими склонностями, хитрой ловкостью и бесстыдством якуты, особенно городские, напомнили Миддендорфу жидов. Народ, который, таким образом, умеет господствовать, несмотря на чужое владычество, во всяком случае, заслуживает нашего внимания, и какие бы ни были недостатки этого народа, ему нельзя отказать в силе его народности». Точно так же замечают, что киргизы обладают развитой фантазией, замечательным поэтическим и художественным чувством и самым веселым юмором. Интересно исследовать, насколько подобные способности отражаются на русских при физиологическом слиянии. При смешении рас обыкновенно замечается закон, по которому, при слитии с новыми народностями, присоединяются и некоторые новые качества, не бывшие в прежней расе. Как ни поверхностны этнологические наблюдения на нашем востоке, но и здесь замечается, что некоторые особенно изощренные способности, выработанные инородцами в условиях их местного быта, передаются и русским. Так, тунгусы известны, например, своею зоркостью. Когда один путешественник в Сибири следил за затмением спутников Юпите-

Взаимодействие русского и инородческого населения

ра при помощи телескопа, инородец видел простым глазом и объяснял, как большая звезда проглотила и выплюнула маленькую. Георги пишет о них: «Тунгусы чрезвычайно зорки и чутки, но тем тупее у них обоняние. В стрельбании из луков они метки. В местах, где они кочуют, им знакомо почти всякое дерево, всякий камень и проч. Следы зверей узнают на утоптанном мхе, траве или просто по знакам на голой земле, где посторонний человек никак не может приметить ничего особенного. Когда хотят иметь свидание в других местах, то место умеют отыскивать так точно, либо делают пальцем на снегу или на земле такие чертежи, что непременно где надо сойдутся». И туруханские тунгусы обладают такою же зоркостью, остротою и приметливостью органа зрения. «Они знают в лесах, — говорил про чепагирских тунгусов один туруханский казак (Кандин), ходивший вместе с ними «лесовать», — знают каждый хребет, каждый камень, каждое дерево. Им заприметна всякая узя, всякая чуть заметная дорожка в лесу; они узнают след всякой лыжи, белки, волка. По следу на земле или на снегу, продавленному лодыжками медведя или волка, узнают сердитый или нет медведь, опасный или нет для их оленей, хитрый или нет волк. Своих они узнают по разным следам лыж, по размашке шагов, по кругам на снегу, по заломам на деревьях, по сучьям, набросанным на дорогу, по обтоптаным на снегу следам. Каждая баба узнает след лыж своего мужа. Есть такие зоркие тунгусы, что видят далеко, с хребта на хребет, с камня на камень, за 7 верст пересчитывают стадо диких оленей, стреляют и никогда не простреливаются мимо».

у «Русские, — сообщает этнографическое исследование Щапова, — вследствие скрещивания с остяками и тунгусами приобрели, хотя и в слабой степени, те же их особенности. Так, они усвоили замечательную способность тунгусов — особенную утонченность зрения. Точно так же и русские туруханские уроженцы, особенно низовые, «затундренные», отличаются такою же зоркостью и приметливостью. Они приобрели эту особенность частью вследствие усиленного употребления органа зрения, какое необходимо обусловливается у туземных зверопромышленников блужданиями по лесам и тундрам, а частью, быть может, и вследствие унаследования этого свойства от тунгусов путем физиологического смешения с ними.

Несмотря на то что на низу Енисея и за тундрой страшные

пурги и метели заносят и без того едва проторенные, чуть видные дороги, и нередко случаются там так называемые галлюцинации пустыни и снежная слепота, какую испытал и Миддендорф, природные низовые и затундренные жители никогда не сворачивают, не уклоняются с дороги и не заблуждаются, тогда как новоприхожие поселенцы нередко теряются без вести в тундре, не имея возможности никуда убежать. Природные низовые и затундренные жители примечают и узнают дорогу по так называемым ими «кычам» или по расположению куржаков и заиндевелостей на деревьях, по наклонению или, как там говорят, «прилежанию травы» на тундре, по направлению конусообразных сторон, заструг или сугробов и суметов снега и т. п.». В доказательство этого приводится следующий пример: «Раз Кирьян Евдокимов Иевлевский, крестьянин за Толстым Носом, с Толстого Носа ехал домой; ниже, в Коргу, взял да нарочно оставил дорогой стойку вина, чтобы попробовать сына, может ли он ездить в темную дорогу, в пургу. Приехал домой, да и послал сына найти флягу. «А в котором ветру ты ее оставил, по какому ветру ехать?» спросил сын. — «Поезжай, как знаешь, как глаза научат». Поехал сын и в темноте разглядел и нашел фляжку».

Из сделанных доселе наблюдений, таким образом, оказывается, во-первых, что славянская раса при смешении своем с инородцами нередко оказывала весьма слабое влияние и терпела понижение в своих качествах; отсюда явилось вырождение русской народности; но рядом с этим нельзя было не заметить в других случаях, что русская народность, ассимилируя инородческие племена, приобретает не одни отрицательные признаки, но и разнообразит свои способности, а также заимствует некоторые положительные качества в изошренных способностях и ощущениях. Каковы бы ни были новые положительные качества, приобретаемые расою, другая сторона явления дает, однако, известное предостережение и указывает на необходимость принять какие-либо меры против понижения славянской расы в Сибири.

Из наших личных наблюдений и исследований по этому предмету мы вывели, что восприятие и преобладание инородческих признаков зависит от числа русских и инородцев и численного преобладания того и другого племени, как и процентного отношения в той или другой местности. Так, на севере в Березовском, Туруханском крае и на Лене встречается

Взаимодействие русского и инородческого населения

ся чаще вырождение и обынородчивание русских и понижение расы, чем в средних округах Сибири. Преобладание на севере инородцев выражается в 354% — 445% над русскими, а в середине Сибири от 3% до 16% на русское население.

Далее смешение с различными племенами и расами дает различные последствия. Наименее выгодные в этом случае смешения с наиболее низшими расами и индифферентны или выгодны с равными и высшими.

К наиболее низшим инородцам в Сибири по типу, культуре и образу жизни могут быть отнесены: остяки, самоеды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгусы, коряки, чукчи, камчадалы-гиляки и т. п. Это низшие представители финской и монгольской расы.

К более высшим: тюрки, бухарцы и сарты, татары, часть оседлых алтайцев, как кумандинцы, кузнецкие черневые татары, вогулы, зыряне.

Смешение с последними отражается меньшими изменениями в типе и понижением расы, в качественном достоинстве. Мы не могли не обратить внимание, что культура и образ жизни, который ведут инородцы, весьма способствуют расовым особенностям и различиям. Поэтому все племена, переходящие к высшей культуре, изменяют и свои качественные способности. Истина, может быть, не вполне доказанная, но подтверждающаяся некоторыми научными соображениями и отдельными наблюдениями. В деле смешения культурная сторона инородцев дает себя чувствовать. Указанные высшие типы сибирских инородцев обладают и более развитой культурой. Очень не мудрено, что по мере повышения в культуре и образе жизни остальных низших племен поднимется несколько самая раса и смешение будет иметь менее невыгодных сторон.

Но если славяно-русская национальность, при сближении и слитии на востоке с инородцами, была часто бессильна сопротивляться физическим и физиологическим изменениям, подчиняющимся законам метисации, то любопытно взглянуть на сохранение ею культурных черт и традиций, принесенных из-за Урала, которыми должны изменяться ее нравственная высота и культурная устойчивость населения. Культурное значение славяно-русской национальности при сближении с инородцами должно было обнаруживаться, во-первых, отстаиванием собственных культур-

ных качеств от инородческого влияния и, во-вторых, влиянием этой культуры на самих инородцев. Но как при всяком сближении, здесь не могло не произойти взаимодействия и, вместе с передачею инородцам кое-чего русского, усвоения и многого инородческого. Способностью этой передачи и степенью заимствования от инородцев может измеряться только степень нашего культурного влияния за Уралом. Культурные черты всякого народа выражаются в его бытовом складе, занятиях, привычках, обычаях, мирозерцании, веровании и языке. Русские принесли с собою, конечно, то и другое. Культурные черты русской национальности были, без сомнения, выше инородческих, вот почему она должна была бы мало того что отстоять свою культуру, но и привить ее к среде низшей. Влияние русской народности на инородцев действительно не могло пройти бесследно, но точно так же произошло и обратное действие, т. е. русские сами восприняли многое от инородцев. Заимствование инородческой культуры, обычаев и языка русскими на востоке составляет несомненный факт. При этом, конечно, играл роль тот уровень развития, которым обладала русская раса за Уралом, точно так же, как и многие другие внешние условия. Тем не менее этнографические исследования убеждают нас, что здесь русские теряли очень часто вместе с типом и свои характеристические признаки, нравы, обычаи, веру и даже язык, — словом, утрачивали свою национальность. С кем бы они ни сталкивались, остяки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имели на них сильное влияние, и русские им уступали. Особенно заметное обынородчивание русской расы мы замечаем, конечно, на окраинах. С самого момента завоевания обнаружилась уже склонность русских к подражанию многим инородческим обычаям. Затем, при совместной жизни с инородцами, заимствованные привычки получили еще большее развитие.

Многие точные изыскания свидетельствуют, что подобное обынородчивание происходило уже в XVII и XVIII столетиях. Прежде всего, имело место отатаренье русских и полигамия среди русского населения. «Вообще, как ясачные, крещенные полуобруселые татары, так и смешавшиеся с ними русские, — сообщается в географическом журнале, — долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями, сладострастною чувственностью и

Взаимодействие русского и инородческого населения

непокорностью православно-церковным русским нравам и обычаям. По свидетельству одного документа 1746 года, как русские пленных киргизов крестили, так киргизы русских «обасурманивали»*. Как киргизы и калмыки, принимая русскую веру, принимались и за хлебопашество, так иногда беглые солдаты, по свидетельству одного рапорта 1748 года, «принимали киргизскую веру и стада овечьи пасли». При заметной наклонности русского сибирского населения подражать азиатцам, иногда сами сибирские начальники находили необходимым или полезным усвоить некоторые азиатские обычаи, например, калмыцкие, и вводить их в быт русского населения. Вообще, по примеру киргизов и калмыков и сообразно с местными условиями климата и степей, западносибирское и особенно приалтайское русское население больше сделалось скотоводческим, чем земледельческим, обзавелось посредством вымена у киргизов и калмыков большими табунами лошадей и стадами рогатого скота, даже большею частью вело полукочевой образ жизни, постоянно перемещаясь из одного места поселения на другое. В самом земледелии русские усвоили некоторые приемы коренных туземных азиатцев.

Вследствие тех же исторических условий русское население до последнего времени обнаруживает подобные же свойства. И теперь русские, в отношении усвоения ими инородческих обычаев и отступления от национальной культуры, стоят почти в том же положении, как и их предки. Отзывы путешественников, ученых и этнографические отчеты, которые дают нам записки ученого общества, представляют картину даже более безотрадную, чем можно было предполагать. Вот, например, свидетельство Кастрена о русском обдорском населении: «Обдорские жители, представляющие разнородную помесь, заброшены судьбой на ледяные берега Ледовитого океана, и дух их окован узами, которые так же крепки, как этот лед, который оцепеняет сердце природы в их теперешнем отечестве. Оковы эти — грубость, невежество и дикость. Правда, эта грубость соединена со многими прекрасными, любви достойными качествами, с хорошими инстинктами, с невинными чувствами и добросердечностью, но при этих прекрасных, добрых и благородных чертах, к несчастью, встретил я у этих же людей так много

* Матер, для истор. Сибири, стр. 152.

отвратительного, так много звериной грубости, что, наконец, я их менее люблю, чем соболезненно оплакиваю... Русская колонизация началась здесь (в обской тундре) столетие назад; большая же часть колонистов утвердилась здесь в последние 30 лет. Коренные жители этой страны — остяки и самоеды. Как у них, так и у русских, совершенно им уподобившихся, нет никаких умственных интересов, хотя сколько-нибудь выходящих из ряда обыденной остяцко-самоедской жизни. В своем образе, даже в способе питания, русские здесь уподобились туземным остякам и самоедам. Когда я в первый раз приехал в Обдорск и вошел в дом одного мещанина, переселившегося сюда из Тобольска, я нашел всю его семью на полу и пожирающую сырую рыбу, которую сам хозяин дома разрезывал на части. Образованнейший житель города хвастался тем, что в течение целого полугодия ел одно сырое мясо. Проживавший там поляк, хороший повар, живший прежде в Петербурге, жаловался, что его искусство приносит ему мало пользы в Обдорске, так как люди здесь живут по-самоедски. Одежда у русских здесь такая же, как у самоедов и остяков. Многие из них схожи с самоедами и в том, что держат более или менее многочисленные олени стада. Наконец, русские жители Обдорского края стали так же дики, боязливы, как туземные остяки и самоеды. Живет здесь одна старинная русская фамилия. Их праотец во время войны Петра Великого с королем шведским изменил царю и бежал в этот отдаленный уголок света, чтобы здесь избавиться от напасти. Сочлены, сродники этой фамилии не хотели иметь со мной никакого сообщения. Встретил я их на улице, в расстоянии на выстрел, так они побежали и заперлись у себя дома. С таким же страхом и неприязненностью принимала меня и большая часть прочих жителей города, которым я казался опаснейшим пройдохой в коммерческих сделках». Наконец, вместе с умонастроением и понятиями остяков, самоедов и татар березовские и обдорские русские жители усвоили и много слов остяцких, самоедских и отчасти татарских. Так, например, в одном Березовском краю из 78 местных русских слов, записанных г. Абрамовым, до 28 слов остяцких и татарских. Подобные черты приводятся о столкновении и взаимодействии нашем с бурятами: «Сообразно с большей или меньшей физической ассимиляцией, и умственный склад рус-

ского населения в дауро-монгольской, а равно и в верхоленской стране, во многих отношениях весьма заметно приспособился к умонастроению монголо-бурятского племени и усвоил немало его умственных и нравственных качеств». Паллас, сказав о физиологическом смещении забайкальского русского населения с бурятским племенем, замечает, что «вследствие этого смещения, русские жители усвоили и бурятский язык, так что последний сделался почти господствующим языком простого народа»*. Шперк также замечает: «кровная помесь забайкальских казаков с бурятами имела влияние не на одни черты лица и физическое строение тела; она обнаруживается и в психической сфере. Этому, конечно, много способствовали и обстоятельства жизни казака в Забайкалье. В результате вышло, что казак сделался более зверопромышленником и пастухом, чем домовитым человеком и хлебопашцем». Вследствие этого скотоводство нигде в Восточной Сибири так не развито, как в забайкальских степях. В домашних делах и обычаях русское забайкальское население немало усвоило изделий, обычаев, поступков и сноровок бурятских. Так, например, русские бабы, по примеру буряток, шьют по-бурятски «яргачи» — козлиные или тарбаганьи шубы, у которых на груди нашиваются шелком разные узоры и передняя пола делается шире исподней, при опоясывании накладывается на верх другой полы, застегивается на боку шеи, так что пола покрывает грудь. У бурятов русские заимствовали умение или обычай выделывать пуговицы и корольки из разных костей. У бурятов русские переняли обычай и искусство делать у ножей черешки костяные, по бурятскому образцу; по тому же образцу они стали делать разные вещи, относящиеся к конской сбруе — стреножники, узды и проч. Подражая бурятам, русские приучают, посредством стреноживания, по всем правилам бурятского наезднического искусства, самых диких лошадей останавливаться вдруг, куда приедут, и стоять без привязи на одном месте. У бурятов они заимствовали и все принадлежности седлания лошадей, удержав и названия бурятские. Подобно бурятам, русские «сидят арака» — вино, только не из кобыльего молока, но по всем правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими орудиями, усвоив при том и бурятские названия этих орудий. По примеру

* Pallas, Reise, III, S. 275.

бурятов русские готовят «секшу», т. е. варят кровь животного и, смешивая кровяной сверток с жиром, едят с таким же удовольствием, как и буряты. Подражая бурятам, русские научились искусно есть полусырое мясо из-под ножа, разрезывая его у самых губ снизу. Казаки обыкновенно «бросают в воду целого барана, в большой котел, скипятят кое-как и едят, сидя кругом, поджав под себя ноги по-бурятски и по-бурятски же разрезывая куски мяса ножом у самого рта, под нижней губой. Подобно бурятам, русские, за неимением трубки, курят из земли, выкапывая ямку и вкладывая в нее какую-нибудь дудку от растения, соломинку и т. п.». Мало того: в самом умонастроении, в понятиях и верованиях забайкальское русское население значительно ассимилировалось с бурятами. Например, почти все забайкальские казаки и крестьяне, и мещане, у которых отцы и деды родились уже там и многие предки бурятско-русского смешанного происхождения, вполне верят в бурятское шаманство или ламайское прорицательство. Это замечено не только в отдаленной глуши Забайкалья, в средоточии монголо-бурятского населения, но и в окрестностях Байкала, вблизи Иркутска, например, в селениях Култуке, Тунке и др., где, по словам одного миссионера, русские держат даже и бурятских идолов, истуканов или божков на вышках своих домов и там шаманствуют тайком. В Нерчинском округе русские лечатся у шаманов, к шаманам обращаются с просьбой пошаманить, когда потеряют какую-нибудь вещь. Согласно с бурятами, русские, отправляясь в путь, на половине дороги кладут что-нибудь на дерево — деньги или хоть волосок с головы, в благодарность за то, что благополучно проехали до половины дороги.

Наконец, множество слов монголо-бурятского языка вошло в состав русского языка, которым говорят казаки и крестьяне; так, в сборнике слов русского наречия Нерчинского округа, составленном одним тамошним священником, записано 96 слов чисто монгольских или бурятских, совершенно усвоенных местным русским наречием и бессознательно произносимых, как коренные славянские слова.

Как в Забайкальской области, так и в Верхотенском крае русское население значительно ассимилировалось с туземными бурятами и тунгусами. По рекам Илге и Тутуре, особенно в селениях, находящихся в вершинах этих

рек, крестьяне, подобно местным тунгусам и бурятам, более занимаются звероловством, чем хлебопашеством. Во всех селениях Верхоленского округа крестьяне, подобно окружающим их бурятам, завели так называемые по-бурятски «утуги» или особые загороди за огородами и гуменниками или позади селений, десятин от 2 до 4 и более, частью для пастбы в нем телят, но главным образом для кошения лучшего, так называемого «утужного» сена, состоящего преимущественно из пырья. Подобно бурятам, богатые крестьяне имеют обычай держать, сверх надобности, более или менее многочисленные табуны лошадей и стада коров и овец, которые, как и у бурятов, «ходят на воле» или пасутся в степях без пастуха. Наконец, подобно бурятам, многие русские крестьяне, особенно в прежнее время, имели обычай строить хотя на одном дворе два дома: летний и зимний; зимняя изба называлась «зимовьем» и как бы соответствовала зимникам или зимним избам бурятов.

В некоторых домашних изделиях русские также усвоили бурятские образцы. Например, форма колес у телег и особенно одноколок, «крюк», устройство трубиц у них, а также большие деревянные чашки грубого изделия, халбагаи или большие деревянные ложки, деревянные ганзы или трубки, берестяные чуманы и т. п., все это принято от бурятов и отчасти от тунгусов. Некоторые русские даже нарочно нанимали ясачных из бурятов работников для деланья колес по образцу бурятскому и продавали эти колеса русским на телеги: их хорошо раскупали и расхваливали. В обыденной жизни русских крестьян Верхоленского округа также немало привычек и обычаев, схожих с бурятскими. Они, подобно бурятам, не брезгают есть мясо вонючее, с червями: убивая скотину, тут же варят в котле начиненные кровью кишки и едят их. Подобно бурятам, и крестьяне варят «саламат» из сметаны с мукой. Подобно бурятам, они едят большею частью без вилок и ножей, из деревянных чашек, подобных бурятским и делаемых нередко бурятами. В одежде русских жителей Ленского края также кое-что перенято от бурятов или тунгусов. Подобно туземным отдаленным от Иркутска бурятам, и русские ленские жители в значительной степени отличаются диковатостью и тупостью. При всяком внезапном и новом впечатлении они «дивуются» и как бы с дикар-

скою рефлексивностью, вплескивая руками и разиня рот, восклицают: «а-а-а! ах! Ой — дивоньки!» или совершенно по-бурятски: «ай-нохой, ай-нохой!». Когда ссыльные поляки стали делать в верхоленских селах колбасы, шить сапоги по европейскому фасону, то местные жители, по словам одного ленского жителя, «дивовались» всему этому и говорили: «диговинка, калбазы какие-то стали делать, сапоги косые; хитро!». Как буряты, по словам Болдонова, побывавши в городе, с диким удивлением рассказывают как о диговинках о хороших домах, о хороших экипажах и лошадях, обо всем, что видели на базаре, в лавках и магазинах и т. п., так и ленские крестьяне, изредка бывая в «Иркутском», как они выражаются, тоже всему там «дивуются». При грубости и дикости, русские жители Верхоленского округа наравне с бурятами и тунгусами отличаются высшею степенью азиатской лени и неподвижности. «Говоря о хозяйстве верхоленских крестьян, — замечает Шперк, — нужно сознаться, что, при грязи и бедности, совершенная апатия к разумному хозяйству так и проглядывает на каждом шагу, показывая совершенное отсутствие стремления к улучшению его». Подобно бурятам и тунгусам, многие ленские мужики, особенно «низовые», сваливают всю тяжелую работу на баб. Наконец, и в умственном отношении русские жители Верхоленского округа значительно освоились с бурятами и тунгусами. И здесь многие крестьяне верят в шаманство и нарочно ездят в бурятские улусы шаманить по бурятской лопатке, когда кто занеможет в семье или потеряется что-нибудь. В русском наречии ленских жителей также немало слов бурятских и тунгусских, как и в Забайкальском. Они также говорят, например: адали (подобно), галахай (крапива), качирик (двухгодовалый бычок), нохой (собака) или нох-нох-нох! (скликанье собаки) и т. п. В самом русском языке они выговаривают некоторые буквы как буряты, напр., букву с — как ш: вместо «Семен» говорят «Шемен», вместо «все» — «вше» и т. д.

То же явление замечается и при столкновении русской народности с якутами. Соотносительно с физическими изменениями и в умственном складе якутско-русской народности можно подметить более или менее значительные уклонения от славяно-русского умственного типа. Воспитание молодых поколений, происшедших из смеси русских с

якутами, их понятия, нравы и язык — все подверглось преобладающему влиянию якутской народности. «О воспитании детей здесь заботятся мало, — пишет Врангель о русских жителях города Якутска, — ребенка с малолетства отдают обыкновенно какой-либо якутке, которая, вскормив посылно и по крайнему своему разумению, года через два или три возвращает воспитанника, конечно, уже несколько обьякученного, родителям; дома он дорастает и, научившись несколько грамоте у священника или причетника, посвящается постепенно в таинства сибирской торговли пушным товаром или определяется в писцы какого-либо присутственного места, для достижения чинов, на которые и в Якутске бывают крайне падки. Таким первоначальным воспитанием здешнего юношества обьясняется с первого взгляда странным кажущееся явление, что даже в несколько высшем кругу общества якутский язык играет почти столь же главную роль, какую французский в обеих наших столицах. Это обстоятельство крайне поразило меня на одном блестящем праздничном обеде, который давал богатейший из здешних торговцев мехами в именины своей жены. Общество состояло из областного начальника, почетнейшего духовенства, чиновников и некоторого числа купцов, но большая часть разговоров была так испещрена фразами из якутского языка, что я, по незнанию его, принимал в беседе весьма слабое участие». Гартвиг, основываясь на словах Миддендорфа и других путешественников, высказывает даже такое замечание: «якуты представляют нам замечательное явление покоренного народа, навязавшего победителям свои обычаи и язык, — народа, не только не подвергшегося влиянию завоевателей, но, напротив, втянувшего его в свою сферу. Так, в Якутске или городе якутов (этим именем называют себя, не без некоторой национальной гордости, все тамошние уроженцы) несравненно более говорят по-якутски, чем по-русски, ибо почти все тамошние ремесленники — якуты, все няньки — якутки, и даже богатый русский пушной торговец нередко женится на якутке». Не менее поразило Миддендорфа, что, вступив в Якутскую область, он встретил русских только по происхождению, а по образу жизни совершенно обьякутившихся; даже трудно было в земледельческой, первоначально русской колонии Амгинской найти проводника, говорящего по-русски. Точно так же удивляло Мид-

дендорфа, что в пустыне между Якутском и Охотском не только тунгусы и их жены говорили чисто по-якутски, но и в самой прислуге путешественника находился тунгус, не понимавший другого языка, кроме якутского. Ни один русский не задумается вступить в брак с якуткой. В домашнем быту русское якутское население во многом ассимилировалось с туземными природными якутами. Дома в селах строятся «на вкус якутский», как выражался один беседовавший с нами русский якут, проживающий в Иркутске. В домах на якутский лад поделаны сплошные лавки от стены до стены из целых, «четвероугольно» обделанных и вместе сплоченных бревен, наподобие нар, с аршин ширины.

Наконец, и русский язык в Якутском крае подвергся значительному влиянию языка якутского. Большинство окрестного населения Якутска, хотя и знает русский язык, но довольно плохо, и говорит по-якутски. Еще более поразительные данные представляют нам ученые исследования об одичании и об инородчивании Туруханского края. Еще в 1814 году смотритель туруханских поселенцев Давыдов справедливо заметил о русских жителях верховых станков Туруханского края: «по замечанию моему, в 18-ти зимовьях зимовщики поступками своими более походят на азиатцев». И действительно, как свидетельствуют «Записки Сибирского Отдела», туземные или природные русские туруханцы и в психическом отношении довольно выразительно разнятся не только от великоруссов, но и от других юго-восточных сибиряков. Недаром они и сами представляют юго-восточную и юго-западную Сибирь другою, несколько чуждою или этнографически отличною страной и называют ее «Русью»: «мало ли чего у вас там на Руси не понашему, лучше», говорил один туруханский мещанин, по виду похожий на остяка, когда у нас зашла речь об южной Сибири. Природные русские туруханцы до того чувствуют себя чуждыми прочим местностям Сибири, что запуганные молвой об упразднении города Туруханска и о переселении их на юг, они хотят лучше переселиться еще дальше на север, на низ Енисея, чем, напр., в Минусинский край. Как остяки, которым мы советовали переселиться куда-нибудь в южные края Сибири и заняться земледелием, наотрез отвечали нам: «нет, душе неохотно, сердцу неугода», — так и русские туруханские мещане на тот же совет энергически возражали нам: «мы неподходячи туда, нам неохотно оставить свое место, где родились, да и не

умеем взяться за тамошние работы». Вообще, при всем заметно отличающем их добродушии, простосердечии и откровенной общительности, при ближайшем, простом и кротком обращении с ними, они обнаруживают, однако ж, подобно осякам и тунгусам, некоторую недоверчивость, боязливость, скрытность и лукавство в отношении новоприезжих «из Руси»; особенно на людей чиновных они поглядывают диковато, как бы исподлобья, отвечают на вопросы как будто нехотя, желая поскорее отделаться от них. Далее, вследствие давнишнего смешения и сожительства с инородческими племенами, коренные русские туруханцы, естественно, унаследовали, вместе с инородческою кровью, множество инородческих свойств и привычек. Образ жизни их во многом походит на образ жизни туземных осяков, самоедов, якутов.

Подобно осякам и другим туземным инородцам, они любят есть сырую рыбу, летом, во время рыболовства, живут в чумах отдельными семьями. В домашнем употреблении у них немало тунгусских и особенно осяцких принадлежностей или изделий, вроде «потакуя» — кожаного саквояжа тунгусского, или вроде «ытов» — берестяных корзинок в 1 $\frac{1}{2}$ четверти длины и в четверть ширины, вроде «унтиев» — берестяных ведер для носки воды, или «бальтий» — из бересты согнутых, круглых и низеньких шкатулок для ниток, иголок и проч. Подобно бродячим инородцам, тунгусам и затундренным самоедам или долганам, и русские поселенцы или посадские города Туруханска до 20-х годов нынешнего столетия предпочитали бродячий образ жизни зверопромышленника оседлой городской жизни. Многие туруханские мещане «отходили» на низ Енисея, за тундру, для звероловства и, подобно тамошним инородцам, жили разрозненно в так называемых «отъезжих зимовьях», похожих на тунгусские «голомы». В начале нынешнего столетия за тундрой было до 26 таких отъезжих зимовий. Вообще, наклонность к бродячему быту пересиливала в туруханских мещанах великорусскую народную наклонность к городской, промышленной оседлости.

В умственном складе и понятиях природных русских туруханских жителей также много сходного с примитивным мирозерцанием туземных осяков, тунгусов, юраков и самоедов. Справедливость, впрочем, требует заметить, что природный здравый смысл у них, вообще, развит достаточ-

но, есть сметливость, находчивость в трудных обстоятельствах жизни. В рассказах своих и беседах с нами они обнаруживали довольно смышлености, остроумия и наблюдательности. Но при всем том и ум их заметно поддавался влиянию туземных азиатских понятий. В низовьях Енисея русские придерживаются даже некоторых инородческих суеверий: за образами, например, на божницах держат «инородческих истуканчиков» или божков и занимаются, вместе с туземными инородцами, шаманством. Как тунгусы туруханские, проникнутые фанатическим страхом таинственных сил природы, поклоняются, например, высоким горам и приносят в жертву им белку, соболя, горностаю или лисицу, чтоб эти высокие горы не задержали их, так и русские туруханские казаки и промышленники некогда со страхом проплывали мимо одной высокой горы на Нижней Тунгуске, так называемой «Цапаниной-Сопки» и, боясь, чтобы какое-то горное чудовище — Цапан не задержал их лодки, клали на берегу у горы несколько соболей, белок и проч.

Наконец, вследствие смешения с разными туземными племенами русское население Туруханского края приобрело и некоторые лингвистические особенности. Местное, областное наречие его усвоило немало вариаций и отличий под влиянием языков остяцкого, тунгусского и проч. В Туруханске некоторые казаки и мещане умеют говорить по-остяцки и по-тунгусски. А на низу Енисея и за тундрой русские почти вовсе не употребляют русского языка, а говорят на местных инородческих языках — на якутском, самоедском и тунгусском. Наконец, самый выговор некоторых звуков и тон разговора или повышения и понижения голоса в речи, характер вокализации у русских туруханских уроженцев отличаются, сколько мы заметили, почти теми же особенностями, как и у остяков. Например, подобно остякам, они вместо букв *ч*, *ш*, *ж* и *р* выговаривают *с*, *з* и *л* или *рл* и т. п.; говорят: «посел осень большой дождь, в избе сыпко зарко, бедняски худо живут, мерлой альсин» и т. п.

Не менее русские подвергались инородческому влиянию и в других местностях, как, например, в Западной Сибири, на границе Киргизской степи, где казаки мало того что перешли местами к скотоводству, но заимствуют у киргизов одежду, обычаи и язык. Нравы эти проникли даже в среду офицерского сословия. Иногда офицеры являются в города со-

вершенно окиргизившиеся. Крестьянство на Бухтарме и южной границе Сибири также усваивает азиатскую одежду и т. п. Подобную же азиатскую окраску приобретает, как говорят, и русское население в Туркестанской области. Что касается влияния русских на инородцев, то нет сомнения, что и это обратное влияние действовало довольно ощутительно. Такому обрусению особенно подверглись буряты, которые при смешении с русскими усваивают земледелие, начинают жить оседло, принимают русский язык и веру. Точно так же мы видим якутское население, не только перешедшее к русской культуре, языку, совершенно обрусевшее, но и сделавшееся самым промышленным и способным населением Восточной Сибири. Зато некоторые инородческие национальности не только туго поддаются влиянию русской культуры, но решительно подчиняют ее себе. В этом случае мы видим, так сказать, различную упругость и стойкость рас, которые замечены и во многих национальностях. Есть национальности, которые способны необыкновенно быстро перейти к другой культуре, верованиям, языку, как, например, зыряне, вогулы, но есть и такие, которые отстаивают свою национальность веками, как, например, евреи. Точно так же и в среде азиатских народностей любопытно сделать подобную этнографическую классификацию. Рядом с этим многое в жизни наших инородцев зависит от их объема, численности, плотности, в какой они живут и соприкасаются с русским населением, от высоты их культуры, свойств религии и способности сливаться с другими расами.

Склонность к смешению и слитию русских в Сибири обнаруживается, по нашим наблюдениям, наиболее и совершается легче с финскими племенами и тюркскими, причем с новокрещеными из язычества более, чем с переходящими из магометанства, которых число очень невелико. Скрещивание и полное смешение целых волостей, как и вырождение инородцев, замечается среди вогулов, алтайских черневых татар в Кузнецком, Бийском и Барнаульском округах, где находится совершенно выродившаяся Кумышская инородная управа.

Помеси с киргизами, монголами, тунгусами и т. п. также попадают, но составляют менее обычное явление.

Определить в точности все физиологические, психические, как и культурные метаморфозы русского населения,

совершающиеся в различных местностях на нашем востоке, точно так же, как и выяснить законы метисации, предстоит, без сомнения, дальнейшим этнографическим изысканиям, но и собранные уже ныне данные дают некоторый материал для некоторых социологических выводов. Первое, к чему можно прийти, — это к тому, что если русские, в силу своего расового и культурного превосходства, наконец, в роли завоевателей, хотя и повлияли на инородцев поднятием их расы при помощи метисации, передачею им своей культуры, языка, некоторым нравственным и умственным влиянием, то в то же время не могли и сами перенести подобного влияния без потери своих расовых черт и без изменения в своем типе, физиологическом складе, способностях и даже бытовых и культурных чертах. Понижение и отступление это было временами в такой степени сильно, что уподобило их совершенно инородцам. Мы видим, что смешение, как и бытовое сожителство нашего населения на востоке с инородцами, отразилось не одним физиологическим изменением, как следствием метисации, но и выразилось в духовном и нравственном родстве с азиатскими племенами, в перемене воззрений, нравов и образа жизни. Из приведенных примеров видно, что, в общем; русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину; они воспринимают фетишизм, антропоморфизм, шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, наконец, забывают русский язык и воспринимают инородческий. Все эти явления одичания нашего населения уже теперь дают себя чувствовать. Постоянное заимствование от инородцев входит в обычай вообще русского населения за Уралом и влияет на весь его склад. Многие незаметно вошло в нравы, иное смешалось с предрассудками, с мифологией и демонологией русской, третье находится в сыром виде и путается с русскими обычаями, как часто полуазиатский костюм с русской рубахой. А это дает нам повод заключить, что расовая устойчивость русских на востоке далеко не так прочна, как предполагалось, что русские во многих случаях склонны были скорее подчиняться инородцам, чем над ними господствовать, и что они более заимствовали от инородцев, чем передали им. Все это наводит на вопросы: надо ли считать наше слитие и метиса-

цию с инородцами при настоящих условиях выгодными для русской национальности? Что будет, если на таких же условиях она будет продолжаться в будущем? И каковы должны быть предприняты меры, чтобы избавиться от тех невыгодных последствий, которые ныне обнаруживаются? Подобные вопросы имеют тем более жизненное значение в нашей истории, что метисация с инородцами на востоке далеко не представляет явления отжившего, законченного; она только еще начинается и дальнейший процесс ее развития угрожает в будущем охватить большее число русских. Без знаний, без тех преимуществ, какие дает цивилизация, колонна русского населения, врезавшаяся среди инородцев за Уралом и идущая совершать завоевание, становится похожа на отряд пионеров, высланных вперед прочищать дорогу без кирок, топоров, лопат и других инструментов.

Единственным залогом и умственного, и социального преобладания русского населения должно быть его высшее культурное развитие. «Чтобы выдержать борьбу, — пишет один из ученых географического общества Нейман, — и в то же время исполнить культурную миссию относительно превосходящего и поставленного в лучшее положение инородческого населения, нужно иметь достаточный запас существенного развития, энергии и вообще нравственной силы» (Извест. Сиб. Отдела, 1871 г., № № 4 и 5, стр. 51). «Прогресс будет еще больший, если вы дадите русскому населению школу», — говорит в другом месте путешественник. Чем более играет роль физиологическое вырождение и понижение расы, тем более должно быть гарантировано повышение культурное. Если просвещение и цивилизация составляют естественное право человечества, то здесь оно имеет особое значение, как единственное спасение народности. Понятно, какие заботы и усилия необходимы здесь, чтобы поднять население на высшую степень развития и дать ему, так сказать, нравственный перевес. Надо помнить, что от умственных и просветительных средств будет зависеть и судьба нашего существования на востоке*.

* Любопытные наблюдения о смешении вогулов с русскими сделаны в только что вышедшем труде: «Экономический быт государств, крестьян и оседлых инородцев Туринского округа» А.А. Кауфмана. Изд. Мин. Государ. Имуществ, стр. 43—45.

Влияние культуры и просвещения на инородцев Сибири

Когда миновал первый период завоевания инородцев, а затем покорения и усмирения их, должно было наступить время мирных отношений. К сожалению, предшествовавшая история оставила столько горьких воспоминаний, совершено было столько ненужных жестокостей, а позднейшая эксплуатация инородцев и обирание их так опровергали всякие дружественные и братские чувства, что между русским и инородческим населением находится доселе пропасть и полное недоверие со стороны инородца.

После завоевания Сибири прошло два века, когда борьба с инородцами продолжалась в виде усмирения и подавления всякого инородческого самостоятельного движения. Тут было не до культуры и не до просвещения.

Между тем в широком историческом значении не так был важен этот акт военного завоевания и покорения, как дальнейший шаг — это водворение гражданственности, внесения в инородческую среду христианских идей, начал гуманности и цивилизации, иначе — культурное завоевание и просвещение инородческого мира.

Конечно, подобные цели несогласны были с воззрениями первых русских завоевателей на инородца и также с позднейшими взглядами на них как на расу, обреченную к вымиранию и гибели. Не будем дивиться русским людям XVI и XVII веков, когда подобные взгляды доживают свой век в Американских Штатах и применяются к беззащитному индейцу. Тем не менее вслед за периодом усмирения и завоевания так или иначе должны были измениться отношения, так как они изменяются вслед за поражением к покоренному и пленнику. Воинственная ярость, негодование, чувство мести, насытившись, ослабевает, в душе появляется чувство жалости к поверженному неприятелю, страдальческие глаза его просят

пощады. Наступает время, когда должно явиться пресыщение в резне, нужно удержать тех, кто под влиянием опьянения совершает еще расправу над беззащитными, покоренными, приходится взять их под защиту и положить предел, чтобы война не перешла в разбой. Полководец дает знак тогда остановить преследование и обращает внимание уже на тех, кто бесчинствует и не исполняет приказа. Поэтому и в истории Сибири мы видим тот же расчет и поворот в воззрениях на инородца, начавшийся вслед за покорением. Инородец с этого момента является «податной», «ясачной душой» (слово «ясачный» доселе характеризует инородца). Эта податная, ясачная душа должна быть ограждена, сохранена, иначе самый доход падет и не будет извлекаться. Вот первые утилитарные мотивы явившейся гуманности, пощады и защиты инородца от обид и злоупотреблений воевод и частных лиц.

С момента покорения указы твердили воеводам, чтобы они обращались *«кротко»* с покорившимися, и служилым людям повелевалось *«приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом»**. Идея покровительства и заботы об инородцах еще резче выступает в наказах Екатерины II, которая смотрит на Сибирь как на инородческую колонию и русскую Индию, где необходима либеральная колониальная политика. Общечеловеческие идеалы XVIII столетия заставляют ее смотреть на мир, а также и на империю как на арену, где должны примириться все племена. В это время императрица простирает свое внимание до вызова инородцев-дикарей ко двору, до покровительства бухарцам в Сибири, предоставления им многих привилегий, как торговому сословию, и водружению некоторых символов инородческого царства**. В своих указах Екатерина II является настоящею защитницею и покровительницею обиженных инородцев. Взгляд этот выразился довольно определенно в указе по поводу посылки майора Щербачева для переписи инородцев в 1763 г. «Монаршим нашим словом обнадеживаем, — говорилось в этом указе, —

* Истор. Соловьева, т. VII, 390, 391, т. IX, 430, 431.

** В Екатерининскую комиссию вызывается также депутат от бурят буддист Засев; он подносит Екатерине свое путешествие в Тибет и получает золотую медаль, он же получает титул хамбо-ламы всех бурятских и тунгусских родов (Позднеев. «Записки Восточно-Сибирского Отдела Импер. Археологич. Общества». 1887 г. «Вост. Обзорение» 1887 г. №12).

что не только все подвластные подданные наши ясачные, равным образом и впредь в Империю нашу и в подданство приходящие, содержаны будут в желаемом спокойствии, почему мы всем нашим верноподданным повелеваем с оными ясачными обходиться ласково, показывая им всякое добротство и не чиня им не только каких-либо притеснений, обид, грабительств, но ниже малейших убытков; если же кто за сим нашим Монаршим повелением дерзнет чинить ясачным народам нашим грабительства и разорения, а от ясачных в учрежденных от нас правительствах принесены будут нам на кого во взятках и в прочем тому подобном жалобы, то повелеваем наистрожайше следовать и с винными поступать по законам, а обидимых по справедливости защищать без промедления малейшего времени, о чем сей наш манифест по всей Сибирской губернии публиковать во всенародное известие» (Манифест 1763 г. июня 13 дня). Вместе с тем при Екатерине II за оседлыми инородцами было весьма много укреплено земель. К сожалению, этот взгляд государей не получил применения в Сибири. В 1763 г. усчитано было число инородцев в 186.000 человек и положен оклад 165.000 р. Притеснения инородцев между тем не уменьшились, несмотря на внушения правительства, оклад продолжает оставаться неизменным до Сперанского, т. е. до 1822 г., или скорее до новой ясачной комиссии; между тем число инородцев во многих местах изменилось. Так, в Туруханском крае вымерло от голода и болезней до $\frac{3}{4}$ инородческого населения, тогда как остальные должны были нести весь оклад*. Уложение об инородцах Сперанского в 1822 г. пытается ввести порядок в управление инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, образовать инородные думы, управы и т. д. Но и этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и повел точно так же только к недоразумениям. Прежде всего едва ли какая-либо классификация могла быть сделана без точного исследования быта инородцев одним канцелярским путем. Еще более явилось произвола при осуществлении этого устава и зачислении инородцев в разряды. Эти недостатки в регламентации были обнаружены в 1828 г. новою ясачною комиссиею. Ясачная комиссия старалась только поправить разряды и установить новый определенный оклад. Этот ок-

* Шашков. Положение инородцев. Ист. этюды, стр. 174.

лад по переписи 1835 года остается неизменным и доселе, а законодательство для инородцев, созданное Сперанским, продолжает существовать более полу столетия в нашем своде законов. Несмотря на его благие желания урегулировать управления инородцев и дать им некоторые права и законы, этот устав решительно не привился на деле в Сибири. Дух его остался непонятым, неусвоенным, а быт инородцев остается в том же, если не худшем, виде, чем до устава Сперанского 1828 г. Уступки инородческому обычному праву не оказали никаких гарантий. Древнее самоуправление исчезало, старый общественный союз разрушался, новый не создавался, и инородцы представляли стадо, запуганное земской полицией. Там, где инородцы обязывались организовать волости, там все вручалось присланному писарю, который и являлся хозяином и посредником волости с властью. Распоряжения таких писарей инородческою судьбою вели только к массе злоупотреблений и поборам. Инородческая волость явилась подчиненною на деле одним земским заседателям, власть которых явилась бесконтрольною. Это давление земской полиции, ее бесцеремонный характер, низкое развитие, ограниченное содержание в Сибири и своекорыстные стремления не позволили водворить ни малейшего порядка и справедливости в волостях, а создали многочисленные злоупотребления, безотчетные поборы, практикуемый произвол, жестокие наказания, нечеловечное обхождение с инородцем, уничтожали всякие следы законности. Вдали от надзора мелкие исполнители и земская полиция с своими правами дискредитировали, таким образом, лучшие намерения правительства. Сибирские заседатели и исправники до последнего времени свирепствуют в инородческих волостях; ни указы государей, ни законодательство, ни гуманный устав Сперанского, ни страх закона, ни внушения человеческой совести не могли защитить, оградить инородца и заставить уважать его человеческие права. При отсутствии знания инородческого быта, распределения инородцев и движения населения, переписка об устройстве инородческих волостей и общественного управления продолжалась несколько десятков лет, но, к сожалению, от неумения организовать это дело не привела ни к чему. «В течение 40 лет дело это ограничивалось мертвой канцелярской перепиской и не заключает ничего, чтобы можно было сделать заключение о том, что и как следует учредить

между инородцами». Таков был официальный приговор этого дела*. «В основе административных начал, — говорит журнал Томской казенной палаты, — должен лежать быт народа, т. е. его нравы, обычаи, образ жизни, степень развития, а равно и местные условия; чтобы безошибочно определить, какой порядок управления свойственнее и полезнее для инородцев, необходимо знать их прошедшее и настоящее, и для этого необходим ум пытливый, наблюдательный, деятели научные и привычные к такого рода трудам; между тем из 40-летней переписки видно, что столь серьезный труд возлагался на земскую полицию, на земских заседателей, у коих не было ни времени, ни умения взяться за это дело как следует, почему весь труд заявлялся в мертвой канцелярской отписке бумаг, парализовавшей все распоряжения местной высшей власти». Но вслед за вопросом управления является не менее серьезным и, пожалуй, более важнейшим вопрос податного обложения инородцев. Ясачные сборы причиняли сыздавна немало беспорядков и служили поводом к ухудшению быта инородцев. Ясачные сборы с инородцев мехами стали с первого же раза, благодаря недобросовестности сборщиков, тягостью и разорением для инородцев; несмотря на огромные поборы, за инородцами все-таки показывались недоимки. Вслед за покорением Сибири в 1596 г. мы находим сведения об обременении пелымских и нарымских инородцев сборами, вследствие чего уменьшены с них сборы ясака и прощены недоимки. Те же явления продолжают во все последующее время, инородцы жалуются на разорение, насилие над ними; правительство приказывает, по возможности, щадить инородцев и взыскивать одну только подать, но никакие меры и самое прощение недоимок не помогают. В 1763 г. составляется Щербачевым перепись инородцев и на инородческое население в 186.000 налагается ясачный оклад в 165.000 рублей; оклад этот не мог быть обременительным, если бы, во-первых, он взыскивался только в определенном казною количестве, во-вторых, более соответственно с количеством рабочих душ. Но с 1763 г. в быте инородцев произошли замечательные потрясения и изменения, а оклад этот оставался тот же до 1824 г.

С распределением инородцев в новые разряды и с переводом некоторых в число оседлых, соответственно уставу

* Журнал Томской казенной палаты по 1864 г.

Сперанского, положение дел не только не улучшается, но податная система легла еще тяжелее. Многие из инородцев, несмотря на оседлость, к этому времени совершенно были разорены. Платя до 1824 г. по 1 р. 50 к. с души, с этого года, с перевода в разряд оседлых поселян, с них последовало обложение в 11 р. с души, да по столько же за умерших с ревизии 1816 года. Все это привело к тому, что с инородцев тобольских, вместо прежнего оклада в 127.819 р., с 1824 по 1832 г. пришлось денежной повинности за 8 лет взыскать 1.359.845 р. Инородцы смогли уплатить в счет этой громадной суммы всего 735.397 р., следовательно, в недоимке за ними состояло 624.648 р.; в таком же положении очутились и другие оседлые инородцы. Хотя ясачные комиссии обнаружили всю несоразмерность, всю тяжесть обложения и открыли при этом много несправедливостей, тем не менее они не могли улучшить быта инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии в общем сумма сборов возвысилась. Так, инородцы с 1835 г. по обложению вместо прежних 146.460 р. 55 к. стали платить 525.162 р. 99 к. Злоупотребления при сборе ясака не уменьшились; кроме того, на них наложены были новые повинности. Резолюции и заключения, к которым пришла ясачная комиссия, были, однако, замечательны. Комиссия ходатайствовала о сложении недоимок, «так как взыскать их было невозможно, не доведя инородцев до совершенного разорения». Недоимки по 1 января 1832 г. были, таким образом, прощены «по уважению расстроенного состояния инородцев от обременительной экзекуции и других допущенных злоупотреблений», как сказано в указе Сената генерал-губернатору Западной Сибири. Но и за таким важным облегчением оседлые инородцы не в состоянии были платить полного крестьянского оклада, поэтому предположено было для них в продолжение десяти лет, с 1840 по 1850, платить $\frac{2}{3}$ крестьянского оклада, а с 1-го января 1850 года полный оклад. Несмотря на сделанные облегчения и льготы, а также несмотря на то что некоторые из оседлых управ доселе обложены податью только в количестве 4 руб. 41 коп. (оседлые волости татар Томской губернии), недоимки не только не уменьшились, но возросли. Так, с 1850 г. по 1860 г. увеличились недоимки у тех же тобольских оседлых татар и томских. Недоимки эти в 1875 г. по 4 округам равнялись 480.234 рублям. Накопив-

шиеся недоимки взыскиваются обыкновенно самым беспощадным образом, продажей имущества инородцев, отдачею их в заработки промышленникам и только по истощении всех средств они представляются к сложению, то есть, когда разорение достигло крайних пределов; наконец, что еще важнее, самые оклады взыскивались всегда не в положенном казною размере, но в гораздо высшем; часто суммы, взысканные с инородцев, оставались в руках сборщиков и заседателей, а на них отмечались недоимки. Подобные двойные сборы, как причина недоимки, не всегда было удобно объяснять местному начальству; но, несомненно, они играли значительную роль. Что касается общих повинностей, налагаемых на инородцев, то они так были тяжелы, что инородцы закладывали свои угодья и нанимали для выполнения их русских. Мирские расходы ложились на инородцев большею тяжестью, чем самые подати.

Что касается ясачного сбора с кочевых инородцев, то оклад этот мог быть точно так же необременительным, если бы только он не отражался в увеличенных сборах и в тех затруднениях, которыми сопровождалось внесение ясака мехами. Правительство, желая облегчить инородцам внесение подати, ввиду недостатка денежных знаков, предоставляло им вносить меха, которые шли в доход Кабинета Его Величества, но сбор меховых издавна был поводом для злоупотреблений в Сибири. Несмотря на то что инородцам предоставляется вносить ясак в казначейство деньгами, на практике является, что инородцы, напуганные чиновниками, что их запишут в оседлый оклад, предпочитают вносить мехами; между тем постоянное уменьшение зверя в Сибири и его «неурожаи» ставят инородцев в большое затруднение. Самые ценные меха, в большинстве случаев, покупаются у торговцев, которые пользуются случаем взять с инородцев высшие цены; соболь покупается в 15 и 25 р., когда в казну сдается по 3 р. Затем, сбор в волости производится обыкновенно звериными шкурами с юрты, причем собираются князьями и зайсанами не по оценке, а произвольно; здесь должны войти все расходы по поездке сборщиков в город, на переводчиков, на сношение с властями. При сдаче ясака, во избежание злоупотреблений, закон предполагал для больших гарантий создать взнос в особом составном присутствии из казначея, исправника, стряпчего и т. д. Но это повело

только к тому, что в приеме ясака явилось более лиц заинтересованных. Удивительно, что при всей требовательности, с какою относятся приемщики, при огромной стоимости ясака для инородцев, результаты явились совершенно неожиданные. В Кабинет доставлялись меха худшего качества, и вся вина сваливалась на несчастных инородцев. По поводу дурного взноса ясака не раз Кабинетом начинались переписки; местное начальство изыскивало причины ухудшения лова зверя, но истинной причины как будто бы не открывало. Таким образом, несмотря на ничтожный оклад в 1 р. и 1 р. 50 коп. с души, сборы с кочевых инородцев удешевлялись. Недоимки на кочевых инородцах были также часты; а между тем земские чиновники составляли себе состояние в несколько десятков тысяч. Такие злоупотребления, как мы убедились обзором инородческого района, продолжают существовать. К этому же присоединились образование волостей, содержание писарей в кочевых районах, которые внесли не столько порядка в управление, сколько новые незаконные поборы. В таком свойстве податной системы лежит одна из видных причин инородческого обеднения и разорения. Податной вопрос, таким образом, заслуживает наиболее внимания, тем более что оклады инородцев остаются неизменными с 1835 г., а современная платежная способность инородцев не выяснена. Система взимания ясака и преобразование его в денежный сбор, в устранение существующих злоупотреблений, составляет также очередную задачу. Как попытки введения правильного управления среди инородцев, так и опека правительства в ограждение инородцев от притеснений, злоупотреблений, а также заботы об обеспечении продовольствия инородцев в моменты тяжких бедствий, к сожалению, не привели к должному результату. Правительство издавна запрещало ввоз вина в стойбища инородцев под каким бы то ни было предлогом. Сибирский комитет в 1830 году запрещает ввозить к самоедам даже лекарства, настоянные на вине. Тем не менее винная продажа везде проникла. Торговлю вином практиковали не одни торговцы, с жадной барышью, но этим занимались священники, заседатели-управители инородцев и т. д. В настоящее время, благодаря проникновению русских, вино повсюду доставляется инородцам, и запрещение не привело ни к чему, разве только повысило цену вина. Являясь как запретный

плод и действуя на инородцев временами, периодически, оно имело тем более губительное влияние*. Что касается создания казенных магазинов для продовольствия, то они повели только к накоплению долгов на инородцах, которые взыскивались с беспощадной строгостью; раздача хлеба вела, наконец, к многочисленным злоупотреблениям, так как находилась в руках казенных вахтеров. Г. Шашков приводит, что долг за хлеб в Туруханском округе простирался иногда до 200 р. на человека. В 1861 г. на 63 инородцах считалось 13.000 р. с. хлебной недоимки. В Березовском крае в 1850 г. хлебный долг был равен 12.947 руб. сер., в 1852 г. 17.000 руб. О накоплении подобной же недоимки в Нарымском округе в 50.000 р. и о тех же злоупотреблениях сообщает очевидец в 1881 г. («Сибирская газета» «Инородцы Нарымского округа», 1881 г. №№ 21 и 22). Это снабжение хлебом имело чисто фиктивный характер; вахтеры записывали хлеб на инородцев, но сами продавали его торговцам, которые уже снабжали инородцев по двойной цене. Наконец, эта торговля кончилась разорением инородцев и накоплением состояния у вахтеров (см. тоже «Сибирск. газета» о Нарымском крае, №№ 21 и 22). Магазины эти признается ныне своевременным сдать самим инородческим обществам с заведованием их избранными сторожами. К тем же злоупотреблениям вела продажа свинца и пороха.

Если, с одной стороны, в политике по отношению к инородцу господствовали «фискальные» меры и стремления, с другой стороны, со стороны русского населения осуществлялись промышленные цели и двигали корыстные побуждения наживы, то при таких условиях нельзя было ожидать установления добрых отношений и культурного воздействия.

Самый умственный уровень и развитие местного русского населения в Сибири был невысок. Мы видим, что русское население на восток явилось без надлежащего просвещения. Большинство были невежественные безграмотные простолюдины и алчный торговый класс. Просвещение среди русского населения слабо распространялось в Сибири, а невежественная и темная масса едва ли что могла привить к инородцу. Население

* Против ввоза водки и спирта в инородческие районы, при стремлении всего русского населения действовать наперекор, оказались бессильны все распоряжения администрации и запрещения закона. До сих пор инородцы снабжаются спиртом всякими способами, а в Якутскую область ввозится «одеколон», который сбывается как суррогат водки.

это, как видели в предшествовавшей главе, само отступало от культуры. В области хозяйства оно становилось охотниками и эксплуатировало зверя, в степях русские переходили к скотоводству и сами усваивали пастушеские привычки, в земледелии они отступили к первобытной системе «перелогов» и кочевого земледельческого хозяйства. Самый быт русского крестьянства в его первобытной культуре далеко не был устойчив, чтобы водворить в Сибири новые культурные приемы, и предстоит еще просвещать и распространять агрономические и технические знания среднерусских. При эксплуатации природы поэтому многое было усвоено из инородческой среды. Мы видим поэтому только местами и оазисами, где русская культура и промышленность распространили среди инородцев земледельческий промысел и распространили русские произведения. Конечно, и торговля делала свое дело, познакомив инородца с железом, топором, ружьем, порохом, мануфактурой: но все это очень дорого обошлось инородцу и не было грани, где начиналась услуга и кончалась бы форма эксплуатации.

При таких условиях и инстинктах русского населения весьма трудно было думать о цивилизующих нравственных влияниях, о просвещении и снабжении инородца лучшими духовными благами.

Что русские упустили свою роль в деле влияния, это можно видеть на религиозном вопросе. Среди сибирских инородцев распространяется несколько религий. Большинство сибирских инородцев были язычниками или шаманистами, в том числе даже нынешние магометане и буддисты. Тобольские татары приняли магометанство из Бухары тотчас перед пришествием русских, и эта религия получила огромное распространение уже во время владычества русских; так, барабинские татары принимают магометанство только в 1745 г., то есть более полутора столетия лет находясь под русским влиянием. Ныне из 142.191 инородца Тобольской и Томской губерний 47.326 магометан; если мы присоединим до 78.800 сибирских киргизов, также принявших ислам, то увидим, что магометанство здесь совершило наибольшие победы. Во все время Средняя Азия снабжала Сибирь своими проповедниками: ходжами, муллами, которые, ревностно проповедуя ислам среди инородцев, уже подвластных русским, обратили значительную часть их в свое вероисповедание.

Точно так же весьма сильное влияние имел на сибирских инородцев и буддизм. По сведениям, собранным в 1741 г. в Восточной Сибири, оказалось, что большинство бурят держится шаманской веры, то есть язычники, а у буддистов было только 11 дацанов и 150 лам, но в 1845 г. оказалось буддистов 85.060, а лам 3.514, в 1848 г. буддистов было уже в Забайкалье 125.000, а лам 4.546. Ныне между бурятами совершенно распространился буддизм. Влияние буддизма видно и на южных алтайских племенах. Что касается остальных язычников, то они составляют теперь уже меньшинство, по крайней мере, в Западной Сибири на 820.191 чел. инородцев остается язычников 35.873 чел., то есть 4,3%.

Русские встретили в Сибири три различных мировоззрения, боровшихся между собою, из коих две могучие старые религии, испытывавшие уже свою силу и влияние в мире; поэтому христианство здесь должно было встретить гораздо более препятствий к распространению своему. Притом влияние его появляется весьма поздно, когда другие религии овладели полем в народном мировоззрении. Первое время русские были заняты завоеваниями и приобретениями, тогда было не до проповеди. Весь XVII век проходит в усмирении инородческих бунтов. Только в XVIII веке выступают заботы об обращении инородцев в христианство, но проповедь распространяется только на северных инородцев, причем выдается энергия обращения остяков и вогулов Филофеем Лещинским с 1712 по 1714 год. Что касается утвердившихся религий — магометанской и буддийской, то здесь мы чаще видим полное признание их и желание только, чтобы религиозные центры их находились не вне русских владений. В последнее время вопрос о распространении магометанства и буддизма или ламаизма в Сибири рассматривается с разных точек зрения. Между прочим, водворение магометанства и ламаизма среди сибирских инородцев приписывается вине русских и послаблению администрации, усвоивших ложную точку зрения покровительства магометанству и ламаизму. Но едва ли, однако, даже сошедших со сцены правителей и администрацию найдется основание заподозрить в пристрастии к магометанству и ламаизму, а также отрицать в них чистоту христианских воззрений. Причины терпимости лежали в более глубоких исторических обстоятельствах.

Рассматривая отношения правительства к инородческим культурам в Сибири, мы видим, что оно держалось большого такта и предусмотрительности. Встретив магометанский мир на западе в Туркестане и Бухаре и имея в виду влияние его на наших татар и пограничных киргизов, еще не вполне подвластных русским, правительство старалось обеспечить веротерпимость и успокоить инородцев, что над ними не будет совершено насилия. Екатерина II особенно старалась покровительствовать инородцам, давая льготы. Когда приходилось «замирать» киргизскую степь в начале нынешнего столетия, то принято было за правило, не раздражая магометанского духовенства и мулл, постараться только о том, чтобы муллы эти явились не пришлыми из Бухары и Ташкента, что было бы крайне невыгодно в видах политических, а выбирались из татар, татарское же население внутренней Сибири было совершенно покорно и дружественно. Чтобы лучше обеспечить наблюдение за магометанами, правительство приказало построить мечети в степи и назначало жалование определенным муллам. В Екатеринбурге был создан магометанский муфтий; он утверждался правительством и выбирался из татар, известных преданностью русской власти. В Казани печатались магометанские книги. Таким образом, центр магометанства и его иерархии был, так сказать, выделен от Средней Азии и находился под нашим надзором. Ясно, что если где сказалась политическая сообразительность и благоразумная тактика, то именно в этом. Всякое другое поведение при воинственном настроении степи, выразившемся в бунте Кенсары, потрясавшем степи еще в 40-х годах, конечно, повело бы к отторжению киргизов. И доселе еще не прошла паника, наведенная завоеванием, но всего более трепещет инородец за свою веру. Это самое больное место, до которого приходилось касаться с величайшей осторожностью, чтобы не возбудить инородцев против русских окончательно. Такое же предусмотрительное действие мы видим у правительства и по отношению к буддистам и ламаистам. Некоторые исследователи отмечают факт, что буряты в наших владениях когда-то были шаманистами; значительная часть бурятов к северу от Байкала и до сих пор еще шаманисты. Но иное дело южные буряты, когда-то выдвинувшиеся к нам из Монголии. Известно, по исследованиям г. Позднеева, что в Екатерининскую комиссию явился

от бурятов депутатом буддист и был награжден медалью. По переписи 1741 г. показано было за Байкалом 11 дацанов и 150 лам. Одно это ничтожное количество монахов лам на 11 монастырей уже сомнительно. На самом деле буддизм и ламаизм давно сделали успехи среди бурятов. Он распространился в Монголии с XVI столетия и даже ранее, множество развалин монастырей на наших границах, как в Кондуге, доказывает существование древнего буддизма в Сибири. Джунгария вся была буддийская. Близ Семипалатинска русские нашли буддийский монастырь. Все это опровергает то мнение, что буддизм проник и получил развитие в 1845 г. В этом году забайкальские ламаисты и буддисты обнаружили только официально и число их оказалось 85.000. Собственно, это значило, что ламаисты не боялись более скрываться и выразили свое доверие. В следующий период в 1848 г. они показали еще более откровенно число свое в 125.000 чел. Нечего говорить, что по мере увеличения монастырей развивалась и ламайская грамотность; при монастырях есть школы, все же выучившиеся читать молитвы и жившие в монастырях, получают звание лам. Что же удивительного, что число лам увеличилось. В 1842 году их насчитывалось до 5.545 чел.* В каждом семействе буддисты желают иметь посвященного; это особая честь и доказательство благочестия. В Монголии в каждой семье есть лама. Обнаруженное число лам, однако, возбудило против ламаистов подозрительность и опасения. Увеличившееся число лам и монахов побудило издать положение о ламском духовенстве в Восточной Сибири в 1853 г., которое, однако, не вошло в свод законов. Положение это имело в виду урегулировать и определить штат ламского духовенства**. Признав главным духовным лицом хамбо-ламу за Байкалом, правительство желало иметь официальное лицо, которое несло бы ответственность в делах буддистов. Этому хамбо-ламе подчинены все буддисты или ламаисты в русских пределах. Утверждением такого лица высшая власть опять-таки имела в виду установление иерархии в наших владениях и предупредить от-

* В 1845 г. у одних хоринцев оказалось 4653 ламы (вероятно, занесли всех грамотных). В 1846 г. хамбо-лама показал, что у него 34 дацана, 144 храма и 4509 лам.

** По положению 13 марта 1853 г. установлено штатом для бурятов иметь 34 дацана, 280 лам и 35 учеников веры. Нечего говорить, что это было недостижимо.

ношение наших буддистов к Монголии и Тибету. Затем, чтобы ламское духовенство не ложилось тяжестью на остальное население и не было излишних поборов, положено было отвести как хамбо-ламе, так и монастырям-дацанам земельный надел, хамбо-ламе до 500 десят. земли, шеритуям 200 дес., ламам по 60 дес. За Байкалом разрешено было существовать 34 дацанам (монастырям) с известным штатом лам; сверх определенного числа посвящать их не позволялось. Это было уже ограничение ламства. Далее запрещено было умножать дацаны и молитвенные дома, наконец, хамбо-ламе допущены выезды из монастыря и прихода лишь каждый раз с особого разрешения. Таким образом, эти правила хотя и допускали существование ламаизма и буддизма, но ограничивали штатами лам. Ламаисты не могли не считать до последнего времени это ограничение стеснением вероисповедания. Так, например, высшее духовное лицо лам не только не могло выезжать без разрешения по области, но не может отлучаться и из монастыря. Производство в ламы ограничено, как и постройка храмов. Но эти правила некоторым показались недостаточными. Некий ретивый чиновник Гаупт проектировал запретить ламам буддистам исполнять требы, запретить ламам появляться из монастырей в улусы, всякие земли и содержание от них отобрать, звание хамбо-ламы уничтожить, *установить* для всех бурятов единоженство, в тайши (волостные начальники) к бурятам-буддистам назначать только крещеных и знающих русский язык. Проект этот был так нелеп, что не мог быть осуществлен; даже меньшие стеснения были чувствительны и возбуждали ропот населения и сознание угнетенности.

Всякие меры против буддистов и ламаистов пробуждали опасения у инородцев. Ламаисты, соединенные одним языком, верованиями, своей церковной организацией, представляли сплоченную массу единомышленников, связанных одним чувством, весьма осторожную и чуткую. Г. Позднеев, профессор и монголист, видевший недавно сплоченную организацию бурятов, сообщал, что они походили на сплоченные общества, у которых был обмен и пересылались бюллетени и новости относительно распоряжений и мер, угрожающих ламаизму. Тревожные слухи о насильственном обращении бурятов в православие только волнуют их и вызвали циркуляр забайкальского губернатора, который мы здесь приводим.

«Буряты Агинского ведомства в письме ко мне от 4-го июля 1886 года заявляют, что статьями, часто появляющимися в духовных изданиях, а также Забайкальской православной миссией, их ламы и родоначальники несправедливо и к общему их беспокойству обвиняются в преследовании инородцев, принявших православие, что сами они, буряты, претерпевают будто бы стеснения в свободном исповедании их религий и проч. Заявление это я представлял лично г. приамурскому генерал-губернатору в проезд его высокопревосходительства нынешним летом чрез город Читу, на что генерал-адъютант барон Корф в письме ко мне, от 10-го августа за №148, выразил недоумение, какие причины могли бы послужить поводом к беспокойству бурятов, так как бурятам должно бы быть хорошо известно, что действия русской администрации клонятся ко благу русских подданных и основаны на строгой законности. Слухи, о которых упоминают они, ясно говорят, что они доходят до бурятов в искаженном виде. Что бы и кто бы ни писал в газетах и других изданиях, не может служить обвинением бурятов перед лицом администрации и если они будут неуклонно следовать указаниям закона, то и опасениям их не может быть места. С своей стороны прибавлю, что во время моего управления областью я официально не получал сведений о преследовании ламами или родоначальниками крещеных инородцев, иначе виновные в этом были бы наказаны с беспощадной строгостью, потому что христианская православная вера есть наша государственная религия; благотворное влияние ее на людей доказано опытом многих веков, почему неприкосновенность ее строжайше охраняется государственными законами. Поэтому-то и распространение ее между возможно большим числом людей более чем желательно. Но эта благая цель достигается у нас воздействием на сознание людей. Принуждение же и насилие в этом отношении противны духу русских государственных законов и самой нашей религии. И на самом деле я не имею официальных сведений, что буряты кем-либо стеснялись в свободном исповедании их религии, и жалобы их на это без указания частных случаев таковых стеснений признаю голословными».

Между тем некоторые деятели изобретают такие меры к обращению бурятов, которые могут повести к обратному. Предлагают поддерживать деятельность миссионеров авто-

ритетом власти вместо духовного кроткого влияния. Прибегают при этом к земской полиции, требуя от нее того, что не входит в ее прямые обязанности, а именно «содействия» или воздействия при крещении ламаистов и шаманистов. При проповеди миссионера, говорят, должен стоять полицейский чин и этим внушать, что это не только стремление духовенства, но и *требование* власти. Преследование и стеснение ламаистов и шаманистов и проведение в число выборных старшин и тайшей (прежде наследственных) агентов и обращенных *только* возбудило у бурятского населения крайний беспорядок, недовольство и сопротивление в области гражданского и административного управления, весьма дурно отражающееся в политическом отношении. Такие меры производят самое неблагоприятное впечатление на инородческое население. От грубых и бестактных мер, проникнутых фанатизмом и незнанием быта инородцев, можно ожидать самых дурных последствий. И крайние стеснения, предлагаемые «ревнителями не по разуму», должны быть ныне сдерживаемы мудрой администрацией. Они могли совершенно восстановить бурятское население против русских. Можно желать, чтобы ламаисты и буряты просвещались и проникались светом истины, но значит ли это, что им нужно запретить их собственное вероисповедание. Правительство и власть совершенно основательно и благоразумно, положив известные пределы ламаизму, не прибегли к тем мерам гонений и фанатизма, которые проповедуются людьми, не привыкшими уважать чужого культа, чужих святынь и чужой совести. В отношении политики, прилагаемой к инородцам в мерах обрусения, как и веры, весьма важно иметь в виду, что крайние и суровые меры породят такие последствия, такую политическую рознь и возбуждение населения, которые едва ли будут исправимы. И государство всегда будет право, если будет держаться на высоте своей точки зрения, а именно полной веротерпимости в видах чисто политических.

Неумелая проповедь в Сибири скорее отталкивала инородцев, и неумелые проповедники часто к духовным и религиозным целям примешивают другие светские цели, как «обрусение» и оседлость инородца, навязываемые рядом с крещением. Миссионеры, не умея убедить, часто прибегают к жалобам и требованиям запретить ламам выполнять их требы, прибегают к земской полиции, словом, стараются

действовать средствами, которые роняют только проповедь и принципы православия.

Только этими последними грубыми и непоследовательными способами можно объяснить существующие неудачи миссионерской проповеди и возбуждение инородцев вообще против русской культуры. При историческом обзоре прошлого следует не упускать из вида и напрасно скрывать те фальшивые взгляды и промахи, которые порождали недоумения и восставляли против нас инородцев. Нужно сознать, что даже представители культуры и духовного просвещения не были на высоте своего призвания; напротив, в глухих инородческих районах сами проповедники и миссионеры опускались и не были примером благочестия и нравственности.

Попытки христианской проповеди были делаемы и иностранными миссионерами. Деятельность иностранных миссионеров за Байкалом когда-то получила европейскую известность, и мы в «Землеведении» Риттера находим о ней довольно подробные известия. Не можем не привести этого прекрасного отрывка, где в то же время рисуется взгляд самого ученого Риттера на миссионерскую деятельность. Дело идет о евангелическо-британской миссии. Эта миссия ввела свои приемы, о которых упоминает Риттер. Впоследствии, вероятно по важным соображениям, ей предложили прекратить деятельность, но память о ней осталась в виде перевода на бурятский язык Евангелия.

«Кохрен и Эрман сообщили кое-что об английской миссии, которая поселилась недалеко от города для обращения бурятов в христианство. Кохрен (1821) говорит, что миссия его земляков состояла из г. Сталибрасса и Юля, с многочисленным семейством, и их товарища, г. Свана. На левом берегу Селенги, напротив города, в стране уединенной, степной, романтической, но не совсем удобной, на участке, подаренном миссионерскому обществу милостию Государя Александра I, построили они несколько красивых домиков и обзавелись огородами. Таким образом, река отделила их от города и затруднила сношение с ним. Споспешествование земледелию и промышленности не было в их плане, да и задельная плата здесь слишком дорога, и покупка хлеба обходится для них выгоднее. Не непосредственное обращение в христианство, кажется, составляет их главную задачу, но пригото-

ние к нему, чрез изучение монгольского языка, перевод Библии и раздачу христианских книг. Они изучили еще русский и манджурский языки, и в этих занятиях провели первые годы; притом они предпринимали путешествия во внутренность страны с целью изучить местность и народ и завести сношения с бурятами и их ламами. Впрочем, по уверению Эрмана (1829), они еще не обратили ни одного из них. Книжки, которые они раздавали язычникам, хотя и были принимаемы сими последними, но едва ли буряты в них заглядывали, а находившиеся в услужении у миссионеров, по свидетельству Кохрена, еще смеялись над безумием своих господ и оставались у них для того, чтобы менее работать и лучше есть. Конечно, эти дурные служители презираются своими земляками как отступники. Кохрен*, который выражает самое глубокое личное уважение к своим землякам и имел счастье во все время своего трехлетнего путешествия слышать от них в первый раз назидательную проповедь на родном языке, полагает, однако же, что они нашли бы более восприимчивое и более нуждающееся поле для распространения евангелического учения вблизи своей родины, в Ирландии. Бурятов же считает он еще мало способными к принятию христианского учения; они, говорит он, слишком недавно сделались ламаистами и получили многочисленное духовенство, которое за 12.000 голов скота приобрело целую богословскую литературу на 30 возах из Тибета. С другой стороны, и *православные священники* крестят в свою веру многочисленных прозелитов⁷⁵, и все это не благоприятствует миссионерам. Впрочем, об успехах миссии нельзя судить схематически. Она имеет свой собственный ход развития, но чтобы можно было надеяться на успех, нужно повести дело со всею доступною для человечества мудростью и надлежащею осмотрительностью. Но если бы дело шло и в этом смысле, то и в таком случае успех проповеди учения Христа через посредство слабых орудий может зависеть от Господа; а порицать дело истинных апостолов Евангелия, переживающее целые столетия, было бы заблуждением или еще более дерзостью. Другое дело — указывать на то, что односторонне преподанное учение и слишком раннее раскрытие высокой цели человечества младенчеству еще народам, могут быть для них более вредными, чем полезными. Всякий, кто прочтет историю миссий

* Cochrane. Pedestrian Journ. Vol. II, стр. 131, 173.

за последние три столетия, почувствует умиление, а вместе с ним и некоторую печаль, видя, с одной стороны, какая благодать была разлита ими между разными народами земного шара, а с другой — что в иных случаях ими же посеяно было начало некоторых зол? Те, которые призваны к великому делу миссионерства, должны прежде всего потрудиться над самими собою и возвещать не одно голое слово Христа, для язычников непонятное, но осуществлять все евангельское учение, во всех его проявлениях, *словом и делом*. Пусть это, кстати, послужит ответом на упреки, сделанные автору землеведения за его порицания некоторых миссионерских предприятий*. Кто сравнит относящиеся к этому предмету рассуждения, разбросанные в нашем землеведении, тот легко убедится, что в нем нет ничего направленного против истинного распространения Евангелия, и что мы не высказываемся против миссий как таковых и даже не желаем задевать какие бы то ни было личности, а говорим только вообще о некоторых печальных явлениях и недостатках, обыкновенно сопутствовавших доселе существовавшим евангелическим миссиям, и будем и впредь указывать на них везде, где это относится до нашего землеведения, по нашей совести и к пользе самих миссий. Эти основные недостатки, в силу которых уже много сил растрчено бесплодно, заключаются, по нашему мнению, в следующем: во-первых, в слишком одностороннем научном образовании миссионеров, особливо же в недостаточном знании того языка, на котором они передают слово Божие; далее в презрении к природе и ко всему Божьему миру, как будто мир этот есть создание дьявола, и наперекор тому, что материальное благосостояние народов главным образом основывается на силах природы, и что каждый человек, несмотря ни на какое свое духовное развитие, не может пренебречь познанием этих сил. К этим существенным недостаткам нужно присоединить еще презрение к цивилизации и религиозным понятиям нехристианских народов, к их веками приобретенной человеческой мудрости, которая конечно, может с некоторой точки зрения казаться безумием, но во всяком случае не большим, чем то, которое иногда проявляется в кажущейся пышности распространенных в Европе человеческих понятий и мудрости. Пренебрежение к част-

* Jahresbericht der Gesellschaft zur Beforderung der Evangelischen Missionen fur 1830. Berlin. 1831, p. 93.

ным стремлениям и индивидуальному развитию порождает везде вместо соглашений несогласия, возбуждает страсти и вместо христианской любви порождает ненависть и непримиримую вражду между народами, продолжающуюся целые столетия. Далее к основным недостаткам миссионерства принадлежит еще и суеверие вновь обращенных, смешивающих сосуд с его содержанием и полагающих, что одно только *слово* в устах миссионеров равносильно поучениям Спасителя и его апостолов и столь же чудотворно; между тем как в делах и ныне совершаются чудеса, которых никто не в состоянии вызвать. Противоречия способам действия миссионеров как со стороны язычников, так и со стороны христиан обыкновенно приписывают злобе противу Христа, между тем как это противоречие есть не что иное, как действие одной человеческой слабости против другой, и неудачи миссий являются часто следствием собственной их слабости или безумства. Основным недостатком миссионеров остается еще *ложное смирение*, которое «паче гордости»; на него следовало бы сделать более частные указания, подобные тем, какие мы делали, указывая на истинное смирение миссионера Шварца, в котором признавали высший образец миссионера. Если же мы были сколько-нибудь несправедливы по отношению к д-ру Ван-дер-Кемпу, то готовы охотно взять назад свою ошибку. Мы сами от души желаем, чтобы прогрессирующий, прекрасный, истинно евангельский дух миссионеров, которому мы глубоко сочувствуем, рассеял в скором будущем везде наши критические замечания, основанные на бесчисленных данных прошлого времени. Да и замечания эти были бы совершенно излишними, если б везде светили такие светлые образцы, каковы, напр., *Ганс-Эггеде, Шварц, Мартин, Геберт, Гастинг, Штобвассер, Гюцлаф* и др. Если же наше землеведение успеет исправить многочисленные заблуждения европейцев о чуждых им странах и народах, достаточно созревших для принятия Евангелия, и если явятся люди, действительно способные посеять евангельское учение, то высшая наша цель будет достигнута. Без познания же почвы, на которой должны произрасти семена, нельзя ожидать успехов от самого посева.

Монголо-английский и манджуро-английский словари, грамматика на обоих языках, руководство к геометрии и тригонометрии на братском языке и проч., составлены людь-

ми, только начинающими изучать этот язык и суть весьма похвальные труды, которым отдает справедливость и новейший наблюдатель Эрман*. Но труды эти недостаточны для того, чтобы проложить евангельскому слову путь к сердцам язычников, точно так же, как и распространение печатных книжек между младенческим народом еще не может заменить живого слова, одушевленной речи, так же, как дела и примеры истинно христианской жизни. Весьма часто европейский миссионер на востоке преграждает сам себе путь к умам и сердцам язычников полным незнанием ни их языка, ни их образа мыслей; между тем как они имеют свой собственный, вполне выработанный язык и целую литературу своих духовных отцов, хотя языческую, но для них священную, которую должно не презирать, а победить, прежде чем будет водружен крест на их земле. Без дара слова еще долго не дойдет слово Божие до ушей языческих народов Азии. Стоит только вспомнить о китайцах, браминах и магометанах, коих дух требует, чтобы золотой напиток был им подан в серебряных чашах. Высокое мнение европейца о самом себе должно быть совершенно уничтожено в том, который хочет поучать, и дух его должен сделаться свободным и живым. Каких огромных успехов можно было бы ожидать, если бы господствующие двукратно над Китаем бурятские, монгольские и манджурские народы своим обращением дали опору христианству в Китае и Восточной Азии. Первый свет такого возможного просвещения, благодаря описанной миссии, замерцал уже в Селенгинске, и эта заслуга остается за миссией, несмотря на ее несовершенство; о душевных же качествах миссионеров мы судить не можем» (Риттер. Землеведение, т. V).

При распространении религий, кроме факта восприятия, весьма важно знать, насколько усвоена религия, понята, и поддерживается ли религиозным воспитанием и примером культурной расы. Это зависит всегда от народности, ее прививающей. В результате борьбы мы видим, судя по числовым данным, что господство и преобладание далеко не остается за православием; это может объясняться как тем, что инородческие племена по своему миросозерцанию более тяготе-
ли к восточным религиям, как и родством происхождения, языка и проч., которое соединяло инородцев с магометана-

* Erman, Reiseberichte I. c. Annales, 97.

ми-татарами и буддистами-монголами. Магометанство и буддизм являются поэтому довольно окрепшими в Сибири: православие же, совершая приобретение в среде низшей и, как мы сказали, языческой, имеет весьма слабое влияние на магометан и буддистов. С 1860 по 1869 г. из среды татар Тобольской губернии, составляющей 40.000 сплоченного фанатического магометанского населения, крещено было только 300 человек, а в последнее время в 5 лет 58 человек. С весьма давнего времени (с 1712 г.), как мы видим, крещена значительная часть остяков и вогулов, но время нисколько не укрепило их в православии; по отзывам всех ученых и путешественников, они признаются христианами номинально. «Две трети остяков, считающихся православными и с первой четверти прошлого столетия, не отрешились от языческих понятий», — говорит Губарев, посетивший Березовский округ. «Остяки окрещены 150 лет назад, пишет другой очевидец, — но руководствуются внешними обрядами и иконы лежат в заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника». Начальник Тобольской губернии в своем отчете за 1864 год свидетельствует то же. Обращенные в православие буряты и якуты остаются при прежних суевериях и продолжают сноситься с шаманами (см. Шашков. Инородцы в XIX ст.). «Это наружное принятие русской веры, — по словам Шапова, — не приносит им пользы, не просвещает их действительно и существенно». Весьма часто неумелые и неспособные проповедники христианства только вооружают и озлобляют инородческие племена своими приемами; создав несколько обращенных, они предпринимают гонение на остальную массу язычников, вооружают инородческое население и отталкивают от обращения. Таков, между прочим, характер миссионерской деятельности в Сибири. Миссионерских центров было весьма немного, но и в них выразились все недостатки низшего духовенства и монашества, а также известная деморализация его. Миссионер в Сибири далеко не был человеком, высоко сознающим свои задачи изучения народности и ее духа; прежде чем приняться изменять мирозерцание, он не был даже человеком образованным. Изолированность и замкнутость самого его доводила до отчаяния, не принося пользы окружающей среде.

Привитие высшего религиозного культа и христианской миролюбивой религии требует большой подготовки и высо-

кого нравственного призвания, а главное, терпения и миролюбия. Прежде всего здесь необходимо изучить окружающую инородческую среду и поднять ее умственный уровень. Обращение язычника, полного суеверий, мифологических представлений фантастического мировоззрения, по-видимому, кажется легко. Шаманисты весьма легко соглашаются креститься, и поэтому наиболее обращений сделано среди остяков, финнов, шаманистов-алтайцев, шаманистов-якутов, но нужно принять во внимание, что эти новообращенные остаются язычниками-«двоеверами». Мифологические представления и суеверия не изглаживаются из ума человека бесследно: это можно видеть и среди европейских неграмотных масс. Поэтому формальной стороной обращения обольщаться не следует.

Жалкая жизнь новокрещенных оседлых инородцев не раз обращала внимание всех путешественников: Радлова в Алтае, Кастрена среди васюганских остяков, миссионера Аргентова среди чукчей. Последний приводит замечательный отзыв самих инородцев о результате крещения при помощи принудительного обращения. Когда миссионер предложил одному старику крещение, он ответил: «Я был молод, русские ласкали меня и я окрестился, теперь я гляжу на бывшее иными, стариковскими глазами. Что принесло нам крещение? Люди беднеют, стада их уменьшаются, олени переводятся, да и самые люди переводятся, стариков почти вовсе не стало, многие умерли не по-людски. Нет, я хочу умереть по-нашему, по-человечески!» Этот страх вымирания при изменении образа жизни и прежних промыслов отталкивает инородцев от православия, где оно является синонимом оседлости.

Таким образом, факт непременно принятия оседлости с крещением является не всегда в интересе новообращенных, захват же земель и хозяйственные распоряжения еще губительнее действуют на остальное необращенное население. Такие экономические эксперименты приобретения огромных земель в пользу миссионерских монастырей и общин подрывают окончательно представителей православия в глазах язычников. Только этим, а не духом религии, можно объяснить слабые успехи обращения инородцев миссионерами.

Замечательно, что там, где миссионеров не было, но шире распространялась русская колонизация, там инородцев перешло в православие гораздо более и совершенно добро-

вольно. Сравнивая население Кузнецкого округа, Томской губернии, где колонизация уже сделала успехи, с Бийским округом, где переселение в инородческий район запрещалось, мы видим, что в первом из 15.000 инородцев уже 7.300 оседлых, в Бийском же округе из 27.400 едва 4.500 душ. Православных в Кузнецком округе 13.800 душ, а в Бийском не более 5.000. Таково влияние русской колонизации.

Нет сомнения, что успехи православия и распространения культуры были бы гораздо шире, если бы рядом шло образование и просвещение инородцев; точно так же в этом умственном развитии инородцев и пробуждении их духовных сил мы видим могучее средство их спасения и залогом будущего существования. До тех пор, пока инородцы будут под опекой, не сумеют сами заявлять нужд своих, не укажут средств для спасения существования и сохранения племени, трудно рассчитывать на посторонние заботы.

Со стороны русской народности в Сибири, к сожалению, почти ничего не сделано для инородческого образования и пробуждения инородческого ума. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. Попытки основания школ были случайные, точно так же, как и доступ инородцев в русские учебные заведения. Никакого привлечения и поощрения здесь не делалось и опека над инородцами, столь ревностная в других случаях, здесь совершенно устранялась.

В 1782—1784 году администрация старалась о распространении школ и обучении корану татар и киргизов, но это было чисто магометанское, а не общее образование. В XVIII столетии были попытки основания нескольких школ, но они не оставили никакой памяти. В XIX столетии началось водворение миссионерских школ. Такие школы были созданы при кондинской миссии у остяков; их показывалось в 1847 г. девять с 71 чел. учащихся, но, как обнаружилось, средства имелись всего на 12 мальчиков. Школы кондинская и обдорская, по официальному отзыву начальника Тобольской губернии в 1864 году, существовали скорее на бумаге. Прежде брали в кондинское училище 10 мальчиков у остяков принудительно, при помощи земской полиции. Мальчики учились по 3 и 4 года, но преподавание было так дурно и небрежно, что в них ничему не выучивались. При церквях в Березовском округе хотя и были предложены школы,

но не открывались, так как духовенство не желало учить без вознаграждения; в Березовском уездном училище учился всего один остяк. Все создававшиеся и существовавшие в весьма малом числе миссионерские школы отличаются вдобавок такою односторонностью, что обучившиеся мальчики не получают дальнейшего образования, а самое большее — зачисляются в причетники и служки миссии, стало быть, о способностях инородцев вообще к науке здесь ничего нельзя сказать. Что касается доступа инородцев в русские учебные заведения, то, конечно, он был весьма труден, и если попадали сюда инородцы, то случайно.

Правительство не раз пыталось поднять вопрос об инородческих школах; так, между прочим, в 1853 г. министр государственных имуществ граф Киселев спрашивал об этом сибирскую администрацию, но вопрос этот, к сожалению, не получил нормального направления и даже не мог быть основательно разработан.

Бросим взгляд теперь на те попытки образования и обучения, которые сделаны по отношению к инородцам Сибири, и на инородческую грамотность. Обратимся по порядку к татарам Западной Сибири.

Из прилагаемых нами статистических таблиц, иллюстрирующих быт татар Тобольской губернии, мы видим, что в 9 волостях татар и бухарцев находилось 14 училищ. Население этих волостей имело 17.192 чел. жителей, обучалось в 14 школах 340 мальчиков и 81 девочка, т. е. 421; грамотных, учившихся в училищах, считалось 761 и дома 153, всего 914; детей, не учившихся нигде — 774 мальчика и 833 девушки. Итак, процент грамотных на 17.192 насел, приходится 1.335 и 1.597 детей неучащихся.

Во всяком случае, грамотность у оседлых татар существует и половина детей в волостях грамотны; это благодаря татарским школам, в которых учителями являются в большинстве муллы. Магометане, как видим, позаботились о школах и грамотность считают необходимой, хотя она служит преимущественно для целей религиозных и укоренения магометанского закона.

В Томской губернии у городских татар существует также магометанское училище, а в волостях, где возведены мечети, там мулла учит детей грамоте. Перейдем к областям, где существует также магометанское население коче-

вых киргизов. В Семипалатинской области в 1876 г. считалось 38 городских школ и из них было 13 татарских магометанских с 796 учащимися. Зато на кочевое население с 513.833 душ. было 8 школ со 183 учащимися. Когда у оседлых обучалось 4,6% всего населения, у кочевников 0,03%; у русских в городах приходилось учащихся 1 на 20 жителей, а у магометан 1 учащ. на 17. И здесь мы видим магометанское население весьма заинтересованным в грамотности, хотя на кочевое население выпала печальная доля: число учащихся у оседлого населения в 129 раз превышает учащихся кочевников.

В Акмолинской области в городах также есть магометанские школы, как, напр., в Омске; что касается кочевого населения киргизов в 377.250, существовало 23 школы для кочевого населения с 583 учащимися; из 23 школ 12, однако, при мечетях с 379 учащимися и 10 уездных киргизских школ. Эти 10 русских школ для киргизов была единственная попытка грамотности для инородцев. Они были основаны в 1876—1879 г. под именем *интернатов* для киргизских детей под наблюдением уездных начальников. В них введен был русский язык; учеников должны были доставлять киргизы обязательно; в школах учили огородничеству, а девочек рукоделью; они обязательно жили при училище постоянно и были вне кочевой сферы. Интернаты были предназначены подготовить киргизских детей к оседлому образу жизни и занятиям. Интернаты эти окончательно не удались, не говоря о том, что киргизы были предубеждены против них и добровольно никто не отдавал. Ныне эти интернаты признано было тою же администрацией преобразовать и приноровить к обучению земледелию; едва ли, однако, и это получит успех. Училища первоначального обучения едва ли могут быть земледельческой школой: ни возраст детей, ни средства не позволят осуществить это. Ясно, что здесь слишком большие претензии помешали простому делу. Во всех интернатах было 204 учащихся при обязательном доставлении учеников, а в магометанских школах 579; на кочевое же население вообще приходилась 1 школа на 1.486 душ и в 15 раз менее, чем у оседлого населения.

Но если у татарского и магометанского населения существовала какая-нибудь грамотность, то финские пле-

чевников и до 23.594 полуоседлых и оседлых лесных татар. В Кузнецком и Бийском округах считается до 19.433 крещеных. Между тем мы не знаем ровно ничего о школах для этих инородцев и видели, во время нашего обзора в Алтае крещеных, большинство безграмотных. Выдается только одна деятельность алтайской духовной миссии, о которой мы и сообщаем сведения из последних источников.

Миссионерские школы алтайской духовной миссии существуют в Томской губ. с 1830 г. При первом ее начальнике, архимандрите Макарие, была открыта всего одна школа в 1838 г. в Улале, Бийского округа.

При его преемнике, прот. Ст. Ландышеве, открыто 4 школы; при третьем начальнике, архим. Владимире, впоследствии епископе томском, а ныне нижегородском, открыто вновь 20 школ, в которых к концу управления Владимира было 500 учащихся; в 1884 г. при настоящем начальнике миссии еписк. Макарие открыто вновь 3 школы. Движение школьного дела в алтайской миссии в последнее 10-летие всего лучше видно из таблицы.

	В 1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889 г.
Школ...	16	16	19	22	25	27	27	30	29
В них									
мальчиков	233	245	294	381	406	479	576	610	582
В них									
девочек	120	145	160	183	176	226	192	215	201

Эти школы находятся в селах и улусах; кроме них, в Бийске существует катехизаторская школа с 3-годовалным курсом и начальная; в первой было в 1889 г. 22 ученика, во второй — 137 мальч. Первая готовит помощников миссии; в ее программе находятся, за исключением геометрии, все предметы уездных училищ, но в объеме значительно низшем.

Главное внимание обращено на преподавание Закона Божия и св. писания. Воспитанники катехизаторского училища живут в пансионе.

Свое содержание миссионерские школы до сих пор получали почти исключительно из средств миссии; лишь одна улалинская мужская школа имела вспомошествование в 60 руб. от сельского общества, да городская женская содержится на средства купца Я.А. Сахарова. Отпускаемые миссией средства на школы невелики; 11 школ получали менее 100 руб. каждая, а некоторые получали даже 15, 20 и 30 руб-

лей в год; по 200 руб. и немного более получали лишь 5 школ. В 1889 г. все 27 сельских миссионерских школ получили 1.428 руб. из земского сбора.

Учителями в школах являются исключительно миссионеры; лишь в одной из них, в Макарьевской, в 1888—1889 году была приглашена посторонняя учительница с гимназическим образованием, которая, однако, через год оставила свою школу.

Миссионерские школы находятся в собственных, принадлежащих миссии помещениях, и хотя не отличаются удобствами, но в общем просторнее и светлее церковно-приходских школ; лишь в четырех из них помещение очень убогое, в 49 куб. аршин, другие имеют от 171 до 252 и одна в 587 куб. арш.; почти все построены по одному плану.

Число учебных дней в году, за небольшими колебаниями, везде было 168; библиотеки имелись в 10 школах; в каждой из них было не более 20—30 учебников и еще меньше книг для внеклассного чтения, которые состоят из житий святых и религиозно-поучительных рассказов.

По своим целям миссионерские школы, в которых наполовину или более обучаются инородцы — киргизы и калмыки — много отличаются от прочих школ. На первом плане здесь стоит религиозное обучение, знание молитв, знакомство с церковной службой, обрядами; нравственное развитие, или обучение обязанностям человека к человеку, идет уже затем; грамотность и письмо являются в качестве средств для первой цели; обучение инородцев разговору на русском языке имеет немаловажное значение. Этим исчерпывается почти все школьное воспитание и обучение; забота об остальных знаниях была бы непосильна как для учащихся, так и для учащихся, кроме русского элемента. Само собой разумеется, что, кроме городских миссионерских школ, где преподавание ведется особыми учителями, ни одна из них не выпускала учащихся со свидетельствами на право льготы по воинской повинности.

Таков отзыв исследователя г. Голубева. Мы должны прибавить, что, путешествуя по Алтаю, мы видели образцовую школу в Улале, устроенную для целей миссии. Преподавание велось на алтайском тюркском наречии. Богослужение совершалось также на алтайском языке; молитвы переводились. Кроме Улалы, мы не видели выдающихся школ.

Из алтайских школ инородцу не было никакого другого выхода, как поступить в служки миссии. Между тем мы видели здесь людей с выдающимися способностями, именно — братьев Чувалковых, из которых один достиг священнического сана. Отец Михаил своими познаниями служил для многих путешественников, а именно для Принца, Потанина, ориенталиста Радлова, снабжая их материалами из области народного творчества алтайцев и их мифологии. Другой брат Чувалков оказывал страсть к медицине, лечил больных, делал даже операции; он знал много ремесел, выказывал способность к музыке. Как жаль, что способности подобных людей не имели выхода; из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые. В нашу задачу не входит исследование образования у других племен и инородцев Восточной Сибири, но мы не можем не сделать несколько указаний в довершение общего обзора. Несмотря на значительное население инородцев в Енисейской губернии, мы не встречаем указаний на число инородческих школ; в «Памятной книжке» Енисейской губернии на 1890 год мы видим указание только на две татарские (магометанские?) школы с 83 учениками. Учатся ли обрусевшие инородцы в других местах — мы не знаем, но минусинские татары отличаются способностями, чему доказательством служит вышедший из них и дошедший до университетского курса молодой ученый Катанов. Что касается несчастного Туруханского края, о попытках просвещения здесь нигде не заявлялось, но мы встречаем в последней «Памятной книжке» Енисейской губернии на 1890 г. некоторые любопытные сведения о положении инородцев вообще. Здесь говорится о полном разорении инородцев, об их эксплуатации, о том, что положение ниже-имбатского остяцкого рода безотраднo и что «многие семьи живут в выкопанных ямах». Значительная часть балхинско-остяцкого рода, проживая в плохих чумах вблизи Туруханска (центра русской оседлости), представляет жалких нищих, пропитывающихся милостыней. «Караканско-остяцкая орда находится еще в худших условиях жизни: большинство их сидит у запоров рек, в ямах или убогих чумах, почти голые и нередко голодные, питаются только одной рыбой. *Нередко в этой орде*

бывают случаи людоедства, так что инородцы других орд опасаются близко подходить к стойбищам» («Памяти, книж.» Енисейской губ., 1890 г., стр. 290). Мы не спрашиваем уже, насколько проживающему «в ямах» населению доступно просвещение, но думаем, что лучшие условия жизни, грамотность и развитие могли бы предупредить хотя случаи «людоедства», которые бывают «нередко».

Нам остается указать на весьма значительное племя бурятов, расположенное в Иркутской губернии и Забайкальской области, население монгольского племени, но сделавшее значительные шаги в усвоении культуры, земледелия, научившееся многим ремеслам и обнаруживающее склонность к культурному прогрессу и духовному развитию. Школы среди бурятов ныне начинают заводиться самими бурятами, сознающими пользу грамотности.

Недавно интересные сведения об учащих инородцах в Восточной Сибири помещены в «Известиях Вост.- Сиб. Отдела Импер. Геогр. Общ.», том XX, книга 3-я, стр. 73 (сведения к 1 января 1889 года).

В Иркутском округе из 1.639 общего числа учащихся в народных школах бурятских *детей учится* 83, из них православных 32 и некрещеных 51. В Балаганском округе из 807 общего числа учащихся бурятских детей 121, из них православных 63, некрещеных 58. В Верхотенском округе из общего числа 284 учащихся бурятских детей 74, из которых православных 30, некрещеных 44; в Киренском округе из общего числа 298 бурятских детей 1. Всего в Иркутской губернии бурятских детей в народных школах учится 269, из них православных 126, некрещеных 143 (общее число учащихся в народных школах в губернии 3.444).

В городских училищах бурятов учится *в Иркутске* 4 и в *Балаганске* 5; остальное количество учащихся состоит в сельских и улусных школах. В некоторых из этих последних процент бурятских детей превышает число детей других народностей, и есть школы исключительно состоящие из бурятов. В Иркутском округе в кудинском училище учится 21 бурят при общем числе учеников 34; в капсальском — 26 бурятов и в торском — 28. В обоих этих училищах учащихся других народностей нет. В Балаганском округе, в аларском училище 10 бурятов на общее число 20; в балаганском мужском — 27 на 33, в идинском — 48 на 51. В верхотенском-

ользоновском — 29 на 30, в ольхонском — 14 на 15, в хоготовском — 16 на 24 и хорбатовском — 15 на 16. Самая значительная школа с господствующим бурятским составом идинская, находящаяся в улусе Бохан в Балаганском округе, созданная благодаря заботам и жертвам образованного бурята Сократа Александровича Пирожкова; в ней 48 бурятских мальчиков и 8 бурятских девочек. Эта школа в учебном отношении обставлена лучше других. При ней находится библиотека из 665 названий в 2.096 томов; в балаганской школе 1.051 том, в других значительно менее.

О числе инородческих детей, обучавшихся в народных училищах Забайкальской области, к 1 января 1889 г. сообщено в «Известиях Восточно-Сибир. Отдела Имп. Русск. Геогр. Общества», т. XX, № 5, стр 23.

В Читинском округе из 401 общего числа учащихся инородческих детей 163; из них 133 православных и 30 некрещеных. В Акшинском округе из 354 общего числа обучавшихся инородцев 38; из них 15 православных, 23 некрещеных. В Баргузинском округе из 78 общего числа обучавшихся инородческих детей 28; из них 1 православный и 27 некрещеных. В Селенгинском округе из 189 общего числа обучавшихся инородцев 70; из них 39 православных и 40 некрещеных. В Троицко-Савском округе из 252 общего числа обучавшихся инородцев было 2; из них 1 православный и 1 некрещеный. В Нерчинском и Нерчинско-заводском округах обучавшихся инородцев вовсе не было. В городских приходских училищах инородцев училось в Верхнеудинске 1, в Селенгинске 3, в Троицкосавске 5, и в двухклассном начальном училище в селе Кабанске 4; всего 13; из них 4 православных и 9 некрещеных. Всего в области обучалось 3.062 мальчика и 300 девочек; инородческих девочек не обучалось ни одной; общее же число обучавшихся инородческих мальчиков в области было 325; из них 193 православных и 132 некрещеных.

Некоторые школы в ведомости обозначены бурятскими, вероятно, потому, что содержатся бурятскими обществами; в Читинском округе показано ачинское бурятское училище, в нем из общего числа учащихся 31 инородцев 30; в Баргузинском все 28 учеников инородцы, в Селенгинском округе училище селенгинское с 28 учениками и кударинское с 51; все учащиеся — инородцы. Кроме того, в Читинском округе в 16 Заказ 3409

училище зюльзинском было 63 инородца из общего числа 70, в бырдинском 18 инородцев из общего числа 21; в училищах урульгинском 24 и маньковском 25 — все инородцы; в Верхнеудинском округе, в ачинском училище из 29 учеников 28 инородцев. Всего же в народных училищах Иркутской губернии и Забайкальской области обучалось инородческих детей 604 мальчика. Число это крайне невелико, принимая во внимание численность бурятов, а также близость их к русским волостям, сношение с русскими и культурные заимствования; многие буряты могут считаться вполне оседлыми. На числа инородческих детей в двух губерниях приходилось учащихся крещеных в Иркутской губернии 126 и некрещеных 153, в Забайкальской области крещеных 193 и некрещеных 132. Некрещеные, конечно, более чуждаются русских школ. Кроме того, нужно принять во внимание, что дети инородцев, не говорящие по-русски, ничего не поймут в подобных школах и им нужны школы переходные, приуроченные к обучению с сохранением родного языка.

Число инородцев, учащихся в средних учебных заведениях Иркутской губернии, Забайкальской области, Якутской области, а также в народных школах последней, рисуется таким образом: в читинской мужской гимназии училось детей инородцев в 1884 году — 5, в 1885 году — 5, в 1886 году — 5, в 1887 году — 6, в 1888 году — 6, в 1889 году — 6. В иркутской учительской семинарии к 1 января 1890 г. было инородцев 7, в том числе иркутских бурятов 1, забайкальских бурятов 3, тунгусов 1, корейцев 2. В том же году в начальных школах при семинарии обучалось 8 инородцев: бурятов 7, якутов 1. Всего же учеников в семинарии было в 1890 г. 82, в начальных школах при ней 68 мальчиков. В семинарии принимаются только крещеные инородцы.

В иркутской классической гимназии в 1889 г. было 2 бурята, в иркутской женской прогимназии 2 бурятки девицы. Из этого видно, как недостижимо для инородцев образование в средних учебных заведениях. Конечно, из 2 человек, учившихся в классической гимназии, трудно рассчитывать, чтобы они достигли университета. Так же недоступно и женское образование, характеризующееся 2 бурятскими девицами.

В Якутской области всех учебных заведений в 1889 г. было 15; из них 11 пансионов; в них учителей и учительниц 78. В мужской прогимназии в 1888 г. инородцев было 17 *при*

общем числе учащихся 60. В 1889 г. инородцев 18 при общем числе 83. В женской прогимназии в 1888 г. *инородческая девица была* 1 при общем числе учащихся 54. В низших училищах инородцев было в 1887 г. 156 при общем числе учеников 230; в 1888 г. инородцев 177 при общем числе учеников 271*. Прибавим к характеристике этих цифр, что все население якутов равнялось 220.000 душ и составляет $\frac{7}{8}$ всего населения. Классическая прогимназия привлекала якутов в весьма небольшом числе. В видах того, что заведение непригодно для якутов, возникла мысль о закрытии этой прогимназии и замене четырехклассным ремесленным училищем, о чем заявлено во всеподданнейшем отчете генерал-губернатора графа А.П. Игнатьева за 1886 г., но, во всяком случае, вопрос о преобразовании якутской классической прогимназии в более соответствующее инородческому населению учебное заведение стоит на очереди. Без этого способное, по всем видимостям, якутское население долго еще будет обречено на невежество. Заметим, что образование для якутов в этом суровом крае необходимее, чем где-либо; борьба с климатом и природой здесь еще ощутительнее; рядом с леденящим холодом полярная ночь и отсутствие солнца производит удручающее впечатление на человека. Все сжимает здесь ум и сердце. Не здесь ли единственным теплым лучом должен быть луч знания и истины, могущий согреть человеческую жизнь?

Кроме того, для проведения грамотности в среду инородцев, еще в 1885 г., открыта в г. Якутске миссионерская двухклассная школа, находящаяся под непосредственным наблюдением самого преосвященного Иакова. В пансионе, устроенном при школе, содержалось в 1887 г. 19 мальчиков и приходящих было 23, всего 42, из них 32 — дети инородцев, остальные других сословий. Постепенное увеличение учащихся в школе якутов свидетельствует, что школа эта пользуется сочувствием инородцев. Число учеников было бы гораздо больше, если бы многим просителям, рассчитывающим на казенное содержание, не приходилось отказывать в приеме за недостатком средств и помещения.

В Забайкальской области в 1885 г. существовало до 19 миссионерских школ с 377 учащимися, что составляло небольшой

* «Известия Восточно-Сибирского Отдела Импер. Русск. Геогр. Общества», т. XXI, №2, стр. 77.

процент на общее население инородцев — 0,21%, или 1 учащийся на 8.287 инородцев; но многие школы за Байкалом были одно время закрыты и упразднены.* Однако о школах у бурят за Байкалом мы читаем следующее обращение амурского генерал-губернатора по поводу обзора бурятских школ (№ 41 «Забайкальских Губернских Ведомостей» 1889 г.):

«Посетив школы, содержимые при бурятских степных думах, я нашел, что обучение в них ведется весьма удовлетворительно, но число учеников недостаточно. Увеличению благосостояния бурят не мало должно содействовать распространение между ними просвещения, к которому они имеют и охоту, и способности. Как в читинской гимназии, так и в прочих учебных заведениях, мною посещенных, ученики из бурят все отличались весьма хорошими способностями, прилежанием, хорошим поведением, а в успехах не только не уступали коренным русским, но даже превосходили многих из них, несмотря на то что им приходится в большинстве случаев, сверх усваивания наук, еще учиться и русскому языку. Весьма желательно, чтобы буряты воспользовались своими способностями и чтобы возможно большее их число посещало школы, но, конечно, такие, в которых обучение производится на русском, а не на каком-либо азиатском языке. Это необходимо не только потому, что просвещение надо искать не в Азии, отставшей в науках и искусствах, а в Европе, просвещение которой стоит неизмеримо выше, но и потому, что знание русского языка еще теснее свяжет бурят с огромною русскою семьей, неразрывно жить с которою им суждено навеки. *Буряты должны быть не пасынками, а полноправными детьми России*, а для этого необходимо возможно полное их слияние с русским народом. Крайне желательно поэтому, чтобы среди бурятского населения было распространено возможно большее число школ с курсом наших сельских училищ, так как бурятам нужно не несколько десятков лиц, получивших среднее или даже высшее образование, а сотни и тысячи человек, получивших русское образование. Необходимо также, чтобы ховараки, обучающиеся при дацанах, непременно обучались бы русскому языку». Мы знаем уже, что буряты охотно изучают этот язык при сближении с русскими, но если им

* По отчету амурского генерал-губернатора, в 1876 г. было только 13 миссионерских школ.

будут запрещать собственный родной язык — этого они никогда не поймут.

Бурятское население обнаруживало не раз наклонность к образованию, и учащиеся проявляли полную способность к восприятию образования. Некоторые буряты успешно достигали не только гимназического, но и университетского курса, как Дарджи Банзаров, известный ученый ориенталист, Пирожков, медик Батмаев. Из бурятов вышли ламы, получившие образование, как Гомбоев, Хангалов, Дорожеев, С.А. Пирожков; некоторые из них — члены географического общества, доставлявшие ценные этнографические материалы. Есть буряты, которые, не оставляя своего быта и веры, знакомятся с русским просвещением, как Ломбо-Церенов, Лумбунов и весьма сочувственно относящийся к задачам просвещения нынешний хамбо-лама Дампиль Гомбоевич Гомбоев. Некоторые лица из бурят в последнее время сделали членами Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества и внесли пожертвования для изучения быта бурятского племени учеными специалистами. Все это такого рода задатки, которые показывают, что понимание пользы просвещения не чуждо бурятскому племени и что они умеют понимать его в истинных его представителях.

Затем мы не можем не обратить внимания на другое племя в Восточной Сибири, которое еще более обнаружило наклонности к восприятию культуры и о способностях которого свидетельствуют с похвалою единогласно все исследователи и путешественники. Это даровитое якутское племя (тюркской ветви), хотя и поставленное в самые неблагоприятные условия природы в Якутском крае. Это население не только соединило со скотоводством сенокосение, давно обитает в оседлых жилищах, усвоило ремесла, выказало способность к торговле, обучилось русскому языку, приняло в значительной части православие, но там, где пользовалось просвещением, выдвигало способных и даровитых людей. Одним из них являлся, например, якут Николаев, даровитый представитель якутского племени, учившийся в прогимназии, бывший в выборных должностях, депутатом на коронации и заявивший себя множеством записок и ходатайств о положении якутов. Он соединял в себе теплую любовь к своему племени вместе с уважением к цивилизации. Из якутов выходили также медики. В настоящее время в Якутске прогимназия

или не вовремя ремонтируют училище, или несвоевременно и в недостаточном количестве снабжают учеников платьем и обувью, или пищу дают плохую и малопитательную. К причинам неудовлетворительности народного образования надо отнести также и плохое экономическое положение якутов, всегда стесненных средствами и часто недостаточно обеспечивающих школы в материальном отношении. Например, инородцы Колымского округа с большим трудом уплачивают свои 200 р. учителю среднеколымской школы, единственной на целый округ, а на другие нужды школы просят правительственной субсидии. Наконец, развитие учебного дела задерживается еще недостатком учителей, вполне преданных своему делу и сознательно выполняющих свое назначение, так что, по необходимости, приходится определять в народные школы учителей, мало подготовленных к учительской обязанности, иногда даже не знающих народного языка».

Соображая условия образования для инородцев, мы видим, во-первых, что оно далеко не для всех инородцев доступно и не везде одинаково. Мы видим, что даже татарская грамотность распространена более, чем русская, муллы и ламы более заботились об этой грамотности инородцев, и это не может не быть для нас, обладающих всеми средствами цивилизации, упреком. Мы видим, напротив, что у нас не сделано в некоторых местах даже попыток для обучения инородцев. Что касается миссионерских школ, то светского образования мы от них не можем и требовать; в русские школы инородцы не идут, не зная языка. Ясно, что здесь нужна особая школа для начального образования инородцев, которая бы удовлетворяла и их требованиям, и нашла бы практический путь заинтересовать их наукой, не оскорбляя их чувства и веры.

Вопрос об образовании инородцев с первого же раза выдвигает несколько практических вопросов, требующих внимательного отношения и соображения с положением народности. Эти вопросы состоят, во-первых, в средствах, на которые должны содержаться школы, во-вторых, в принудительности, обязательности или свободном привлечении к образованию и, в-третьих, о самом характере преподавания для инородцев, причем является вопрос о выгодах распространения знания на русском или инородческом языках. Что

касается средств, на которые должны быть создаваемы школы, то весьма обширная переписка об этом предмете в 1853 г. привела к одному заключению, что создание школ у бродячих звероловов насчет инородцев невозможно и неосуществимо ввиду крайне жалкого быта и бедности большинства, находящегося в положении дикарей; всякие новые налоги и тягости угрожают им окончательным разорением. Несомненно, что создание этих школ должно быть обязанностью высшей расы, имеющий в виду привитие цивилизации. На предложение инородцам завести школы они отвечали обыкновенно отказом и просьбами не заводить их, будучи предупрежденными и испытав в своей жизни горькие последствия всевозможных мероприятий. С этим же связан вопрос об обязательности и принуждении обучения инородцев. Обыкновенно доселе от инородцев детей отбирали насильственно. Нечего говорить, как это вооружило инородцев против образования. Мысль об обязательности, а особенно принудительности образования, неприменимая ни к какому населению, могла вытекать только из диких взглядов местного культуртрегерства. Она мало того что не полезна в смысле образования, но негуманна сама по себе и нарушает всякую законность. Между тем другой системы местная земская администрация никогда не понимала; отсюда вытекала масса злоупотреблений именем просвещения. «Давай деньги как отступное, или возьмем детей у тебя и сделаем русскими, обратим в иную веру и отдадим в солдаты!» Понятно, какой ужас могло навести на инородцев такое просвещение. И вот инородцы доселе находятся под влиянием такой мысли, внушенной им просвещенной сибирской администрацией. Недавно в некоторых школах и в интернатах киргизской степи вынуждаемые инородцы прибегли к покупке детей у бедняков и отдаче их в школы, которые кажутся им гибелью. Вопрос русифицирования, как жгучий вопрос национальностей, неумело и грубо применяемый, порождает весьма часто только насилие и возбуждает отвращение. К сожалению, эта русификация также предлагается по отношению к инородческим школам без размышления о последствиях. Если народность весьма сблизилась с русскими и даже усвоила русский язык, тогда нет никаких препятствий, конечно, к обучению на русском языке, и вопрос обучения здесь сливается с обыкновенным сельским образованием. Другое дело относительно на-

родностей и племен, пока весьма склонных удерживать свою национальность, свой язык, свои верования, страшщихся нарушения их и всякого принуждения. Для таких племен полезнее привитие знания на природном языке и перевод учебников, как и самого священного писания на инородческий язык; при этом, смотря по предубеждению и характеру народности, нужно обсудить, что должно предшествовать грамотности: развитие ума, как начало дальнейшего образования и знакомство с высшим христианским мирозерцанием, которое явится само собою при знакомстве с христианской наукой, или воспитание прямо религиозное. Нам кажется, что вопрос образования и знакомство с наукою должны быть выделены для инородцев, как относительно всех племен, держащихся иных вероисповеданий, где предполагается постепенное приготовление к иной религии, а не навязывание ее, могущее дать обратные результаты. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукою, надо заметить, нимало не оттолкнуло образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизят его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Мы видим, что успехи развития и просвещения шли у инородцев быстрее, когда религиозные книги и евангелие переводились на инородческие языки. Доказательством служит деятельность английских миссионеров в Забайкальской области. Поселившись около Селенгинска, эта миссия прожила около 20 лет, завела монгольскую типографию, библиотеку, сделала превосходный перевод библии на монгольский язык, обучала бурятов ремеслам и создала до 3.000 христиан. К сожалению, в начале сороковых годов эта миссия была выслана из Сибири и перенесла свою деятельность на Зондские острова. Ныне в успехах дела алтайская духовная миссия прибегла к подобным же переводам и преподаванию также на алтайском языке, хотя он не имел своей азбуки. Знакомство с языком инородцев дало большие знания народности и миссионерам. Далее добровольный миссионер Григоровский в Нарымском крае основал остяцкую школу, перевел на остяцкий язык священное писание и деятельно распространяет христианство. Еще к более высшей просветительной деятельности мы должны отнести опыты переводов руководств на бурятский язык в 1860 г. Болдоновым,

школу Пирожкова и т. п. Таким образом, вопрос об инородческой школе является весьма важным и очередным в Сибири, так как насильственное привитие к инородцам русского языка и обязательное преподавание на нем одним терпит много неудач. Такие школы и заведения вызывают ныне только жалобы, а со стороны русских сторонников просвещения полное осуждение. Так, наприм., недавно заявлено о плачевном состоянии образования среди якутов, где не только первоначальное обучение на русском языке, но даже гимназическое, не приносит никаких плодов, но служит истинною мукою для учеников. В Якутске основана, например, классическая прогимназия на деньги якутов, где якутам предлагается сразу изучение 4-х языков; все эти языки преподаются людьми, не знающими ни слова по-якутски и не умеющими объясняться с учениками. «Это горькая насмешка над населением, — говорит один из очевидцев. — Для якута даже русский язык труднее, чем для русского латинский и греческий. Между тем у населения нельзя отнять жажду знания, оно хочет учиться. Кроме прогимназии, существует в улусах несколько начальных школ с полуграмотными учителями. Влияние этих школ ничтожно, потому что учителя их мало знакомы с преподаванием, при полном отсутствии какого-либо намека на страстное, любовное отношение к делу, а во-вторых, все учебники и книжки для первоначального чтения трактуют на *неизвестном языке* еще менее известную природу и жизнь. Что принесет подобное образование!» (Сибирская Газета, из Якутска, 1881 г. № 4). Подобные же неудачные попытки преподавания на русском языке бывали и среди киргизов; мы не говорим уже о созданных искусственных пансионах для них. Обрусевшие инородцы, в лице переводчиков азиатских школ, писаря и проч., являются обыкновенно самым дурным элементом и эксплуататорами, взяточниками и совершенно не имеют никакого благотворного влияния на среду инородцев. Таким образом, привлечение инородцев к школе и знанию без насилия, добровольно, не отталкивая от просвещения, само собою связывается с первоначальным преподаванием на инородческом языке, с созданием особых инородческих школ и подготовлением учителей из самих инородцев, знающих свою народность, ее характер и желающих ей блага. «От школы требуется, чтобы она вложила в инородца любовь к науке и просвещению, но в нем

уже есть любовь к окружающей природе и к своему племени», говорит один из знатоков инородческого быта. «Школа должна воспользоваться этой, воспитанной помимо ее любовью, она должна перенести эту любовь на науку». «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его историю, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило и что ему следует совершить. Вам нужно, чтобы инородец начал понимать те идеи о будущем, какие волнуют образованного европейского человека, дайте ему наперед представление о его племени» (Сибирские инородцы. «Сибирь»). Этими словами указывается, что истинное образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью образования должно быть: внушение любви к своему племени, к судьбе его, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и предоставить массе ту же нищету, несчастье и вымирание. Только весьма немногие образованные инородцы сохраняли связи со своим племенем и желали посвятить себя его развитию. В числе этих имен должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Боддонова и Дорожеева из бурятов, Николаева-якута и Чекана Валиханова из киргизов, Катанова из минусинских инородцев. Как Валиханов, так и Банзаров получили высшее образование, они были даровитейшими и учеными людьми даже в европейской среде и тем не менее их симпатии оставались на стороне их несчастного племени. К сожалению, такие личности только случайно пробивались из инородческой среды. Высшее европейское образование оставалось чуждо большинству инородцев, а между тем такие личности более всего могли бы принести услуг инородческому просвещению и позаботиться о судьбе своей народности. В пробуждении инстинкта любознательности, духовной жизни и в сознательном отношении к своему настоящему и будущему будут лежать залогом сохранения племен от вымирания и гибели. Мы думаем, что такое просвещение будет источником жизни и спасителем, который воскресит легендарного, умирающего от голода и бедствий самоеда. Дух сибирского инородца остается пригнетенным, глубокая меланхолия лежит на нем, мрачная безнадежность сковывает его сердце, нет веры в лучшее, нет надежды на будущее. Вот эту-то веру, эту общечеловеческую надежду и должно создать инородческое просвещение. Когда

инородец не увидит никакого насилия, опасности в деле при-
вития образования, он научится уважать его. Мы видим, что
инородцы охотно иногда отдавали детей в средние учебные
заведения, как в омский кадетский корпус. Буряты иногда
отдавали детей в гимназию.

Примеры получения высшего образования среди инород-
цев теперь редки, но будем надеяться, что местный сибирс-
кий университет привлечет сюда и представителей инород-
ческой среды. Инородцы, как Дарджи Банзаров, Валиха-
нов, ныне Катанов, оказали уже услугу русской науке. Не
забыв свой язык, они явились наиболее способными уче-
ными ориенталистами и внесли неоцененные вклады в эт-
нографию, изучая родственные племена и географию близ-
ких им окраин. Еще больший контингент таких ученых ори-
енталистов может дать восточный факультет в Сибири. Пе-
реводчики и драгомены могут формироваться в среде ино-
родцев, и если необходимы посредники для проведения ци-
вилизации к соседним азиатским племенам, окружающим
Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходит к на-
шим инородцам. Мы не говорим уже, что развернувшиеся
способности инородцев, обнаруживающиеся даже теперь в
исключительных и редких случаях, могут проявиться когда-
нибудь шире и богаче, внося свои вклады в общую сокро-
вищницу знания и общечеловеческой цивилизации.

Значение кочевого быта в истории человеческой культуры*

(Доклад Н.М. Ядринцева 6-го марта 1891 г.
в Русском Антропологическом обществе)

Задавшись целью коснуться кочевого быта и его значения в истории человеческой культуры, мы должны сказать несколько слов о тех предубеждениях и ходячих взглядах, какие по рутине установились на жизнь кочевников. Эти воззрения составляют характерную черту оседлого человека, смотрящего на всякую другую форму быта как на крайнее заблуждение и дурную привычку. Кочевник обыкновенно выставляется противоположностью культурного оседлого человека, его антиподом и антагонистом. Все свойства кочевника выдаются как враждебные культуре и цивилизации. Кочевник считается варваром, угрожающим оседлому быту. Некоторые его называют «врагом природы» и приписывают кочевому быту опустошение лесов и превращение плодородных мест в степи и пастбища. С этой точки зрения проектируется и давно предлагается целый ряд мер ограничить кочевника, стеснить его передвижение и побудить его тем или другим путем бросить прежний быт и перейти к оседлости и земледелию. Меры эти, однако, не всегда удаются и переход кочевника к другому быту в жизни встречает массу препятствий и является для известного времени неосуществимым.

К сожалению, враждебный взгляд на кочевников усваивали не одни ретивые культуртрегеры, но иногда проникались им и неосмотрительные ученые. Ясно, что ученые заражались здесь теми же предрассудками культуртрегеров и не хотели вникнуть в экономическую сторону быта кочевника, как равно упускали из виду точку зрения, которая побуждает смотреть на различные

* Мы считаем полезным присоединить настоящий доклад к исследованию об инородцах, так как предмет его касается также инородческой жизни.

формы быта в их последовательном историческом и культурном развитии, от форм менее совершенных к более высшим.

Ложные воззрения на кочевой быт народов слагались у нас под влиянием двух предубеждений. С одной стороны, европейский мир знакомился с кочевниками во время их нашествий и завоеваний, причем кочевники являлись угрожающим элементом для цивилизации. Под влиянием таких воззрений написаны исторические статьи известного ориенталиста Григорьева*; полагаем, что оценка кочевников в столь исключительные моменты, как войны и нашествия их, в которые кровожадность и инстинкты истребления проявляются не у одних кочевников, но и у цивилизованных наций, недостаточно характерна, одно-стороння и слишком пристрастна. В это время кочевники вредны и опасны бывают не потому, что они кочевники, но потому, что они завоеватели, а так как по культурному развитию они ниже оседлого населения и не ценят гражданственности, ясно, что их военные действия беспощаднее и опустошительнее. Эти моменты были слишком неблагоприятны для изучения кочевого быта и исторические воспоминания здесь мешают спокойному отношению. Далее, приговоры кочевникам произносит население оседлое, когда оно приближается к кочевым районам и заинтересовано бывает заселить их. Понятно, что и здесь оно относится небеспристрастно и в оценке кочевого быта рассматривает его только с точки зрения своих интересов. Оседлое население считает огромным недостатком и варварством, что кочевники владеют огромными угодьями: у него является желание, чтобы часть угодий перешла к нему; но так как кочевники не расстаются со своими землями, отстаивают их, а оседлое население претендует на эти земли, то антагонизм интересов опять создает враждебное отношение к кочевому быту. Не говоря о том, что здесь нет научного беспристрастия, такое отношение к кочевникам ведет к ряду недоразумений и отражается полными неудачами в деле культурных воздействий.

Наблюдая жизнь сибирских кочевых инородцев и посетив недавно Центральную Азию, я желал бы указать только, что в этнографическом и антропологическом изучении должен быть более беспристрастный прием, и задался целью рассмотреть стадию кочевого быта как одну из стадий человеческого развития, без которой немыслима была бы и последующая стадия

* Статья «Отношение между кочевыми народами и оседлыми государствами» Григорьева. 1875 г.

развития. Я полагаю, что строго антропологическое изучение требует рассмотрения человека в данных физических условиях, среди которых слагается его быт, и при тех обстоятельствах принорования и приурочения природы к своим выгодам и пользам, какие доступны были ему при известном накоплении знаний и опытности. Словом, я позволил себе рассматривать каждую из форм инородческого быта, как бы она несовершенна ни была, как одно из звеньев общего развития.

Предметом моих наблюдений были инородческие племена урало-алтайской группы и кочевники Сибири. Изучая их в различных условиях, я пришел к заключению, что самый кочевой быт весьма разнообразен: кочевание на равнинах в среднеазиатских безлесных степях, среди солончаков, где травы носят особый степной характер, весьма разнится от кочевания в горах, в долинах; затем, кочевки в лесах отличаются от горных и равнинных перекочевков. В одних местах радиус кочевки длиннее, сезоны переходов продолжительнее, в других случаях в горах кочевник пользуется топографией страны; с появлением трав на горах и склонах на лето он поднимается в горы, к зиме спускается в долины. Леса не дают простора для широких перекочевков, и обширное скотоводство здесь невозможно, радиус и колебание кочевого маятника поэтому здесь все более сокращается. В лесах мы видим, ввиду трудности передвижений, переходы на небольшие расстояния. Климатические влияния и флора каждой местности дают себя чувствовать. На границе Сибири мы видим все переходы кочевников от степей к горам и лесам. Наконец, появляются зимние стоянки. Номад снимается только ранней весной и идет до середины лета, а затем возвращается к осени и зимой уже стоит на одном месте, наблюдая за стадами. Кочевание возможно только благодаря постоянному подножному корму. Чем далее к северу, тем зимовка у скотовода начинает все более преобладать. Наконец, появляются запасы сена и скотовод, не оставляя промысла, делается почти оседлым. Таков, напр., якут; но скотоводство не допускает еще группировки селениями и скотовод предпочитает располагать жилище уединенно один от другого.

Наблюдая различные формы и виды пастушеской жизни, мы видим, что они обусловлены строго физическою обстановкою природы. Изменяется окружающая природа — изменяется и образ жизни. Рассматривая географические условия Центрального азиатского плоскогорья, переходящего к Урало-Каспийской низменности, мы видим, что кочевники Центральной Азии, выби-

рая южные степи, постепенно подвигались к северу и вступили в гористые места Тянь-Шаня около Иссык-Куля, в Алтайские, Саянские горы, в Байкальскую Даурию, и постепенно из Монголии перевалили Хангай, прошли по Орхону, занимали вершины Ононо-Керулулека и притоков Амура. Здесь их окружала гористая местность; постепенно они охватили часть лесной полосы и вступили в равнины и береговые степи Западной Сибири. Кочевание их и блуждание не совершается произвольно; напротив, оно строго соответствует распределению трав и корма скота. Способы перекочевки строго распределены, как летовки и зимовки. Поэтому на блуждание кочевника мы не можем смотреть как на прихоть, как на привычку бродяжничать. Это связано с естественными способами пропитания его скота и его самого. Там, где не благоприятствуют условия для постоянного нахождения трав, он замедляет движение и, наконец, располагает скотоводческое хозяйство иногда в одном пункте. Зимовка в последнем фазисе есть постоянное определенное место, собственность кочевника. Мы видим здесь, так сказать, все переходные фазисы от кочевания к оседлости. Люди не могут отстать от прежних привычек, и в кочевых лесных областях мы замечали не раз, что скотовод, живущий уже в деревнях и превративший зимовки в деревни, все-таки перемещает места, а рядом с избыю стоит для летнего помещения шалаш. Но переходы все-таки совершаются. Если вы расспросите кочевников и скотоводов о прежнем времени, о прежнем их способе кочевки и средствах пропитания, они расскажут вам, как киргизы, что прежде перекочевки их были более обширны, но постепенно сокращались с размножением населения и с ограничением районов скотоводства. Возникло тогда шахматное распределение летовок и зимовок между родами и волостями. Распределение пастбищ мы видим в довольно древнее время, напр., при описании древних кочевых народов китайцами. Исторические изыскания также доказывают, что прежде способы кочевания были другие. Хунну и гиенну (тюрки), а затем монголы имели более простора. Они кочевали на необозримых степях к северу от Китая. Передвижение было постоянное, кочевник даже не знал, где он остановится. Самое жилище или юрта была не только походная, складная, как ныне, но кибитка была поставлена на телеги и с телегами перевозилась. Такие юрты были еще при Чингиз-Хане*.

* Эти телеги описаны были Рубрюквистом; они сопровождали обширные передвижения кочевников и запрягались волами. Рисунок этих

Юрты эти впоследствии исчезли и заменились юртами, которые ставятся при каждой остановке. Если этот способ передвижения вы сравните с нынешним положением скотоводов-киргизов, полгода остающихся на одних местах, если вы всмотритесь в деревни башкиров (совокупность зимовок), в зимовки и летовки бурятов и, наконец, в быт оседлых якутов, вы увидите огромную разницу. Нынешних скотоводов придется признать скорее *полукочевыми* или полuosедлыми.

Эти постепенные изменения кочевого быта, совершавшиеся в недавний период, переносят нас невольно к истории кочевых племен более отдаленной и намекают на различные культурные переходы. Нечего говорить, что каждый новый кризис в кочевом быту создавал и особые формы хозяйства. Мы видим постепенный переход жилищ кочевников из подвижной юрты к постоянному лесному шалашу, к лесной летовке, напоминающей дом, к зимовке, жилищу четырехугольному, к землянке, глинобитной постройке и т. д. Словом, в разнообразии инородческих форм быта мы читаем целую историю народов. У кочевых народов эти переходы из одной формы в другую могли совершаться медленно, целые века. Только поверхностное наблюдение жизни дало представление, что кочевой быт везде одинаков, а неимение данных о прошлом дало повод составить понятие о неизменяемости форм. У многих кочевых народов Центральной Азии культурный прогресс и совершенствование быта совершаются так медленно, что могут быть приняты за всякое отсутствие движения и за застой, точно так же, как тихое течение вод при слабом склоне с зеркальной поверхностью их иногда обманывает и заставляет забывать о их движении. История человечества в первую эпоху делала шаги в области культуры весьма медленно. Эпоха необделанного камня и полированных орудий, бронзовые века — это целые периоды; усовершенствовать какое-либо орудие нужны были века. Только в позднейшие века, по мере накопления знаний, сношением народов, по мере успехов наук и техники прогресс человечества пошел с усиливающейся быстротой железнодорожного поезда.

Кочевой быт имел предшествующую эпоху развития, имел собственный долгий процесс, чтобы отлиться в известные формы, а затем связывается с последующими изменениями.

кибиток восстановлен полковником Юлем в его комментариях к Марко Поло. О подвижных юртах в ордах Чингиз-Хана упоминают и китайские путешественники, напр., Чань-Чунь. Древние племена го-
оче китайцы называли «высокие телеги».

В нем, как и вообще в истории человеческого существования, мы видим эволюцию, движение, жизнь, а не смерть.

Перейдем теперь к обычному делению человеческой истории и культуры сообразно занятиям и промыслам.

Доселе принято, сообразно существующим формам занятий, подразделять историю человека на следующие периоды: звероловный, скотоводческий и земледельческий, которому свойственна оседлость. Между этими периодами кладется резкая грань, и все они, по своим занятиям, кажутся различными. Между тем это схематическое деление весьма поверхностно, приблизительно, и хотя обрисовывает быт народов в разных группах и стадиях, но не уясняет нам те поступательные шаги, те переходы, которые совершало человечество от одной культуры к другой. Первые две стадии принято считать варварскими и дикарскими, и только последнюю достойною быть названной культурной. Первые две стадии, звероловная и скотоводческая, ыдаются нам как бы не представляющими никакого развития, держащими человека в подчинении у природы, обрекающими его на случайное существование и не только ничего не созидаящими в области человеческой культуры, а как бы только уничтожающими и опустошающими природу. Но это несправедливо. Мы не вправе отделять два предшествовавших периода от третьего, последующего. При внимательном обзоре человеческой культуры мы увидим, что все эти периоды тесно связаны и развиваются органически один из другого. Накопленные знания из первого периода переходят во второй, и только благодаря им человек делает новые шаги. Поэтому мы никоим образом не можем себя считать не обязанными предыдущему опыту. Мы должны быть глубоко справедливы и, изучая прошлое, тщательно оценить то, что нам дали предшественники и прародители народы. Только благодаря им мы, может быть, обязаны своей высотой, блеском нашей культуры, ибо черная работа была совершена ранее.

Изучая скотоводческий период и период кочевников, мы должны рассмотреть его так же, как стадию, которая, превосходя своим развитием все предшествовавшие периоды, подготовила многое для последующей культуры и имела уже выработанное ценное знание. Для этого мы должны ее сравнить с предыдущим периодом, а затем ответить на вопрос: находится ли в неподвижности и застое кочевой быт? Период, предшествовавший пастушескому, был быт зверолова, но и он имел свои различные стадии.

Значение кочевого быта в истории...

Охотник с куском камня и дубиной должен быть отличаем от охотника с металлическим копьем и стрелой. Между тем и другим протекли целые периоды, целые столетия, может быть, ряд столетий. Быт звероловных племен и остатки древних способов охоты у культурных народов дополняют картину охотничьих времен, но, как мы говорим, способы первобытного охотника страшно разнятся от позднейшего. Охота остается долго в человечестве и способы ее совершенствуются. Охота продолжается и в скотоводческий и земледельческий период, но она отступает как главный промысел — она делается побочным, наконец, переходит в развлечение. Развлечением она является уже и в период скотоводства. Как занятие, раз усвоенное и полезное, она проходит, однако, все эпохи. Закон культуры тот, что ни один промысел не уничтожается, но совершенствуется. При переходе от одной культурной стадии к другой, от одних промыслов к другим человек не расстаётся вполне и с первым. Промыслы только усложняются новыми отраслями. К занятию охотничьему присоединяется скотоводческий, к скотоводческому земледельческий. На высшей степени развития мы видим все занятия: и охотничий, оставшийся от звероловной эпохи, и рыболовный, и скотоводческий; к ним присоединились земледельческий и промышленный. У кочевника также существует земледелие, но не в совершенном виде; мало того, киргизам, алтайцам известна была ирригация, чему они научили русских. *Культурный прогресс состоит не столько в перемене промысла, сколько в совершенствовании отдельных способов и занятий.* При изучении культуры поэтому важно обращать внимание на совершенствование орудий и отдельных промыслов в каждой стадии развития.

Без сомнения, каждая из эпох развития и господствующее занятие внесло свое знание в последующие периоды. У каждого занятия создавались, кроме того, своя специальность, знание, свой культ, привычки. Каждое занятие влияло на физическое развитие человека, на его способности, как и на его мирозерцание.

Несомненно, что даже первобытный звероловный и охотничий период положил свою печать на человека. Он создал особые свойства в периоде человека, влиял на его физическое строение и изошрился многие его способности: дальность зрения, меткость глаза, ловкость в борьбе, осторожность, наблюдательность и т. д. В этот период развилась в высшей степени физическая сила человека. До сих пор охотник есть превосходный

ходок (хождение на лыжах замечательно); ратоборство с животным развило его мускулы. В классическую эпоху тип мускулистого зверолова выразился в Геркулесе, этом атлете со страшными мускулами, с дубиной на плече и с тигровой шкурой через плечо. Человек явился победителем самых свирепых животных. Он олицетворяется победителем мифического дракона, но еще важнее — он победил действительного мамонта, льва, тигра и медведя. Мы должны признать культурную услугу, таким образом, и у зверолова. Звероловный быт во всех фазисах достояния изучения, как и кочевой быт. В это время уже зарождалась человеческая ассоциация, облава на зверей, имевшая свои обычаи. Переходы к другому быту не делались сразу: в звероловную эпоху мы видим приручение животного, напр., первоначально охотничьей собаки; зверолов, воспитывая некоторых животных, подготовил материал для кочевого быта*.

Как ни низок уровень развития зверолова дикаря, но он ныне отличается от первобытной эпохи, и эскимос, самоед, лапландец, австралиец, имеют массу усовершенствованных орудий, доказывающих продолжительный опыт и упорство в занятиях.

История жизни и развития человечества в продолжение веков далеко еще не оттенена во всех своих деталях. Мы собираем мозаику из жизни и явлений разноплеменных дикарей и только по ней создаем картину культуры, но мы слишком отрывочно и бегло просматриваем эту историю.

Звероловный быт и охота имели целую историю, которая отразилась в привычках, инстинктах, в самом культе и мировоззрении человечества. Прошли тысячелетия, а мы сохраняем еще героический эпос этой эпохи. Ум человека так вошел в жизнь зверя, что не только очеловечил, но обоготворил его**. Но настоящая культурная победа человека совершилась тогда, когда он сделал животное домашним и приручил его. Историки культуры говорят, что изобретение огня было эпохой для людей. Приручение животного еще большею эпохой. Если мы можем гордиться изобретением паровых машин и применением электричества, то в раннюю эпоху при-

* Охотники в горах Сибири до сих пор приручают алтайского марала (благородного оленя). Этот опыт нынешних охотников указывает историю приручения оленя. Мараловодство развито в Алтае. См. Записки Западно-Сибирского Отдела Географии. Общества, кн. I. 1877 г.

** Известны древние культы животных; о культе медведя у северных народов собран значительный материал в последнее время. Уважение и страх перед ним остаются доселе у охотников-простолюдинов.

обретения таких двигателей, как животное, и утилизация их составила не меньшую эпоху в развитии народов.

Взаимная зависимость и близость домашнего животного и человека не раз указывалась учеными, вдумывавшимися в историю культуры. Гердер⁷⁶ говорит: «Старшие братья людей суть животные». Риттер⁷⁷, посвятив блестящую монографию «географическому распространению верблюда», оценивает его важное значение в пустынях среди первобытной жизни человека. Он указывает на огромные услуги его в сношениях и торговле.

«Корабль пустыни дал возможность проходить недоступные степи и пустыни, как моря, соединяя оазисы человеческих поселений. Он дал убежище и безопасность в пустыне более надежные, чем высоты Кавказа и Гималая». Без верблюда пустыня должна была бы остаться бесполезною для человеческого рода. Персы говорили: друг человека, он облегчает ему великие пути по миру. За благодеяния и пользу, приносимую арабам, он считается священным животным. «В великом домостроительстве природы и пустыни, говорит Риттер, верблюд представляется, с одной стороны, поддержателем и оживителем пустыни, с другой — образователем народов, носителем патриархального быта в развитии рода человеческого». Точно такой же и подобный отзыв мы встречаем у него о другом домашнем животном — о коне. «Это благородное животное назначено было уже не для одних патриархальных народных особей; в широкой сфере своего распространения, применяясь ко всем условиям природы, ко всем почвам, способный к самым многосторонним изменениям, сообразно всем степеням развития народов, он получил в удел быть космополитом и служить на пространстве всей земли». Но прежде всего лошадь воспитывалась в степях, и, как доказано, отечество ее — Гоби и Туран. У кочевых племен она пользуется почетом, как и верблюд. В монгольской истории Санан-Сецена лошади по их цветам, свойствам, именам, подвигам, добродетелям играют такую же роль, как полководцы и государственные люди. Лошадь в Средней Азии украшалась золотом роскошнее, чем сами владельцы. Она вошла в кочевую легенду, она сопровождает человека при погребении; иногда всадники закапывались верхом. Лошадь обрекается для божества и является священной в табунах (алтайский *изых* и *яик*). Верблюд водился у монголов за 200 л. до Р. Х. Родина его в диком состоянии — степи Шамо и на окраине Гоби. Коней разводили гунны и степи снабжали ими Китай (Царские табуны).

То и другое животное распространилось из степей Центральной Азии и обязано своим воспитанием кочевому быту. Скотоводческий быт воспитал яка и быка — полезнейших животных и взлелеял овцу, руно которой для цивилизации и человечества принесло более пользы, чем золотое руно аргонавтов.

Как звероловный период отразился на человеке, его организации и его воззрениях, сохраняющихся доселе, так кочевой быт своим характером наложил свою печать на человека.

Пастушеский быт в его идиллии уподобляет человека Адаму, окруженному мирными животными, созданными на его пользу. Это был период первого блаженного покоя и отдыха в долинах и степях. Представление о земном рае могло создаться только в эту мирно-скотоводческую эпоху. В степях у скотовода создавался патриархальный быт и патриархальные нравы. Затем человек, покорив животное и сжившийся с ним, нераздельно олицетворяется в мифическом кентавре, переносящемся повсюду. Этот кентавр-варвар в виде гунна наводит ужас на Европу, кочевой мир создал даже царство амазонок. Впоследствии всадник в виде подобного же кентавра навел панику на индейца и помог Кортесу приобрести для Европы Америку.

Тысячелетняя жизнь скотоводов имела свою историю, свои перипетии, жизнь кочевого мира не могла не отразиться вообще на ходе человеческой истории и исторических событиях.

История передвижения кочевых племен, история переселения народов, как и многих нашествий на Европу с IV в. и ранее, остается темною и непонятною. Являлись орды в Европу; но что ими двигало? Из какого кратера совершалось извержение, какая сила действовала там — осталось тайной. Только изучение быта народов в Центральной Азии даст этому разгадку. Но, должно догадываться, первоначально движению даны были импульсы жизненные и двигали массами чисто экономические причины, потребности скотоводческие. Сначала кочевники отнимали друг от друга пастбища. По мере войн и борьбы постепенно развивались здесь страсти завоевательные, на почве которых вырастали чудовищные политические самолюбия ханов-завоевателей. Выйдя из состояния покоя и вступая на путь войн и борьбы, кочевник на своем пути стирал все оседлое и вводил свой идеал кочевой жизни*. Но нельзя отрицать, что сама по себе кочевая культура в своей среде создавалась целесообразно, выливалась в формы, которые поколебать было трудно.

* На эту сторону и указывал ученый Григорьев.

Все внимание человека, все его способности зато сосредоточились на уходе за скотом, в размножении стад. Богатство, благополучие, счастье, довольство — все сосредоточилось у него в том. Человек, дорожа домашним животным и получая от него пропитание, подчинил себя этому животному. Он перемещается с ним туда, где есть корм, занятие его — сторожить и охранять этот скот, он даже мало пользуется им. Надо видеть нежность скотоводов к своим животным, когда прозябших овец и ягнят они сажают в свои юрты и прикрывают своими одеждами в непогоду. Потребности скотоводства требовали, однако, расширения пастбищ и каждое племя искало их, сталкивалось из-за них, враждовало и т. д. Несмотря на отдаленную эпоху и на пустынную Центральную Азию, мы узнаем, что за 1.000 лет до нашей эры у хунну пастбища были размежеваны, так же, как и у монголов.

Приучившись к простору и ненасытные, жадно стремясь к расширению и завоеванию пастбищ, кочевники Центральной Монголии не могли остаться в покое. Размножились люди, но еще более размножился скот и требовал новых земель. Эти пастбища приходилось иногда завоевывать, отсюда долгая вражда племен, захват стад и пр. Могуущественный и сильный владетель большим количеством пастбищ. Забрать больше пастбищ явилось жизненным инстинктом племен. Отсюда в историю монгольских племен, по китайским летописям, постоянное возникновение новых государств. Вся сила и могущество их, как и благосостояние, заключались в захвате чужих стад и пастбищ. Менялись владельцы, государи, но сущность и уровень скотоводческого мира оставались те же. То же было и при Чингиз-Хане, тем же измерялись и его победы; к сожалению, экономические импульсы, игравшие роль в нашествии кочевых народов, доселе не были достаточно изучены и оценены. Поэтому история этих нашествий являлась темною.

Ныне человек и всякая раса, племя не могут рассматриваться без отношения к природе и местности, где они живут.

Уже Риттер замечательно характеризует типномада монгола со всеми его свойствами. Описывая часть Гоби, он говорит, что страна эта не содержит никаких постоянных жилищ, но она богата стадами. Около пустынь Шамо и Гоби существует недостаток стоков, озера солонцеваты. Этот недостаток сделал жителей крайне экономными в воде и образовал привычку монголов ходить грязными. Они даже в прежнее время не

купались. Величайшее отвращение для путешественника — немытая монгольская посуда. Кочевник приучился к воздержанию даже в пище. Он бережет стада, а питается молочными скопами. Мясо он редко ест, и, желая воспользоваться всем у животного, он особенным способом умерщвляет животное, сжимая сердце, и предупреждает потерю крови. Кровь он употребляет в пищу. Это было уже известно у гуннов. Жизнь в пустыне воспитала известную выносливость.

Далее центральные плоскогорья отличаются колебанием температуры и суровым климатом. Монгол и летом надевает шубу. Зимняя стужа доходит здесь до высокой степени, и нередко замерзает ртуть. Монголы не боялись холода и зимы, как и воины Чингиз-Хана. Они носили двойные овчинные тулупы; эта закаленность и привычка переносить холод и нужду дала им перевес в борьбе с другими народами. Не одни монголы, но целый ряд народов выходил из северных степей, как-то: сянь-би, хунну, гиенн-ну, нюечжи, тукюэ, монголы и манджуры, которые завоевывали Китай, но вслед за этим завоеванием не могли устоять при одних физических свойствах и воспринимали китайскую культуру.

Центральные плоскогорья Азии еще ранее подготавливали первобытного человека, который при скудости потребности легче уживался со скудной природой степей. Не умея бороться с могучей природой на севере и тропическом юге, здесь, на широких степях, среди огромного количества дичи и зверя, которые и теперь в изобилии, человек находил легче пропитание. Здесь же получило начало и домашнее скотоводство. Отсюда постепенно человеческая эмиграция подвигалась к северу и к западу. На это указывают исторические движения. Распространение тюркских племен следовало из недр Восточной Монголии, и история уйгуров освящает ныне самое нашествие гуннов. Распространение усуней и юечжи занесено китайскими историками, и путь этих движений изображен на карте Рихтгофена.

Жизнь в азиатских степях и на плоскогорьях Центральной Азии не могла не повлиять на организацию, привычки, склад характера и на самую внешность кочевника. Здесь поэтому можно легче изучить все его особенности. Нечего говорить, что кочевой быт создал целую структуру кочевого человека. Кочевник степи не то что горный житель, скрывающийся в скалах и укрывающийся подобно диким орлам. Горный житель, облюбовав

Значение кочевого быта в истории...

горы, сделал их местом защиты и укрывался в них. Горца легко отличить по его независимому, величавому характеру, по его отваге, по его ловкости и т. д. Равнины и степи наложили свой отпечаток на человека, его характер и все его занятия. Безбрежная степь дала спокойный, почти унылый характер степняку, она, так сказать, убаюкивала его; занятия скотоводством также содействовали беспечности и ленивому характеру кочевника. Ленивый один, он является энергичен и чуток рядом с животным и не может быть цельно понятым, как только рядом со своим конем и овцой. Когда наступает время перекочевков, степняк оживает и его энергия напрягается, тогда он вдет дни и ночи и является неустойчивым. Кочевая жизнь сделала его превосходным наездником; он не любит сходить с коня и лазить, ходить пешком, бегать. Ноги его колесом, как у кавалериста; ступня маленькая. Бега и скачки для него — удовольствие и поэзия. Это своего рода олимпийские игры степи. Кочевник большею частью поджар, и толстых мы редко видели. Если зверолов есть геркулес, то кочевник-наездник — это кентавр, нигде не отделяемый от лошади. Молочная пища — его любимое блюдо. Легко опьяняющий кумыс и располагающий ко сну, делает его еще более ленивым. Все, чем он занимается, это — сторожить стада и пасти их, выучивать лошадей и приручать их. В этом он знаток.

Имущество и собственность кочевника невелики, они переносны. Глиняная посуда совершенно в этот период исчезла, кочевник предпочитает металлическую и давно приобретает ее; дерево служит лишь для остова юрты и немногочисленной посуды. Камень он не умеет обделывать. Единственное орудие для всякого производства у него — нож.

Продукты скотоводства идут на одежду, но меха у него играют меньшую роль, чем у полярного жителя. Грубая конская кожа идет на обувь, овчина на тулуп; зато, что производит он хорошо, это — войлок, играющий видную роль в его хозяйстве. Производство войлока донельзя просто: валяние войлока совершается верхом, валеk привязывается к лошади, и здесь труд предоставлен скоту.

В кочевом быте появилась экономия человеческой силы, замена ее животным — он применяет ее везде. Жилище он везет, добычу охоты также (прежде он ее таскал на спине, на лыжах, на санках). Он придумал работу для лошади: валяние кошмы, войлока; впоследствии, при введении земледелия, он молотит конскими копытами хлеб.

Весьма слабый обмен в звероловную эпоху, в скотоводческую получает форму организованной торговли. Благодаря финикийским кораблям, мир развил цивилизацию. Мы отдаем этим финикиянам дань исторической благодарности и уважения. Но нельзя забыть в истории и тех, кто соединил пустыни и переносился от конца мира в другой, когда морские пути еще не были открыты. Как велика была эта торговля, какие отдаленные страны при помощи ее входили в сношение, это мы видим, напр., на индийской каури *cypraea moneta*, являвшейся из Индии в Силезию и на север Сибири, это можно видеть на тканях, которыми одевалась Греция, на мехах, на драгоценных металлах и драгоценных камнях. Бронзовая эпоха представляет нам сходство и часто тождество орудий в самых отдаленных странах.

Начало торговли и обмена было уже началом цивилизации. Следовательно, и здесь кочевники подготовили почву ей.

Затем остановимся еще на одном явлении в кочевую эпоху. Передвижение со стадами создало переселение. Нам много говорили в истории о вторжении дикарей кочевников в оседлые страны, но весьма мало мы знаем из повести расселения человеческого рода, а это расселение совершилось, по всей вероятности, в кочевую эпоху, благодаря легкости передвижения.

Творцы современного землеведения, как А. Гумбольдт⁷⁸, Риттер и Рихтгофен⁷⁹, вдумываясь в физическое строение стран и частей света, пришли к глубоким выводам и заключениям, которые не может игнорировать ни география, ни антропология. Страны на периферии континентов, у их окраин, изрезанные заливами, с обильными стоками, в благоприятных или исторических условиях развили богато культуру и цивилизацию; начало этой теории было применено к Европе. Что касается Азии и Старого Света, то для объяснения ее культурного развития в последнее время явилась теория четырех великих бассейнов*. Эта теория флювиальная**. Но иную историю представляла жизнь и развитие замкнутых континентов с высокими хребтами, разъединяющими страны, со степями, плоскогорьями, слабо орошаемыми стоками. На внутренних континентах законы расселения народов следовали особыми путями. Человек, конечно, не сразу овладел морем и поэтому движение человечества шло по тем горным проходам и плоскогорьям и степям,

* La Civilisation et Le Grands Reuves Historique par Leon Metchnikoff. Paris. 1889.

** Нил и Ефрат, Инд, Янсе-Кианг были местом египетской, семитической, арийской и китайской культуры.

которым Риттер придает огромное значение в колонизации Западной Азии и затем в объяснении проникновения народов в Европу через великий проход. Горные же проходы привели человечество к пустыням и степям Центральной Азии, где население могло беспрепятственно разлиться волной и впервые применить кочевые способности. «Благодаря той свободе передвижения, которая представлялась бассейном Шамо с прилежащими землями, переходя даже за грань лишенных стока, эта местность являлась в каждом отдельном случае тою ареною, на которой могло попытать свои юные силы каждое племя», говорит Риттер. Роль высоких плоскогорий и степей Центральной Азии далеко еще не изучена, по отношению влияния их на жизнь человечества. Между тем несомненно, что в этих местах должна была развиться своеобразная культура.

Несмотря на то что у кочевников мы видим самые простые ремесла: фабрикацию юрт, выделку седел, огнив, ножей для своего употребления, а также самую первобытную обработку шерсти, но у богатых есть склонность и страсть одеваться в ткани, приобретаемые покупкою; таким образом, мы видим проявление у кочевников склонности к моде и роскоши. Монголы и буряты любят покупать китайские шелковые ткани, позументы, парчу. У монголов и буряток головные украшения делаются из серебра, так же, как и серьги. На голове у монголов венчик, стоимостью 30 и 60 р., но у богатых эти украшения из серебра и вызолоченные доходят до 500 и 1.000 р. Кроме того, у них развита особенная любовь к кораллам, причем они не останавливаются пред дороговизною их, точно так же склонны и к ценным камням.

Обращаясь к культуре древних кочевников алтайского племени, мы убеждаемся, что металл известен был им издревле. Алтайские тюрки-тукюэ или дулгосцы разрабатывали его в Алтае в начале I-го века и, может быть, ранее Р.Х. Жуан-жуне, покорившие Алтай, называют алтаицев-тукюэ своими плавильщиками. Древние копи в Алтае доказали древнюю выделку здесь металла, а Алтай и Мунусинский край, обиталище древних кочевников, усеяны могилами, в которых было найдено множество бронзовых, серебряных и золотых вещей. Золотые украшения, выкопанные из сибирских могил, находятся в древностях Эрмитажа; огромное количество бронзовых орудий находится в Минусинском и других музеях... Выделка железа была известна народу хакасам во II в. по Р. Х., обитавшим в верхнем Енисее и, как изве-

стно, получившим после название келикидзе-киргизов. Таким образом, не только бронзовое, но и железное производство было известно кочевникам Азии. Кочевые киргизы умеют выделывать из железа изделия, так же, как монголы-буряты, тюрки-якуты, а алтайцы-калмыки превосходно закаливают сталь. Медные и серебряные поделки сохраняются и у нынешних кочевников. Когда кочевые племена Азии имели больше распространения и могущества, естественно, их культура была богаче; это и доказывается как находками, так и свидетельствами путешественников. Кочевники в виде племен, нахлынувших на Европу, перенесли свои привычки, моду и свои произведения. Поэтому столкновение варваров и кочевников Азии с европейским миром отразилось заимствованиями и не осталось бесследно. Исторические показания проливают совершенно новый свет на сближение народов, которые, по-видимому, старались уничтожать друг друга. Заимствования Византией азиатских мод подтверждено было влиянием персов. Одежда и вооружение варваров перенимались греками и римлянами. Византийцы многое перенимали у гуннов. В эпоху Юстиниана заимствованы у варваров накидки, штаны и обувь. Оружие варваров: мечи, копья, топоры, кольчуги, шиты также перенимались, даже ткани *фригийские* шли от варваров-скифов. Императоры Византии и аристократия усваивали богатые головные уборы, шейные ожерелья и другие предметы, которые носили варвары. Археологические данные открывают ныне, как искусство и орнаментика передвигались с востока на запад Европы вместе с восточною роскошью. Исходным пунктом варварских племен, наводнивших Европу, была Средняя Азия. «Средняя Азия, — говорят авторы недавно изданного сочинения о русских и сибирских древностях, — была и прародиной этих племен, и колыбелью их полуоседлой и полужемледельческой культуры, и рынком, на котором одновременно появлялись металлы и драгоценные камни Сибири, жемчуг Индии, шелк Китая, ковры, золотые и серебряные изделия Персии и образцы античного искусства Сирии и Александрии. Но в то же время это были рынки специально варварские, слаженные по вкусам разнообразных племен, живших от Сибири до границы Персии. Все известия писателей о народностях, сосредоточенных в этом узле, говорят в пользу относительно высокой культуры мнимых варваров. Массагеты (геты, или азиатские скифы, жившие в нынешней Семиреченской области, близ Иссык-Куля) имели головные уборы, пояса и наручни, узды и седла с золотым набо-

Значение кочевого быта в истории...

ром, персы получали свои товары с караванами из Индии, парфяне поражали Рим своею роскошью, римские вельможи заимствовали от них украшать свои башмаки жемчугом, аланы и авары щеголяли золотою посудой и утварью, а любовь к золоту гуннов вошла в пословицу»*. Очевидец Прикс нашел у гуннов оригинальную культуру и привычки к роскоши. Вся эта культура сложилась в глубине Азии. Гунны ввели у себя производство шелка и похитили шелковичных червей из Китая; эти изделия из шелка в Византии были известны под именем «гуннских завес»**. «Инстинкты туранских племен, — продолжают те же авторы, — всегда склонялись к роскоши, наружному блеску и мишуре. Живя номадами в палатках, туранцы любили украшать обстановку золотыми кубками, серебряными блюдами. Посольство византийцев в 568 г. в хакану тюрков (тукюэ), жившему около Алтая, показывает роскошь, которую окружали себя кочевые ханы. Послов приняли в роскошных палатках, хан был на золотом седлище, имел золотую кровать; послам выставили на показ телеги, нагруженные серебряною и золотою посудой и многими изображениями, которые по искусству были замечательны». О могуществе и богатстве азиатских тюркских племен VI века свидетельствует и Табари. В эпоху Сассанидов обнаружилось богатство среднеазиатского Туркестана. Множество древностей и золотых резных блях, находимых в степях Сибири и в курганах, показывают украшения древних кочевых племен и рисуют их нравы, их моду***. Эти древности сближаются ныне со скифскими, и их орнамент постепенно, в виде, напр., звериного стиля, переходил в европейское искусство. Таким образом, устанавливается культурное влияние азиатского кочевого мира на Европу в самую отдаленную эпоху. Видно, что кочевники варвары, наводнявшие Европу, послужили невольными посредниками сношений с отдаленными культурными центрами Азии. Персия, Туркестан и Китай с этого времени становятся более известными в Европе, и их произведения, искусство, как и стиль, заимствуются народами Запада.

Таким образом, переселение и передвижение народов с востока должно рассматриваться не только в смысле наше-

* Русские древности в памятниках искусства, граф. Толстого и Карнакова. III, стр. 4-5.

** Ibid. III, стр. 6.

*** Мы нигде не найдем столь пышного и царски изукрашенного личного и конского убора, как в сибирских древностях. (Русск. древности в памяти, искусства, гр. Толстого и Карнакова, т. III, стр. 71).

ствия варваров, но и как начало культурного сближения и обмена Востока с Западом. Нет сомнения, что вторгнувшиеся восточные народы и кочевники принесли не одну варварскую роскошь, но и многие ценные произведения Азии: металлы, ткани, растения и проч.

Нельзя сказать, чтобы кочевой мир и азиатские государства остались чужды общечеловеческой культуре. Из Азии переносилось в зародыше то, что получало пышный цвет в Греции, Риме и приобретало изящные формы.

Земледелие, как и ремесло, не было чуждо кочевникам, как доказали исследования. Сибирские кочевники, как киргизы, калмыки, алтайцы, умеют сеять хлеб, и эту культуру переняли в древние времена, может быть, из Китая и Туркестана. В лесах Сибири у алтайцев, у кузнецких татар, у минусинских мы видим первобытные способы кочевого земледелия. Земледелие было известно и древним народам Сибири, как хакасам, елочжи, баргутам, даурам и другим. Монголия когда-то снабжалась хлебом с севера. До сих пор находится в Сибири множество земледельческих древних орудий, чугунных сошников, отвалов, жерновов и пр.* В Алтае, в Семиречье, в Минусинском округе и за Байкалом находятся следы ирригационных каналов. Русские заимствовали способы ирригации в степях от киргизов и калмыков (система арыков). За Байкалом покосы у бурятов доселе орошаются. Та же ирригация существует у инородцев в Семиречье, на Бухтарме, в Семипалатинской области. Но самые совершенные ирригационные сооружения были созданы в Туркестане и Бухаре. Здесь система орошения достигла апогея. Она совершилась при помощи труб, соединявшихся на замечательной глубине, и создавала плодоносные оазисы. Монголы также употребляли ирригацию, и следы ее мы видели на Орхоне. Дворцы Кара-Корума, столицы монголов, были обведены водоснабжающими каналами и около них насаждались даже парки (см. описание Кара-Корума у Рубрюквиста и Марко Поло).

Таким образом, нельзя сказать, чтобы кочевой быт оставался неподвижен и чужд высших культурных занятий. Кочевая Джунгария имела также земледелие, и некоторые бухарцы рас-

* Около Телецкого озера и в глубине Монголии мы встречали в наших путешествиях остатки земледельческих работ и гранитные жернова такой величины, что их можно было приводить в движение лишь животной или водяной силой.

Значение кочевого быта в истории...

пространили ценные хлебные растения в Сибири. Между прочим, одна порода пшеницы в Алтае, на Колыванских заводах, известная под именем калмыцкой, обязана распространением в 1794 г. бухарцу Аширу, которому обязаны были мы открытием также медного изумруда, получившего название аширита.

Туранский мир развил богатую оседлую культуру и цивилизацию в Фергане, Бухаре, Туркестане, точно так же, как уйгурская культура выступила и зародилась из кочевой культуры предшествовавших народов. Все это заставляет ныне изменить несколько точку зрения на жизнь народов древнего Востока, и история открывает нам все более связь, которая соединяла восточную культуру с западной.

Пустыни и плато Центральной Азии, как и Турана, имели весьма важное значение в первый период человеческой истории. События совершались здесь за 2000 лет до Р. Х., и мы видели следы Тукюэзского, Уйгурского и Монгольского царства в долине Орхона, доказывающие, что эти народы достигли известной культуры*.

Распространение культов, религий, а затем азбуки, письменности, как и первых знаний, имели свою историю в Центральной Азии, которые нельзя игнорировать в истории человечества.

Кочевая культура не могла не выразиться и в прогрессе мировоззрения народов Центральной Азии. Кочевник стал обладать уже известным досугом, который дал ему возможность философствовать, творить, создал богатую фантазию, поощрил мечтательность и создал поэзию; кочевые племена очень певучи, как, например, киргизы (об этой певучести у них есть легенда); мифы и сказки их богаты образами, как и моралью.

У кочевников явилось первое знакомство и наблюдение над звездами; это доказывают арабы; астрология известна была даже в Монголии у ханов, как и в древнем Туране. Халдейская магия и астрология получили начало у суммеро-акадийцев, урало-алтайцев Турана. Голландец Шлегель, написавший замечательное сочинение об уранографии Китая, говорит и полагает, что между Китаем и Каспийским морем был культурный центр, разносивший знание; 12-годовой цикл был заимствован от туринцев. Кочевники долго были шаманистами,

* Долина Орхона не только открывает развалины Кара-Корума, но и замечательные памятники с мраморными статуями, а также монументы с уйгурскими и руническими надписями. Уйгурское и монгольское письмо заимствовано из Сирии; рунические же знаки напоминают индо-германскую азбуку, напр., готфскую.

одухотворяя природу, стихии, и создавшими причудливую мифологию, не уступавшую греческой, но впоследствии они дали готовую почву для буддизма — религии чрезвычайно мирной. Эта религия, запрещающая охоту и убивание птиц, как нельзя более соответствовала пастушеским нравам, пастушескому мягкосердию к животным. Буддизм своей нравственной проповедью изменил нравы прежнего монгола; он пришелся ему по духу. Скотоводческая идиллия, так сказать, умиротворила человеческие сердца и в этой стадии, более чем в звероловной, мы видим духовный и нравственный прогресс.

Проявление государственности у кочевых народов обнаруживалось так же, примером чего служит великая Монгольская империя. Не изменяя кочевого быта, монголы создали целые институты, которые вызывают удивление при их образе жизни.

Мы сошлемся на описание Чингиз-Хановой империи у Марко Поло: монгольские ханы организовали в управлении государственные советы с 12 сановниками для военных и 12 гражданских, установили законодательство для кочевников, уголовные законы, создали почти и образовали почтовые станции с переменными лошадьми на огромных расстояниях. На случай народных бедствий создали запасные магазины, устраивали помощь во время падежей скота, чеканили монету и установили кредитные знаки; мы не говорим о строго организованной и дисциплинированной армии. Все это совершилось монголами, не изменившими кочевого быта. Некоторые дворцы и города, основанные монгольскими ханами, как Угедеем, Темир-Ханом, Абатаем, показали, что кочевники не прочь созидать оседлость, хотя и не решались постоянно оставаться в них.

В степях Монголии мы видим уже некоторые пункты оседлости; это — буддийские и ламайские монастыри с кумирнями наподобие китайских и с кельями монахов, имеющими тип оседлых построек. Таким образом, религиозные потребности здесь явились первой группировкой населения, как в других странах, напр., в Туркестане явились потребности торговые. Эта оседлость, освященная религией, показывает отсутствие коренного предубеждения к оседлости. Может быть, около кумирен будут впоследствии присоединяться постройки торговцев, как, напр., ставятся и ныне фанзы китайских торговцев. Урга наполовину монгольский город, где одна часть города монастырь и

кумирни, другая часть — китайская торговая слобода. Несомненно, что этих пунктов в Монголии будет больше. Китайская колонизация устраивает в различных местах Монголии свои фермы и приобретает со временем работниками монголов.

В киргизских степях мы видим также постройки мечетей, как залого оседлости. Оседлость зарождалась и в древнее время среди кочевых народов.

Из исторических указаний, приводимых ученым Григорьевым, видно, что древние кочевники жунь-жунцы имели подобие городков, азиатские скифы строили «каменные башни» по показанию Аммиана Марцелена. Тукюэзский хан Могилян хочет подражать китайцам и в 715 г. хотел строить города подобно китайским, однако его отговорили (Иоакимф). Половина уйгуров хой-хо была кочевыми, когда другая часть народа около Хами имела оседлые центры и культурное государство. То же самое мы видим в Тибете, где около оседлого населения еще ютится кочевое. Подобное же явление представляет Туркестан и Бухара. Ясно, что в Центральной Азии законы образования оседлости были несколько своеобразные.

Население из кочевого быта не переходит сразу, и только кристаллизация оседлости совершается постепенно. Состояние кочевников иные сравнивают с жидкообразным состоянием тел. Как для тех, так и для других нужно изменение условий, чтобы изменить плотность. Без надобности народ не переменяет образа жизни, хотя умеет уже возводить постройки и употребляет для этой цели глину и кирпич. Доказательством служат кладбища у киргизов, похожие на города. Кочевник предпочитает украшать постройками могилы, жилища мертвецов, оставляя живущим свободу передвижения. Употребление камня и созидание из него могильников у древних народов заслуживает удивления по своей грандиозности. Все это могло служить залогом и задатками для будущей культуры, для которой наступает свое время. В горных и лесных местах на севере и в береговой полосе переходы от кочевания к полuosедлому быту, к зимовкам и оседлости совершаются гораздо быстрее. Это мы видим на кочевниках Сибири. Но переходы эти совершаются под влиянием известных условий. Изучить эти условия и понять, где процесс перехода уже начался, и прийти на помощь только там, где необходимо, — вот задача культурного народа-цивилизатора. Но при этом нужно

иметь в виду, что народ, связанный своими хозяйственными условиями и привычками, не сразу решается на культурные шаги. Принуждение здесь бесполезно, и искусственные меры могут быть неудачны и поведут к кризису.

Не нужно забывать, что степи с их своеобразным хозяйственным бытом могли прокармливать на подножном корме огромное количество скота, дававшего обеспечение не только кочевому, но и огромные выгоды русскому населению. В киргизских степях насчитывается до 4.200.000 баранов, 1.300.000 лошадей, 700.000 рогатого скота и 150.000 верблюдов. Продукты скотоводства вывозились в соседние округа, шли на русские заводы. Подорвать жизненные средства кочевников сразу было бы невыгодно и неблагоразумно. При водворении в степях русского населения множество земель уже отошло к казакам, и степь ныне не пользуется прежними пастбищами. Степи посещают все чаще падежи скота, причиняющие бедствия. Нечего говорить, какая осторожность необходима в данную минуту по отношению к кочевому населению в наших владениях.

Кочевой передвижной быт в своем крайнем развитии представил такую своеобразную и отлитую в определенную форму культуру, что кочевник не может представить себе иной образ жизни; он будет сопротивляться до времени всякому принуждению изменить образ жизни, точно так же, как представитель оседлости, пройдя известный цикл развития и создав свои привычки, не понимает жизни кочевника и совершенно забывая!, что эта стадия когда-то была пережита им и составляет связующее звено с последующим существованием.

Только тщательное изучение быта народов и история культуры может установить здесь правильную точку зрения и уничтожить видимые противоречия, недоразумения и предубеждения. Истинное знание научает беспристрастно относиться ко всякой форме быта и примиряет людей на основании общих стремлений их к жизни, к счастью, благу и справедливости.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица № 1. Распределение инородцев по племенам

Тобольская губерния	Тюркского племени		Финского племени				
Округа	а т о р ю	а. а а	а о о	а о о			
Тобольский	3774	13425	2158	1270*	—	20627	16,92%
Тюменский	2844	6255	—	—	—	9099	9,34%
Тарский	1975	6765	—	—	—	8730	7,06%
Ялуторовский	134	5133	—	—	—	5267	3,05%
Турунск	—	—	3913	—	—	3913	6,72%
Березовский	—	—	—	15160	7916	23076	445,90%
Сургутский	—	—	—	5923	—	5923	354,67%
	8727	31568	6071	21353	7916	76653	13,12%

Примечание. Настоящие сведения составляют результат наших самостоятельных исследований о современном числе и положении инородцев.

* По другим сведениям — более 2500.

1880г. Томская губерния	Тюркского племени		Финского племени		Алтай-цы-турки				
Округа	а о и	а. ю	а о	а о	а о и	а о и	а о и		
Томский	5891	152	2916	4211	1285	—	—	14455	7,94%
Барнаульский	—	—	—	—	1236	—	—	1236	0,56%
Мариинский	1870	—	—	—	—	—	—	1870	2,42%
Кузнецкий	—	—	—	—	2985	17803	—	20788	16,48%
Бийский	—	—	—	—	225	5791	17018	23034	12,89%
Каннский	4374	—	—	—	—	—	—	4374	1,83%
Всего	12135	152	2916	4211	5731	23594	17018	65757	7,00%

	Киргизы					
	а и	а и	а и	а и	а и	
Семипалатинская область	560	106411	254428	218228	472656	428,04%
Акмолинская	349	66106	171185	154629	325814	854,92%

Таблица №2. Процентное отношение к русскому населению

Тобольская губерния						
Округа	О. С. X из X	а. l s h- I o.	« § x CO IO.	ю O O я £	0 O x U X D,	ea '£, ë X S Q. O ^ w S ç ee a
Тобольский	3,50%	10,23%	2,05%	1,18%	—	16,92%
Тюменский	2,92%	6,42%	—	—	—	9,34%
Тарский	1,59%	5,48%	—	—	—	7,06%
Ялуторовский	0,07%	2,98%	—	—	—	3,05%
Туринский	—	—	6,72%	—	—	6,72%
Березовский	—	—	—	292,26%	152,63%	445,90%
Сургутский	—	—	—	354,67%	—	354,67%
Процент на число русского населения в 7 округах губернии	1,54%	5,15%	1,07%	3,95%	1,22%	13,12%

Томская губерния					Алтайцы			Инородцев в округах на число русских
Округа	З. Н	Бухарцы	Самоеды	Остяки	✓ 1	Черневые татары	Калмыки	
Томский	3,96%	0,08%	160%	2,32%				7,94%
Барнаульский	0,56%							0,56%
Мариинский	2,42%							2,42%
Кузнецкий					2,72%	13,76%		16,48%
Бийский					1,97%	2,82%		12,89%
Каннский	1,83%						—	1,83%
Процент на число русского населения в 6 округах губернии	1,37%	0,01%	0,32%	0,46%	0,76%	2,34%	1,71%	7,00%

Таблица №3. Распределение инородцев по вероисповеданиям

Тобольская губерния	У О	03 3	х ю	клонность к восприятию православия по племенам выражается следующим образом: бухарцы и татары, упорно сохраняя магометанское вероисповедание, почти не переходят в православие. Из находящихся в четырех округах татар и бухарцев приняли крещение за последнее время только 58 человек.
Округа	О 08	3	0.0	
Тобольский	14766	3446		
Тюменский	9097	2		
Тарский	8696	37		
Ялуторовский	5266	1		
Туринский		3913		
Березовский		8449	14627	
Сургутский		5923		

37822 8449 27949

В числе магометан находятся татары и бухарцы четырех округов; в числе язычников самоеды Березовского округа; крещеными считаются вогулы и остяки, а также небольшая часть перешедших из магометанства. На-

клонность к восприятию православия по племенам выражается следующим образом: бухарцы и татары, упорно сохраняя магометанское вероисповедание, почти не переходят в православие. Из находящихся в четырех округах татар и бухарцев приняли крещение за последнее время только 58 человек.

Вогулы Тобольского и Туринского округов все крещенные, в том числе и полукочевые остяки; значительное число их считается православными, хотя вполне христианами не могут назваться, оставаясь суеверными и сохраняя свои обряды. Самоеды — идолопоклонники, и только в 1868 году было обращено в христианство 397 человек.

губерния	1	2	3	4	
Округа	1	2	3	4	
Томский	7279	2916	4211	носятся самоеды Томского округа — 2916 д., черневые татары Кузнецкого округа — 4908 д. и кочевые калмыки Бийского округа — 19.000 д., к православным крещеным инородцам принадлежат остяки Томского округа, потомки татар телеутов в Барнаульском, чулымские татары в Мариинском округе, 13879 крещеных черневых татар Кузнецкого округа и 5554 калмыков Бийского округа.	
Барнаульский	2225	4908 19000	1212		
Мариинский			1870		
Каннский			13879 5554		
Кузнецкий					
Бийский	9504	26824	26726	Наименьшая наклонность к православию среди остяков, чулымских татар, черневых татар и отчасти калмыков.	
***сего				63U54	Наибольшая среди татар тюркского племени магометан Томского и Каннского округов.
К магометанам принадлежат в Томской губернии татары в двух округах — Томском и Каинском — 9504 д., к язычникам от-					

Таблица №4. Распределение инородцев по образу жизни

Тобольская губерния Округа	3 д § о. о я о s	3 п с; S 1 C * 1 1	Я 6 2 3 < i o l l ^ ч ч s	В числе оседлых находится 8727 бухарцев в четырех округах Тобольской губернии, 29153 д. татар, 1772 д. вогулов Туринского округа 4 управы. В числе полуоседлых: 3428 вогулов и остяков Тобольского округа, 2141 д. вогулов Туринского округа, 15160 остяков Березовского округа; из числа этих полуоседлых остяков не могли быть выделены чисто кочевые и бродячие, за неимением точного разделения.
Тобольский	14784	3428		К числу кочевых и бродячих отнесено 7916 самоедов в Березовском округе и 5923 в Сургутском; из них со временем должны быть выделены полуоседлые, живущие деревнями.
Тарский	8224 м.п. 8730	1900 м.п.	—	
Тюменский	4686 м.п. 9099	—	—	
Туринский	4801 м.п. 1772	2141		
Ялуторовский	858 м.п. 5267	1111 м.п.	—	
Березовский	2815 м.п. —	15160	7916	
Сургутский	—	7858 м.п.	4076 м.п. 5923 3132 м.п.	
Всего	39652 21384	20729 74220 о.п. 10869 39461 м.п.	13839 7208 м.п.	
Томская губерния Округа	Оседлые инородцы	О у оседлые инородцы	о i z s o § o « о В. § и и « ^ " у __, о. ^ § § s §. 9 3 ю	Барнаульском округе, оседлую Кумышскую управу, инородцев обрусевших и выродившихся. Затем в Мариинском округе чулымских татар, в Каинском барабинских, в Кузнецком черневых татар, также, как в Бийском телеутов и крещенных инородцев. К полуоседлым относятся черневые татары Бийского округа и к ним же должны быть отнесены, по нашему мнению, лесники Кузнецкого округа около 13000. Кочевыми же в точном смысле должны быть признаны только кочевые остяки и самоеды и номады скотоводы, алтайцы, называемые русскими неправильно калмыками, так как они тюрки по языку.
Томский	7328	—	7127	
Барнаульский	1236	—	—	
Мариинский	1870	—	—	
Кузнецкий	7151	—	13615	
Бийский	16561	5791	20024	
Каннский	4743	—	—	
Всего	38889	5791	40766	

К оседлым инородцам мы отнесли оседлые управы Томского округа, татар городских и оседлые телеутские управы в

**Таблица №5. Население татарских волостей
Тобольского округа к 1880 г.**

Волости	Душ ревизских по X ревизии				По семейным спискам к 1878 г.			
	и Ч О С	У Ч О С	и Ч О	У Ш О С	Ш У Ч О С	У Ч О С П.	У Ч О С	У Ч О С
Бухарская	1716м. 1520ж. 3336	—	—	—	1931м. 1762ж. 3693	—	—	—
Городовая	1111м. <u>946ж.</u> 2057	6м. 12ж. 18	1м.	—	1207м. 1016ж. 2223	238м. <u>196ж.</u> 434	—	—
Бабасанская	209м. 170ж. 379	—	—	—	223м. 170ж. 393	4м. 5ж. 9	—	—
Оброч. Чувалыщикова	503м. <u>403ж.</u> 906	—	—	—	563м. 507ж. 1070	194м. 156ж. 350	—	—
Карагайская	999м. <u>950ж.</u> 1949	—	—	—	1165м. 1122ж. 2287	—	—	—
Уватская	1186м. <u>971ж.</u> 2157	—	—	—	1186м. 1011ж. 2197	—	—	—
Истятская	391м. <u>349ж.</u> 740	—	1-1 2	5=2 7	391м. <u>349ж.</u> 740	—	1м. 1ж. 2	5м. 2ж. 7
Надцинская	249м. 258ж. 507	—	—	—	—	—	—	—
Вагайская	1860м. 1546ж. 3406	—	—	—	2653м. 1872ж. 4525	230м. <u>97ж.</u> 327	—	—
Всего	16021	18	—	—	17118	1120	2	7

**Таблица №6. Населенные места и благоустройство
в инородческих управах Тобольской губернии
(См. следующую страницу)**

ОЗ ООН	Сп ЭФОН	1- ЭФОН	ОСП ЭФОН	ЛЫШКОЕ КазаинО	Уватска ЭФОН	Истятска ЭФОН	Ватайска ЭФОН	ЭФОН	Сельских обществ
Сел	1	£	*	£	£	£	£	£	Сел
Деревень	ОН	с	*	ЮТЗ	ОН	ОН	£	ОН	Деревень
Выселков	1	1	1	1	1	1	1	1	Выселков
Училищ	^	1	1	1	1	1	1	1	Училищ
Мечетей и церквей	Ю	1	1	1	1	1	1	1	Мечетей и церквей
Часовен	1	1	1	1	1	1	1	1	Часовен
Домов	ОН 00	si	^	S	1	1	1	1	Домов
Кузниц	ОН	1	1	1	1	1	1	1	Кузниц
Перевозов	1	1	1	1	1	1	1	1	Перевозов
Перетяг	—	—	—	—	—	—	—	—	Перетяг
Мостов	1	1	1	1	1	1	1	1	Мостов
На счет кого содержится и во сколько обходится	0 a E т	Bl 33 J -o	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	На счет кого содержится и во сколько обходится
Под трак- товой до- рогой	—	^й 0 P	W, f°	0	1	3: >. ∞	и^ ∞	00 ..	Под трак- товой до- рогой
Под просе- лочными	ЧО СО	о p*	о тм	,	Ю ∞	40 N	∞ a	3 	Под просе- лочными
На ком ле- жит дорожи, во что обх. исправление на версту	О OI E	o o I «li s я L/l	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	ЭФОН	На ком ле- жит дорожи, во что обх. исправление на версту

**Таблица №7. Хозяйство в инородческих управах
Тобольской губернии**

Волости	Из общего числа жителей волости										
	Имеют лошадей						Засевают хлеба десятин				
	Число лошадей	Число лошадей	Число лошадей	Число лошадей	Число лошадей	Число лошадей	Число десятин	Число десятин	Число десятин	Число десятин	Число десятин
Бухарская	—	—	57	126	587	1035	—	25	246	101	1344
Городовая	—	4	7	30	336	872	—	180	248	301	716
Бабасанская	—	3	7	10	25	23	—	5	25	59	31
Оброчная статья	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Чувалычкова	—	4	22	59	89	129	—	5	67	149	97
Карагайская	10	45	65	80	90	50	7	65	130	75	70
Уватская	—	9	54	201	232	42	1	27	213	252	42
Истятская	—	20	30	20	40	60	—	—	10	15	145
Надцинская	7	30	70	20	8	10	не занимаются				
Вагайская	Сведений не имеется										
Всего	17	115	242	546	1417	1820	8	307	939	952	2445

и	co д s < y% >^O en Tl от	co 8 1		
Б Г Б # Jb OC	O S ° рч (a g Л fa Q o S ë l g	Годовой оклад пода- тей и повинностей		
u>	\$ i j O l ^ ^ ^ g o g	Годовой оклад мирских сборов		
ы	00 N> U> i VD OJ . \D <~r\	Неокладных сборов	За лечение в больнице	
Jj	l l 00 l l 00 l l 00 l l			
00 Ы	K i l l l l l l l l -			
l	Jtf l l l l l l l l s	Податной недоимки за инородцами		
i	ON -P^ 00 ON J J	Недоимки за старыми и неспособными		
l	00 Ю ^ hO t- + .- hO -O l N-) l >-*- , UJ >- J , Ю OS* UJ			
l	40 f f Uj- Ю Ю-Л 4^ C/i Uj			

88

8

ON

89

За находящимися в
неизвестной отлучке

8

ON

£& вне 9196 p.
•o"-0 75к. в районе Ч; i

За находящимися в
отлучках по билетам

И

За ушедшими
в военную службу
•o За прежними волост-
ными начальниками и
сборщиками растраты

88
88
88

ON

88

О

ON

о

ON

За умершими

ю

не платит
подати 368
Д,побор.
306 д.

Из числа всех жите-
лей не платить
податей и поборов

На каждую ревизскую
душу, которых в
волости состоит

На каждого дельного
работника от 20 до 60 лет,
каковых в волости состоит

180
180

999 д.
32 p.
88 1/2 к

487 д.
59 p.
86 3/4 к.

209 д.
8443 p.
65 3/4 к.

653 д.
67 p.
20 1/4 к

337 д.
86 p.
23 к.

120 д.
70 p.
45 1/2 к

493 д.
68 p.
33 к.

702 д.
74 p.
7 1/2 к.
170 д.
110 p.
51 к.

**Таблица №10. По сведениям В.В. Радлова
об иртышских и тюменских татарах
в его сочинении «Aus Sibirien»
число их в 1866 году показано**

Округ	Волость	Мужско- го пола	Женско- го пола
Тарский	Бухарская	1714д.	1690 д.
	Аялинская	1820	1493
	Каурдакская	522	563
	Тавскоуктусская	393	418
	Саратская	734	640
	Итого	5118 д.	4804 д.
	Всего	9987	
Тюменских татар в 1868—1869 году		4799 д.	4284 д.
Всего		9083	
Ялуторовских		2262 д.	2096 д.
Всего		4356	
Туринских		73 д.	66 д.
Всего		139	

По сведениям г. Патканова, в 1886 г. в Тюменском округе было татар 4071 м. и 3471 ж., всего 7542 ч., то есть мы видим явное уменьшение их числа.

Таблица №11. Количество жителей в Барабинских уездах

Наименование уездов	По ревизии до 1854 г.			В 1865 году			1878 г.
	муж. п.	жен. п.	всего	муж. п.	жен. п.	всего	муж. п.
Теренинская	ПО	ПО	220	78	72	150	ИЗ
Барабинская	972	922	1894	857	828	1685	762
Турожская	723	677	1400	714	693	1407	670
Тунужская	421	394	815	384	361	745	606
Любейская	139	116	255	107	96	203	104
Карагалинская	59	53	112	118	ИЗ	231	40
Чуйская	123	127	250	103	111	214	87
Всего	2447	2399	4946	2361	2274	4635	2382

Примечание. Первая цифра за 1854 г. взята из отчетов казенной палаты, вторая — из исследований В.В. Радлова и третья цифра — по сведениям Глав. Упр. Западной Сибири 1875—1878 гг.

Таблица №12. По имеющимся у нас статистическим сведениям, за различные годы число барабинских татар в разные периоды показывалось таким образом

Год		Число душ
1760	По переписи в 68 деревнях их считалось	2216
1840		5005
до 1854	По ревизии	4946
1859	По опискам неселенных мест	4454
1865		4635*
к 1880		4062**
1882		4374***
1883		4459****

* Радлов «Aus Sibirien», p. 232-234.

** Офиц. сведения Глав. Упр. Зап. Сибири.

*** и **** Памятная книжка Томской губ. 1884—1885 г.

**Сведения о вогульских волостях
в Туринском округе к 1880 г.**

Кочевые	000	Жителей			Скота				Н с с го	о с с и	о в и т	Вероис- поведа- ние
		Х и л	Х л	о с	о з о	о з а.	с с *	о и о				
Больше-Кон- динская паулов 20	ПО	380	329	709	35	49	30	114	20	500	520	В е р . право- славно- го; не- много говорят по-рус- ски. За- нятия: зверо- ловство и рыб- н ы е п р о - мыслы; хлеб и соль из казны.
Верхне-Кон- динская паулов 14	74	211	210	421	56	46	34	136	18	371	389	
Верхне-Пе- лымская паулов 14	40	158	129	287	36	25	17	78	18	270	288	
Усть-Кон- динская паулов 6	30	64	51	115	50	38	20	108	15	450	465	
Вагильская паулов 6	33	91	78	169	24	34	14	72	—	23	23	
Сосвинская паулов 4	25	76	72	148	60	101	166	267	55	150	205	
Тахтинская паулов 8	54	131	161	292	99	187	387	673	105	250	355	
Итого	366	1111	1030	2141	360	480	668	1448	231	2014	2245	
Правосл.; немного говорят по-русски.; звероловство и рыбный пром.; хлеб из казенного магазина												

Волости оседлых вогулов:

1. Куртумовская — 46 дом., управа в Жуковской волости, осед-
лые, мужчин — 109, женщин — 113, итого — 222 чел. обоего пола;
скота: лошадей — 115, рогатого — 190 и мелкого — 320, итого —
625; земли пахотной — 886 десятин, сенокосной — 824, всего —
1710 дес. Занимаются хлебопашеством, рыбной ловлей; посеяно
хлеба: озимого — 53 дес., ярового — 51½ дес. Звериный промысел.

2. Верхне-Таборинская — 770 д., оседлые, мужчин — 205, жен-
щин — 200, итого — 405 чел. обоего пола; скота: лошадей — 200,
рогатого — 114 и мелкого — 225, итого — 539; земли пахотной —
267½ десятины, сенокосной — 769, всего 1036½ дес. Посеяно хлеба
озимого — 98 дес., ярового — 68¼ дес.

3. Нижне-Таборинская — 33 д., мужчин 90, женщин — 92,
итого 182 чел. обоего пола; скота: лошадей — 93, рогатого — 70 и
мелкого — 192, итого 355; земли пахотной — 61 дес., сенокосной
— 2815 дес., всего 2876 дес. Посеяно хлеба: озимого — 42 дес.,
ярового — 29½ дес.

4. Кошукская — 13 д., 156 дом., оседлые, мужчин — 454, жен-
щин 509, итого — 963 чел. обоего пола; скота: лошадей — 534,

рогатого — 708 и мелкого — 790, итого — 2032; земли пахотной — 2928, сенокосной — 1957, всего — 4185. Посеяно хлеба: озимого — 371 дес., ярового — 212'/дес.

Всего хлеба: озимого — 124 десятины, ярового — 36Р/4 дес.; всего скота — 3611 голов; всего земли — 9807.

Статистические сведения

о сургутских осятках за 1828 год*

Сургутское отделение

Сургут, под 6 Г16' северной широты и 90°40' восточной долготы, основан в 1593 году у реки Бардоковки на возвышенном месте, находилось жилище князя Бардока.

1) *Пирчинская* — по течению Оби на 250 верст, в окружности до 500 верст, граничит с Салтыковскою, Ваховскою и Тогнурским отделением Томской губернии.

В 1828 году ревизских душ осятков 162, по последней переписи 201.

2) *Салтыковская*, простираясь от Пирчинской по течению Оби на 150 верст, в окружности на 400 верст, касается волостей Ваховской, Мало-Юганской и Лумпокольской.

В 1828 году ревизских душ осятков 200, по последней переписи 195. Кочуют при Оби и при Вахе. В селе Дарьенском деревянная церковь.

3) *Лумпокольская* — от Салтыковской вниз по течению Оби на 200 верст, занимает пространство 600 верст и касается волостей Мало-Юганской, Ваховской и Подгородно-Юганской.

В 1828 году ревизских душ 437, ныне 440. Живут по берегам Оби и Ваху.

4) *Ваковская* — от Лумпокольской вниз по реке Оби на 100 верст, касается волостей Аганской, Тром-Юганской и Нарымского округа, Томской губернии.

В 1828 году ревизских душ 322, ныне 316.

5) *Аганская* — по реке Агану и сопредельна с волостями Ваховской, Тром-Юганской и Пимской.

В 1828 году ревизских душ осятков 48, ныне 52.

6) *Тром-Юганская* — по реке Оби и Тром-Югану, Сургут-Югану и Маковскому-Югану, сопредельна волостям Юганской, Ваховской, Козымской и Пимской.

В 1828 году ревизских душ осятков 176, ныне 174. Живут по Оби и Тром-Югану.

7) *Подгородно-Юганская* простирается по реке Мало-Юганской Оби, по Большому Югану, Балысу и по Тундряной-Курье сопредельна Лумпокольской, Мало-Юганской, Больше-Юганской и Салымской волостям.

В 1828 году ревизских душ осятков 153, по последней переписи 188. В селе Юганском церковь.

* Описание Березовского края Абрамова, XII кн. Зап. Рус. Импер. Географ. Общества.

8) *Мало-Юганская* — расположена по реке Малому Югану, сопредельна волостям Подгородно-Юганской, Большие-Юганской, Лумкольской и Тарскому округу.

В 1828 году ревизских душ 137, по последней переписи 155.

9) *Больше-Юганская*. Кочевья по реке Большому Югану; прилежит волостям Мало-Юганской, Салымской, Подгородно-Юганской и Тарскому округу.

В 1828 году ревизских душ остяков 264, по последней переписи 302.

10) *Пимская* — по рекам Пиму, Васьюгану и речке Контемкугольской. Сопредельна волостям Семиярской, Кодским городком, Казымской, Тром-Юганской и Аганской.

В 1828 году ревизских душ остяков 68, по последней переписи 78.

11) *Салымская* — по Салыму и Салымской протоке, между волостями Селярской и Подгородно-Юганской, Березовского и Самаровского, и Демьянскою волостями Тобольского округов, сближаясь на юге с границею Тарского округа.

В 1828 году остяков 131, по последней переписи 168.

12) *Селярская* — на пространстве 100 верст по реке Оби на протоках Бастоминной и Марниной и сопредельна Самарской волости Тобольского уезда, Кодским Городком, Пимской и Салымской волостями Березовского округа.

В 1828 году остяков 46, по последней переписи 61. Жители большею частью бедны. В селе Селярском церковь.

Статистические сведения

из описания Березовского округа Абрамова*

Обдорское отделение состоит из волостей Обдорской и Кунаватской.

Обдорская волость лежит по течению Оби от Аспухольских юрт (выше 150 верстами Обдорска) вниз до Ледовитого океана, к западу до Мезенского уезда и к востоку до Туруханского отделения. Полоса эта состоит из каменистых и тундряных мест и хороших пастбищ для оленей.

В 1828 году, когда составлялись окладные книги, число ревизских душ остяков 1604, самоедов 2057, всего 3661 душа. В настоящее время (время Абрамова) 3666 душ.

Древние остяцкие городки:

Аспукольский от Березова	175 верст
Войкарский	198
Шурышкарский	238
Собский	293
Обдорский	322
Полуйский	372
Пелвожский	302
Выпослинский	362
<u>Войтважский</u>	402

* Сведения заимствовались Абрамовым из дел Березовского земского суда по предмету ясачной комиссии 1828-1829 года.

Воксарский	432
Ворважский	462
Надымский	662

Куноватская волость от города Березова вниз по течению Оби и по впадающим в нее речкам Сынье и Куновату, граничит с севера с Обдорской, с юга с Лепинской, к востоку с Казымской волостями и с запада с Уральскими горами. Покрыта болотами и тундрами; лес кедровый, сосновый и еловый.

Жители: ревизских душ в 1828 году было остяков 920, само-
едов 27. Во время Абрамова обоих 938 душ.

Древние городки от Березова:

Усть-Сосвинский	236 верст
Пугорский	32
Качегатский	116
Кушеватский	147
Киеватский	155
Куноватский	194
Сынский (<i>по реке Сынье</i>)	194
Кошгортский	197
Питлярский	242

В Обдорском отделении считалось 125000 голов скота (ол-
ней); рыболовных песков 34.

В Куноватской волости две церкви деревянных в селах: Ку-
шевате и Муграх.

Отделение Кондинское из 5 волостей:

1) Кодские городки (Кодская) от границы Тобольского округа на 500 верст до города Березова по Оби и впадающим в нее рекам Васьпухулу, Ендыру и другим; изобилует кедровым и строевым лесом (орехов собирается до 900 пудов); рыболовных песков 30.

Число ревизских душ остяков к 1828 году 1545, в последнее время 1773 (время Абрамова).

Древние остяцкие городки:

Чемашевский от Березова	120 верст
Шоркальский	160
Кода	220
Больше-Атлымский	237
Мало-Атлымский	250
Карымкарский	283
Ендырский	409

Кондинское село 62°9' северной широты и 86°15' восточной долготы; на правом берегу Оби Святотроицкий монастырь, 1 игу-
мен и 5 монахов. Вотчина Кондинского монастыря в 1400 верст, в Исецком, Ялutorовского округа, в селе Николаевском (ныне Кодское). Имущество его в Тобольске.

Кроме села Кондинского, было четыре деревни.

В селе Кондинском 10 деревень и 360 жителей, церкви: в Чем-
шевском селе, Шоркальском, Сухоруковском, Белогородском, Мало-Атлымском згорье.

2) *Подгородная* волость от Березова по Вогулке на 150 верст, граничит с Сосвинской, Казымской, Ляпинской и с Уральски-

ми горами. Большая часть остяков бедны и живут у русских в рабстве.

Ревизских душ остяков в 1828 году 229 душ, ныне (во время Абрамова) 221 душа.

3) *Казымская* — не измерена. При реке Оби по Казыму и впадающим в нее речкам касается волостей: Куноватской, Тром-Юганской, Кодской и Подгорной.

Ревизских душ в 1828 году остяков 525, самоедов 218 душ; во время Абрамова их считалось 853 души.

Древние остяцкие городки:

Полноватский от Березова	58 верст
Амьинский	125
Кунларский	155
Чемашский	195
Юильский	236

В селе Казымском или Полноватском в 50 верстах на восток от Березова церковь.

4) *Сосвинская* — по течению Сосвы и Тапсуя к юго-западу от г. Березова, граничит с Подгородною, Ляпинскою, Кодскою, Чердынским и Верхотурским уездом, Пермской губернии, и с Пелымским.

Ревизских душ в 1828 году 580, во время Абрамова 566 душ.

Древние остяцкие городки:

Люликар от Березова	85 верст
Вороней	353
Тапсы	383
Искар	458

5) *Ляпинская*, инородцы кочуют по реке Ляпину, Изакузьей и другим речкам, впадающим в Ляпину с левой стороны. Граничит с волостями Куноватскою, Подгорною, Сосвинскою и Уральскими горами.

Ревизских душ в 1828 году остяков 784, самоедов 96; ныне во время Абрамова обоих — 882 души.

Древние остяцкие городки:

Обский от Березова	72 версты
Кугинский	189
Шуганский	216
Ляпинский	250
Мункежский	286
Юильский	308

Ляпин при Ляпине (Свиве), впадающий в Сосву в 30 верстах от устья; древний вогульский городок был известен торговлею между русскими, зырянами, вогулами и остяками. Близ Ляпина было идольское капище.

**Остяки и самоеды в Березовском и Сургутском округах
по сведениям 1869 года**

Березовский округ:

1. Волости:	Кодская	632 муж. пола.
2.	Подгородная	113
3.	Ляпинская	382
4.	Сосвинская	332
5.	Казымская	444
6.	Куноватская	488
	<i>Обдорских остяков</i>	888
	<i>самоедов</i>	1358

Сургутский округ:

1. Волости:	Юганская	21 муж. пола.
2.	Пимская	67
3.	Селияровская	18
4.	Перчимская	120
5.	Салымская	82
6.	Тром-Юганская	91
7.	Лумпокольская	271
8.	Больше-Юганская	136
9.	Салтыковская	140
10.	Мало-Юганская	61
11.	Ваховская	204
12.	Подгорно-Юганская	94

Всего остяков

<i>в Тобольской губернии</i>	11527 м. п.	10627 ж. п.	22154 д. об. п.
<i>самоедов</i>	2573	2132	4705

В городе Сургуте 167 домов, 510 м., 634 ж. — 1644 обоего пола.

Всего в Сургутском округе жителей православного исповедания: мужского пола 3898 душ, женского пола 3714 душ, обоего пола 7612 душ. Магометан 2 мужчин.

Все инородцы православные. Русских 5 селений и 3 деревни; домов в них 90; большие селения в 21 дом, меньшие 3 дома; жителей мужского пола 260 душ, женского пола 289 душ, всего 549 душ.

Скота:

Лошадей	439
Рогатого	388
Оленей	18
Овец	186
Свиней	72
Собак	98
Итого	1201

Остяки Березовского округа. Статистические сведения за 1875 год

Инородные управы	Зимних юрт-изб	Летних	Совс	Жителей			Лошадей	Рогатого скота	Мелкого скота	Оленей
				мужчин	женщин	всего				
Кодская	413	413	826	2140	2164	4304	830	647	100	1577
Инородческие юрты между Самаровым и Березовым 19 селений	двор. 316	—	—	1015	869	1884	747	552	100	1399
Управа Подго- родная 8 юрт или селений	двор. 49	49	чумов 8	260	206	466	59	46	115	220
Казымская 10 сел.	98	97	60 улу- сов	687	478	—	—	—	—	—
Сосвинская самоедская	изб 230	130	56	самоедов 382	278	—	26	15	3180	3221
Русских селений	1	7	483	716	680	1396	45	43	овец 2	олей 3200
Ляпинская русских	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Инородческих	изб 247	80	улус. 50 чум. 64	862	765	1627	олей 6080 олей 5400, ло- ша- дей	со- бак 570	все- го 6650	—
Куноватская	зимн. 230	летн. 74	чум. 28	1066	1032	2098	36	со- бак 67	все- го 5503	—

Обдорский участок управы	Я	2	У	С	Жителей			О	В	Ю	О
					и	к	всего				
Обдорская самоедская		—	819	819	4076	3840	7916	24420	1653	26073	
Обдорская инородческая управа остяцкая	376		62	437	1748	1699	3447	11069	1430	12490	
Итого					5824	5539	11363				

Два отделения — Обдорское и Кондинское; в первом считается жителей мужского пола 5727 душ, женского пола 5232 души, обоего пола 10959 душ.

Из них инородцев мужского пола 5047 душ, женского пола 4571 душа, обоего пола 9618 душ. Русских волостей 3, инородных управ 5.

В *Обдорском* участке жителей русских и инородцев мужского пола 6961 душа, женского пола 6664 души, всего 13625 душ.

Из них инородцев мужского пола 6887 душ, женского пола 6571 душа, обоего пола 13458 душ.

Православных инородцев мужского пола 3968 душ, женского пола 2806 душ, обоего пола 6774 души.

Идолопоклонников мужского пола 2919 душ, женского пола 3765 душ, обоего пола 6684 души.

Куноватская; зимой пасут оленей, а летом рыболовствуют.

Всего по обоим управам Березовского округа волостных старшин 15, помощников 8; жителей мужского пола 11934 души, женского пола 11142 души, обоего пола 23076 душ; изб 2455; чумов и улусов 1207; скота: лошадей 996, рогатого 818, оленей 53455, мелкого 102, всего 55379 штук.

В Березовском округе жителей православного исповедания мужского пола 9784 души, женского пола 8177 душ, обоего пола 17961 душа; раскольников 12 душ, католиков 14 душ, евреев 22 души, магометан 14 душ, идолопоклонников мужского пола 3853 души, женского пола 4596 душ, обоего пола 8449 душ.

Город Березов 180 домов, жителей 982 мужского пола, 906 женского пола, всего 1888 душ; лошадей 210, рогатого скота 225, оленей 306, всего 773; собак 365 штук.

В Березовском участке крестьян: 609 муж. пола, 1221 обоего пола; духовенства белого: 29 муж. пола, 27 жен. пола, 56 обоего пола; монахов 5 муж. пола; поселенцев: 15 муж. пола, 9 жен. пола, 24 обоего пола; разного звания: 22 муж., 13 жен., 35 обоего пола; инородцев: 5047 муж., 4571 жен., 9618 обоего пола.

В Обдорском духовенства: 23 муж., 28 жен., 51 обоего пола; монахов: 1 муж.; крестьян: 37 муж., 59 жен., 96 обоего пола; поселенцев: 3 муж., 2 жен., 5 обоего пола; разного звания: 10 муж., 4 жен., 14 обоего пола; инородцев: 6887 муж., 6571 жен., 13458 обоего пола.

Ясачного Земско-обывательская гоньба На содержание церквей На наем караула и на заготовле для караулов при хлебных ма На содержание 12 старшин и оспенного ученика Губернских повинностей Волостной	я	1
--	----------	----------

400 05 0	Д о о t» ta ee 5,, j- _H - -oo;5 H- _! , -t7) j.-j o H &@ ^ й O-з<-х'йэ ~1/'^1) p; A'; Ш* - (11 M C NH <? C ! "d ^1 j j ^ s s ? 5 f b s s s l s l B o o g ! ? n ^ s K> SO f ? TN <? ? y O Щ ё га м § S	\$ * \$ P S O , Q
00	t 5 .1 ON Домов	
о	4J OQ ЧО x 4Qr OQO \ CN t>j J_ / i -4 QO 4to d^ Юрт	
и> у ю	Ю OJ ON ^ t>j Q_ t>N^0 4Q ЧО- to ON ON мужчин	
то чо	NJ OJ (-Л OJ -i4Qn t-JON ^A^ LA -40' ЧО б women	
ЧО ОУ	000J Jg ^ 00^0 40 40?8A1 ON ^ i- 0 >- ^) > Ю всего	bit
т ■	to ON Q\ ЧО S 6 - ^ ^ ^ ss g лошадей	
S	00 §^ <* c: рогатого	
00 O	to ^ K0 ON >0 I, M h- S° 1 оленей	O Зн И
ON	f -J 40 овец	
	i i свиней	
ЧО	ON— ^ P ЧО i q P 4ij й to Q G F ЧО собак	
00 ON	400N 1yJ ЧО >< Л 00U> ON id .ON и Всего скота	

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120
 121
 122
 123
 124
 125
 126
 127
 128
 129
 130
 131
 132
 133
 134
 135
 136
 137
 138
 139
 140
 141
 142
 143
 144
 145
 146
 147
 148
 149
 150
 151
 152
 153
 154
 155
 156
 157
 158
 159
 160
 161
 162
 163
 164
 165
 166
 167
 168
 169
 170
 171
 172
 173
 174
 175
 176
 177
 178
 179
 180
 181
 182
 183
 184
 185
 186
 187
 188
 189
 190
 191
 192
 193
 194
 195
 196
 197
 198
 199
 200
 201
 202
 203
 204
 205
 206
 207
 208
 209
 210
 211
 212
 213
 214
 215
 216
 217
 218
 219
 220
 221
 222
 223
 224
 225
 226
 227
 228
 229
 230
 231
 232
 233
 234
 235
 236
 237
 238
 239
 240
 241
 242
 243
 244
 245
 246
 247
 248
 249
 250
 251
 252
 253
 254
 255
 256
 257
 258
 259
 260
 261
 262
 263
 264
 265
 266
 267
 268
 269
 270
 271
 272
 273
 274
 275
 276
 277
 278
 279
 280
 281
 282
 283
 284
 285
 286
 287
 288
 289
 290
 291
 292
 293
 294
 295
 296
 297
 298
 299
 300
 301
 302
 303
 304
 305
 306
 307
 308
 309
 310
 311
 312
 313
 314
 315
 316
 317
 318
 319
 320
 321
 322
 323
 324
 325
 326
 327
 328
 329
 330
 331
 332
 333
 334
 335
 336
 337
 338
 339
 340
 341
 342
 343
 344
 345
 346
 347
 348
 349
 350
 351
 352
 353
 354
 355
 356
 357
 358
 359
 360
 361
 362
 363
 364
 365
 366
 367
 368
 369
 370
 371
 372
 373
 374
 375
 376
 377
 378
 379
 380
 381
 382
 383
 384
 385
 386
 387
 388
 389
 390
 391
 392
 393
 394
 395
 396
 397
 398
 399
 400
 401
 402
 403
 404
 405
 406
 407
 408
 409
 410
 411
 412
 413
 414
 415
 416
 417
 418
 419
 420
 421
 422
 423
 424
 425
 426
 427
 428
 429
 430
 431
 432
 433
 434
 435
 436
 437
 438
 439
 440
 441
 442
 443
 444
 445
 446
 447
 448
 449
 450
 451
 452
 453
 454
 455
 456
 457
 458
 459
 460
 461
 462
 463
 464
 465
 466
 467
 468
 469
 470
 471
 472
 473
 474
 475
 476
 477
 478
 479
 480
 481
 482
 483
 484
 485
 486
 487
 488
 489
 490
 491
 492
 493
 494
 495
 496
 497
 498
 499
 500
 501
 502
 503
 504
 505
 506
 507
 508
 509
 510
 511
 512
 513
 514
 515
 516
 517
 518
 519
 520
 521
 522
 523
 524
 525

Таблица №14. Управы и улусы оседлых инородцев

№	Название управ и находящихся в них селений	Число душ в каждой управе		о б щ е
		9 фс 13 50	женск. пола	
1	2	3	4	5
	Телеутская управа 1-й половины: Улусы			
1	Семенушкин	91	93	
2		154	154	
3	Кутонов	90	96	
4	Таргаевский	55	50	
5	Среднетелеутский	103	94	
		493	487	980
	Телеутская управа 2-й половины Улусы			
1	Бенов	98	104	
2	Сергеев	142	144	
3	Больше- Бачатский	259	267	
4	Шандинский	по 509	120 635	1144
	Телеутская управа 3-й части Улусы			
1	Чертинский	98	89	
2	Ускотский	33	24	
3	Мокрушиной	126	107	
		257	220	477
	Ашкиштимская управа 1-й половины Улусы			
1	Урской	136	138	
2	Челухоевской	ж 345	198 336	681
	Ячинская инородная управа Улусы			
1	Мозжухинский	39	37	
2	Бородинский	38	39	
3	Промышленский	45	53	
4	Стрелинский	38	37	
		160	166	326
	Название крестьянских селений, в ко- торых оседлые инородцы этих управ имеют постоянную оседлость			
5	Деревня Осиновая Грива	93	101	
6	Село Зарубинское	28	31	
7	Деревня Корчуганская	5	7	
8	Корнилова	4	5	
9	Тарасова	34	35	
10	Старочервева	15	И	
И	Старочервева	8	9	

Кузнецкого округа Томской губернии к 1880 г.

1	2	3	4	5
	Комларская инородная управа			
1	Улусы: Бубочинский	75	95	
2	Стрелинский	39	45	
3	Корчуганский	2	4	
4	Колтыракский	5	6	
	Название крестьянских селений, в которых инородцы этих управ имеют постоянную оседлость			
5	Деревня Тарасова	11	14	
6	Село Зарубинское	29	32	
7	Деревня Камышна	23	29	
8	Село Топтинское	7	9	
9	Деревня Мозжухина	9	11	
10	Корчуганско-Елкина	2	Ю	
		396	460	856
	Боянская инородная управа 1-й половины			
1	Улусы: Аил-Атынаковский	200	об. п.	
2	Ажидаровский	212	—	
3	Сосновский	78	—	
4	Инские	180	—	
5	Каралдинский	122	—	
		799	—	799
	Боянская инородная управа 2-й половины			
1	Улус Каралдинский	165	—	
	Шуйская инородная управа			
1	Улус Калтыракский (он же и Устиновский)	840	—	
	Кумышская инородная управа			
1	Улус Калтыракский (Устиновский)	487	—	
		1492	—	1492
	<i>Примечание:</i> Шуйская и Кумышская инород- ные управы находятся в улусе Калтырак- ском, но не все инородцы имеют в нем осед- лость, а большею частью таковые прожи- вают в крестьянских селениях.			
	Тагульская инородная управа 1-я половина			
1	Улус Кермотский	181	174	
	Тагульская инородная управа 2-я половина	25	16	
		206	190	396
	<i>Примечание.</i> Инородцы этой управы своих улу- сов не имеют, а проживают в крестьянс- ких селениях.			
	Итого	—	—	7151

S 3	~0 ON <Л f • V>J t0 ;~« ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ fa fa fa fa fa fa fa ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	»	Sfa"* ₃ ₃ ₃ x Ж E ₃ ₃ ₃ 2 5 ta 1 ^ 8 ₃ ₃ ₃ ee x
	кочевые инородцы	ю	Образ жизни
	шаманисты	U)	Вероисповедание
	з*1 £*1 jgl ol Y! fI if rt>O rt ' O Hft O _й-IT* O ^ 5 5 •?> O *^O *^O <T>Q ^CO^4* O niO P^P^ 3" >< ' ' ^'-3 o'o 3 5 S x s 1 S ? s *		2 ₃ 1
	to to to _ to to •_ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	ЛЛ	От Бийска примерно верст
		ON	Домов у крещеных
₃ 40	to to Ш ON to _ ^ ON OJ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	-o	5
4i 00 K>	Ю ON _/i 4^ ON to OJ U> * ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	oo	Взрослых работников
(Л 00	tyi LJ)^ IT ON _J 00 5 -J So oJ £ s? w	NO	2 -п
^ Л ч 0 **	^ ^ O ^ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	o	3 p
ч0 ч0	oo Ji. _ ~ -J oo \o S SJ oo5; toW ^°« - ^ P ₃	-	1
<Л	ON -P>. ~ ^s "" oo NO ON 0 ^g ^ Й 0 ^	to	1
Jb.	W NO J^J ^~i oo *n ^ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃ ₃	OJ	f
-a 00 -J	^ ^ — g; -J NO — ^ — 0 ^ ° S 5	%	* 1

полуоседлые

крещеных 437, некрещеных 820 часть крещеных, часть язычников, крещеных 177, некрещеных 421

S_{кб}, _ . ег : 300 \ 00 » i ^ S
 g s g b i l s g g i ^ i
 0 нч ^ 0 л » / л i - 12 j q f I
 Л. - - . i .
 9 И ж - тм 2 . т ? м ! и v a
 • S ^ ^ ^ 9 - o ^

д. o £ м ^ та ж . △ „ 9
 1 - . i . S o 0
 • \$? • \$! || " \$? \$
 3 „ < . « s g l q w d
 ^ S s S c H St
 CD s i \$ ^

ч0

10
00

80

Ведомость по волостям
и селениям оседлых и кочевых инородцев
Бийского округа к 1880 г.

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Ново-Суртайская Старо-Суртайская Чамальская	деревни оседлых инородцев	православные, прихода Быстрианского прихода Чемальского	при р. Ише при р. Катуши то же
3) Сарасинская инородная управа Магота Сараса	оседлые инородцы то же	прихода Маготинского прихода Верхне- Каменского	при р. Моготе при р. Сарасе
4) Уйманская инородная управа Баштаголинская	то же	православные, прихода Ангудийского	при р. Бош-тогне
Верх-Уймонская	то же	то же	при р. Катуня
Власова	посел. осед. инородцев	то же	при ключе Безыменном
Гагаринская	заимка инородцев	то же	то же
Горбуновская	дер. оседлых инородцев	то же	при р. Керехте
Кайтанак	то же	то же	при р. Кайтанак
Катандинская	заимка инородцев	то же	при р. Катанде
Керехтинская	дер. инородцев	то же	при р. Керехте
Коксинская	то же	то же	при р. Коксе
Красноярская	заимка инородцев	то же	при р. Красноярке
Нижне- Баштаголинская	пасеки инородцев	то же	при р. Баштаголе
Нижне-Окольская	заимки инородцев	то же	при р. Нижнем Окале
Огневская	то же	то же	при р. Огневке

0	ЮО	L H O U J O	ON K>UJH— 8*	1	oo ^ M ON S _c H	H- K ₁ ON	Расстояние от волостного правления
	^ b - N J ^ O N U I ^ O O Ъ J ^ ^ U J		0	Э 6	И	H ₄ OI l _{oo}	Число дворов
II						1 1 ^	Число отдель- ных жилых изб
	. - W ^ O X W N O O O W ^ ^ W Д ^Д		0	Э fe	5	4 ⁴ . OI N>	Число всех жилых строений
	40	я _ж	0	Ч ₀ l ₁	Ч ₄	И ₀ ON { ⁴ J	мужч. ^ ^ оз Д _к (J O ₁
	~ LU , ^ O O O O S , ON ^ ^ S	4 0	1 ₁ K _{ON}	Ч ₀	ИД l>l 0		женщ. Б: я g s я c
	l l l l l l l l l l l l *	0 % %	l			1 1	Примерное число жителей вселени- ях на землях, не входящих в состав волостей
	I Sc 20 I *	И S _г j S _с S _Э *-< II x P	M s l i b l i s s s i l 3 ^г S ₂ T ₁ 3 ⁵ W ² 0 ³ S s l l l l S l l i g l I ₀ : : a S » ' ' x ' a ' s S ₀ c ' a ₀	4»>js B* a ^л *			я я ES п ^я а я - я И Jo со д И в « O o o 2 ? : a я я g s м s f

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Радионовская	поселок инородцев	Ангудайского	при р. Кислянке
Усть-Красноярская	заимки инородцев	то же	при р. Красноярке
Усть-Огневская	дер. инородцев	то же	при р. Огневке
Усть-Тюзурюк	заимки инородцев	то же	при р. Тюзурюк
Усть-Юстюзская	поселок инородцев	то же	при р. Юстюде
Чектинская	заимки инородцев	то же	при ключе Чекше
Кроме того, в ведении отдельного заседателя состоят следующие местности, находящиеся на землях, не входящих в состав волостей			
Абай	крещенные инородцы	Черно-Ангудайск.	—
Ангудайское (Урскульское)	миссионер. стан крещенных инородцев	Ангудайского прихода	при р. Арсуле
Ильинское	поселок кочев. и осед. инородцев	то же	при р. Песчаной
Казанда	поселок инородцев	то же	при р. Казанде
Камлак	то же	то же	по р. Семи
Катанда	то же	то же	на р. Катуня
Кот-Агач	лавки русских купцов	Чулымонского	на р. Чуе

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Мариинск (Потогал)	поселок крещеных инородцев	Черно-Ануйского	на р. Этаголе
Тюбролинское	поселок кочевых и крещеных инородцев	то же	на р. Чарыше
Усть-Конское	поселок инородцев	то же	при устье Кана
Черно-Ануйское	селение кочевых и оседлых инородцев	то же	при р. Ануе
Селения и населенные места в ведении помощника алтайского отдельного заседателя на землях инородцев, не входящих доселе в состав волостей			
Аидын	аил стойбища черных татар	некрещеные	—
Адыган (Эдиган)	аил инородцев крещеных	приход в Чемильске	на р. Эдигане, впадающей в Катунь (Понгон)
Алагаин	аил инородцев	то же	—
Артубашев	то же	то же	—
Артыганский	то же	то же	—
Болыкса	аил инородцев крещеных	Макарьевского	на р. Бие

$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{W} \end{matrix} \cdot \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{N} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{M} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{O} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	Расстояние от волостного правления
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	Число дворов
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	Число отдель- ных жилых изб
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	Число всех жилых строений
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	мужч. * ч» m
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	женщ. S i S я x is
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$	Примерное число жителей в селени- ях на землях, не входящих в состав волостей
$\begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix} \begin{matrix} \text{H}^- \\ \text{U} \end{matrix}$				Церквы, часовни, школы, волостные правления, промыс- ленные заведения

' * J i s 5 ° ° L/1P * 0 0	i	ЧО У	ОТ У	Л/А Л/А	ОО	Расстояние от волостного правления
		I	I	I	I	Число дворов
1 ON NJ L/) E 0	I	I	I	I	I	Число отдель- ных жилых изб
	&	О	О	ON KJ	KJ	Число всех жилых строений
i s £ § 2 £	£	и LA	LO	1		мужч. 00 3 33
1 £ ю юj u> Ы.	И	55	оо	Co	ю	женщ. С S ^^ я я Е
1 1 1 1 1 1	1	I	I	1	6	Примерное число жителей в селени- ях на землях, не входящих в состав волостей
o> ? g Isl 1 i S g v n l - 5» 4 5 w g i - s Sc я 33 ^ s 4! 0						Церкви, часовни, школы, волостные правления, промыш- ленные заведения

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Богучак	аил ино-родцев	Уликинского	на р. Богучате, впадающей в Казу
Большой Верх- Ильинский	аил ино-родцев крещеных	то же	
Бостолог (Ботогол)	аил некре-щенных	то же	на р. Ботоголе
Верх- Ильинский	аил ино-родцев	то же	—
Верх-Нырга	то же	некрещеных	—
Верх-Пиленский	аил креще-ных	Макарьевске	близ Бии по р. Шильной
Даркин	аил некре-щенных	—	—
Дюргач	то же	—	—
Дяшна	то же	; —	—
Едиган	то же	—	на р. Эдиган
Елейский	аил креще-ных	Макарьевского	при устье степной Ченши
Ужулек	аил некре-щенных	—	на р. Ужулеке
Ишпанак	то же	—	—
Карадаш	то же	—	—
Каракон	аил некре-щенных	—	—
Каракошка	то же	—	на р. Карако-ший
Карасьев	то же		на притоке Нини
Кириторбак	то же	—	

— J ^9 ON 4^ ON oo *-*j ос чо ^J •— * ^J 4D ON ел -^ 0l to	Расстояние от волостного правления
	Число дворов
i i i i i i i i i i i i i i c; <*) ю ^	Число отдель- ных жилых изб
* у * 5 - «* S ^ - ^ 3 - 5 е K I 1 1 1	Число всех жилых строений
^ й - ^ с г ^ й i - с ^ ^ ^ ^ ^ s ^ з ж	мужч. [^] с [«] д ⁰⁰ я * 0
о S - 3 5 ^ S § ^ о й ^ ё ^ ^ м о S	женщ. ^Н is ^{g»} S я с
	Примерное число жителей в селени- ях на землях, не входящих в состав волостей
	Церкви, часовни, школы, волостные правления, промыш- ленные заведения

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Кабыжак	аил крещеных	Улалинского	близ Тайной
Каянду	аил некрещеных	—	—
Кичеков	то же	—	—
Кла	то же	—	—
Кериш	то же	—	перевал из Пытула
Кожинский (Иртышкин)	то же	—	в вершину Кожии
Кубеинский	то же	—	на р. Кубе
Кузё	то же	—	на р. Кузе
Курелек	то же	—	на р. Ише
Кылташ	то же	—	на р. Калтыше
Нарлык	то же	—	на р. Нарлыке и Ише
Озерки	то же	—	на р. Ише
Окоскы	то же	—	на р. Ише
Таспаул	аил крещеных	—	на р. Ише
Пешперский	аил некрещеных	—	—
Пыже	то же	—	на р. Пыже
Салаганда	то же	Кебезенского	на р. Ише
Салынак	то же	—	—
Сапожкин	то же	—	—

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Саракокша	аил некрещеных	—	—
Саракокшинский (Никольский)	то же	—	—
Сартугол	то же		на р. Сартыгал на р. Ише
Сарыков (Тайнинский)	то же	—	
Сагуштак	то же	—	
Средне-Ишинский	то же	—	—
Сузоп	то же	—	близ р. Нини на протоке
Сыл	то же		
Ташта	аил крещеных	Улалинского	на р. Таште, впадающей в Ишу
Толуйский	аил некрещеных		на р. Толуе
Уймень	то же	—	на р. Уймене
Усть-Ульянское	то же	—	—
Усть-Ишинский	то же	—	на устье р. Иши
Чайная сопка	то же	—	на р. Ише
Шапарак	то же	—	—
Юрек	то же	—	—
Ююле	то же	—	на р. Ююля
Юче-Карагай	то же	—	—
Янцыгач	то же	—	—

Название волостей и населенных мест инородцев Томской губернии к 1880 г.	Род поселений	Вероисповедание и приход, куда принадлежат	Положение
Эгана	аил некрещенных	—	на р. Чейше
Эльтош (аил Коновалкин)	то же	—	то же
Боколо	аил крещенных первой Алтайской дючины	прихода Улалинского	—
Воскресенское (Чапош)	аил крещенных	Чемальского	на р. Чепоше
Еликманор	то же	прихода Чемальского	на р. Катунь при устье Экмонора (Ольнор)
Ново-Александровское	то же	Улалинского	на р. Найме
Манжурек	то же	то же	на р. Катунь
Пешпельтер	то же первой Алтайской дючины	Чаношского	на р. Катунь при устье Узнезен
Суульты	аил крещенных	Улалинского	на р. Суульты, впадающей в Найму
Узнезень	то же	то же	на р. Узнезень
Усть-Сайдыс	то же	то же	на р. Сайдыше
Чемальское	то же	то же	на р. Чемале
Сайдыс (Карасук)	то же	то же	на р. Карасу
Поселение Улалинское женская община	учрежд. Алтайской миссии	то же	на р. Найме при устье Сайдыса

Дополнение к стр. 287

Сведения о вогульских инородческих волостях на основании исследований экономического быта крестьян и инородцев Туринского округа 1890 г. А.А. Кауфманом*

Волости	Население по сказкам 1858 г.			Население по данным 1888 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумовская	111(?)	130(?)	241 (?)	114	141	255
Верхне-Таборинская	216	206	422	247	262	509
Нижне-Таборинская	86	82	168	109	117	226
Кошукская	491	532	1023	437	518	955
Итого	904	950	1854	907	1038	1945

Волости	Абсолютная цифра прироста (+) или убыли (—) за весь период			Прирост или убыль в % к населению 1858 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумовская	+3	+11	+14	+2,7	+8,5	+5,8
Верхне-Таборинская	+31	+56	+87	+14,3	+27,2	+20,6
Нижне-Таборинская	+23	+35	+58	+26,7	+42,7	+34,5
Кошукская	-54	-14	-68	-10,0	-2,6	-6,6
Всего инородцев	+3	+88	+91	+0,3	+9,3	+4,9
Прирост в <i>русских волостях</i> :						
По Туринскому округу				+28,9	+19,3	+23,9
По Пелымскому округу				+30,4	+22,4	+26,2

* Мы не могли не воспользоваться только что вышедшим прекрасным и ценным исследованием А.А. Кауфмана и извлекли дополнительные сведения о вогулах за последнее время. Данные эти подтверждают убыль и слабый прирост инородческого населения. Исследователем приведены также данные о меньшем числе дворов у инородцев, составе семьи и меньший процент рабочей силы рядом с перевесом женского пола над мужским

Дополнение к стр. 287

Сведения о вогульских инородческих волостях на основании исследований экономического быта крестьян и инородцев Туринского округа 1890 г. А.А. Кауфманом*

Волости	Население по сказкам 1858 г.			Население по данным 1888 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумовская	И 1(?)	130(?)	241(?)	114	141	255
Верхне-Таборинская	216	206	422	247	262	509
Нижне-Таборинская	86	82	168	109	117	226
Кошукская	491	532	1023	437	518	955
Итого	904	950	1854	907	1038	1945

Волости	Абсолютная цифра прироста (+) или убыли (—) за весь период			Прирост или убыль в % к населению 1858 г.		
	муж.	жен.	всего	муж.	жен.	всего
Куртумовская	+3	+11	+14	+2,7	+8,5	+5,8
Верхне-Таборинская	+31	+56	+87	+14,3	+27,2	+20,6
Нижне-Таборинская	+23	+35	+58	+26,7	+42,7	+34,5
Кошукская	-54	-14	-68	-10,0	-2,6	-6,6
Всего инородцев	+3	+88	+91	+0,3	+9,3	+4,9
Прирост в русских волостях:						
По Туринскому округу				+28,9	+19,3	+23,9
По Пелымскому округу				+30,4	+22,4	+26,2

Мы не могли не воспользоваться только что вышедшим прекрасным и ценным исследованием А.А. Кауфмана и извлекли дополнительные сведения о вогулах за последнее время. Данные эти подтверждают убыль и слабый прирост инородческого населения. Исследователем приведены также данные о меньшем числе дворов у инородцев, составе семьи и меньший процент рабочей силы рядом с перевесом женского пола над мужским 10%.

Комментарии

Работа Н.М. Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» печатается по: *Н.М. Ядринцев. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. С.-Пб.: Издание И.М. Сибирякова, 1891. 308 с.*

При подготовке к изданию были исправлены некоторые ошибки, допущенные в прижизненном издании. В отдельных случаях наименования населенных пунктов настолько искажены на письме, что восстановить их подлинные имена не удалось.

Все сокращения, встречающиеся в издании, принадлежат автору. При подготовке книги к печати орфография в ней адаптирована к сегодняшней норме.

Все примечания Н.М. Ядринцева, помещенные в нижней части страницы, оставлены без каких-либо изменений.

¹ *Георги Иоганн Готлиб* (1729—1802) — немецкий ученый, поступивший в 1770 году на службу в Российскую Императорскую Академию наук. Научные интересы Георги были разносторонними: этнография, химия, медицина, биология, география. Участвовал с 1768 в академической экспедиции по России под руководством Палласа. В 1783 году был избран действительным членом Российской Академии наук. Автор «Описания всех в Российском государстве обитающих народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» в трех частях, изданного в Санкт-Петербурге в 1776—1777 годах. К «Описанию...» было приложено 100 рисунков, изображающих представителей народов и племен Российской империи. В 1797 году в Кенигсберге вышла в свет его книга «Geographo-phisikalische und naturhistorische Beschreibung des Russ».

² *Паллас Петр Симон* (1741—1811) — немецкий естествоиспытатель и этнограф. С 1767 года работал в России, был избран членом Петербургской Академии наук. В 1768—1774 годах возглавлял академическую экспедицию по России, в ходе которой были собраны и систематизированы богатейшие данные по гео-

графин, геологии, этнографии, археологии, зоологии и ботанике. Материалы экспедиции легли в основу «Русско-азиатской зоографии» и пятитомного «Путешествия по разным провинциям Российского государства».

³ *Гмелин Иоганн Георг* (1709—1755) — немецкий натуралист, с 1730 года член Императорской Петербургской Академии наук, участник второй Камчатской академической экспедиции (1733—1743 гг.). Его описание путешествия по Сибири («Reise durch Sibirien 1733—1743»), вышедшее в 1751 году в Геттингене, содержит самые разнообразные сведения о жизни сибиряков, о природе и археологии края. В частности, он подробно описал и впервые классифицировал древние погребальные комплексы Минусинской котловины.

⁴ *Кастрен Матиас Александери* (1813—1852) — финский лингвист и этнограф, профессор Гельсингфорского Александровского университета, член Российской Императорской Академии наук. С 1838 по 1849 годы предпринял ряд экспедиций в Лапландию, Карелию, на Северный Урал и в Сибирь, в ходе которых собрал богатейшие материалы по лингвистике, мифологии, этнографии и археологии. Впервые выдвинул и обосновал гипотезу о саяно-алтайской прародине народов уральской языковой семьи. Автор ряда фундаментальных трудов по зырянской, черемисской (марийской) и самодийской грамматике. Описание научных путешествий Кастрена в двух частях вышло в свет в 1853 и 1856 годах на немецком языке, а в 1860 году — на русском. В 1999 году книга переиздана: *Кастрен М.А.* Соч.: В 2-х т. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999; Т. 1: Лапландия. Карелия. Россия. 256 с.; Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845-1849). 352 с.

⁵ *Миддендорф Александр Федорович* (1815—1894) — российский естествоиспытатель, с 1850 года — академик. В 1842—1878 годах по заданию Императорской Академии наук предпринял ряд экспедиций по Сибири и в Ферганскую долину. В результате им были собраны ценные материалы о фауне Сибири и многолетней мерзлоте, а также этнографические сведения о населении Восточной Сибири и побережья Охотского моря. В 1860—1877 годах в Санкт-Петербурге издано его «Путешествие на север и восток Сибири», а в 1871 году — «Бараба».

⁶ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839) — российский государственный деятель, граф, ближайший советник Александра I, автор ряда проектов законодательных и административных реформ. В 1812 году был уволен и сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Через четыре года его назначили пензенским губернатором, в 1819 году — генерал-губернатором Сибири. С 1821 года — член Государственного Совета. Автор «Сибирского Учреждения» 1822 года, на основе которого проводилась административная реформа в Сибири, и «Устава об инородцах», который должен был упорядочить управление коренными народами Сибири и, в определенной

степени, реанимировать традиционные институты самоуправления.

⁷ *Клапрот Г.Ю.* — немецкий ученый, востоковед, автор фундаментального труда «Azia poliglotta» («Азия многоязычная»).

⁸ *Шотт Вильгельм* — немецкий лингвист, синолог, который на основании сведений из китайских летописей впервые описал историю енисейских кыргызов, их культуру и происхождение. В 1847 году вышел в свет его труд «Об алтайском или финно-татарском языковом роде».

⁹ *Григорьев Василий Васильевич* (1816—1881) — известный русский востоковед, автор более 200 работ по истории Азии. Известен как один из первых российских ученых, изучавших историю народов Средней Азии и, главным образом, казахов. Интерес к истории казахского народа возник у него в 50—60-х годах, когда он управлял Оренбуржьем, где проживали т.н. оренбургские кыргызы (казахи).

¹⁰ *Тунгусские племена* — устаревшее название эвенков.

¹¹ Из перечисленных «племен» лишь койбалы и камассинцы по происхождению были самодийцами. К середине XIX века койбалы подверглись ассимиляции тюркоязычных соседей, а позднее вошли в состав хакасов. Тубинцы — тюркоязычная племенная группа киргизского происхождения, а котты, асаны и арины — кетоязычные народы Северного Алтая, к XIX веку полностью ассимилированные русскими и хакасами. Упоминаемые далее карагасы (устаревшее название тофаларов) и сойоты (предки тувинцев) — тюркоязычные народы.

¹² *Остяко-самоеды* — по сути неверный, но длительное время бытовавший в официальных документах и научной литературе этноним. В середине XIX века М.А.Кастрен впервые отметил, что этот народ лишь по материальной культуре близок остякам (ханты), а по происхождению и языку является самодийским. Впоследствии остяко-самоеды, жившие на Средней Оби, Енисее и Тазе, стали именоваться селькупам (от родового самоназвания сельгула).

¹³ *Остяки* — устаревшее название ханты. Вероятнее всего, данный этноним происходит от «ас-ях» — обской народ.

¹⁴ *Вогулы* — устаревшее название манси, бытовавшее в русских письменных источниках и научной литературе с XV века по начало XX-го. Вероятнее всего, происходит от «вохаль» («выкли») — родового или племенного названия северных манси.

¹⁵ *Вотяки* — устаревшее название удмуртов, которые вместе с коми-зырянами и коми-пермяками относятся к пермской ветви финно-угорской группы уральской языковой семьи.

¹⁶ *Черемисы* — устаревшее название марийцев, язык которых относится к волжской группе финно-угорских языков.

¹⁷ *Мадьяры* — самоназвание венгров (magiar), язык которых вместе с хантыйским и мансийским составляет т.н. угорскую группу.

¹⁸ Древние болгары или булгары — кочевые тюркоязычные племена, до VIII века обитавшие в Подонье и Нижнем Поволжье. В VIII веке большая часть булгар откочевала в Среднее Поволжье и низовья Камы, где вскоре образовала самостоятельное государство — Волжскую Булгарию. В этногенезе булгарского народа принимали участие отдельные группы финноязычных и угорских племен Приуралья. С середины XIII века, после разгрома булгар монголо-татарами, их земли стали улусом Золотой Орды. Булгары-язычники, ассимилировавшие финноязычных аборигенов, стали ядром чувашского народа, а другая часть булгар, принявшая ислам еще в IX веке, вместе с кыпчаками сформировала впоследствии новый этнос — казанских татар.

¹⁹ *Альквист А.* — финский ученый, лингвист и этнограф. В 1858, 1877 и 1889 годах предпринял экспедиции на Урал и в Западную Сибирь, к ханты и манси, для изучения их языков и фольклора. Собранные материалы были опубликованы в 1880 и 1894 годах на финском и немецком языках. В 1883 году увидело свет описание его путешествий — «Среди остяков и вогулов» (на немецком языке).

²⁰ *Джунгария* — историческая область в Западной Монголии и примыкающих районах Средней Азии и Алтая. Население — западные монголы — ойраты (предки калмыков). В XII-XIV веках входила в состав Монгольской империи. В XV-XVI веках ойратские князья-нойоны во главе с контайшой воевали за независимость с Восточной Монголией, Китаем и тюркскими государствами Средней Азии. В 1657 году все ойратские тайши принесли шерть (присягу на верность) русскому царю и обязались служить в российской армии. Приняв русское подданство, ойраты откочевали сначала в западно-сибирскую лесостепь, а затем, в начале 60-х годов XVII века в степи Поволжья и Урала. Топоним Джунгария возник от этнонима зюнгар (левое крыло монгольского войска).

²¹ О «сильном сопротивлении» туралинцев (татарского населения бассейна р.Тура) отряду Ермака вряд ли можно вести речь. Критический разбор сведений о походе, содержащихся в Сибирских летописях, показывает, что на туринском отрезке маршрута ермаковцы предприняли бой с татарами лишь под Епанчинным городком (близ современного Туринска). Бывшая столица Сибирского юрта — Чинги-Тура к этому времени уже «была впус-те», т.е. заброшена.

²² *Торхан-колга* — правильное название Тархан-Кала, что в переводе с татарского означает «поселение (городок) тархана». Тархан — титул тюркского правителя, который можно перевести как «высокий (высокородный, достойный) хан».

²³ Материалы из раскопок древних обско-угорских городков свидетельствуют о наличии у предков ханты и манси достаточно развитых металлургических производств и кузнечно-го дела, которые к началу XVII века постепенно пришли в

упадок, не выдержав конкуренции с болгарскими и русскими ремесленными центрами. В ходе активного товарообмена с западными соседями обские угры получили значительное количество высококачественных железных, медных и серебряных изделий, поэтому их металлургические традиции были практически утрачены, проявляясь спорадически лишь в ритуальной практике (отливка оловянных и свинцовых идолов и украшений).

²⁴ *Миллер Герхард Фридрих* (1705—1783) — выдающийся российский историк, академик, немец по происхождению. Участник второй Камчатской экспедиции Российской Академии наук (1733—1743 гг.). Обширные материалы по истории, археологии, этнографии и лингвистике, собранные во время экспедиции (так называемые «портфели Миллера»), до сих пор полностью не опубликованы. Автор первого фундаментального труда по истории Сибири — «Описания Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе по наши времена», вышедшего в 1750 и 1787 годах. После 1917 года в России этот труд переиздавался дважды.

²⁵ *Фишер Иоганн Эбергард* (1697—1771) — российский историк, немец по происхождению. В Россию приехал в 1730 году. С 1739 года по 1748 год находился в академической экспедиции в Сибири. Известен как автор «Сибирской истории с самого открытия Сибири до завоевания этой земли Российским оружием...». Этот труд, как и его другиеopus (неопубликованный «Вокабуларий, содержащий по триста слов тридцати четырех народов, в основном из Сибирского региона» и статья «О происхождении венгров», вышедшая в свет на немецком языке в 1770 году), основан, по мнению специалистов, главным образом на материалах и неопубликованных рукописях его научного руководителя и соперника — Г.Ф.Миллера.

²⁶ *Словцов Петр Андреевич* (1767—1843) — преподаватель философии и красноречия, краевед. Большую часть жизни провел в Сибири (Иркутске и Тобольске). Автор ряда исторических статей и фундаментального труда «Историческое обозрение Сибири» в двух томах, вышедших в свет в 1838 и 1844 годах.

²⁷ *Радлов Василий Васильевич* (Фридрих Вильгельм) — 1837—1918 — российский лингвист, этнограф, археолог. Автор фундаментального труда «Древние аборигены Сибири». Разработал сравнительную фонетику тюркских языков (Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах). Собрал и дешифровал обширную коллекцию орхонских, восточно-туркестанских и енисейских рунических надписей и памятников уйгурской письменности. Выдвинул гипотезы о переселении кыргызов с Енисея на Тянь-Шань и о формировании саяно-алтайских народов. «Aus Sibirien» («Из Сибири») переиздана на русском языке в 1989 году в Москве.

²⁸ *Филофей Лещинский* (1650-1727) — митрополит Сибирский (1702-1712, 1716-1720 гг.). С 1712 года, приняв схиму под именем Федора, возглавил миссию по крещению ханты и манси. В течение четырех лет проповедовал христианскую веру на Нижней Оби и ее притоках и лично крестил около 30 тысяч язычников. Затем вновь возглавил Сибирскую епархию, а в 1720 году постригся в монахи и провел остаток дней в тюменском Троицком монастыре.

²⁹ *Кашутские татары* — вероятно, речь идет о вогулах (манси), так как в Сибирских летописях упоминается городок вогульского князька Кошука в низовьях Тавды (левый приток Тобола). Впрочем, в течение XVII—XIX веков мансийское население этого района было полностью ассимилировано татарами.

³⁰ *Тобар* — Табаринские юрты (ныне с.Таборы) в верховьях Тавды. До конца XVI века входили в состав мансийского Пелымского княжества. К началу XX века таборинские манси практически полностью обрусели.

³¹ *Тагильские юрты* — речь опять же идет о вогульском поселении, располагавшемся на левом берегу Тавды, ниже Таборов. Ныне — дер.Тагильцы.

³² *Кречеминская волость* (она же ниже в тексте именуется Кречетинской) в Тюменском уезде и вообще в Тобольской губернии неизвестна. Название искажено до неузнаваемости.

³³ Очевидно, имеется в виду Карагайская волость, располагавшаяся на Иртыше выше Тобольска.

³⁴ Очередное искаженное название, не поддающееся идентификации.

³⁵ *Патканов Серафим Керопович* (1860—1918) — чиновник Министерства государственных имуществ, статистик. В 1868—1888 годах, будучи в служебной командировке в Западной Сибири, изучал «экономический быт крестьян и инородцев» и одновременно, по собственной инициативе, собирал фольклор ханты. Результаты изысканий Патканова опубликованы в тридцати статьях и монографиях, сохраняющих научную ценность и по сей день. Наиболее значительные его труды — «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям», «Иртышские остяки и их народная поэзия» (опубликована на русском языке лишь в 1999 году. См.: *Патканов С.К. Соч.: В 2-х т. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999; Т.1: Остяцкая молитва. 400 с.; Т.2: Очерк колонизации Сибири. 320 с.*), четыре выпуска «Материалов об изучении экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири», посвященные Тюменскому и Тобольскому округам.

³⁶ То есть до 1584 года, когда Маметкул, он же Мухаммад Кули султан, племянник Кучума, был пленен казаками и отослан в Москву. Активная политика исламизации населения Сибирского ханства проводилась Кучумом с 1563 по 1582 годы.

³⁷ *Рашид-ад-дин, Абу-л-Фадл Али Хамидани* (1247—1318) — персидский историк и государственный деятель. Автор знаменитого «Сборника летописей» — ценного источника по истории тюркоязычных народов.

³⁸ Киргизами или киргиз-кайсаками до начала XX века в документах и научной литературе именовали казахов. Не путать с современными киргизами и енисейскими кыргызами, одними из предков современных хакасов.

³⁹ Неясно, о каком населенном пункте идет речь. Название сильно искажено.

⁴⁰ Первый губернатор Сибири князь М.П.Гагарин (7—1721) в 1713 году надумал прибрать к рукам Яркенское месторождение россыпного золота, находившееся во владениях джунгарского контайши. Узнав о его планах, Петр I велел немедленно снарядить военную экспедицию в Джунгарию, которая должна была построить у Ямышева озера крепость, а затем Овладеть Яркеном. Начальником отряда был назначен полковник Бухгольц. Этот поход (1716—1717 гг.) закончился неудачей. Вернувшийся в Петербург Бухгольц, стремясь отвести от себя гнев императора, открыл тому глаза на «противозаконные» действия губернатора. Спустя четыре года после длительного следствия и двухлетнего заключения, Гагарин был признан виновным, а затем казнен.

⁴¹ В научной литературе XIX — начала XX веков жилища ханты и манси часто называли юртами. Между тем этот термин принципиально неприемлем, так как юрта — специфически степной тип временного переносного жилища — может быть сравнима лишь с чумом. Но и чум отличается от юрты как формой (коническая, а не куполообразная), так и опорной конструкцией (шесты, а не решетчатый остов). Кроме того, чум покрывался традиционно полотнищами из бересты (летний) или из оленьих шкур (зимний). Постоянные (стационарные) жилища ханты и манси представлены бревенчатыми каркасными или срубными землянками, полуземлянками и наземными избами. Последний тип жилищ даже в поселках, где сохранились традиции домостроительства, практически полностью вытеснил сегодня углубленные в землю постройки.

⁴² Самоназвание башкир — башкорт. Этимология этнонима связывается, по одной версии, с общетюркской основой «баш» — голова, главный и тюрко-огузским «корт» — волк. По другой версии вторая часть термина представлена основой «кор» — корень, племя и аффиксом множественного числа «т», что дает в результате «главные племена, коренные». По мнению большинства современных лингвистов, археологов и этнографов, основу башкирского этноса составили древнетюркские племена, продвинувшиеся в VII—X веках из Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, ассимилировавшие в Южном Приуралье местные финно-угорские и ираноязычные племена. Роль угорского (мадьярского) компонента в этноге-

незе башкир, вероятно, была незначительной. В то же время заслуживают внимания свидетельства нескольких венгерских монахов, которые в поисках прародины добрались в XII — начале XIV веков в «Баскардию», где встретили мадьяр-язычников.

⁴³ Самоназвание вогулов — манси, что означает «говорящие» или «люди». Ядринцев ошибочно приписывает им этноним «суоми» — самоназвание финнов.

⁴⁴ Речь идет о походе «в Югорскую землю на Куду и на гогуличи» войска во главе с воеводами князьями Семеном Курбским, Петром Ушатым и Василием Гавриловым (он же — Бражник-Заболоцкий).

⁴⁵ По мнению Р.Г.Скрынникова, сведения о первом походе Ермака и зимовке на Сылве в 1578 (а не в 1576) году легендарны и не могут приниматься всерьез хотя бы потому, что к этому времени там уже стояли деревни и слободы, принадлежавшие Строгановым, что подтверждает царская грамота от 20 декабря 1581 года. Екатеринбургский историк А.Т.Шашков, напротив, считает, что известие Кунгурской летописи, основанной на воспоминаниях ермаковцев о зимовке отряда Ермака на Сылве, заслуживает доверия. По его мнению, казаки прибыли на Сылву в конце сентября 1581 года и зимовали там в укрепленном лагере.

⁴⁶ *Неромкар* — гибридный топоним, первая часть которого в переводе с мансийского означает «болото», а вторая (кар) — коми-термин, который переводится как «высокое место, городок». Этот городок находился недалеко от устья речки Неромки, левого притока Туры, рядом с которым в 1598 году было основано Верхотурье.

⁴⁷ Вероятно, было два набега на пермские земли: первый, в 1581 году, совершило войско пелымских вогуличей во главе с князем Аблегиримом, а второй, во время которого осаждалась Чердынь — резиденция царского воеводы, осуществил царевич Алей, сын Кучума, и присоединившийся к нему тот же Аблегирим.

⁴⁸ Посольство Ермака возглавлял не Иван Кольцо, а Черкас Александров.

⁴⁹ Как показывает критический анализ летописных источников, отряд ермаковцев дошел лишь до Белогорского княжества (устья Иртыша), поэтому версия о взятии ими городков Кодского княжества, располагавшегося ниже по Оби, не может быть признана состоятельной.

⁵⁰ Речь идет о походе объединенного отряда березовских казаков и стрельцов во главе с письменным головой Иваном Змеевым и кодских остяков под предводительством князей Онжи Юрьева и Игичея Алачева. После разгрома кондинцев в плен были взяты и верховный князь Агай (а не Ачой — в тексте опечатка), его сын Азыпка и брат Косякма. Указом Годунова в 1600 году кодичам воспрещалось ходить на Конду и разорять вогуличей.

⁵¹ В антирусском восстании 1607 года участвовали в основном березовские, обдорские и кодские остяки, во главе с их князьями Василием Обдорским, Онжей Юрьевым, Мамруком и Шатровым Лугуевым. Вместе с обдорцами в осаде Березова приняла участие и самоедь (ненцы). Об участии в восстании вогулов сведений нет.

⁵² В подготовке восстания в 1609 году участвовала вдова кодского князя Игичея — Анна и его двоюродный брат Чумей Капландеев. Они призывали к участию кондинских вогулов и обдорских остяков, но затея провалилась, так как заговор был раскрыт, а его вдохновительницу, княгиню Анну, арестовали.

⁵³ *Новицкий Григорий Ильич* — бывший мазепинский полковник, сосланный Петром I в Сибирь. С 1712 года принимал участие в миссионерских экспедициях Филофея Лещинского (схимонаха Федора) по Оби и ее притокам. В 1721 году был убит кондинскими язычниками-вогулами. В 1715 году закончил «Краткое описание о народе остячком», первый научный труд о ханты и манси. Книга вышла в свет лишь в 1884 году. В 1999 году книга переиздана: **Путешествия по Обскому Северу** [Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году; Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым]. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 1999. 240 с.

⁵⁴ *Витзен Николай* — амстердамский бургомистр. В 1644 году совершил путешествие в Россию, длившееся несколько лет. В 1692 году издал сочинение «Северная и Восточная Татария», где были собраны сведения о географии, природе и народах России.

⁵⁵ Самоедов никак нельзя относить к «северным финским племенам»: в соответствии с современной классификацией самоеды (самодийские народы) представляют особую ветвь уральской языковой семьи, отпочковавшуюся от нее не позднее начала IV тыс. до н.э.

⁵⁶ Гипотеза о саяно-алтайской прародине самодийских народов, выдвинутая в середине XIX века М.А.Кастреном, сегодня разделяется немногими учеными. Прародина народов уральской языковой семьи, вероятнее всего, находилась на Северном и Среднем Урале и в примыкающих таежных районах Западной Сибири. Финноязычные народы окончательно сформировались в Западном Приуралье, отделившись от родственных угорских племен в начале II тыс. до н.э.

⁵⁷ Наличие общих корней в ряде слов у переднеазиатских народов и «угро-алтайских» (а также у многих других народов) в рамках т.н. ностратической теории объясняется существованием на заре человечества, в эпоху верхнего палеолита, единого праязыка.

⁵⁸ В очередной раз связывая финское самоназвание суоми с вогулами (манси), Ядринцев убеждает нас, что это не случайная ошибка, а его искреннее заблуждение.

⁵⁹ «Обдорские остяки» — самая северная этническая группа ханты. В данном случае автор имеет в виду *обских* остяков, т.е. собственно всех ханты. Встречающиеся далее в тексте енисейские остяки на самом деле не являются родственниками ханты: правильное название их — кеты. Язык кетов занимает особое место среди сибирских языков, а их происхождение до сих пор остается нерешенной проблемой.

⁶⁰ «Величайшая бедность» обских остяков, поражавшая цивилизованных путешественников, на самом деле не результат неспособности их «достичь благосостояния», а традиционный образ жизни. Менталитету ханты чуждо стремление к излишествам, накопительству и т.п., так как они привыкли брать от природы ровно столько, сколько необходимо для нормального, по их представлению, существования. С точки зрения представителей европейской цивилизации, такой образ жизни непонятен и непривычен, поэтому они нередко ханты и манси обвиняли в ленивости и проч.

⁶¹ Из трудов арабских и персидских историков и географов X—XVI веков известно, что обские угры уже в начале второго тысячелетия поставляли пушнину на европейский и азиатский рынки через булгарских купцов. В обмен на ценные шкурки предки ханты и манси получали предметы вооружения и роскоши. О размахе товарообмена свидетельствуют археологические находки, встречаемые на средневековых памятниках Западной Сибири: серебряные чаши, бляхи, перстни и проч.

⁶² Остяки, обитавшие по Оби и ее крупным притокам, занимались преимущественно рыболовством, за что их в XVII–XVIII веках именовали «рыбоядцами». Эта отрасль хозяйства сформировалась у населения Приобья в глубочайшей древности. Говорить о переходе остяков к рыболовству из-за упадка звериного промысла неправомерно, тем более что в системе их жизнеобеспечения меха имели не столь большое значение, как мясо и рыба. Сокращение поголовья пушного зверя осложняло жизнь аборигенов прежде всего из-за необходимости ежегодной выплаты ясака, который взимался мехами.

⁶³ Имеются в виду нельма и муксун, относящиеся к семейству лососевых.

⁶⁴ Село Шаркалинское (ныне Шеркалы) находится на Нижней Оби, рядом с древней столицей Шоркарской земли — городищем Шоркар. Название в переводе с коми означает «город на ручье (речке)».

⁶⁵ Село Кондинск — прежнее название пос. Октябрьского — районного центра ХМАО. Название Кондинское закрепилось в письменных источниках и литературе в начале XIX века как искаженный вариант исконного названия Кодского городка (затем села Кодского) — прежней (с конца XVI века) столицы одноименного остяцкого княжества, резиденции Алачевых.

⁶⁶ В данном случае речь идет, скорее всего, о кетах.

⁶⁷ *Скорбут* — устаревшее название цинги. От немецкого *skorbut*.

⁶⁸ *Абрамов Николай Алексеевич* (1812—1870) — сибирский краевед, историк, действительный член Российского географического общества. Работал преподавателем Тобольского духовного училища, смотрителем Березовского, Тюменского и Ялutorовского училищ, столоначальником Главного Управления Западной Сибири. Написал более сотни статей и публикаций по истории Западной Сибири. Тематика его работ обширна. Наряду с церковной историей он интересовался археологией, этнографией, географией. Истории аборигенов Тобольского Севера посвящены его работы «О введении христианства у березовских остяков» (1851 г.) и «Описание Березовского края» (1857 г.). См.: *Абрамов Н.А.* Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень: СофтДизайн, 1998.

⁶⁹ *Гондатти Николай Львович* (1860—1946) — выдающийся российский государственный деятель, талантливый и разносторонний ученый. Добился значительных успехов на административном поприще: с 1893 года — начальник Анадырской округи, чиновник Переселенческого управления МВД, правитель канцелярии иркутского генерал-губернатора, губернатор Тобольской, затем Томской губерний и Приамурский генерал-губернатор. Известен как автор ряда работ по этнографии Сибири и Дальнего Востока, среди которых особенно ценными являются «Поездка из с.Маркова на р.Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив)», «Описание одежды инородцев Северо-Западной Сибири», «Кульг медведя у инородцев Северо-Западной Сибири» и «Следы языческих верований у маньзов».

⁷⁰ *Карамо* — селькупский вариант землянки, специфической чертой которого является ее устройство на склоне берега реки. При этом одна из стен с дверью была открытой и выходила к реке. Бревенчатые стены поддерживались изнутри вертикальными столбами, а крыша представляла собой один—два наката из бревен, перекрытых берестой и землей.

⁷¹ На карте России, составленной в начале XVI века немецким послом Сигизмундом Герберштейном, действительно к востоку от Уральского хребта отмечен городок Тером, который Ядринцев окрестил Торумом. При всей заманчивости такого прочтения топонима оно неприемлемо, так как не подтверждается ни письменными, ни фольклорными источниками. Более того, сопоставляя этот городок с малоизвестным Нером-каром, автор «Сибирских инородцев» тем самым предлагает другую версию топонима, не совместимую с первой, но более вероятную: Неромкар — «городок на Неромке» (см. примечание 46). И все же предлагаемая «привязка» Терома сомнительна, так как на карте этот городок помещен севернее Тюмени (Тюмен), в устье Туры (?), в то время как Неромкар находился недалеко от ее истока. Кроме упомянутых сибирских городков, Герберштейн нанес на карту некий Обский городок (Obeacas), расположив его недалеко

от устья Северной Сосьвы. Впрочем, в тексте его книги «Записки о московитских делах», где помещена карта, говорится о том, что Сосьва впадает в Иртыш, а за устьем Оби, на горах у Лукоморья, находятся крепости Серпонова и Ляпин. Также он отметил наличие множества крепостей на Оби и ее притоках, не называя их конкретно. В целом следует подчеркнуть, что упомянутые городки, за исключением Тюмени (Чинги-Тура), трудно связать с какими-либо известными городищами или современными населенными пунктами. С учетом географических неточностей и искаженноеTM названий в тексте и на карте такая работа выглядит весьма сложной, хотя и небезнадежной.

⁷² *Кортом* — термин, заимствованный из коми языка. Означает — «аренда».

⁷³ *Кош* — заимствование из тюркских языков, означающее «ста-новище, юрта».

⁷⁴ *Юратки* — имеются в виду юрацкие женщины. Юраки — устаревшее название тундровых сибирских ненцев.

⁷⁵ *Прозелиты* — люди, принявшие новую веру, от греческого *proselitos*. В данном случае — новокрещены.

⁷⁶ *Гердер Иоганн Готфрид* (1744—1803) — немецкий философ, писатель, гуманист. Автор десятков работ по философии, литературный критик.

⁷⁷ *Риттер Карл* (1779—1859) — немецкий географ, автор двух-томного труда «Землеведение» (1817—1818). Известен как разработчик сравнительного метода в географии. Считал, что географический фактор играет решающую роль в судьбах народов. Утверждал, что западно-европейским народам предначертано свыше занимать господствующее положение в мире.

⁷⁸ *Гумбольдт Александр Фридрих Вильгельм* — выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник. В 1829 году совершил поездку по Уралу, Каспийскому морю и Алтаю. Автор ряда фундаментальных трудов по теоретической географии, ландшафтоведению, орографии и т.п. В 1837 году в Санкт-Петербурге было опубликовано на русском языке «Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири и Каспийскому морю».

⁷⁹ *Рихтгофен Фердинанд Пауль Вильгельм* (1833—1905) — немецкий географ и геолог. Изучал орографию Азии. Основные исследования посвящены географии и геологии Китая.

С. Пархимович

Оглавление

Введение и общий взгляд на инородческий вопрос.....	5
Современная классификация утро-алтайских племен.....	12
Татары и бухарцы Тобольской губернии и их современное положение.....	26
Бухарцы в Западной Сибири.....	37
Татары Томского округа.....	45
Татары-барабинцы.....	54
Вогулы Западной Сибири.....	59
Остяки и самоеды.....	69
Алтайские тюрки или калмыки.....	95
Исследование по истории культуры утро-алтайских племен.....	114
Причины вымирания инородцев и способность их к культуре.....	151
Взаимодействие русского и инородческого населения ..	173
Влияние культуры и просвещения на инородцев Сибири.....	210
Значение кочевого быта в истории человеческой культуры.....	253
Статистические таблицы.....	275
Ведомость по волостям и селениям оседлых и кочевых инородцев Бийского округа к 1880 г.....	303
<i>С. Пархимовт.</i> Комментарии.....	321